

ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА.

~~3. 12. 19~~

1894. Николай Пушкин

ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА

НА КОРАБЛѢ БИГЛЬ.

ПЕРЕВОДЪ

подъ редакціей

А. Бекетова.

ТОМЪ I.

Съ портретомъ Ч. Дарвина.

27. XII. 1837 — 28. 8. 36.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНЯЗЯ А. С. ГОЛИЦЫНА.

1865.

2007112320

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, іюня 10 дня 1865 г.

№ 5240-35

Типографія А. Головачева.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ГЛАВА I.

Порто-Прайя.—Рибейра-Гранде.—Атмосферная пыль съ инфузоріями.—Нравы одного морскаго слизня и каракатицы.—Скалы св. Павла не вулканическія.—Замѣчательныя нахлпы.—Насѣкомыя.—Первые обитатели острововъ.—Фернандо Норонья.—Багія.—Полированные скалы.—Нравы иглоѣла.—Морскія нитчатки и инфузоріи.—Причины окрашиванія моря.

Стр.

1

ГЛАВА II.

Ріо-Жанейро.—Поѣздка къ сѣверу отъ мыса Фріо.—Сильное испареніе.—Невольничество.—Заливъ Ботофого.—Земныя планаріи.—Облака на Корконадо.—Сильный дождь.—Цѣвчія лягушки.—Свѣтящіяся насѣкомыя.—Щелкунъ и его прыганье.—Синій туманъ.—Шумъ, произведенный бабочкою.—Энтомологія.—Муравьи.—Оса, убивающая паука.—Чужезднѣй паукъ.—Хитрости крестовика.—Пауки, живущіе стадами.—Паукъ, ткущій несимметричныя тенета.

36

ГЛАВА III.

Монте-Видео. — Мальдонадо. — Путешествіе къ Ріо
 Поланко. — Арканъ и шары. — Куропатки. —
 Отсутствіе деревьевъ. — Олень. — Рѣчная свин-
 ка. — Тукутуко. — Птица *Molothrus*, сходство ея
 нравовъ съ кукушкой. — Пересмѣшникъ. — Соколы
 стервятники. — Трубки, образованныя молніей. —
 Разрушенный домъ. 77

ГЛАВА IV.

Ріо-Негро. — Нападенія индѣйцевъ на фермы. —
 Соляныя озера. — Красныя гуси. — Отъ Р. Не-
 гро до Р. Колорадо. — Священное дерево. — Па-
 тагонскій заяцъ. — Индѣйскія семейства. — Гене-
 раль Розасъ. — Путешествіе въ Багіа Бланка. —
 Соляныя налеты. — Пунта Альта. — Вонючка. . . 124

ГЛАВА V.

Багія Бланка. — Геологія. — Множество громадныхъ
 четвероногихъ вымершихъ породъ. — Нелавнее ихъ
 исчезновеніе. — Долговѣчность видовъ. — Для
 крупныхъ животныхъ не нужна роскошная расти-
 тельность. — Южная Африка. — Сибирскія ископа-
 емыя животныя. — Два вида страуса. — Нравы
 тинохора. — Броненосцы. — Ядовитая змѣя, жаба
 и ящерица. — Зимняя спячка животныхъ — Нра-
 вы морскаго пера. — Войны съ индѣйцами и рѣз-
 ня. — Наконечникъ стрѣлы, драгоценный остатокъ
 древности. 161

ГЛАВА VI.

Поѣздка въ Буэносъ-Айресъ. — Ріо Саусе. — Сіерра
 Вентана. — Третій постъ. — Трудность пасти ло-
 шадей. — Шары. — Куропатки и лисицы. — Харак-
 теръ мѣстности. — Длинноногая ржанка. — Теру-
 теро. — Градь. — Естественныя стѣны Сіерры
 Тапальгуень. — Мясо пумы. — Мясная птица. —
 Гвардіа дель Монте. — Вліяніе скота на расти-
 тельность. — Кардонъ. — Буэносъ-Айресъ. — Бойня. 211

ГЛАВА VII.

Поѣздка въ Санта-Фе. — Поля чертополоха. — Нравы бискачи. — Маленькая сова. — Соленные ручьи. — Равнина. — Мастодонъ. — Санта-Фе. — Перемѣна ландшафта. — Геологія. — Зубъ исчезнувшаго вида лошади. — Отношенія отжившихъ и живущихъ теперь четвероногихъ Сѣверной и Южной Америки. — Дѣйствіе продолжительной засухи. — Парана. — Нравы ягуара. — Ринхосъ или ножеклювъ. — Зимородокъ, попугай и тиранъ. — Революція. — Буэносъ-Айресъ. — Мѣстное управленіе. 244

ГЛАВА VIII.

Поѣздка въ Колонія-дель-Сакраменто. — Оцѣнка одной фермы. — Способъ счисленія домашняго скота. — Замѣчательная порода быковъ. — Продыравленные голыши. — Овчарки. — Выѣздка лошадей. — Гаухосы какъ наѣздники. — Нравы жителей. — Ріо Плата. — Стан бабочекъ. — Науки-воздухоплаватели. — Фосфоричность моря. — Портъ Деэире. — Гуанако. — Портъ Санъ Хуліанъ. — Строеніе почвы Патагоніи. — Ископаемые остатки гигантскаго животнаго — Постоянство типовъ организациі. — Измѣненія въ фаунѣ Америки. — Причины исчезновенія породъ. 283

ГЛАВА IX.

Санта Крусъ. — Экспедиція вверхъ по рѣкѣ. — Индѣйцы. — Огромные потоки базальтовой лавы. — Обломки неунесенные рѣкой. — Углубленіе долины. — Кондоръ и нравы его. — Кордильеры. — Большія эрратическія (блуждающія) валуны. — Индѣйскіе остатки. — Возвращеніе къ судну. — Фалклендскіе острова. — Дикія лошади, рогатый скотъ, кролики. — Волкообразная лисица. — Добываніе огня съ помощью костей. — Охота за дикими коровами. — Геологія. — Каменные потоки. — Пингвинъ. — Гуси. — Яйца дориды. — Сложныя животныя. 352

ГЛАВА X.

Огненная земля, первое прибытіе. — Бухта Добраго Успѣха. — Уроженцы Огненной земли на кораблѣ. — Свиданіе съ дикарями. — Лѣсные виды. — Мысь Горнѣ. — Заводъ Вигвамъ. — Жалкое положеніе дикарей. — Голода. — Людоѣды. — Матереубійство. — Религіозныя чувствованія. — Сильный вѣтеръ. — Каналь Бигль. — Проливъ Понсонбай. — Постройка вигвамовъ и поселеніе пещересовъ. — Раздвоеніе канала Бигля. — Ледники. — Возвращеніе къ судну. — Второе посѣщеніе колоніи на кораблѣ. — Равенство между туземцами. 404

ГЛАВА XI.

Магеллановъ проливъ. — Портъ Фаминъ. — Восхожденіе на гору Тарнѣ. — Лѣса. — Съѣдобный грибокъ. — Фауна. — Большая водоросль. — Прощаніе съ Огненной землей. — Климатъ. — Плодовыя деревья и произведенія южныхъ береговъ. — Высота снѣговой линіи на Кордильерахъ. — Спускъ ледниковъ къ морю. — Образованіе ледяныхъ горъ. — Перенесеніе валуновъ. — Климатъ и произведенія Антарктическихъ острововъ. — Сохраненіе труповъ въ мерзломъ состояніи. — Общій обзоръ. 457

ГЛАВА XII.

Вальнарайсо. — Экскурсія къ подошвѣ Андовъ. — Строеніе страны. — Восхожденіе на колокольную гору Килота. — Разбросанныя массы Грюнштейна. — Обширныя долины. — Рудники. — Положеніе рудкоповъ. — Сантъ-Яго. — Горячіе источники Каукузнесъ. — Золотыя росыши. — Мельницы. — Просверленные камни. — Нравы пумы. — Птицы: турко и тапакало. — Колибри. 501

ДНЕВНИКЪ.

Г Л А В А I.

Порто-Прайя.—Рибейра-Гранде. — Атмосферная пыль съ инфузоріями.—Нравы одного морскаго слизня и каракатицы.—Скалы св. Павла не вулканическія. — Замѣчательныя накипи. — Насѣкомыя. — Первые обитатели острововъ. — Фернандо Норонья. — Багія. — Полированные скалы.—Нравы иглотѣла. — Морскія нитчатки и инфузоріи.—Причины окрашиванія моря.

Санъ-Яго.—Острова Зеленаго Мыса.

Бигль, флота Ея Величества десяти пушечный бригъ, подъ командою капитана Фицъ-Роя, дважды пытался выйти изъ гавани, но каждый разъ сильный югозападный вѣтеръ принуждалъ его возвратиться. Наконецъ, 27 декабря 1831 года, онъ отплылъ изъ Девонпорта. Цѣлью нашей экспедиціи былъ окончательный осмотръ Патагоніи и Огненной Земли, изученіе которыхъ было уже произведено капитаномъ Кли-

гомъ съ 1826 по 1830 г.; мы должны были также обозрѣть берега Чили, Перу, нѣкоторыхъ острововъ Тихаго Океана и наконецъ провести цѣпь хронометрическихъ измѣреній земнаго шара.

6-го января мы достигли Тенерифа, но высадиться намъ не дали, опасаясь, чтобы мы не завезли на берегъ холеру. На слѣдующее утро восходящее солнце показалось изъ-за зубчатыхъ береговъ острова Гранъ-Канарія и внезапно озарило передъ нами Тенерифскій Пикъ, между тѣмъ какъ внизу все еще было завѣшено легкими облачками. То была заря перваго изъ многихъ прелестныхъ дней, которыхъ я никогда не забуду. 16-го января 1832 г. мы бросили якорь у Порто-Прайя на Санъ-Яго, главномъ островѣ архипелага Зеленаго Мыса.

Съ моря окрестности Порто-Прайя представляють унылый видъ. Подземные огни прошедшихъ вѣковъ и жгучій зной тропическаго солнца во многихъ мѣстахъ довели почву до совершенной бесплодности. Мѣстность постепенно поднимается плоскими уступами, на которыхъ тамъ и сямъ возвышаются коническія вершины съ тупыми верхушками, а далѣе горизонтъ окаймленъ неправильною цѣпью болѣе высокихъ горъ. Картина, видимая сквозь туманную атмосферу тѣхъ мѣстъ, чрезвычайно

интересна; впрочемъ человѣкъ, только что попавшій прямо съ моря, и притомъ въ первый разъ въ жизни, въ рощу изъ кокосовыхъ пальмъ, едва ли можетъ сознавать что либо, кромѣ своего собственнаго благополучія. Островъ самъ по себѣ можетъ быть и очень неинтересенъ; но на человѣка, привыкшаго къ однимъ только англійскимъ пейзажамъ, видъ страны, совершенно безплодной, производитъ впечатлѣніе суроваго величія, которое нисколько бы не выиграло, если бы тамъ было много зелени. На обширныхъ равнинахъ, покрытыхъ лавою, лишь кое гдѣ едва отыщешь какой нибудь листикъ; а между тѣмъ тамъ умудряются пастись стада козъ и нѣсколько коровъ. Дождь идетъ рѣдко, но въ году есть одинъ короткій промежутокъ времени, въ теченіе котораго бываютъ сильныя ливни и вслѣдъ за тѣмъ изъ каждой трещины выступаетъ легкая зелень. Вскорѣ она засыхаетъ, и этимъ то естественнымъ сѣномъ питаются животныя. На этотъ разъ дождя не было уже цѣлый годъ. Въ эпоху открытія острова ближайшія окрестности Порто-Прайя были покрыты деревьями *); но ихъ безразсудно уни-

*) Этотъ фактъ заимствованъ мною изъ показанія доктора Э. Диффенбаха, которое я нашелъ въ его нѣмецкомъ переводѣ перваго изданія этого «Дневника».

чтожили, что повело за собою, какъ на св. Еленѣ и на нѣкоторыхъ канарскихъ островахъ, почти совершенное безплодіе. Широкия, плоскодонныя долины, изъ которыхъ многія лишъ на нѣсколько дней въ году служатъ ложемъ для стока воды, одѣты заростями безлистныхъ кустовъ. Не много живыхъ существъ обитаетъ въ этихъ долинахъ. Самая обыкновенная здѣсь птица — зимородокъ (*Dacelo Jagoensis*), который смирно сидитъ на вѣтвяхъ клещевины и оттуда по временамъ стремительно налетаетъ на кузнечиковъ и ящерицъ. Его перья очень ярко раскрашены, но не такъ красивы, какъ у европейскихъ видовъ, отъ которыхъ онъ также сильно отличается полетомъ, образомъ жизни и выборомъ мѣста для жительства: здѣсь онъ живетъ по большей части въ самыхъ сухихъ долинахъ.

Одинъ разъ я поѣхалъ съ двумя офицерами въ Рибейра-Гранде, селеніе, расположенное на нѣсколько миль къ востоку отъ Порто-Прайя. Вплоть до долины св. Мартина страна представляла свой обычный, мрачный видъ; но тутъ протекаетъ маленькій ручеекъ, и вокругъ него тотчасъ развилась отрадная картина роскошной растительности. Черезъ часъ мы достигли Рибейра-Гранде и очень удивились при видѣ развалинъ обширной крѣпости и собора. Этотъ городокъ, прежде чѣмъ была засыпана его га-

нь, былъ главнымъ городомъ острова: видъ его теперь довольно печаленъ, но очень живописенъ. Запасшись проводникомъ въ особѣ чернокожаго падре и переводчикомъ въ лицѣ одного испанца, служившаго во время войны за независимость, мы посѣтили нѣсколько зданій, изъ которыхъ всего интереснѣе оказалась одна старинная церковь. Тутъ хоронили прежде губернаторовъ и военныхъ правителей архипелага. Нѣкоторые изъ надгробныхъ памятниковъ относятся къ шестнадцатому столѣттю *). Геральдическія украшенія были въ этомъ уединенномъ мѣстѣ единственными предметами, напоминавшими собою Европу. Церковь или часовня образуетъ одну изъ сторонъ четверугольника, среди котораго росла большая группа банановъ. По другой сторонѣ помѣщается богадѣльня, въ которой живетъ человѣкъ двѣнадцать бѣдняковъ очень жалкаго вида.

Мы вернулись въ гостинницу обѣдать. Порядочная толпа мужчинъ, женщинъ и ребятишекъ, черныхъ, какъ уголь, собралась глядѣть на насъ. Проводники наши были превеселые, и чтобъ мы ни говорили и ни дѣлали, они на

*) Острова Зеленаго Мыса открыты въ 1449 г. Мы видѣли памятникъ одного епископа съ надписью 1571 г. и дворянскій гербъ, помѣченный 1497 г.

все раздражались самым искренним хохотомъ. Передъ отъѣздомъ изъ города мы посѣтили соборъ: онъ, кажется, не такъ богатъ, какъ меньшая церковь, но за то съ гордостью обладаетъ маленькимъ органомъ, издающимъ удивительно неприятные звуки. Мы дали чернокожему патеру нѣсколько шиллинговъ, причемъ испанецъ, похлопавъ его по головѣ, пренаивно замѣтилъ, что цвѣтъ его кожи въ сущности не составляетъ большой бѣды. Послѣ этого мы возвратились въ Порто-Прайя такъ быстро, какъ только могли бѣжать наши пони.

Въ другой разъ мы ѣздили въ селеніе Санъ-Доминго, лежащее почти въ центрѣ острова. На небольшой равнинѣ, по которой мы проѣзжали, росло нѣсколько невзрачныхъ акацій: постоянный пассатный вѣтеръ согнулъ ихъ верхушки довольно страннымъ образомъ; инныя стали даже подъ прямымъ угломъ къ своему стволу. Направленіе вѣтвей съ сѣверной стороны было на сѣверо-востокъ, а съ южной на юго-западъ, и эти естественные флюгера наглядно выражаютъ преобладающее направленіе и силу пассатныхъ вѣтровъ. На этой каменистой почвѣ ѣзда не оставляетъ почти никакихъ слѣдовъ, такъ что на этотъ разъ мы сбились съ пути и нечаянно проѣхали в Фу-энтесъ. Мы этого не замѣтили до тѣхъ поръ, пока не доѣхали до самаго мѣстечка, но послѣ

были рады своей ошибкѣ. Фуэнтесъ — прехорошенькое селеніе, орошаемое ручьемъ, и все тамъ, кажется, процвѣтаетъ, кромѣ тѣхъ, которые по настоящему имѣютъ на то наибольшее право, т. е. кромѣ жителей. Черныя ребяташки, совершенно нагіе и съ пренесчастными физиономіями, таскали вязанки дровъ чуть не съ себя ростомъ.

Недалеко отъ Фуэнтеса мы видѣли большую стаю цезарокъ, штукъ до 50 или 60. Онѣ были крайне пугливы и не подпускали насъ къ себѣ. Онѣ бѣгали отъ насъ, поднявъ головы кверху, точно куропатки въ дождливый сентябрьскій день, и когда мы преслѣдовали ихъ, онѣ тотчасъ прибѣгали къ помощи крыльевъ.

Видъ Санъ-Доминго поражаетъ своею красотой, но правдѣ сказать, неожиданной, судя по мрачному колориту, преобладающему въ остальныхъ частяхъ острова. Селеніе расположено на днѣ долины, окруженной высокими зубчатыми стѣнами наслонившейся лавы. Черныя скалы рѣзко отдѣляются отъ роскошной, свѣжей зелени, которая слѣдуетъ за изгибами прозрачнаго ручья. Случилось, что мы пріѣхали туда въ какой-то большой праздникъ, и селенье было полно народа. На возвратномъ пути мы обогнали толпу черныхъ дѣвушекъ, числомъ до двадцати, которыя были одѣты съ большимъ вкусомъ: черная ихъ кожа и бѣлое,

какъ снѣгъ, бѣлье еще рѣзче выступали изъ подъ пестрыхъ головныхъ уборовъ и большихъ шалей. При нашемъ приближеніи всѣ онѣ остановились и, разстилая свои шали по дорогѣ, запѣли съ большимъ увлеченіемъ какую то дикую пѣсню, отбивая тактъ руками по ляжкамъ. Мы бросили имъ нѣсколько винтомовъ, которые онѣ приняли съ радостными криками, и зашумѣли еще пуще, когда мы ихъ оставили.

Разъ утромъ было какъ то особенно ясно; отдаленныя горы рисовались рѣзкими чертами на тяжелой градѣ темно синихъ облаковъ. Судя по виду, и на основаніи подобныхъ же случаевъ въ Англій, я подумалъ, что воздухъ насыщенъ водяными парами. Однако на дѣлѣ оказалось совершенно противное. Гигрометръ показывалъ разницу въ 29,6 градусовъ между температурой воздуха и точкой росы. Разница была почти вдвое больше той, какую я наблюдалъ въ предшествовавшія утра. Эта необыкновенная сухость воздуха сопровождалась безпрестаннымъ блескомъ молніи. Неудивительно ли видѣть такую прозрачность воздуха при подобномъ состояніи погоды?

Обыкновенно воздухъ здѣсь туманный, что происходитъ отъ тончайшей пыли, которая, какъ оказалось, нѣсколько попортила наши астрономическіе инструменты. Утромъ, наканунѣ нашей

остановки въ Порто Прайя, я собралъ небольшое количество этой тонкой коричневой пыли, которая, повидимому, профильтровалась вѣтромъ черезъ ткань флюгера, укрѣпленнаго на верхушкѣ мачты. Г. Ляйэлль тоже далъ мнѣ четыре пакета съ пылью, насѣвшею на корабль за нѣсколько сотъ миль къ сѣверу отъ этихъ острововъ. Профессоръ Эренбергъ *) находитъ, что эта пыль состоитъ главнымъ образомъ изъ инфузорій съ кремнистыми панцырями и изъ кремнистыхъ частей растительной ткани. Въ пяти пакетикахъ, которые я ему послалъ, онъ нашелъ не менѣе шестидесяти семи различныхъ органическихъ формъ. Инфузоріи, за исключеніемъ двухъ морскихъ видовъ, всѣ живутъ въ прѣсныхъ водахъ. Я нашелъ неменѣе пятнадцати различныхъ описаній пыли, упавшей на корабли, плававшіе далеко отъ береговъ, въ Атлантическомъ океанѣ. Судя по направленію вѣтра во время ея паденія, а также по времени, когда она падаетъ, (это всегда случается именно въ тѣ мѣсяцы, когда гарматанъ поднимаетъ высоко въ воздухѣ цѣлыя

*) Пользуюсь случаемъ выразить здѣсь свою благодарность за обязательность, съ которой этотъ знаменитый ученый разсмотрѣлъ многіе изъ собранныхъ мною экземпляровъ. Я послалъ въ Геологическое Общество (въ іюнѣ 1845) полный отчетъ о паденіи этой пыли.

облака пыли), можно сказать съ увѣренностью, что вся эта пыль идетъ изъ Африки. Странно однако, что профессоръ Эренбергъ, которому извѣстны многіе виды африканскихъ инфузорій, не нашелъ ни одного изъ нихъ въ пыли, посланной ему мною. Съ другой стороны, онъ нашелъ въ ней два вида, которые, сколько ему извѣстно, живутъ только въ Южной Америкѣ. Пыль эта вредна для глазъ и падаетъ въ такомъ количествѣ, что грязнитъ все на кораблѣ; она до того затемняетъ самый воздухъ, что по ея милости корабли не разъ садились на мель. Нерѣдко случалось, что она падала на корабли, находившіеся за нѣсколько сотъ и даже болѣе чѣмъ за 1000 миль отъ африканскихъ береговъ, а также въ такихъ мѣстахъ, которыя удалены другъ отъ друга на 1600 миль по направленію отъ сѣвера къ югу.

Въ пыли, собранной на кораблѣ за триста миль отъ берега, я къ моему удивленію нашелъ кусочки камня, величиной въ одну тысячную долю квадр. дюйма. Послѣ этого нечего удивляться распространенію въ воздухъ гораздо болѣе легкихъ и мелкихъ споръ тайнобрачныхъ растеній.

Геологія этого острова есть самый интересный отдѣлъ его естественной исторіи. При входѣ въ гавань, вы замѣчаете въ стѣнѣ береговыхъ утесовъ совершенно горизонтальную

бѣлую полосу, идущую на несколько миль вдоль берега, на высотѣ около сорока пяти футовъ надъ водой. При изслѣдованіи этаго бѣлаго слоя оказывается, что онъ состоитъ изъ известняка, заключающаго въ себѣ множество раковинъ, которыя всѣ, или почти всѣ, и теперь еще живутъ на сосѣдномъ берегу. Слой этотъ покоится на древнихъ вулканическихъ породахъ, и впоследствии былъ залитъ потокомъ базальта, который по всей вѣроятности излился въ море въ то время, когда бѣлый раковистый известнякъ лежалъ на днѣ морскомъ. Интересно прослѣдить измѣненія, произведенныя жаромъ лавы, покрывающей эту рыхлую массу, которая мѣстами превратилась въ кристаллическій, а мѣстами въ плотный пестрый известнякъ. Тамъ, гдѣ известъ подвергалась дѣйствию расплавленной массы, она образовала пучки изящныхъ, лучеобразно расположенныхъ волоконъ, сходныхъ съ аррагонитомъ. Слои лавы, слегка наклонными площадками, постепенно возвышаются къ центру острова, откуда первоначально потекли расплавленные потоки. Въ историческія времена, сколько мнѣ извѣстно, ни въ одной изъ частей Санъ-Яго не появлялось признаковъ вулканической дѣятельности. Трудно открыть даже присутствіе прежнихъ кратеровъ на верхушкахъ многочисленныхъ красновато-пепельныхъ холмовъ; однако можно еще раз-

личить по берегу слѣды послѣднихъ потоковъ, образовавшихъ ряды скалъ менѣе высокыхъ чѣмъ болѣе древніе слои, но за то выдающихся далѣе. Такимъ образомъ высота этихъ утесовъ служитъ грубымъ мѣриломъ древности потоковъ.

Во время нашей стоянки я наблюдалъ нравы нѣкоторыхъ морскихъ животныхъ. Большой морской заяцъ (*Aplitia*) встрѣчается здѣсь очень часто. Этотъ слизень имѣетъ около пяти дюймовъ длины; цвѣта онъ грязно-желтоватаго съ пурпуровыми жилками. По обѣимъ сторонамъ его нижней поверхности или ноги находится широкая перепонка, которая, повидимому, играетъ иногда роль вентилятора, въ томъ смыслѣ, что постоянно гонитъ воду по спиннымъ жабрамъ или легкимъ. Это животное питается нѣжными морскими водорослями, растущими въ мутной мелкой водѣ между камнями; мнѣ случилось также находить въ ихъ желудкахъ мелкія камешки, какъ у птицъ. Если потревожить животное, оно выбрасываетъ очень яркую пурпуровую жидкость, которая окрашиваетъ воду на цѣлый футъ въ окружности. Кромѣ этого способа защиты, оно выдѣляетъ на поверхности своего тѣла ѣдкое вещество, возбуждающее въ кожѣ острую боль, подобную той, какую производитъ пузырникъ (*Physalia*).

Мнѣ было очень любопытно наблюдать иног-

да нравы спрута или каракатицы. Хотя эти животные очень обыкновенны въ лужахъ остающихся послѣ отлива, но поймать ихъ вовсе не легко. Съ помощью своихъ длинныхъ ногъ и присосковъ они могутъ втискивать свое тѣло въ чрезвычайно узкія щели и нужно большую силу, чтобы вытащить ихъ оттуда. Въ другихъ случаяхъ они съ чрезвычайной быстротой бросались съ одной стороны лужи въ другую, задомъ впередъ, и окрашивали воду темно-коричневыми чернилами. Эти животные уберігаются еще тѣмъ, что измѣняютъ свой цвѣтъ, подобно хамелеону. Въ этихъ превращеніяхъ они, повидимому, сообразуются со свойствами почвы, надъ которой проходятъ; въ глубокой водѣ ихъ общій оттѣнокъ былъ красновато-коричневый, а на сушѣ или въ мелкой водѣ этотъ темный цвѣтъ переходилъ въ желтоватозеленый. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи цвѣтъ ихъ тѣла оказывался сѣрымъ, испещреннымъ множествомъ ярко-желтыхъ крапинокъ, сѣрый цвѣтъ дѣлался то гуще, то свѣтлѣе, а крапинки то исчезали, то появлялись вновь. Измѣненія эти происходили такимъ образомъ, какъ будто по тѣлу непрерывно проходили облака, то красныя, какъ гранатъ, то коричневыя, какъ каштанъ. Слабый гальваническій токъ, приложенный къ какой-нибудь части тѣла, заставлялъ ее почти совершенно

чернѣть; то же явленіе, но только въ меньшей степени, происходило отъ царапанья кожи иглою. Эти измѣненія цвѣтовъ, похожія на игру краски въ лицѣ, происходятъ, какъ говорятъ, отъ попеременнаго расширенія и сокращенія маленькихъ пузырьковъ, заключающихъ въ себѣ различно окрашенную жидкость *).

Каракатица обнаруживала эти переливы красокъ, какъ при плаваніи, такъ и при неподвижномъ положеніи на днѣ. Меня очень занимали различнаго рода уловки, употребляемыя однимъ изъ этихъ животныхъ, съ цѣлью укрыться отъ меня; оно, казалось, вполне понимало, что я за нимъ наблюдаю. Нѣкоторое время оно оставалось неподвижнымъ, потомъ украдкою, точно кошка за мышью, подвигалось на дюймъ или на два; по временамъ оно измѣняло свой цвѣтъ и продолжало поступать такимъ образомъ, пока не добралось до болѣе глубокаго мѣста; тогда оно внезапно рванулось впередъ, оставляя за собою густую струю чернилъ, чтобы покрыть нору, въ которую спряталось.

Въ то время, какъ я, наблюдая морскихъ животныхъ, нагнулъ голову фута на два надъ

*) См. Encyclop. of Anat. and Physiol., статья: Cephalopoda.

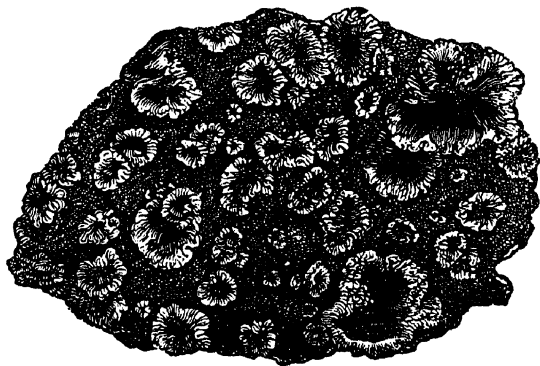
скалистымъ, берегомъ, меня не разъ обдавала снизу бьющая струя воды и при этомъ слышался легкій шорохъ. Сначала я не могъ понять что это такое, но потомъ догадался, что моя каракатица, хотя и залѣзла въ норку, но давала мнѣ оттуда знать о себѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти животныя владѣютъ способностью выбрасывать изъ себя воду, и мнѣ казалось даже, что они способны довольно вѣрно прицѣливаться, направляя трубку или сифонъ снизу вверхъ. Каракатицы не могутъ свободно ползать по сушѣ, потому что имъ очень трудно носить голову. Я замѣтилъ, что та, которую я держалъ въ каютѣ, издавала въ темнотѣ легкій фосфорическій блескъ.

Скалы св. Павла. Утромъ 16-го февраля мы легли въ дрейфъ у острова св. Павла. Эта группа скалъ лежитъ подъ $0^{\circ},58'$ сѣверной широты и $29^{\circ}15'$ западной долготы. Разстояніе ея отъ береговъ Америки равняется 540 мил., а отъ острова Фернандо Норонья—350 милямъ. Самая высшая точка возвышается только на 50 ф. надъ уровнемъ моря, а вся окружность острова не занимаетъ и трехъ четвертей мили. Этотъ маленькій островокъ круто поднимается изъ глубины океана. Минералогическое его строеніе довольно сложно: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скалы состоятъ изъ кремнистыхъ породъ, въ другихъ изъ полеваго шпата, про-

рѣзаннаго тонкими жилками змѣвика. Замѣчательно, что всѣ многочисленные мелкіе острова, лежащіе вдали отъ материковъ въ Тихомъ, Индѣйскомъ и Атлантическомъ океанахъ, за исключеніемъ Сейшельскихъ и этой маленькой группы скалъ, состоятъ или изъ коралловъ, или изъ вулканическихъ породъ. Вулканическое происхожденіе острововъ океана есть очевидно распространеніе того же закона и слѣдствіе тѣхъ же причинъ, механическихъ или химическихъ, въ силу которыхъ огромное большинство дѣйствующихъ теперь вулкановъ стоитъ или на берегу моря, или, въ видѣ острововъ, по срединѣ его.

Скалы св. Павла издали имѣютъ блестящій бѣлый цвѣтъ. Это происходитъ отчасти отъ помета огромнаго количества морскихъ птицъ, а отчасти отъ слоя твердаго, блестящаго вещества съ жемчужнымъ отливомъ, которое находится въ тѣсномъ соединеніи съ поверхностью скалъ. Если этотъ слой, который вообще не толще одной десятой доли дюйма, разсмотрѣть въ лупу, то оказывается, что онъ состоитъ изъ множества тончайшихъ пластинокъ. Въ немъ заключается много животныхъ веществъ, и происхожденіе его, безъ всякаго сомнѣнія, обуславливается дѣйствіемъ дождя или морскихъ брызговъ на птичій пометъ. Подъ нѣкоторыми небольшими накопленіями гуано

на островѣ Вознесеня и на островахъ Аброль-
осъ, я нашелъ нѣсколько тѣлъ, вѣтвящихся
какъ сталактиты и образовавшихся, по всей
вѣроятности, на тотъ же ладъ, какъ и та бѣ-
лая пленка, которая покрываетъ эти скалы.
Общій видъ этихъ вѣтвистыхъ тѣлъ былъ такъ
сходенъ съ нѣкоторыми видами морскихъ водо-
рослей (*pulliporaе*), что недавно, при бѣгломъ
просмотрѣ моей колекціи, я не вдругъ замѣ-
тилъ разницу между ними. Шаровидныя око-
нечности вѣтвей имѣютъ видъ жемчужинъ; онѣ
покрыты какъ бы зубною эмалью, но такъ твер-
ды, что чертятъ стекло. Замѣчу мимоходомъ,
что на берегу острова Вознесеня, въ одномъ
мѣстѣ, гдѣ накопилось огромное количество
раковистаго песку, на утесахъ, омываемыхъ
приливомъ, образовалась накипь, представляю-
щая большое сходство съ извѣстными тайно-

брачными растеніями (*Marchantiae*), которыя часто встрѣчаются на сырыхъ стѣнахъ. Поверхность листочковъ или пластинокъ имѣетъ очень красивый цвѣтъ; тѣ части, которыя образовались при полномъ освѣщеніи, т. е. на открытыхъ мѣстахъ, черны, какъ смоль; тѣ же, которыя затемнены выступами скалъ, сѣрыя. Я показывалъ образцы этой накипи многимъ геологамъ, и всѣ они полагали, что она вулканическаго или огненнаго происхожденія. Судя по ея твердости, полупрозрачности, по гладкости, равняющейся лучшимъ экземплярамъ раковинъ, называемыхъ оливами, наконецъ судя по непріятному запаху и потому, что она обезцвѣчивается подъ вліяніемъ паяльной трубки, накипь эта обнаруживаетъ сильнѣйшее сходство съ раковинами морскихъ моллюсковъ. Кромѣ того извѣстно, что у раковинъ части, прикрытыя епанчею животнаго, бываютъ блѣднѣе остальныхъ, т. е. тѣхъ, которыя вполне подвергаются дѣйствію свѣта; точно тоже замѣчается и въ этой накипи. Если сообразимъ, что известъ, фосфорнокислая или углекислая, входитъ въ составъ твердыхъ частей (костей и раковинъ) всѣхъ животныхъ, то накипь эта въ физиологическомъ отношеніи весьма любопытна *).

*) Г. Горнеръ и сэръ Давидъ Брюстеръ описали (въ *Philosophical Transactions*, 1836, p. 65) «искусственное ве-

Въ самомъ дѣлѣ, вещество это, тверже зубной эмали, имѣеть, подобно раковинамъ, окрашенную и полированную поверхность, и наконецъ формою напоминаетъ нѣкоторые изъ нашихъ растительныхъ организмовъ, а между тѣмъ это — мертвое органическое вещество, переработанное неорганическими путями.

На островѣ Св. Павла мы нашли только два рода птицъ — глупыша и крачку или морскую ласточку. Оба они очень смиренны, безтолковы и до такой степени не привыкли къ посѣтителямъ, что я могъ бы набить ихъ сколько угодно моимъ геологическимъ молоткомъ. Самка глупыша кладеть яйца на голые камни утеса; крачка вѣеть очень простое гнѣздо изъ водорослей. Около многихъ такихъ гнѣздъ было положено по маленькой летучей рыбки: вѣро-

щество, похожее на раковину.» Оно обладаетъ особыми оптическими свойствами и осѣдаетъ тонкими, гладкими и прозрачными пластинками бурога цвѣта на дно сосуда съ водою, въ которомъ быстро полощуть кусокъ холста, пропитанный известью и клеємъ.—Вещество это мягче, прозрачнѣе и содержитъ болѣе животнаго вещества, нежели естественная накипь на остр. Вознесенія; но тутъ мы опять видимъ сильное стремленіе углекислой извести образовать съ животнымъ веществомъ твердое тѣло, подобное раковинѣ.

ятно, это приношеніе самца своей подругѣ. Любопытно было наблюдать, какъ одинъ крупный и проворный краббъ (*Graspus*), живущій въ трещинахъ утеса, быстро похищаль положенную у гнѣзда рыбку, какъ только наше появленіе развлекало вниманіе владѣльцевъ гнѣзда. Сэръ В. Саймондсъ, одинъ изъ немногихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ этотъ островъ, рассказывалъ мнѣ, что самъ видѣлъ, какъ краббы таскали даже птенцовъ изъ гнѣздъ и пожирали ихъ. На всемъ островѣ нѣтъ ни одного растенія, ни даже лишайника; тѣмъ не менѣе здѣсь водятся многія насѣкомыя и пауки. Слѣдующій перечень можетъ, кажется, дополнить списокъ представителей тамошней фауны: паразитное насѣкомое (*Olfersia*), живущее на глупышѣ, клещъ, вѣроятно, занесенный птицами, въ качествѣ паразита; маленькая бурая моль, принадлежащая къ роду, питающемуся перьями; жучокъ (*Quedius*) и мокрица, найденные подъ пометомъ; и наконецъ множество пауковъ, которые, должно быть, пожираютъ этихъ мелкихъ сожителей и прислужниковъ приморскихъ птицъ. Но всей вѣроятности, такъ часто повторяемая описанія того, какъ на вновь образовавшихся коралловыхъ островахъ Тихаго Океана сначала появляются стройныя пальмы и другія благородныя тропическія растенія, потомъ птицы и наконецъ человѣкъ — такія опи-

санія, повторяю, вѣроятно, не совсѣмъ точны. Боюсь, не слишкомъ бы сильно пострадала поэтическая сторона моего разсказа, когда я скажу, что первыми поселенцами вновь возникшей изъ океана земли должны быть чужеродные насекомые и пауки, питающіеся перьями и грязью.

Въ тропическихъ моряхъ малѣйшая скала, дающая основу размноженію безчисленнаго множества водорослей и сложныхъ животныхъ, поддерживаетъ также существованіе огромнаго количества рыбы. Акулы и моряки, развѣзжающіе въ лодкахъ, въ постоянной борьбѣ, наперерывъ оспаривали другъ у друга добычу, попадавшую на удочки. Я слыхалъ, что присутствіе одной скалы, лежащей въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бермудскихъ острововъ и притомъ на значительной глубинѣ, было открыто впервые именно потому, что по сосѣдству отъ нея замѣтили много рыбы.

Фернандо Норонья, 20 февраля. На сколько я могъ опредѣлить въ теченіе немногихъ часовъ, проведенныхъ нами въ этомъ мѣстѣ, островъ этотъ состоитъ изъ волкническихъ породъ, но, вѣроятно, возникъ во времена весьма отдаленныя. Самую замѣчательную его особенность составляетъ коническое возвышеніе, около тысячи футовъ вышиною: верхняя часть этого конуса необыкновенно крута и съ одной стороны наклонна такъ, что виситъ надъ

своимъ основаніемъ. Скала состоитъ изъ фолита и раздѣлена на неправильные столбы. Смотри на одну изъ этихъ отдѣльныхъ массъ, подумаешь сначала, что она внезапно была выброшена вверхъ въ полужидкомъ состояніи. Однако на островѣ св. Елены я удостовѣрился, что нѣкоторые столбы, почти такой же формы и такого же состава, образовались изъ расплавленныхъ породъ, влившихся въ болѣе рыхлые слои, которые такимъ образомъ послужили формами для этихъ гигантскихъ обелисковъ. Весь островъ покрытъ лѣсомъ, но по причинѣ крайней сухости климата растительность здѣсь далеко нероскошна. На полъ дорогъ отъ горы расположились большія массы столпообразныхъ утесовъ, осѣненныхъ какими-то деревьями въ родѣ лавровъ и украшенныхъ другими деревцами, на которыхъ было множество красивыхъ пунсовыхъ цвѣтовъ, но ни одного листочка зелени. Это было довольно живописно.

Багія или Санъ Сальвадоръ въ Бразиліи, 29 февраля. — День прошелъ восхитительно. Но даже и это слово слишкомъ слабо, чтобы достойно выразить чувства натуралиста, который попадаетъ въ первый разъ въ бразильскій лѣсъ. Изящество травъ, невиданныя чужездныя растенія, красота цвѣтовъ, блестящая зелень листьевъ, а, главное, общая роскошь растительности, приводили меня въ восторгъ.

Самая парадоксальная смѣсь звуковъ и безмолвія царствуетъ въ тѣнистыхъ частяхъ лѣса. Насѣкомыя гудятъ такъ громко, что гулъ этотъ слышенъ съ корабля, стоящаго за нѣсколько сотъ ярдовъ отъ берега; тѣмъ не менѣе въ чащѣ лѣса какъ будто царствуетъ полнѣйшая тишина. Любителю естественныхъ наукъ такой день доставляетъ наслажденіе, глубже котораго едвали можно что испытать. Погулявъ тамъ нѣсколько часовъ, я пошелъ, было, обратно къ мѣсту высадки; но прежде чѣмъ успѣлъ дойти, меня настигла тропическая гроза. Я старался найти себѣ убѣжище подъ деревомъ; оно было такъ густо, что обыкновенный англійскій дождь никогда не пробилъ бы его листву; но здѣсь, минуты черезъ двѣ, по стволу уже текли потоки. Этой то силѣ дождя нужно приписать богатство зелени, одѣвающей почву даже самыхъ густыхъ лѣсовъ; еслибы здѣшніе ливни походили на дожди умѣренныхъ климатовъ, большая часть ихъ успѣвала бы поглощаться или испаряться, не достигая до земли. Не стану пока описывать отрадную картину этого чуднаго залива, потому что мы заходили въ него на возвратномъ пути, такъ что я буду еще имѣть случай поговорить объ немъ.

Вдоль всего бразильскаго берега, по крайней мѣрѣ на 2000 миль, и, конечно, на значительное протяженіе внутрь страны, всѣ встрѣчающіяся

скалы принадлежатъ къ гранитной формаци. Такъ какъ вещество это считается геологами происшедшимъ изъ кристаллизаціи массъ, расплавленныхъ при высокомъ давленіи, то такое огромное протяженіе гранитнаго вещества заставляеть невольно задуматься. Произошли-ли эти громадныя перевороты въ глубинѣ океана или ихъ покрываль первоначально другой слой, который впоследствии сошелъ? Можно ли допустить, что какая нибудь сила, дѣйствуя въ теченіе почти безконечнаго времени, обнажила эти огромныя массы гранита?

Неподалеку отъ города, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ручей впадаетъ въ море, я наблюдалъ фактъ, находящійся въ связи съ предметомъ, о которомъ разсуждалъ Гумбольдтъ. *) При порогахъ великихъ рѣкъ, Ориноко, Нила и Конго, сіэнитовыя скалы одѣты чернымъ веществомъ и, какъ будто, отполированы графитомъ. Слой этотъ чрезвычайно тонокъ и, по анализу Берцелиуса, состоитъ изъ окисей марганца и желѣза. Въ Ориноко это случается на скалахъ, періодически омываемыхъ водою, и только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теченіе всего сильнѣе, или, какъ говорятъ индѣйцы, «скалы черны тамъ, гдѣ воды бѣлы». Здѣсь слой ярко коричневый,

*) Pers. Narr. vol. V. pt. 1, p. 18.

а не черный, и состоитъ, повидимому, исключительно изъ желѣзистыхъ частей. По образцамъ нельзя составить себѣ полнаго понятія объ этихъ темныхъ, какъ бы обожженныхъ скалахъ, блестящихъ на солнцѣ. Слой этотъ насѣдаетъ только въ мѣстахъ, доступныхъ приливу, и такъ какъ ручеекъ тихо сбѣгаетъ внизъ, то полировка утесовъ производится вѣроятно однимъ прибоемъ морскихъ волнъ, тогда какъ въ порогахъ большихъ рѣкъ это совершается паденіемъ воды. Точно также приливъ и отливъ должны соотвѣтствовать періодическимъ наводненіямъ; слѣдовательно, одни и тѣ-же результаты происходятъ отъ причинъ, повидимому, различныхъ, но въ сущности очень сходныхъ. Однако причина этаго осадка металлическихъ окисей, которыя, повидимому, такъ плотно прикрѣплены къ скаламъ, еще не разгадана; я полагаю, что нельзя разяснить и того, почему толщина слоя остается всегда одинаковою.

Однажды я очень занялся наблюденіями нравовъ иглотѣла (*Diodon antennatus*), котораго поймали у берега. Эта рыба имѣетъ очень растяжимую кожу, и всѣмъ извѣстна ея удивительная способность раздуваться почти въ шаръ. Если вынуть ее изъ воды на короткое время и потомъ снова погрузить, то она поглощаетъ большое количество воды и воздуха ртомъ, а,

можетъ быть, также и жаберными отверстіями. Это дѣлается двумя способами: проглоченный воздухъ вгоняется въ полость тѣла, откуда возвратъ прегражденъ ему мышечнымъ сокращеніемъ, которое замѣтно и снаружи; вода же входитъ слабой струей черезъ ротъ, который открытъ и остается неподвижнымъ: слѣдовательно, послѣднее явленіе совершается черезъ всасываніе. Кожа на животѣ гораздо шире, чѣмъ на спинѣ; поэтому во время надуванія нижняя поверхность растягивается гораздо сильнѣе верхней, и рыба плыветъ спиною внизъ. Кювье сомнѣвается, чтобы иглотѣль могъ плавать въ такомъ положеніи; однако онъ можетъ при этомъ не только двигаться впередъ по прямой линіи, но и поворачиваться въ любую сторону. Послѣднее движеніе производится исключительно помощью грудныхъ плавниковъ; хвостъ остается безъ всякаго дѣйствія. При такомъ сильномъ раздуваніи тѣла жаберныя отверстія лежатъ надъ водой, но струя воды, глотаемой ртомъ, постоянно проходитъ черезъ нихъ.

Пробывъ въ такомъ состояніи нѣкоторое время, рыба обыкновенно сильнымъ движеніемъ испускаетъ изъ себя воду и воздухъ, посредствомъ жаберныхъ отверстій и рта. Иглотѣль по произволу можетъ выбрасывать большее или меньшее количество воды, и поэтому можно предполагать, что онъ ее глотаетъ между прочимъ для

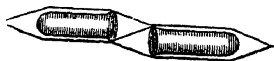
регулированія своего удѣльнаго вѣса. Пойманный иглотѣль зналъ разные способы обороны: онъ могъ очень больно кусаться и выбрасывать воду изо рта на довольно значительное разстояніе, причемъ движеніе его челюстей производило престранный звукъ. При раздуваніи тѣла ворсинки, покрывающія его кожу, напрягаются и становятся колючими. Но всего любопытнѣе то, что, если взять его въ руку, изъ кожи его живота выдѣляется волокнистое вещество ярко-карминоваго цвѣта, которымъ я окрасилъ слоновую кость и бумагу такъ прочно, что и до сихъ поръ цвѣтъ еще сохранился во всей своей свѣжести. Я вовсе не знаю ни состава, ни значенія этого вещества. Отъ доктора Оллена Форреса я узналъ, что ему нѣредко случалось видать живыхъ вздутыхъ иглотѣловъ, плававшихъ въ желудкахъ акулъ, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они освобождаются изъ этой темницы, прогрызая не только стѣнки желудка, но и самые бока чудовища, которое отъ этого умираетъ. Кто бы могъ ожидать, что такая маленькая, мягкая рыбка въ состояніи уничтожить огромную, хищную акулу?

18 марта. Мы отплыли изъ Багіи. Нѣсколько дней спустя, неподалеку отъ острововъ Аброльосъ, вниманіе мое было привлечено тѣмъ, что вода въ морѣ приняла красновато-бурый оттѣнокъ. Вся поверхность воды,

какъ оказалось по разсмотрѣнїи въ лупу, была покрыта какъ бы обрывками сѣна съ зазубренными кончиками. То были крошечныя цилиндрическія нитчатки (*confervae*), собранныя въ связки или пучечки, отъ двадцати до шестидесяти штукъ въ каждой связкѣ. Г. Беркли увѣдомляетъ меня, что это тотъ-же самый видъ (*Trichodesmium erythraeum*), которымъ покрыты огромныя пространства въ водахъ Краснаго моря, отчего и произошло названіе этого моря. *) Количество ихъ должно быть громадно: нашъ корабль проходилъ черезъ нѣсколько такихъ скопищъ, изъ которыхъ одно занимало въ ширину около десяти ярдовъ, а въ длину, судя по мутному цвѣту воды, тянулось по крайней мѣрѣ на двѣ съ половиною мили. Почти въ каждомъ описанїи мало мальски продолжительнаго путешествія говорится объ этихъ нитчаткахъ. Всего чаще, кажется, встрѣчаются онѣ въ водахъ, окружающихъ Австралію; около мыса Льювинъ я нашелъ другой видъ, близкій къ этому, но меньшихъ размѣровъ. Капитанъ Кукъ въ своемъ третьемъ путешествїи замѣчаетъ, что моряки даютъ этому явленію названіе морскихъ опилокъ.

*) M. Montagne. Comptes rendus etc. Juillet 1844; и Annal. des Sciences Nat. Dec. 1844.

Близъ Килингъ-Атоля въ Индійскомъ океанѣ я замѣтилъ много небольшихъ массъ нитчатокъ, величиной въ нѣсколько квадратныхъ дюймовъ; онѣ состояли изъ длинныхъ, цилиндрическихъ нитокъ необыкновенной тонины, такъ что простымъ глазомъ ихъ едва можно разсмотрѣть; эти ниточки были перемѣшаны съ другими, болѣе крупными тѣлами, конически заостренными по концамъ. На прилагаемомъ рисункѣ показаны двѣ такихъ фигурки, соединенныя вмѣстѣ. Длина ихъ измѣняется отъ $\cdot 04$ до $\cdot 06$ и даже $\cdot 08$ дюйма, а попереч-

никъ отъ $\cdot 006$ до $\cdot 008$ дюйма. У одной изъ оконечностей цилиндрической части помѣщается обыкновенно зеленая перегородка, состоящая изъ зернистаго вещества и посрединѣ утолщенная. Это, какъ мнѣ кажется, дно очень нѣжнаго, безцвѣтнаго мѣшечка, который состоитъ изъ рыхлаго вещества, выстилающаго наружную оболочку, но не доходящаго до заостренныхъ концовъ. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ мѣсто этихъ перегородокъ занимали правильные шарики изъ буроваго зернистаго вещества, и мнѣ удалось видѣть интересный процессъ ихъ происхожденія. Рыхлая мякоть внутренней оболочки внезапно начинаетъ распредѣляться полосками, которыя иногда принимаютъ видъ лучей, исходящихъ изъ одного общаго центра; послѣ этого

она быстрыми и неправильными движениями продолжаетъ сокращаться, такъ что въ теченіе одной секунды все вещество собирается въ правильный шарикъ, который занимаетъ мѣсто перегородки на одномъ изъ концовъ совершенно опустѣвшаго мѣшечка. Образование зернистаго шарика ускорялось всякимъ случайнымъ раздраженіемъ. Нужно еще прибавить, что часто фигурки эти встрѣчались соединенными попарно, конусъ съ конусомъ, какъ показано на рисункѣ, и именно той стороною, гдѣ образуется перегородка.

Я сообщу еще нѣсколько другихъ наблюденій относительно явленія окрашиванія моря органическими веществами. У Чилійскихъ береговъ, за нѣсколько миль къ сѣверу отъ Консепсіона, нашему кораблю случилось однажды проходить черезъ большое пространство воды, такой мутной, какъ бываютъ рѣки въ половодье. Въ другой разъ, на одинъ градусъ къ югу отъ Вальпарайсо и болѣе чѣмъ на пятьдесятъ миль отъ берега, повторилось тоже явленіе, но только въ гораздо большемъ видѣ. Когда я взялъ этой воды въ стаканъ, она имѣла блѣдно-красный оттѣнокъ, а подъ микроскопомъ въ ней кишѣло множество маленькихъ, очень проворныхъ животныхъ, которыя быстро двигались и часто лопались. Они имѣютъ овальную форму и по срединѣ тѣла были слегка перетянуты кольцомъ

изогнутыхъ мерцательныхъ рѣсничекъ. Рассмотрѣть ихъ было однако очень трудно, такъ какъ почти въ ту же минуту, еще не успѣвъ уйдти съ поля зрѣнія, они переставали двигаться и лопались. Иногда тѣло ихъ разрывалось на одномъ концѣ, иногда на обоихъ разомъ, и изъ него выходило въ изобиліи буроватое, зернистое вещество. Передъ растрескиваніемъ животное раздувалось въ полтора раза противъ своей обыкновенной величины, и разрывъ обыкновенно происходилъ секундъ черезъ пятнадцать послѣ прекращенія быстрыхъ движеній; въ нѣсколькихъ случаяхъ ему предшествовало еще круговое движеніе около болѣе удлинненной оси тѣла. Сколько ни набиралъ я ихъ такимъ образомъ въ каплѣ воды, они всѣ погибали въ теченіе двухъ минутъ. Животныя эти движутся узкимъ концомъ впередъ, посредствомъ мерцательныхъ рѣсничекъ и обыкновенно перемѣщаются быстрыми скачками. Они крайне мелки, простымъ глазомъ совершенно невидимы, и каждое изъ нихъ занимаетъ едва ли одну тысячную долю квадратнаго дюйма. Количество ихъ безконечно, потому что я находилъ ихъ во множествѣ въ малѣйшей каплѣ воды, какую только могъ уединить. Разъ мы въ одинъ день прошли черезъ два такихъ окрашенныхъ пространства, изъ которыхъ каждое простиралось на многія квадратныя мили. Какое неисчисли-

мое количество этихъ микроскопическихъ животныхъ! Цвѣтъ воды на нѣкоторомъ разстояніи былъ похожъ на цвѣтъ рѣки, протекающей по руслу изъ красной глины; но вокругъ корабля, въ тѣни бортовъ его, онъ казался темнымъ, почти шоколаднымъ. Линія, гдѣ встрѣчалась красная вода съ голубою, обозначалась очень рѣзко. За нѣсколько дней передъ тѣмъ погода стояла тихая, и океанъ вообще необыкновенно изобиловалъ живыми существами *).

Въ морѣ, окружающемъ Огненную Землю, не подалеку отъ берега, я видѣлъ узкія полосы воды, ярко-краснаго цвѣта отъ множества маленькихъ раковъ, нѣсколько похожихъ на креветокъ. Моряки называютъ ихъ китовою водою. Не знаю, дѣйствительно ли питаются ими киты, но крачки, бакланы и огромныя стаи большихъ неуклюжихъ тюленей продовольствуются въ нѣ-

*) Г. Лессонъ (*Voyage de la Coquille, tome 1, p. 255*) упоминаетъ о красной водѣ за Лимою, происшедшей вѣроятно отъ тѣхъ же причинъ. Перонъ, извѣстный натуралистъ, въ своемъ «*Voyage aux Terres Australes*» упоминаетъ по крайней мѣрѣ о двѣнадцати путешественникахъ, говорившихъ объ окрашиваніи морской воды (*vol. II, p. 329*). Къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Перономъ, можно прибавить еще описанія Гумбольдта (*Pers. Narr. vol. VI, p. 804*); Флиндера (*Voyage, vol. I, p. 92*); Лябиллярдьера (*vol. , p. 287*); Уллоа (*Voyage de l'Astrolabe et de la Coquille*) Капитана Кинга (*Survey of Australia*) и т. д.

которыхъ мѣстахъ почти исключительно этими плавающими раками. Моряки всегда приписываютъ окрашиваніе воды плавающей икрѣ, но я нашелъ подтвержденіе этого мнѣнія только одинъ разъ. На разстояніи нѣсколькихъ миль отъ архипелага Галапаго, корабль нашъ шелъ между тремя полосами темно-желтой или илистой воды; полосы имѣли нѣсколько миль въ длину и только нѣсколько ярдовъ въ ширину и отдѣлялись отъ окружающей воды извилистою, но явственною чертою. Цвѣтъ происходилъ отъ маленькихъ студенистыхъ шариковъ, которые имѣли около одной пятой дюйма въ поперечникѣ и въ которыхъ помѣщались маленькія сфероидальныя яички. Они были двухъ родовъ: одни имѣли красноватый цвѣтъ и совершенно другую форму; но я рѣшительно не знаю, къ какимъ двумъ одамъ животныхъ принадлежали эти яйца. Капитанъ Кольнетъ замѣчаетъ, что это явленіе очень обыкновенно около Галапагскихъ острововъ и что направленіе полосъ показываетъ направленіе теченій. Въ описанномъ случаѣ однако полосы образовались дѣйствіемъ вѣтра. Остается упомянуть еще объ одномъ явленіи, а именно о тонкомъ маслянистомъ налетѣ на поверхности воды, въ которомъ играютъ радужные цвѣта. Я видѣлъ море, покрытое такимъ налетомъ на большомъ протяженіи, у береговъ Бразиліи; моряки приписывали его разложенію

трупна какого нибудь кита, плавающего гдѣ нибудь неподалеку. Я не стану говорить здѣсь о маленькихъ студенистыхъ частицахъ, часто разсѣянныхъ въ водѣ, потому что возвращусь къ нимъ послѣ, тѣмъ болѣе, что количество ихъ недовольно велико, чтобы имѣть вліяніе на цвѣтъ воды. Во всемъ вышесказанномъ особаго вниманія заслуживаютъ два обстоятельства: во первыхъ, какимъ образомъ могутъ держаться вмѣстѣ и притомъ въ опредѣленныхъ границахъ всѣ эти различныя, законченныя тѣла? Раки, на примѣръ, похожія на креветокъ, двигались одновременно и такъ однообразно, какъ полкъ солдатъ на ученьи. Но вѣдь нельзя же предположить что нибудь похожее на произвольныя движенія у яицъ или нитчатокъ; это невѣроятно даже относительно инфузорій. Во вторыхъ, отъ чего происходитъ узкая и длинная форма этихъ цвѣтныхъ полосъ? Это явленіе очень похоже на то, что мы видимъ въ рѣкахъ, гдѣ дѣйствіе теченія растягиваетъ въ длинныя полосы пѣну, собравшуюся въ водоворотахъ; поэтому я долженъ приписать упомянутое явленіе дѣйствію теченія воздуха или воды. Съ этой точки зрѣнія мы должны принять, что разнообразныя органическія тѣла развиваются въ удобныхъ мѣстахъ и потомъ уносятся помощью воды или воздуха. Сознаюсь однако, что очень трудно вообразить себѣ, чтобы въ ка-

комъ нибудь одномъ мѣстѣ могли возникнуть всѣ эти милліоны маленькихъ животныхъ или нитчатокъ; откуда бы въ такомъ случаѣ приносились къ этимъ мѣстамъ зародыши, такъ какъ тѣла, производшія ихъ, разсѣяны вѣтромъ и волнами по всей поверхности необозримаго океана? Но все таки я не въ состояніи объяснить себѣ никакой другой гипотезой ихъ полособразное расположеніе. Можно прибавить еще замѣчаніе Скорсби, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверныхъ морей всегда находятъ зеленую воду, въ которой кишатъ морскія животныя.

ГЛАВА II.

Ріо-Жанейро.—Поѣздка къ сѣверу отъ мыса Фріо.—Сильное испареніе.—Невольничество.—Заливъ Ботофого.—Земныя планаріи.—Облака на Корковадо.—Сильный дождь.—Лѣвчія лягушки.—Свѣтящіяся насѣкомыя.—Щелкунъ и его прыганье.—Синій туманъ.—Шумъ, произведенный бабочкою.—Энтомологія.—Муравьи.—Оса, убивающая паука.—Чужеедный паукъ.—Хитрости крестовика.—Пауки, живущіе стадами.—Паукъ, ткущій несимметричныя тенета.

Ріо-Жанейро.

Съ 4 апрѣля по 5 іюля 1832. Нѣсколько дней спустя послѣ нашего пріѣзда, я познакомился съ однимъ англичаниномъ, который отправлялся въ свое имѣніе, находившееся болѣе чѣмъ въ ста миляхъ отъ столицы, къ сѣверу отъ мыса Фріо. Я съ удовольствіемъ согласился на его любезное приглашеніе и поѣхалъ съ нимъ.

8 апрѣля. Наше общество состояло изъ семи человекъ. Дорога до перваго привала была очень интересна. День былъ чрезвычайно жаркій. Мы

проѣзжали черезъ лѣсъ, въ которомъ все было неподвижно и тихо, кромѣ большихъ, великолѣпныхъ бабочекъ, лѣниво перелѣтавшихъ съ мѣста на мѣсто. Въ горахъ, за Прайя-Гранде, открывался очаровательный видъ; всѣ цвѣта казались особенно яркими, и надъ всѣми преобладалъ синій оттѣнокъ; небо и тихія воды залива спорили между собою въ красотѣ. Нѣсколько времени наша дорога шла по воздѣланнымъ полямъ, потомъ мы снова вѣхали въ лѣсъ, величественнѣе котораго ничего нельзя вообразить себѣ.

Къ полудню мы прибыли въ Итакайю. Это маленькое селеніе лежитъ въ равнинѣ, въ центрѣ которой стоитъ домъ владѣльца, а вокругъ него расположены хижины негровъ. Форма и расположеніе этихъ жилищъ напомнили мнѣ картинки готтентотскихъ хижинъ въ Южной Африкѣ. Такъ какъ луна должна была взойти рано, то мы рѣшили отправиться въ тотъ же вечеръ къ ночлегу, въ Лагоа Марика. Когда начало смеркаться, мы проѣзжали у подошвы массивной, обнаженной и крутой гранитной скалы, которая такъ обыкновенна въ этой сторонѣ. Мѣсто это извѣстно тѣмъ, что долго служило убѣжищемъ бѣглымъ неграмъ, которые существовали здѣсь кое какъ, обрабатывая маленькое пространство земли около вершины скалы. Наконецъ ихъ открыли. Посланный отрядъ сол-

дать переловилъ всѣхъ, за исключеніемъ одной старухи; женщина эта, чтобы снова не попасть въ рабство, бросилась съ верхушки скалы и разбилась въ прахъ. Въ римской матронѣ такую черту признали бы благородною любовью къ свободѣ, а въ бѣдной негритянкѣ называютъ это грубымъ упрямствомъ. Мы ѣхали еще нѣсколько часовъ. На послѣднихъ двухъ, трехъ миляхъ дорога стала затруднительна: она проходила по пустыннымъ, болотистымъ мѣстамъ, прорѣзаннымъ маленькими озерами. При слабомъ свѣтѣ луны картина была самая печальная. Нѣсколько свѣтящихся насѣкомыхъ пролетѣло мимо, да одинокій куликъ, встревоженный нашимъ появленіемъ, испустилъ свой жалобный крикъ. Далекій и грозный ропотъ океана едва нарушалъ безмолвіе ночи.

9 апреля. Мы оставили свой неудобный ночлегъ еще до восхода солнца. Путь шелъ черезъ узкую песчаную равнину, между моремъ и внутренними солеными лагунами. Множество красивыхъ птицъ, цапель и журавлей, занимавшихся рыбной ловлей, да сочныя растенія самыхъ причудливыхъ формъ только и оживляли эту равнину. Нѣсколько хилыхъ деревьевъ были покрыты чужездными растеніями, между которыми орхидныя, по красотѣ и прелестному запаху, заслуживали особеннаго вниманія. Когда солнце поднялось выше, жаръ сталъ чрез-

вычайно силенъ и отраженіе свѣта и жара отъ бѣлаго песку было просто мучительно. Мы обѣдали въ Мандетиба, при температурѣ 84° въ тѣни. Видъ отдаленныхъ холмовъ, поросшихъ лѣсомъ, и отражавшихся въ тихой водѣ, обширной лагуны, придалъ намъ бодрости. Такъ какъ верда,*^{*)} была здѣсь очень хороша, и у меня осталась отъ нея пріятное и, къ сожалѣнію, весьма рѣдкое воспоминаніе объ отличномъ обѣдѣ, то въ знакъ благодарности я опишу ее, какъ типъ здѣшнихъ гостинницъ. Эти дома, иногда очень большіе, построены изъ толстыхъ бревенъ, поставленныхъ стойкомъ, связанныхъ между собою переплетенными вѣтвями, и потомъ замазанныхъ штукатуркой. Полъ въ нихъ встрѣчается рѣдко, а въ окнахъ никогда не бываетъ стеколъ; но крыши сдѣланы обыкновенно довольно хорошо. Передняя часть зданія, повсюду открытая, представляетъ родъ веранды, гдѣ поставлены столы и скамьи. Спальни сообщаются между собою съ обѣихъ сторонъ, и тутъ путешественнику предоставляется спать, какъ заблагоразсудится, растянувшись на деревянной лавкѣ, покрытой соломеной рогожкой. Домъ стоитъ среди двора, гдѣ кормятся лошади. Пріѣзжая въ гостин-

* Португальское названіе гостинницы.

ницу, мы имѣли обыкновеніе сначала разсѣд-
лать лошадей, задать имъ корму, т. е. на-
сыпать кукурузы, и потомъ уже, низко по-
клонившись хозяину, просили его, не бу-
детъ ли его милости дать намъ чегонибудь
поѣсть. Обыкновенно хозяинъ отвѣчалъ: «все,
что вамъ будетъ угодно, сэръ». Въ первое
время я не разъ понапрасну благодарилъ
провидѣніе за то, что оно послало намъ та-
кого добраго человѣка. Но при дальнѣйшемъ
разговорѣ наше дѣло принимало обыкновенно
плачевный оборотъ. «Не соблаговолите-ли дать
намъ рыбы?» «О! нѣтъ, сэръ!» «Какой ни-
будь похлебки?» «Нѣтъ, сэръ!» «Хлѣба?» «Не
могу, сэръ!» «Какогонибудь сушенаго мяса?»
«О! нѣтъ сэръ.» Иногда, если селеніе было зна-
чительно, мы, прождавъ часика два, добивались
какойнибудь домашней птицы, рису, манио-
ковой муки. Не рѣдко случалось, что мы были
принуждены сами убивать камнями домашнихъ
птицъ себѣ на ужинъ. Когда измученные доро-
гой и голодомъ, мы робко замѣчали, что желали
бы скорѣе поѣсть, то всегда получали въ отвѣтъ
горделивый, безотрадный, но тѣмъ не менѣе
справедливый отзывъ, что «кушанье будетъ го-
тово, когда поспѣетъ.» Если мы осмѣливались
представить еще какойнибудь доводъ, то намъ
рекомендовали ѣхать далѣе, такъ какъ мы на-
родъ слишкомъ безпокойный. Хозяева гостин-

ницъ страшно непріятны и невѣжливы въ обращеніи; ихъ дома и собственныя особы часто отвратительно грязны; недостатокъ вилокъ, ножей и ложекъ, вещь самая обыкновенная. Я увѣренъ, что въ Англии нельзя найти ни одного коттеджа или хижины, до такой степени лишенной всякихъ удобствъ. Въ Кампосъ-Новосъ насъ однако угостили великолѣпно; къ обѣду намъ дали птицъ, рису, сухариковъ, вина и ликеровъ; вечеромъ мы пили кофе, а на завтракъ намъ опять подали кофе и рыбу. Все это, вмѣстѣ съ прокормомъ лошадей, стоило только 2½ шиллинга съ человѣка. Однако же на вопросъ, не видалъ ли онъ хлыста, потеряннаго однимъ изъ насъ, хозяинъ этой венды сурово отвѣчалъ: «Я почему знаю? Вы что же не прибрали его сами? Должно быть собаки съѣли.»

Выѣхавъ изъ Мандетиба, мы продолжали нашъ путь по той же неудобной и пустынной дорогѣ, пробираясь между озерами, изъ которыхъ въ иныхъ находили прѣсноводныя раковины, а въ другихъ раковины, свойственныя соленой водѣ. Изъ числа первыхъ я нашелъ много прудовиковъ въ озерѣ, которое, по увѣренію жителей, ежегодно заливается моремъ, а иногда даже по нѣскольку разъ въ годъ, отчего вода въ немъ совсѣмъ соленая. Я увѣренъ, что въ этой озерѣ лагуна, окаймляющей бразильскій

берегъ, можно замѣтить много любопытныхъ фактовъ касательно морскихъ и прѣсноводныхъ животныхъ. Г. Гэ *) рассказываетъ, что въ окрестностяхъ Рио онъ нашелъ морскія раковины, изъ рода ракушекъ и черенковъ (*mytilus*), а также нѣсколько прѣсноводныхъ сулейниковъ (*ampullariae*), которые жили вмѣстѣ въ солоноватой водѣ. Я самъ часто замѣчалъ въ лагунѣ, близъ ботаническаго сада, гдѣ вода немного менѣе солона, чѣмъ морская, нѣсколько видовъ водолюбовъ (*hydrophilus*), очень похожихъ на водянаго жука, живущаго въ сырыхъ канавахъ Англіи. Въ этой же лагунѣ я видѣлъ только одинъ родъ раковинъ, который обыкновенно встрѣчается въ лиманахъ.

Покинувъ на время береговую дорогу, мы снова поѣхали лѣсомъ. Деревья были очень высоки и замѣчательны, сравнительно съ европейскими, бѣлизною своихъ стволовъ. По моей записной книжки видно, что болѣе всего поразили меня тогда своею новостью «чудные и красивые цвѣты чужеядныхъ растеній.» Проезжая далѣе, мы увидали пастбища, сильно испорченныя огромными коническими муравейниками, почти въ 12 ф. вышины. Они придавали полянѣ совершенно такой же видъ, какъ

*) *Annales des Sciences Naturelles* за 1833 г.

грязные волканы въ Хорулло, по описанію Гумбольдта. Уже стемнѣло, когда мы прибыли въ Энгеньодо, послѣ десяти часовой верховой ѣзды. Во всю дорогу я не могъ достаточно надивиться сносливости нашихъ лошадей: онѣ не только выносили громадное количество труда, но и оправлялись отъ всякихъ поврежденій гораздо скорѣе, чѣмъ наши англійскія лошади. Вампиръ причиняетъ здѣсь иногда много хлопотъ, кусая лошадей въ загривокъ. Вредъ заключается не столько въ потери крови, сколько въ воспаленіи, которое производитъ потомъ давленіе сѣдла. Въ послѣднее время въ Англии сомнѣвались въ истинѣ этихъ разказовъ; поэтому я очень радъ, что мнѣ удалось самому видѣть, какъ поймали вампира (*Desmodus d'Orbigny*, *Wat.*) на спинѣ одной лошади. Однажды вечеромъ намъ случилось ночевать подъ открытымъ небомъ близъ Коквимбо, въ Чили; мой слуга замѣтилъ, что одна изъ лошадей очень беспокоится, и пошелъ посмотреть, что съ нею случилось; ему показалось, что на загривкѣ лошади что-то сидитъ; онъ быстро занесъ руку и поймалъ вампира. На другое утро можно было отличить укушенное мѣсто по легкой опухоли и кровавой ранкѣ. На третій день мы ѣздили на этой самой лошади безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій.

13 апрѣля. Послѣ трехдневнаго путешествія

мы приѣхали въ Сосего, помѣстье сеньора Мануэля Фигуиреда, родственника одного изъ нашихъ спутниковъ. Домъ былъ очень простой и хотя по внѣшности походилъ на сарай, но вполне соответствовалъ климату. Въ приемной позолоченныя стулья и диваны представляли странную противоположность выбѣленными стѣнамъ, соломенной крышѣ и окнамъ безъ стеколъ. Домъ вмѣстѣ съ анбарами, конюшнямъ и мастерскими для негровъ, которые обучены различнымъ ремесламъ, представлялъ родъ четвероугольника; въ центрѣ этого двора сушилась куча кофе. Зданія стоятъ на небольшомъ холмѣ, который возвышается надъ обработанными полями и со всѣхъ сторонъ окруженъ темно-зеленою стѣной роскошнаго лѣса. Въ этой мѣстности главный продуктъ кофе. Каждое дерево приноситъ, говорятъ, круглымъ числомъ по два фунта, но нѣкоторыя деревья даютъ и до 8 фунтовъ. Мандіока или кассада тоже разводится здѣсь въ большомъ количествѣ. Всѣ части этого растенія идутъ въ прокъ; стволы и листья употребляются на кормъ лошадямъ, а корни толкутъ въ тѣстообразную массу, выжимаютъ ихъ до-суха, пекутъ, и выходитъ родъ каши, которая составляетъ главную пищу въ Бразиліи, подъ именемъ *farinha*. Очень любопытенъ всѣмъ впрочемъ извѣстный фактъ, что сокъ этого питательнаго растенія въ высшей степени ядо-

вить. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь околѣла корова, отвѣдавшая этого сока. Сеньоръ Фигуиреда говорилъ мнѣ, что въ прошломъ году онъ посѣялъ одинъ мѣшокъ фейхао или бобовъ и три мѣшка рису; бобы у него уродились самъ-восемдесятъ, а рису онъ собралъ въ 320 разъ больше, чѣмъ посѣялъ. Въ лугахъ пасется стадо отличнаго домашняго скота, а въ лѣсахъ такое множество дичи, что въ каждый изъ трехъ предшествовавшихъ дней было убито по лани. Такое обиліе жизненныхъ припасовъ конечно отразилось на обѣдѣ. Столы еще кое-какъ выдерживали огромное множество блюдъ, но гости, которые непременно должны поѣсть каждаго кушанья, не могли не тяготиться этимъ. Какъ-то разъ, въ ту самую минуту какъ я рассчиталъ, что отвѣдалъ уже рѣшительно всего, что только подавалось за обѣдомъ, къ крайнему моему прискорбію явились еще жареный индюкъ и поросенокъ во всемъ своемъ существенномъ величіи. Во время обѣда одинъ изъ служителей только и дѣлалъ, что изгонялъ изъ столовой старыхъ собакъ и десятки черныхъ ребятишекъ, которыя, не смотря на то, при первомъ удобномъ случаѣ снова вползали въ комнату. Пока мысль о рабствѣ не приходитъ въ голову, простота этой патріархальной жизни поражаетъ очень пріятно: все дышетъ та-

кимъ полнымъ уединеніемъ и такою совершенною независимостью отъ остальнаго міра. Какъ только завидятъ путешественника, начинаютъ звонить въ большой колоколъ и даже стрѣляютъ изъ маленькой пушки. Такимъ образомъ это событіе возвѣщается окрестнымъ скаламъ и лѣсамъ, но никому болѣе. Разъ утромъ, за часъ до зари, я пошелъ гулять, чтобы насладиться торжественной тишиной здѣшной природы. Черезъ нѣсколько времени молчаніе было нарушено звуками утренняго гимна, который поютъ громкимъ хоромъ всѣ негры. Такъ они обыкновенно начинаютъ свою дневную работу. На такихъ плантаціяхъ (фасендахъ), какъ здѣшняя, невольники вѣроятно счастливы и довольны. По субботамъ и воскресеньямъ они работаютъ на себя, а въ этомъ благодатномъ климатѣ двухдневной работы за глаза достаточно, чтобы прокормить семейство въ теченіе цѣлой недѣли.

14 апрѣля. Изъ Сосега мы отправились въ другое помѣстье, на Ріо Макаэ, которое представляло собою послѣдній участокъ обработанной земли въ этой сторонѣ. Имѣніе это въ длину тянулось на двѣ съ половиной мили, а въ ширину владѣлецъ и самъ забылъ, какъ далеко оно простиралось. Только незначительное пространство было расчищено; но почти каждый акръ былъ годенъ къ обработкѣ и могъ

бы давать всякіе роскошные и разнообразныя продукты тропическихъ странъ. Если принять въ соображеніе огромное протяженіе Бразиліи, то количество воздѣланной земли ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, которое остается въ первобытномъ состояніи. Какое громадное народонаселеніе можетъ со временемъ кормить эта земля! На второй день путешествія дорога стала такъ узка, что пришлось посылать впередъ слугу, чтобы саблею рубить на пути ползучія растенія. Лѣсъ изобиловалъ изящными формами, изъ которыхъ древовидныя папоротники, хотя и не очень большіе, приводили меня въ восторгъ яркостью своей зелени и граціознымъ изгибомъ листьевъ. Вечеромъ шелъ проливной дождь, и, хотя термометръ показывалъ 65°, я сильно прозябъ. Какъ только дождь прекратился, интересно было наблюдать необыкновенно сильное испареніе, охватившее весь лѣсъ. Горы на сто футовъ въ вышину тонули въ густомъ бѣломъ туманѣ, который дымными столбами подымался изъ самыхъ густыхъ мѣстъ лѣса и въ особенности изъ долинъ. Мнѣ нѣсколько разъ удавалось наблюдать это явленіе; я думаю, оно происходитъ отъ громадной поверхности листьевъ, жарко-нагрѣтыхъ солнечными лучами.

Пока мы гостили въ этомъ помѣстьѣ, я чуть не сдѣлался очевидцемъ одной изъ тѣхъ возму-

тительныхъ жестокостей, которыя могутъ случаться только въ невольнической странѣ. Вслѣдствіе какой то ссоры и тяжбы, владѣлецъ хотѣлъ было отобрать всѣхъ женъ и дѣтей у своихъ невольниковъ и отдѣльно продавать ихъ съ молотка въ Рио. Намѣренія этого онъ не привелъ въ исполненіе, но вовсе не изъ чувства состраданія, а единственно по расчету. Я увѣренъ, что мысль о безчеловѣчности такого поступка, какъ разлученіе тридцати семействъ, жившихъ вмѣстѣ многіе годы, никогда не приходила въ голову владѣльца, потому что могу поручиться, что въ сущности онъ былъ добрый человѣкъ и стоялъ выше обыкновеннаго уровня. Вотъ до какого ослѣпленія могутъ доводить корыстолюбіе и эгоистическія привычки. Приведу здѣсь одинъ очень простой случай, который въ то время поразилъ меня сильнѣе, чѣмъ всѣ рассказы о безчеловѣчныхъ поступкахъ. Меня перевозилъ на паромѣ одинъ негръ, тупоумный на рѣдкость. Стараясь растолковать ему, что мнѣ было нужно, я заговорилъ громко и дѣлалъ руками знаки, при чемъ какъ-то размахнулся, такъ рука моя очутилась довольно близко къ его лицу. Вѣроятно онъ вообразилъ, что я сержусь и хочу его ударить, потому что внезапно съ испуганнымъ лицомъ и полужакрытыми глазами опустилъ руки по швамъ. Никогда не забуду смѣшанныхъ чувствъ

удивленія, отвращенія и стыда, овладѣвшихъ мною при видѣ мощнаго, взрослога человѣка, который побоялся даже защититься отъ удара, направленнаго, какъ онъ полагалъ, ему въ лицо. Этотъ человѣкъ доведенъ уже до такого униженія, которое хуже, чѣмъ рабство самыхъ беззащитныхъ животныхъ.

18 апрѣля. На возвратномъ пути мы провели два дня въ Сесего, и я употребилъ ихъ на собираніе насѣкомыхъ въ лѣсу. Большая часть деревьевъ, не смотря на свою вышину, имѣетъ не больше трехъ или четырехъ футовъ въ окружности. Конечно изрѣдка встрѣчаются деревья и гораздо большихъ размѣровъ. Сеньоръ Мануэль былъ въ это время занятъ постройкой лодки въ 70 футовъ длиною, изъ крѣпкаго ствола, который на корню имѣлъ въ длину 110 футовъ и былъ очень толстъ. Пальмы, растущія рядомъ съ обыкновенными вѣтвистыми деревьями, всегда придаютъ мѣстности тропическій характеръ. Здѣсь главнымъ украшеніемъ лѣса служила капустаная пальма, одна изъ самыхъ красивыхъ формъ этого семейства. Стволъ ея такъ тонокъ, что его можно обхватить двумя руками, между тѣмъ вышина равняется сорока или даже пятидесяти футамъ, и на вершинѣ граціозно качается изящный шатеръ чудной зелени. Ползучія растенія, въ свою очередь опутанныя другими ползучими растеніями, были

очень толсты; нѣкоторыя, пзмѣренныя мною, имѣли до двухъ футовъ въ окружности. Ліаны, которыя опутывали старыя деревья и висѣли на ихъ вѣтвяхъ, подобно связкамъ свѣжаго сѣна, придавали имъ очень оригинальный видъ. Если взоръ отрывался отъ этой древесной зелени и опускался внизъ, то вниманіе тотчасъ приковывалось необыкновеннымъ изяществомъ листвы мимозъ и папоротниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мимозы покрывали почву въ видъ мелкаго кустарника въ нѣсколько дюймовъ вышины. Идя по этой густой зарости мимозъ, я оставлялъ за собою широкіе слѣды, что происходило отъ внезапнаго измѣненія оттѣнковъ этой нѣжной листвы, тотчасъ понижающей отъ прикосновенія.

Не трудно назвать и перечислить отдѣльные предметы, приводившіе меня въ восхищеніе: но нѣтъ никакой возможности дать хоть приблизительное понятіе о чувствахъ удивленія, благоговѣнія и восторга, которые наполняли и возвышали душу.

19 апрѣля. Оставивъ Сесего, мы первые два дня ѣхали по старой дорогѣ. Это было очень тягостно, потому что путь лежалъ по ослѣпительной п жгучей песчаной равнинѣ, неподалеку отъ берега. Я замѣтилъ, что каждый разъ, какъ лошадь моя ступала по мелкому кремнистому песку, подъ ногами ея раздавалось лег-

кое, пріятное хрустѣніе. На третій день мы избрали другой путь и проѣзжали черезъ веселую деревушку, называемую Madre de Deós. Это одна изъ главныхъ линій большихъ дорогъ въ Бразиліи, а между тѣмъ дорога была въ такомъ плачевномъ состояніи, что ни одинъ колесный экипажъ, кромѣ неуклюжей телеги запряженной волами, не могъ бы по ней проѣхать. Во все время нашего пути, мы не встрѣтили ни одного каменнаго моста, а деревянные были большей частью въ такомъ видѣ, что нужно было брать въ сторону, чтобы объѣзжать ихъ. Разстоянія отъ мѣста до мѣста опредѣляются здѣсь крайне неточнымъ образомъ. Часто на дорогѣ вмѣсто дорожныхъ столбовъ попадаются кресты, обозначающіе мѣста, гдѣ была пролита человѣческая кровь. Вечеромъ, 23-го, мы пріѣхали обратно въ Рио-Жанейро, окончивъ такимъ образомъ эту пріятную поѣздку.

Во время остального пребыванія моего въ Рио, я жилъ въ Коттеджѣ у залива Ботофого. Провести нѣсколько недѣль въ такомъ великолѣпномъ краю само по себѣ такъ восхитительно, что нельзя и желать ничего лучшаго. Въ Англіи любитель естественной исторіи во время прогулокъ своихъ пользуется тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что всегда можетъ встрѣтить что нибудь стоящее вниманія: но въ этихъ роскошныхъ, кипящихъ жизнью странахъ, та-

кое множество предметовъ, привлекающихъ вниманіе, что натуралистъ почти вовсе не въ состояніи гулять.

Тѣ немногія наблюденія, которыя я успѣлъ произвести, почти исключительно посвящены безпозвоночнымъ животнымъ. Меня очень заинтересовало существованіе на сушѣ животныхъ, принадлежащихъ къ роду планарій (Planaria). Строеніе ихъ до такой степени просто, что Кювье причисляетъ ихъ къ внутреннимъ червямъ, хотя они никогда не были находимы въ тѣлахъ другихъ животныхъ. Множество видовъ этого рода живетъ и въ соленой, и въ прѣсной водѣ; но тѣ, о которыхъ я говорю, даже въ самыхъ сухихъ мѣстахъ лѣса водятся только подъ корягами гніющихъ деревьевъ, которыми они вѣроятно питаются. Общимъ видомъ своимъ они похожи на маленькихъ слизней, но только гораздо уже ихъ, и кромѣ того нѣкоторые виды покрыты продольными полосками самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Они устроены очень просто: около середины нижней поверхности находятся двѣ маленькія, поперечныя щелки: чрезъ переднюю щелку они могутъ просовывать ротъ, имѣющій форму воронки и въ высшей степени раздражительный. Нѣкоторое время спустя послѣ того, какъ животное умерщвлено отъ дѣйствія соленой воды или отъ другихъ причинъ, ротъ еще сохраняетъ признаки жизни.

Я нашелъ не менѣе двѣнадцати различныхъ видовъ земныхъ планарій въ разныхъ мѣстахъ южнаго полушарія *). Нѣсколько экземпляровъ, найденныхъ мною въ Вандименовой землѣ, жили у меня почти два мѣсяца; я ихъ кормилъ гнилымъ деревомъ. Одного изъ этихъ животныхъ я разрѣзалъ поперегъ почти на двѣ равныя части, и въ теченіе двухъ недѣль изъ каждой развилось по новому животному, вполне сходному съ первоначальнымъ, хотя я разрѣзалъ тѣло такъ, что на одной половинѣ оставались оба нижнія отверстія, а на другой, слѣдовательно, ни одного. Черезъ двадцать пять дней послѣ операциі нельзя было отличить первую, болѣе совершенную, половину отъ всякаго другаго цѣльнаго экземпляра. Другая обрѣзанная половина сильно увеличилась въ объемѣ, и къ заднему концу ея въ паренхимѣ образовалось свѣтлое пятно, въ которомъ можно было явственно различить зачатокъ ворончатого рта. Однако на нижней поверхности тѣла не было еще видно соотвѣтствующей щели. Еслибы атмосфера, возвышающаяся по мѣрѣ приближенія къ экватору, не уничтожила всѣхъ нашихъ планарій, то нѣтъ сомнѣнія, что и эта дополни-

*) Я описалъ и назвалъ эти виды въ «Annals of Nat. Hist». Vol XIV, p. 241.

тельная степень развитія была бы достигнута. Хотя всё эти опыты давно уже извѣстны, но все таки любопытно наблюдать за постепеннымъ развитіемъ существенныхъ органовъ, совершающагося въ отрѣзанномъ кускѣ животнаго. Чрезвычайно трудно сохранять планарій; какъ только прекращеніе жизни даетъ возможность дѣйствовать обыкновеннымъ законамъ разложенія, все тѣло ихъ съ неимовѣрной быстротою приходитъ въ рыхлое и жидкое состояніе.

Въ первый разъ я ходилъ въ тотъ лѣсъ, гдѣ находились эти планаріи, съ однимъ старымъ португальскимъ священникомъ, который взялъ меня съ собою на охоту. Охота наша состояла только въ томъ, чтобы спустить нѣсколько собакъ въ чащу лѣса, а самимъ терпѣливо ждать, не выбѣжитъ-ли какой звѣрь, и если выбѣжитъ, то стрѣлять въ него.

Съ нами былъ еще сынъ сосѣдняго фермера — отличный обращикъ дикаго бразильскаго юноши. Онъ былъ одѣтъ въ изорванную старую рубашку и панталоны, безъ шапки, за плечами старинное ружье, за поясомъ широкій ножъ. Здѣсь всё имѣютъ обыкновеніе носить съ собою ножи, что дѣйствительно почти необходимо, напримѣръ въ лѣсу, гдѣ приходится, то и дѣло, прочищать себѣ дорогу отъ ползучихъ растений. Впрочемъ частые случаи убій-

ства, я думаю, также отчасти можно приписать тому обстоятельству, что у бразильца ножъ всегда подъ рукою. Бразильцы такъ искусно владѣютъ имъ, что умѣютъ бросать въ цѣль на довольно значительное разстояніе, и при томъ такъ мѣтко и сильно, что могутъ издалека наносить смертельныя раны. Я видалъ много мальчиковъ, практиковавшихся въ этомъ искусствѣ, ради забавы: ловкость, съ которой они попадали въ стоячую палку, доказывала, что впоследствии они съумѣютъ совладать и съ болѣе серьезнымъ дѣломъ. Наканунѣ мой товарищъ убилъ двухъ большихъ бородатыхъ обезьянъ. Эти животныя имѣютъ такой цѣпкій хвостъ, что конецъ его, даже послѣ смерти животнаго, можетъ выдерживать всю тяжесть его тѣла. Одна изъ обезьянъ такъ и осталась плотно привѣшенной къ вѣткѣ, и нужно было срубить цѣлое большое дерево, чтобы достать ее. Это тотчасъ было исполнено, и дерево вмѣстѣ съ обезьяной съ страшнымъ трескомъ рухнуло на землю. Въ этотъ день мы приобрѣли, кромѣ обезьянъ, много мелкихъ зеленыхъ попугаевъ и нѣсколько тукановъ. Знакомство съ португальскимъ патеромъ оказалось для меня довольно выгодно, потому что въ другой разъ онъ подарилъ мнѣ великолѣпный экземпляръ ягуара.

Вѣроятно всякій слыхалъ о красотѣ мѣстно-

сти въ окрестностяхъ Ботофого. Домъ, въ которомъ я жилъ, стоялъ у подножія всѣмъ извѣстной горы Корковадо. Очень справедливо было замѣчено, что всѣ крутыя коническія возвышенія составляютъ характерную черту той формации, которую Гумбольдтъ называетъ гнейсовымъ гранитомъ. Ничего нѣтъ страннѣе и поразительнѣе, какъ видъ этихъ громаднхъ массъ голаго камня, внезапно поднимающихся среди самой роскошной растительности.

Я часто и съ большимъ интересомъ наблюдалъ облака, которыя шли съ моря и располагались сплошною грядой, какъ разъ надъ вершиною Корковадо. Эта гора, какъ и многія другія въ подобныхъ обстоятельствахъ, будучи частію завѣшена облаками, казалась несравненно выше своей настоящей высоты, которая въ сущности не превосходитъ 2300 фут. Г. Даніэль въ своихъ метеорологическихъ замѣткахъ рассказываетъ, что онъ иногда видалъ облака, остававшіеся, какъ бы прицѣпленными къ верхушкѣ горы, не смотря на сильный вѣтеръ. Это явленіе имѣло здѣсь нѣсколько другой характеръ. Въ этихъ случаяхъ можно было видѣть, какъ облако обвивалось вокругъ вершины и быстро проходило мимо нея, но въ то же время ни мало не уменьшалось и не увеличивалось въ объемѣ. Солнце садилось, и легкій южный вѣтерокъ, ударяясь объ южную сторо-

ну скалы, смѣшивалъ свои теплыя струи съ болѣе холодными верхними слоями воздуха; такимъ образомъ пары стучались; но по мѣрѣ того, какъ эти легкія облака перебѣгали черезъ верхушку и на другой сторонѣ снова вступали въ болѣе теплую атмосферу сѣвернаго склона, разрѣженный воздухъ мгновенно разсѣивалъ ихъ.

Погода въ маѣ и іюнѣ, т. е. въ началѣ зимы, была великолѣпная. Средняя температура по наблюденіямъ, дѣланнымъ въ 9 часовъ утра и вечера, равнялась 72°. Часто шелъ проливной дождь, но южный вѣтеръ скоро осушалъ дороги. Разъ утромъ, въ продолженіи шести часовъ, выпало дождя на $\frac{1}{6}$ дюйма. Когда эта гроза проходила надъ лѣсами, окружающими Корковадо, капли дождя, ударяясь о безчисленное множество листьеевъ, производили сильнѣйшій шумъ; его можно было слышать за четверть мили, и онъ походилъ на шумъ большаго водопада. Когда дни были жарче, бывало удивительно пріятно спокойно сидѣть по вечерамъ въ саду и наблюдать, какъ сумерки переходить въ ночь. Въ этихъ мѣстахъ природа довольствуется пѣніемъ гораздо скромнѣйшихъ артистовъ, чѣмъ въ Европѣ. Маленькая лягушка изъ рода квакшъ (*Hyla*) сидитъ себѣ на кустикѣ травы, около дюйма надъ поверхностью воды, и затягиваетъ пріятную пѣсню. Если онѣ

соберутся по нѣскольку вмѣстѣ, то поютъ въ ладъ на разные голоса. Мнѣ стоило большаго труда поймать одну такую лягушку. У квакши на концахъ пальцевъ находятся маленькіе со-сочки, и оказалось, что это животное можетъ ползать по стеклянной пластинкѣ, поставлен-ной совершенно отвѣсно. Разнообразныя ко-былки и сверчки поднимали въ то же время не-умолкаемый пронзительный крикъ, который на нѣкоторомъ разстояніи не имѣетъ ничего не-приятнаго. Каждый вечеръ, какъ только смер-калось, начинался этотъ большой концертъ, и я нерѣдко сидѣлъ и слушалъ его до тѣхъ поръ, пока мое вниманіе не отвлекалось ка-кимъ нибудь интереснымъ насѣкомымъ, проле-тавшимъ мимо.

Въ это время летаетъ много свѣтящихся на-сѣкомыхъ, которыя садятся то на одну изго-родь, то на другую. Въ темную ночь свѣтъ отъ нихъ видѣнъ за двѣсти шаговъ. Замѣча-тельно, что у всѣхъ различныхъ свѣтящихся червей, щелкуновъ и морскихъ животныхъ (напр. у раковъ, медузъ, nereидъ, морскихъ глистниковъ, изъ рода *Clutia* и *Pugosoma*), ко-торыхъ я наблюдалъ, свѣтъ былъ постоянно зеленый. Всѣ свѣтящіеся насѣкомыя, которыя мнѣ здѣсь попадались, принадлежали къ отряду *Lamprigidae*, т. е. къ свѣтлякамъ (къ этому се-мейству причисляютъ и англійскаго свѣтящагося

червячка), и чаще всего встрѣчался видъ *Lamprigis occidentalis* *). Я нашелъ, что это насекомое издаетъ наиболѣе сильный свѣтъ, когда раздражено; въ промежуткахъ же брюшныя кольца его тускнѣютъ. Свѣтъ появлялся почти одновременно въ обоихъ кольцахъ, но все-таки его можно было раньше уловить въ переднемъ. Свѣтящееся вещество жидко и очень липко. Тѣ мѣста, гдѣ кожа была расцарапана, продолжали свѣтиться мерцающимъ свѣтомъ, тогда какъ нетронутыя мѣста уже потухали. У обезглавленнаго насекомога кольца оставались постоянно свѣтлыми, но свѣтились уже не такъ ярко, какъ прежде; мѣстное раздраженіе иголкою всегда усиливало живость блеска. Въ одномъ случаѣ эти кольца сохраняли свои свѣтящіяся свойства въ продолженіи почти 24 час. по смерти насекомога. На основаніи этихъ явленій можно было бы предположить, что животное способно только прятать или тушить свой свѣтъ на нѣкоторое время, а въ остальное время свѣтъ этотъ испускается произвольно. На сырыхъ и засоренныхъ песчаныхъ

*) Я весьма благодаренъ г. Уатергаусу за то, что онъ съ такою готовностью опредѣлилъ и назвалъ мнѣ это насекомое, равно какъ и многія другія, и вообще оказывалъ мнѣ всякое полезное содѣйствіе.

дорожкахъ я находилъ личинки этихъ свѣтляковъ въ большомъ количествѣ; они общимъ видомъ своимъ были похожи на самокъ англійскаго свѣтятся червяка. Эти личинки свѣтились очень слабо; въ противоположность своимъ родичамъ, при малѣйшемъ прикосновеніи онѣ притворялись мертвыми и переставали вовсе свѣтиться; даже раздраженіе не вызывало усиленія свѣта. Я сохранялъ нѣсколькихъ изъ нихъ живыми въ продолженіи нѣкотораго времени. Ихъ хвосты очень замѣчательны: они служатъ имъ для сосанія или присасыванія и вмѣстѣ съ тѣмъ резервуаромъ для слюны или для какой-то другой жидкости въ этомъ родѣ. Я много разъ кормилъ ихъ сырымъ мясомъ и всякій разъ замѣчалъ, что отъ времени до времени конецъ хвоста приближался ко рту и при этомъ изъ хвоста отдѣлялась капелька жидкости, которая примѣшивалась къ пищѣ. Однако, не смотря на такую многократную практику, хвостъ, повидимому, не умѣетъ самъ находить дорогу ко рту; по крайней мѣрѣ онъ всякій разъ сначала прикладывался къ шеѣ, и это служило ему дальнѣйшимъ указаніемъ.

Во время нашей стоянки въ Багиі, самымъ обыкновеннымъ изъ свѣтящихся насѣкомыхъ былъ щелкунъ (*Pyrophorus luminosus* Illig). У него тоже раздраженіе вызывало болѣе сильный свѣтъ. Одинъ разъ я внимательно наблю-

дадь, какъ онъ прыгаетъ, и вспомнилъ, что это искусство его кажется еще нигдѣ не было описано, какъ слѣдуетъ *). Щелкунъ, брошенный на спину и приготавливающийся къ прыжку, загибаетъ голову и грудь назадъ, такъ что грудной отростокъ выдается наружу и помещается на краю своего влагалища. Пока продолжается это загибаніе головы назадъ, грудной отростокъ дѣйствиємъ мышцъ сгибается, подобно пружинѣ; въ эту минуту животное опирается на землю краями головы и надкрыльевъ. Вслѣдствіе мгновеннаго ослабленія этого напряженнаго состоянія, голова и грудь быстро взлетаютъ кверху и основанія надкрыльевъ ударяются съ такой силой о землю, что животное подбрасывается кверху на высоту одного или двухъ дюймовъ. Выступы груди и влагалище груднаго отростка служатъ для устойчивости тѣла во время прыжка. Въ описаніяхъ, которыя мнѣ удалось читать по этому предмету, не придавали достаточно значенія упругости груднаго отростка, а между тѣмъ понятно, что такой быстрый прыжокъ не можетъ быть результатомъ одного сокращенія мышцъ, безъ участія какого нибудь механическаго пособія.

*) Kirby's Entomology, vol. II, p. 317.

Нѣсколько разъ я предпринималъ маленькія, но въ высшей степени пріятныя, путешествія по окрестностямъ. Между прочимъ былъ въ ботаническомъ саду, гдѣ можно видѣть много растеній, извѣстныхъ по приносимой ими пользѣ. Листья камфарнаго, перечнаго, коричневаго и гвоздичнаго деревьевъ имѣли чудный запахъ; хлѣбное дерево, яка и манговое дерево состязались между собою въ великолѣпнн зелени. Характеръ пейзажа въ окрестностяхъ Багіи, зависитъ главнымъ образомъ отъ двухъ послѣднихъ древесныхъ формъ. Не видавъ ихъ, я и не воображалъ, чтобы дерево могло отбрасывать такую черную тѣнь. Оба они относятся къ вѣчной зелени этихъ странъ, какъ лавровое дерево и остролистъ къ болѣе легкой зелени нашего англійскаго чернолѣся. Нужно замѣтить, что дома въ тропическихъ странахъ всегда окружены самыми красивыми растительными формами, потому что многія изъ нихъ въ тоже время наиболѣе полезны человѣку. Кто станетъ сомнѣваться, что оба эти качества, красоты и полезности, соединены въ бананѣ, въ кокосовой пальмѣ, во многихъ другихъ видахъ пальмъ, въ апельсинномъ и хлѣбномъ деревѣ?

Въ этотъ день я былъ особенно пораженъ замѣчаніемъ Гумбольдта о тонкомъ туманѣ, который, не измѣняя прозрачности воздуха, дѣ-

даетъ только оттѣнки цвѣтовъ болѣе нѣжными, смягчая ихъ рѣзкость. Этого явленія я никогда не замѣчалъ въ умѣренномъ поясѣ. Воздухъ на протяженіи какой нибудь полумили или трехъ четвертей мили былъ совершенно прозраченъ, но на большемъ разстояніи всѣ цвѣта виднѣлись сквозь удивительно красивый туманъ, свѣтло-сѣрый съ голубымъ оттѣнкомъ. Атмосферныя условія между утромъ и полуднемъ, когда эффектъ былъ всего рѣзче, оставались одни и тѣже, кромѣ развѣ степени сухости. Въ этотъ промежутокъ разность между точками росы и температурами увеличивалась отъ 7° 5 до 17°.

Въ другой разъ я всталъ рано и пошелъ къ Гавіа или мачтовой горѣ. Воздухъ былъ удивительно свѣжъ и ароматенъ; капли росы еще блестяли на листьяхъ большихъ лилейныхъ растеній, осѣнявшихъ прозрачныя ручейки. Сидя на обломкѣ гранита, я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на разнообразныхъ насѣкомыхъ и птицъ, пролетававшихъ мимо. Колибри, кажется, особенно любятъ такія уединенныя, тѣнистыя мѣста. Глядя, какъ эти маленькія созданія щебечутъ вокругъ цвѣтка, такъ быстро трепеща крылушками, что ихъ едва можно разсмотрѣть, я всегда вспоминалъ нашихъ вечернихъ бабочекъ (*Sphinx*); въ самомъ дѣлѣ, ихъ движенія и нравы сходны во многихъ отношеніяхъ.

Продолжая идти впередъ по тропинкѣ, я вступилъ въ великолѣпный лѣсъ, и съ высоты пяти или шести сотъ футовъ передо мною открылась одна изъ тѣхъ великолѣпныхъ панорамъ, которыя такъ обыкновенны въ окрестностяхъ Рио. На этой высотѣ пейзажъ принимаетъ самыя яркія краски, и каждая отдѣльная форма, каждый оттѣнокъ, до такой степени превосходятъ все, что европейцу когда либо удастся видѣть на своей родинѣ, что онъ рѣшительно не находитъ словъ для выраженія своихъ чувствъ. Общій эффектъ часто напоминалъ мнѣ самыя роскошныя декораціи большихъ оперныхъ театровъ. Никогда не возвращался я съ этихъ прогулокъ съ пустыми руками. На этотъ разъ мнѣ попался экземпляръ замѣчательнаго гриба, называемаго *Hymenophallus*. Всѣмъ извѣстенъ въ Англій грибъ *Phallus*, распространяющій осенью такой отвратительный запахъ; впрочемъ энтомологамъ извѣстно также и то, что этотъ запахъ очень нравится нѣкоторымъ изъ нашихъ насѣкомыхъ. Тоже самое замѣчается и здѣсь, потому что свайникъ (*Strongylus*), привлеченный этимъ запахомъ, сѣлъ на грибъ, пока я несъ его въ рукахъ. Такимъ образомъ мы видимъ въ двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга странахъ почти одинаковое отношеніе между растеніями и насѣкомыми однихъ и тѣхъ же семействъ, хотя

оба принадлежатъ къ различнымъ видамъ. Но когда человѣкъ становится посредникомъ при введеніи новыхъ видовъ въ какую нибудь страну, отношеніе это часто нарушается. Скажу для примѣра, что капуста и салатъ, которые въ Англіи служатъ пищей такому множеству слизней и гусеницъ, остаются нетронутыми въ садахъ Рио.

Во время нашей стоянки въ Бразиліи, я собралъ большую коллекцію насѣкомыхъ. Нѣсколько общихъ замѣчаній объ относительномъ значеніи разныхъ порядковъ могутъ быть интересны для англійскихъ энтомологовъ. Ярко, расписанные большіе мотыльки (*Lepidoptera*) всего лучше характеризуютъ обитаемый ими поясъ. Я буду говорить только о мотылькахъ, потому что ночныя бабочки здѣсь гораздо малочисленнѣе, чѣмъ въ нашихъ умѣренныхъ странахъ, чего бы никакъ нельзя было ожидать при богатствѣ здѣшней растительности. Меня очень удивили нѣкоторыя привычки мотылька *Parilio feronia*. Этотъ мотылекъ здѣсь довольно обыкновененъ, и водится всего чаще въ померанцовыхъ рощахъ; хотя онъ летаетъ очень высоко, но нерѣдко садится на древесные стволы и ползаетъ по нимъ. Въ этихъ случаяхъ его голова всегда обращена внизъ и крылья распушены горизонтально, а не подобраны отвѣсно, какъ это обыкновенно бываетъ. Это

единственный мотылекъ, изъ всѣхъ видѣнныхъ мною, который проводитъ ночи въ бѣготнѣ. Не зная этой особенноти, я много разъ старался поймать его, и всякій разъ, какъ ни осторожно приближался къ нему съ своимъ пинцетомъ, онъ быстро отбѣгалъ въ сторону, въ то самое мгновеніе, какъ мой инструментъ былъ уже готовъ сомкнуться надъ нимъ. Этотъ видъ обладаетъ кромѣ того замѣчательною способностію производить особенный шумъ *). Много разъ, когда пара этихъ мотыльковъ, вѣроятно самецъ и самка, гоняясь другъ за другомъ, въ неправильномъ полетѣ носилась въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ меня, я слышалъ какой-то стукъ, въ родѣ треска, производимаго зубчатымъ колесомъ о спускъ пружины. Трескъ

*) Г. Дѣбльдэй въ послѣднее время описалъ (Entomological Society, March 3 d. 1845) особенное устройство крыльевъ этого мотылька, вслѣдствіе котораго вѣроятно происходитъ этотъ шумъ. Онъ говоритъ: «мотылекъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что у основанія переднихъ крыльевъ, между двумя боковыми жилками, имѣетъ родъ барабана. Кромѣ того, внутри этихъ жилокъ находится родъ особенной винтообразной перегородки или трубки.» Я прочелъ въ путешествіи Лангсдорфа (1803—7 г. г. стр. 74), что на островѣ Св. Екатерины, у береговъ Бразиліи, мотылекъ, называемый *Februa Hoffmannseggi*, шумитъ, летая, какъ трещотка.

продолжался съ короткими перерывами, и его можно было слышать за двадцать ярдовъ. Я увѣренъ, что не ошибся въ этомъ наблюденіи.

За то я сильно разочаровался въ общемъ видѣ жесткокрылыхъ. Число маленькихъ и темноцвѣтныхъ жуковъ чрезвычайно велико *). Европейскія кабинеты до сихъ поръ еще могутъ похвастаться только самыми крупными видами насѣкомыхъ тропическихъ странъ. Стоитъ только вообразить, до какихъ размѣровъ должны со временемъ достигнуть полные каталоги, чтобы привести въ волненіе душу всякаго энтомолога. Хищные жуки или жужжелицы здѣсь очень рѣдки, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что число хищныхъ четвероногихъ въ жаркихъ странахъ чрезвычайно велико. Меня поразило это обстоятельство, какъ при вступленіи въ Бразилію, такъ и въ то время, когда я вновь увидѣлъ много изящныхъ и проворныхъ пѣвуновъ (*Harpalidae*) въ умѣ-

*) Я могу упомянуть, какъ объ обыкновенномъ случаѣ, что въ одинъ день (23 іюня) собралъ 68 видовъ изъ порядка жесткокрылыхъ, не особенно стараясь отыскивать ихъ. Между ними были только двѣ жужжелицы, четыре хищниковыхъ, 15 *Rhynsoptera* и 14 листогрызовъ; 37 видовъ пауковъ, которые я принесъ домой, могутъ служить доказательствомъ, что я не обращалъ особеннаго вниманія на предпочитаемый всѣми отрядъ жесткокрылыхъ.

ренныхъ равнинахъ Ла Платы. Не замѣняютъ ли въ Бразиліи многочисленныя пауки и прожорливыя перепончатокрылыя (Hymenoptera) нашихъ хищныхъ жуковъ? Мертвоѣды и хищники очень рѣдки; съ другой стороны Rhyncophora и листогрызы, которые всѣ питаются растительными веществами, встрѣчаются въ громадномъ числѣ. Я не говорю здѣсь о числѣ различныхъ видовъ, но просто о числѣ отдѣльныхъ особей; потому что именно этимъ опредѣляются характерныя отличія разныхъ странъ въ энтомологическомъ отношеніи. Отряды прямокрылыхъ (Orthoptera) и полужесткокрылыхъ (Hemiptera) особенно многочисленны; много также жалующихъ перепончатокрылыхъ (Hymenoptera), кромѣ развѣ пчелъ. Человѣкъ, попадающій въ первый разъ въ тропическій лѣсъ, пораженъ работой муравьевъ: протоптанныя ими дорожки расходятся по всѣмъ направленіямъ, и по нимъ постоянно двигаются цѣлыя арміи, идущія на фуражировку; одни идутъ впередъ, другіе назадъ, таща на себѣ куски зеленыхъ листьевъ, величиною иногда значительно превосходящіе собственный ихъ ростъ.

Маленькіе муравьи, темнаго цвѣта, кочуютъ иногда въ безчисленномъ множествѣ. Разъ въ Багіи я былъ пораженъ при видѣ множества пауковъ, таракановъ и другихъ насѣкомыхъ, равно какъ нѣсколькихъ ящерицъ, которыя въ

большомъ испугѣ бѣжали по открытому и ровному мѣсту. Позади ихъ каждая вѣтка и каждый листокъ были такъ усѣяны муравьями, что казались черными. Рой прошелъ по ровному мѣсту, потомъ раздѣлился на колонны и спустился по старому валу. Этимъ маневромъ они оцѣпили множество насѣкомыхъ, и надо было видѣть, какія усилія употребляли эти маленькія созданія, чтобы спастись отъ смерти. Подойдя къ дорогѣ, муравьи перемѣнили свой путь и узкими колоннами снова взобрались на валъ. Я поставилъ маленькій камень, чтобы преградить дорогу одной изъ колоннъ; весь корпусъ бросился тогда на это препятствіе и немедленно отступилъ. Нѣсколько времени спустя, пришла другая армія, и послѣ новой неудавшейся попытки прежній маршрутъ былъ оставленъ. Стоило первой колоннѣ взять на одинъ дюймъ въ сторону, и камень былъ бы обойденъ; конечно, они бы такъ и сдѣлали, еслибы это препятствіе было и прежде тутъ; но, видя съ моей стороны нападеніе, эти маленькіе воинственные герои не допускали и мысли объ уступкѣ.

Въ окрестностяхъ Рио часто встрѣчаются насѣкомыя въ родѣ ось, которыя строятъ для своихъ личинокъ земляныя гнѣзда по угламъ галерей, и эти гнѣзда до верху набиваются полуживыми пауками и гусеницами, которыхъ

они умѣютъ удивительно ловко жалить такъ, чтобы тѣ не двигались, но оставались живыми до тѣхъ поръ, пока ихъ дѣти не вылупятся изъ яицъ. Личинки питаются этимъ возмутительнымъ запасомъ безпомощныхъ, полуживыхъ жертвъ, а нѣкоторыя восторженные натуралисты *) находятъ даже такое зрѣлище любопытнымъ и приятнымъ! Меня очень занимала однажды смертельная схватка между этимъ насѣкомымъ (*Pepsis*) и большимъ паукомъ изъ рода *Lycosa*. Оса бросилась на паука, нанесла ему ударъ и улетѣла; паукъ былъ очевидно раненъ, потому что, стараясь убѣжать, покатился внизъ по маленькому склону, но все-таки сохранилъ еще довольно силы, чтобы поползти до чистаго кустика травы. Вскорѣ она вернулась и очень удивлялась, не найдя своей жертвы. Тогда она начала правильныя поиски, не хуже любой собаки, охотящейся за лисицей; она стала описывать короткіе полукруги и все время быстро двигала крыльями и щупальцами. Паукъ, хотя и хорошо спрятавшійся, былъ скоро открытъ,

*) См. рукописное сочиненіе г. Аббота въ Британскомъ музеѣ; онъ дѣлалъ свои наблюденія въ Георгіи; см. также статью г. А. Уйата въ «Ann. of. Nat. Hist.» vol. VII, p. 472. Лейт. Готтенъ описалъ одинъ видъ песчанковыхъ (*Sphex*) въ Индіи, отличающійся такими же нравами. См. «Journal of the Asiatic Society» Vol. I, p. 555.

и оса, все еще очевидно опасаясь челюстей своего противника, послѣ многихъ маневровъ ужалила его въ двухъ мѣстахъ на нижней сторонѣ груди. Наконецъ, тщательно ощупавъ на этотъ разъ уже недвижнаго паука, она потащила трупъ. Но тутъ я захватилъ убійцу и овладѣлъ ею, вмѣстѣ съ ея добычей *).

Число пауковъ, сравнительно съ другими насѣкомыми, здѣсь несравненно больше, чѣмъ въ Англіи; ихъ, можетъ быть, здѣсь даже больше, чѣмъ всѣхъ другихъ отдѣловъ суставчатыхъ животныхъ. Разнообразіе видовъ прыгающихъ пауковъ можно сказать безконечно. Родъ или, правильнѣе, семейство крестовиковъ (*Ereira*), отличается здѣсь многими особенностями формъ; многіе виды имѣютъ твердые, колючіе покровы, другіе большія колючія голени. Тропинки въ лѣсу то и дѣло перегорожены крѣпкими желтыми тенетами паука, принадлежащаго къ тому же отряду, какъ и *Ereira clavipes* Fabric., о ко-

*) Донъ Ф. Азара (vol. I, p. 175), упоминая объ одномъ перепончатокрыломъ насѣкомомъ, вѣроятно того же самаго рода, говоритъ, что онъ видѣлъ, какъ оно тащило мертвого паука по высокой травѣ, прямо къ своему гнѣзду, которое находилось отъ него въ 163 шагахъ. Онъ прибавляетъ, что оса, отыскивая дорогу, по временамъ описывала полукруги приблизительно въ три пяди («demi tours d'environ trois palmes»).

торомъ Слоанъ рассказываетъ, что тенета его до того крѣпки, что онъ можетъ ловить птиць. Почти въ каждой такой паутинѣ живетъ паразитно маленькій, красивый паучокъ съ очень длинными передними ногами, принадлежащій къ роду, который кажется еще вовсе не описанъ. Полагаю, что по мелкости своего роста онъ слишкомъ незначителенъ, чтобы обратить на себя вниманіе большаго крестовика, и потому хозяинъ допускаетъ его питаться мелкими насѣкомыми, которыя запутываются въ тенетахъ, и все равно пропадали бы даромъ. Если пугнуть этого маленькаго паучка, онъ или притворяется мертвымъ, вытянувъ свои переднія ноги, или стремглавъ падаетъ съ паутины. Здѣсь очень обыкновененъ, особенно въ сухихъ мѣстахъ, большой крестовикъ, принадлежащій къ одной группѣ съ *Ereira tuberculata* и *E. copisa*. Обыкновенно онъ раскидываетъ свою паутину между большими листьями тамошней агавы, и укрѣпляетъ ее иногда около центра двумя или даже четырьмя нитями, расположенными зигзагомъ между каждыми двумя лучами полотна. Если въ тенета нападаетъ какое нибудь большое насѣкомое, напримѣръ кобылка или оса, то паукъ ловкимъ движеніемъ начинаетъ повертывать его, и въ то же время, выпуская изъ себя нити, сплетаетъ изъ нихъ родъ кокона вокругъ своей добычи. Послѣ того паукъ

осматриваетъ безпомощную жертву и наноситъ ей смертельную рану въ заднюю часть груди. Затѣмъ онъ уходитъ и терпѣливо ждетъ дѣйствія яда. О силѣ послѣдняго можно судить потому, что когда я черезъ полминуты открылъ коконъ, то нашелъ огромную осу уже мертвою. Этотъ крестовикъ сидитъ всегда около центра своей паутины, головой внизъ. Если его потревожить, то онъ поступаетъ различно, смотря по обстоятельствамъ: если подъ тенетами есть трава или кусты, то онъ быстро падаетъ внизъ; при этомъ я положительно видѣлъ, какъ онъ приготовлялъ себѣ длинную нить, собираясь падать. Въ случаѣ, если мѣсто подъ тенетами открыто, паукъ рѣдко бросается внизъ, но быстро перебѣгаетъ по центральному ходу съ одной стороны полотна на другую. Если продолжать преслѣдовать его далѣе, то онъ прибѣгаетъ къ очень хитрой уловкѣ, а именно: оставаясь въ срединѣ полотна, онъ начинаетъ сильно подергивать нити, прикрѣпленные къ очень гибкимъ вѣтвямъ, и мало по малу приводитъ ихъ въ столь быстрое колебаніе, что все смѣшивается и даже очертанія тѣла самаго паука становятся неясными.

Извѣстно, что почти всѣ англійскіе пауки, въ случаѣ, если въ тенета ихъ попадаетъ слишкомъ большое насѣкомое, стараются не удерживать его, но, напротивъ, обрывая нити, пы-

таются освободить добычу, чтобы спасти от разрушенія свою паутину. Однако одежды мнѣ случилось видѣть въ одной теплицѣ въ Шропшейрѣ, что въ неправильныя тенета маленькаго паука попала большая оса. Паукъ вмѣсто того, чтобы оборвать захватившія ее нити, еще крѣпче принялся опутывать ими тѣло и преимущественно крылья своей добычи. Сначала оса все пыталась достать жаломъ и уколоть своего маленькаго противника. Я смотрѣлъ цѣлый часъ, какъ она барахталась; наконецъ, сжалившись, убилъ ее и снова посадилъ въ тенета. Паукъ вскорѣ возвратился, и черезъ часъ я съ удивленіемъ увидѣлъ, что онъ уже запустилъ свои челюсти въ отверстіе, черезъ которое оса высовываетъ свое жало. Два или три раза я отгонялъ паука, но въ теченіе всѣхъ слѣдующихъ сутокъ постоянно находилъ его все въ томъ же положеніи, сосущимъ на тотъ же мѣстѣ. Паукъ сильно раздулся, насавшись соковъ осы, которая была во много разъ больше его ростомъ.

Здѣсь кстати упомянуть, что въ окрестностяхъ Санта-Фе-Бахада я нашелъ много большихъ черныхъ пауковъ съ красными пятнами на спинѣ, живущихъ стадами. Тенета расположены у нихъ отвѣсно, какъ у всего рода крестовиковъ. Каждое полотно отстоитъ отъ другаго фута на два, но всѣ они пригрѣ-

пляются къ общимъ нитямъ, которыя очень длинны и протянуты во всѣ стороны, чтобы служить всѣмъ членамъ общины. Такимъ образомъ верхушки нѣкоторыхъ большихъ кустовъ были со всѣхъ сторонъ окружены паутиями. Азара *) описалъ парагвайскаго паука, живущаго обществами котораго Уокнеръ принимаетъ за *Theridion*; но вѣроятноже, что это былъ крестовикъ и даже того же вида, какъ и мой. Однако я не помню чтобы мнѣ когда нибудь случилось видѣть ценную, тральное гнѣздо, величиною въ шапку, въ которое, по словамъ Азары, пауки складываютъ свои яйца осенью, передъ смертию. Такъ какъ всѣ пауки, которыхъ я видѣлъ, были одинаковаго роста, то можно думать, что всѣ они были приблизительно однолѣтки. Жизнь обществами до нельзя удивительна въ такихъ животныхъ, какъ крестовики, которые вообще любятъ уединеніе и такъ кровожадны, что даже оба пола постоянно воюютъ между собой.

Неподалеку отъ Мендозы, въ высокой долиинѣ Кордильеровъ я нашелъ другаго паука съ очень странной формой тенетъ. Изъ центра полотна, гдѣ сидитъ животное, шли лучами крѣпкія нити; но только двѣ изъ нихъ были свя-

*) Путешествіе Азары vol. I, p. 213.

заны другъ съ другомъ симметрическимъ переплетомъ, такъ что полотно не имѣло обыкновенной круглой формы, а было клинообразно. Такимъ образомъ всѣ тенета были построены.

ГЛАВА III.

Монте-Видео. — Мальдонадо. — Путешествіе къ Ріо Поланко. — Арканъ и шары. — Куропатки. — Отсутствіе деревьевъ — Олень. — Рѣчная свинка. — Тукутуко. — Птица *Molothrus*, сходство ея нравовъ съ кукушкой. — Перемѣшникъ. — Соколы стервятники. — Трубки, образованныя молніей. — Разрушенный домъ.

Мальдонадо.

5 іюля 1832. Утромъ мы отправились въ путь и вышли изъ роскошной гавани Ріо-Жанейро. На переѣздѣ до Ла Платы мы не видали ничего особеннаго; только разъ намъ попало большое стадо морскихъ свиней, состоявшее изъ нѣсколькихъ сотъ штукъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все море было испещрено ими. Любопытно и странно было видѣть, какъ сотни этихъ животныхъ разрѣзали волны, подпрыгивая такъ высоко, что все тѣло ихъ высывалось на-

ружу. Когда корабль шелъ по девяти узловъ въ часъ, онѣ совершенно свободно сновали назадъ и впередъ передъ самымъ носомъ и потомъ быстро исчезали, убѣгая впередъ. Когда мы вошли въ устье Ла Платы, погода стояла очень непостоянная. Въ одну изъ темныхъ ночей насъ окружила стая тюленей и пингвиновъ; они производили такіе странные звуки, что вахтенный офицеръ отрапортовалъ начальству, что съ берега слышно уже мычаніе домашняго скота. На другую ночь мы были свидѣтелями великолѣпнаго естественнаго фейерверка: верхушка мачты и концы рей засвѣтились огнемъ св. Эльма, а очертанія флюгера сіяли, какъ будто натертыя фосфоромъ. Море свѣтилось до такой степени, что слѣды пингвиновъ обозначались огненными полосами, а въ темныхъ небесахъ по временамъ мелькала ослѣпительная молнія.

Когда мы вошли въ устье рѣки, я съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ медленно смѣшивались ея волны съ волнами моря. Мутная и окрашенная вода рѣки, будучи легче морской, текла поверхъ ея, что было особенно замѣтно въ бороздѣ оставляемой ходомъ корабля; здѣсь было ясно видно, какъ чистая голубая струя маленькими водоворотами смѣшивалась съ притокомъ мутной воды.

26 іюля. Мы бросили якорь въ Монте-Ви-

део. Слѣдующіе два года «Бигль» употребилъ на осмотръ восточныхъ и южныхъ береговъ Америки къ югу отъ Ла-Платы. Чтобы избѣжать бесполезныхъ повтореній, я выпишу изъ моего дневника то, что относится къ этимъ мѣстамъ, не соблюдая однако порядка, въ которомъ мы ихъ посѣщали.

Мальдонадо лежитъ на сѣверномъ берегу Ла-Платы, недалеко отъ устья. Это маленькій, тихій, заброшенный городокъ. Улицы его, какъ и всѣхъ здѣшнихъ городовъ расположены подъ прямыми углами, а въ центрѣ города помѣщается огромная площадь или скверъ, величественные размѣры котораго еще рѣзче выказываютъ малочисленность населенія. Торговли здѣсь почти нѣтъ; предметы вывоза ограничиваются кожами и живымъ скотомъ. Жители преимущественно землевладѣльцы; есть также нѣсколько лавочниковъ и необходимыхъ ремесленниковъ, какъ-то кузнецы и плотники. Последніе удовлетворяютъ нуждамъ потребителей на пятьдесятъ миль въ окружности. Городъ отдѣленъ отъ рѣки рядомъ песчаныхъ холмовъ, которые тянутся почти на милю въ ширину. Съ другихъ сторонъ его окружаетъ открытая, слегка волнистая равнина, одѣтая разнообразнымъ зеленымъ ковромъ, на которомъ пасутся безчисленные стада рогатаго скота, овецъ и лошадей. Обработанной земли очень мало даже

въ окрестностяхъ города. Изгороди изъ кактусовъ или агавъ обозначаютъ тѣ немногія мѣста, гдѣ посѣяна пшеница или маисъ. Общій характеръ страны по всей длинѣ сѣвернаго берега Ла Платы одинъ и тотъ же. Вся разница въ томъ, что здѣсь гранитныя скалы нѣсколько крупнѣе. Мѣстность вообще непривлекательна. Только изрѣдка оживляется она видомъ дома, огороженнаго мѣста или дерева. Однако, пробывъ долгимъ плѣнникомъ на кораблѣ, чувствуешь особенное наслажденіе шататься по безконечнымъ луговымъ равнинамъ. Сверхъ того, если сосредоточить вниманіе на небольшомъ пространствѣ, то всегда можно найти много хорошаго. Многія изъ здѣшнихъ мелкихъ птицъ очень ярко расцвѣчены, а свѣжая зеленая мурава, коротко выстриженная пасущимся скотомъ, украшена мелкими цвѣтами, между которыми я встрѣтилъ, какъ стараго друга, цвѣтокъ, похожій на маргаритку. А что бы сказалъ любитель цвѣтовъ при видѣ огромныхъ пространствъ, такъ густо усѣянныхъ вербенами, что даже издали онѣ такъ и горятъ великолѣпнѣйшимъ алымъ цвѣтомъ?

Я оставался въ Мальдонадо десять недѣль и въ это время успѣлъ составить почти полное собраніе здѣшнихъ звѣрей, птицъ и пресмыкающихся. Прежде однако, чѣмъ говорить о нихъ, я расскажу о своемъ путешествіи къ

Ріо Поланко, которая протекает миль за семьдесят къ сѣверу. Вотъ обращикъ здѣшной дешевизны: я платилъ два доллара или 8 шиллинговъ въ день двумъ проводникамъ съ цѣлой дюжиной верховыхъ лошадей. Мои спутники были хорошо вооружены пистолетами и саблями. Эта предосторожность показалась мнѣ совершенно лишнею; но къ удивленію первая что мы услышали на пути было извѣстіе что, наканунѣ, на дорогѣ изъ Монте Видео найденъ убитый путешественникъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Убіенство случилось около креста, поставленнаго въ память другаго подобнаго событія.

Первую ночь мы провели въ уединенномъ сельскомъ домикѣ, и тутъ оказалось, что я обладаю двумя или тремя вещами, которыя служатъ предметомъ величайшаго удивленія. Особенное вниманіе возбуждалъ мой карманный компасъ. Въ каждомъ домѣ меня просили показать его и объяснить, какъ при помощи этого инструмента и карты опредѣляется направленіе различныхъ мѣстъ. Особенно удивляло туземцевъ то, что я, вновь пріѣзжій, такъ хорошо знаю дорогу (въ этой привольной странѣ направленіе и дорога — слова однозначащія) въ мѣстахъ, гдѣ никогда не бывалъ. Въ одномъ домѣ молодая женщина, лежавшая больная въ постели, прислала просить меня, чтобы я показалъ ей компасъ. Если

ихъ удивленіе было велико, то и я съ своей стороны не мало изумлялся невѣжеству народа, который вѣдь все таки владѣеть тысячами головъ скота и необозримыми пастбищами. Это можно объяснить развѣ тѣмъ, что въ эту глухую сторону рѣдко пріѣзжаютъ иностранцы. Меня спрашивали, земля ли ходитъ вокругъ солнца или наоборотъ; теплѣе ли, или холоднѣе къ сѣверу, гдѣ лежитъ Испанія, и множество другихъ подобныхъ вещей. Жители большею частью полагаютъ, что Англія, Лондонъ и Сѣверная Америка суть различныя названія одного и того же мѣста; однако находились люди до того свѣдущіе, что знали, что Лондонъ и Сѣверная Америка отдѣльныя, но сосѣднія между собою страны, и что Англія есть большой городъ въ Лондонѣ! У меня были такъ называемыя прометеевы спички, которыя зажигаются посредствомъ откусыванія головки. Публика считала этотъ способъ добыванія огня такимъ чудомъ, что, когда я зажигалъ спичку, вся семья сбѣгалась смотрѣть на меня. Разъ мнѣ предлагали долларъ за одну такую спичку. Въ селеніи Ласъ Минасъ много толковали о томъ, что я каждое утро умываюсь. Одинъ богатый купецъ подвернулъ меня подробному допросу по поводу такого страннаго моего обыкновенія. Онъ спрашивалъ меня также и о томъ, почему мы

на кораблѣ не брѣемъ бороду; онъ слышалъ объ этомъ отъ моего проводника и вообще смотрѣлъ на меня очень подозрительно; можетъ быть, онъ слышалъ объ омовеніяхъ магометанъ и, зная, что я еретикъ, вѣроятно пришелъ къ тому заключенію, что всѣ еретики должно быть турки. Въ этихъ мѣстахъ существуетъ обыкновеніе просить ночлега въ первомъ встрѣчномъ домѣ. Мнѣ было отчасти полезно то удивленіе, которое возбуждалъ мой компасъ и разныя другія штуки; все это вмѣстѣ съ безконечными рассказами моихъ проводниковъ о томъ, какъ я ломаю камни, отличаю ядовитыхъ змѣй отъ безвредныхъ, собираю насѣкомыхъ и т. д.; все это, говорю я, послужило мнѣ платою за ихъ гостепріимство. Пишу объ нихъ, какъ будто о жителяхъ центральной Африки: жители Банда Ориенталь вѣроятно были бы недовольны такимъ сравненіемъ, но въ разговорахъ съ ними мнѣ дѣйствительно приходила на мысль центральная Африка.

На слѣдующій день мы отправились въ селеніе Ласъ-Минасъ. Мѣстность была нѣсколько болѣе холмиста, но въ другихъ отношеніяхъ совершенно такая же; впрочемъ жителю пампасовъ она безъ сомнѣнія могла бы показаться гористою. Населеніе здѣсь такъ рѣдко, что въ цѣлый день едва встрѣтишь одного человѣка. Ласъ-Минасъ еще гораздо меньше, чѣмъ Маль-

донадо. Селеніе лежитъ въ маленькой равнинѣ и окружено низкими скалистыми горами. Оно по обыкновенію расположено симметрично; въ центрѣ стоитъ выбѣленная церковь, и въ общемъ видѣ довольно красивъ. Крайніе дома выдѣлялись изъ равнины одиноко и безотрадно; возлѣ нихъ не было ни садовъ, ни дворовъ. Въ тѣхъ мѣстахъ это случается часто, и потому дома имѣютъ вообще непривѣтливый видъ. На ночь мы остановились въ *purlegia*, т. е. въ кабакѣ. Вечеромъ пришло туда много гаухосовъ пить вино и курить сигары. Наружность ихъ очень замѣчательна: вообще они стройны, но имѣютъ какой-то надменный и распущенный видъ; многіе носятъ усы и длинные черные волосы, вьющіеся по плечамъ. Красивая пестрая одежда, звенящія шпоры на ногахъ, ножи, заложённые за поясъ въ видѣ кинжаловъ (и въ качествѣ таковыхъ нерѣдко употребляемые въ дѣло), все это, вмѣстѣ взятое, придаетъ имъ характеръ, далеко не соответствующій названію гаухосъ, т. е. простыхъ поселянъ. Они чрезвычайно вѣжливы; ни одинъ не выпьетъ стакана вина, не попросивъ васъ напередъ отвѣдать его; но даже въ ту самую минуту, какъ онъ отвѣшиваетъ вамъ свой изящнѣйшій поклонъ, такъ и кажется, что онъ не прочь тотчасъ перерѣзать вамъ горло если представится случай.

На третій день мы ѣхали безпорядочно и

часто останавливались, потому что я былъ занятъ осмотромъ нѣсколькихъ толщей мрамора. На зеленой муравѣ равнинѣ мы видѣли много страусовъ (*Struthio rhea*). Въ нѣкоторыхъ стадахъ ихъ было до двадцати и до тридцати штукъ. Эти птицы, стоя на возвышеніи, очень красиво рисовались на свѣтломъ фонѣ неба. Я никогда еще не встрѣчалъ въ этой странѣ такихъ смиренныхъ страусовъ: къ нимъ можно было подъѣзжать верхомъ очень близко: но тутъ они распускали крылья, стремительно пускались по вѣтру и вскорѣ оставляли лошадь далеко за собой.

Къ ночи мы приѣхали въ домъ донъ Хуана Фуэнтесъ, богатаго землевладѣльца, съ которымъ впрочемъ никто изъ насъ не былъ лично знакомъ. Приближаясь къ чужому дому, здѣсь необходимо исполнить нѣкоторыя формальности: медленно подъѣхавъ къ двери, нужно во первыхъ привѣтствовать жильцовъ словами: Ave Maria, и пока кто нибудь не выдетъ и не попроситъ васъ войти, не прилично даже слѣзать съ лошади; обычный отвѣтъ хозяина — «*Sin pecado concebida*», т. е. «зачатая безъ грѣха». Войдя въ домъ, вы нѣсколько минутъ поддерживаете какой нибудь политичный разговоръ и потомъ уже освѣдомляетесь, нельзя ли здѣсь переночевать. На эту просьбу всегда отвѣчаютъ согласіемъ. Съ этой минуты гость уже

можетъ принимать участіе во всѣхъ семейныхъ трапезахъ и ему отводятъ комнату, гдѣ онъ устраиваетъ себѣ постель изъ чапрака, принадлежащаго къ его гесало, т. е. сѣдлу. Любопытно видѣть, какъ одни и тѣ же условія вырабатываютъ до такой степени сходные обычаи и нравы. На мысѣ Доброй Надежды повсемѣстно существуетъ совершенно такого же рода гостепримство и соблюдаются почти тѣ же формы этикета. Однако разница между характеромъ испанца и голландскаго поселанина выражается тѣмъ, что первый никогда не сдѣлаетъ гостю вопроса, заходящаго за предѣлы самой тончайшей вѣжливости, тогда какъ добрякъ голландецъ спроситъ васъ, и гдѣ вы были, и куда поѣдете, и чѣмъ занимаетесь, и наконецъ освѣдомится даже, много, ли у васъ братьевъ, сестеръ и дѣтей.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда къ донъ-Хуану, къ дому его пригнали одно изъ большихъ стадъ рогатаго скота, и трехъ быковъ обрели на закланіе для хозяйства. Полудикіи животныя были очень проворны и, будучи хорошо знакомы съ роковымъ арканомъ, порядкомъ измучили лошадей, заставляя ихъ гоняться за собой. При видѣ такого обилія и довольства, проявлявшагося въ грубой формѣ многочисленныхъ табуновъ скота, лошадей и служителей, странно было смотрѣть на жалкое жильё хо-

зянна. Полъ въ его домѣ былъ земляной, окна безъ стеколъ; въ приемной было очень мало мебели, которая состояла изъ нѣсколькихъ стульевъ и скамеекъ самой грубой работы, да двухъ столовъ. Ужинъ, не смотря на присутствіе нѣсколькихъ постороннихъ лицъ, состоялъ только изъ двухъ огромныхъ кусковъ говядины — жареной и вареной, и изъ нѣсколькихъ тыквъ; кромѣ тыквы никакихъ другихъ овощей не было; не оказалось даже ни одного куска хлѣба. Для питья стоялъ огромный глиняный кувшинъ съ водой — одинъ на все общество. И между тѣмъ этотъ господинъ владѣлъ многими квадратными милями земли, гдѣ почти каждый акръ при небольшомъ трудѣ могъ бы производить не только хлѣбъ, но и всѣ обыкновенныя овощи. Вечеръ прошелъ въ куреніи сигаръ съ прибавленіемъ пѣнія подъ звуки гитары. Синьориты сидѣли кучкой, въ одномъ углу комнаты и не ужинали съ мужчинами.

Объ этихъ странахъ было такъ много писано, что рассказывать объ *lazo* и *bolas* почти лишнее. *Lazo* (арканъ) состоитъ изъ очень крѣпкой, но тонкой и плотной тесьмы, сплетенной изъ сыромятныхъ ремней. Одинъ конецъ этого аркана прикрѣпляется къ широкимъ трокамъ, которыми связаны и скрѣплены между собою различныя, очень сложныя части рекадо, или сѣдла, употребляемаго въ пампасахъ; на дру-

гомъ концѣ есть маленькое кольцо, желѣзное или мѣдное, сквозь которое продѣвается петля. Когда гаухо хочетъ дѣйствовать этимъ арканомъ, онъ оставляетъ небольшой свертокъ веревки въ лѣвой рукѣ, а въ правой держитъ петлю, которая обыкновенно дѣлается очень большою, около 8 футовъ въ поперечникѣ. Быстро вертитъ онъ надъ головой эту петлю, оставляя ее открытою, и потомъ съ большою ловкостью накидываетъ на желаемый предметъ. Когда арканъ не нуженъ, онъ свертывается узломъ и привязывается къ задней части сѣдла. Bolas или шары бываютъ двухъ родовъ. Самые простые, употребляемые обыкновенно для ловли страусовъ, состоятъ изъ двухъ круглыхъ камней, обтянутыхъ кожей и соединенныхъ вмѣстѣ тонкимъ плетенымъ ремешкомъ, около 8 футовъ длиною. Другой родъ боласовъ отличается только тѣмъ, что вмѣсто двухъ въ нихъ три шара, соединенные ремнями въ общемъ центрѣ. Гаухо держитъ самый маленькій изъ трехъ шаровъ въ рукѣ, а остальные два быстро вертитъ надъ головою; потомъ, прицѣлясь, бросаетъ ихъ въ воздухъ, гдѣ они кружатся точно цѣнное ядро. Шары, падая на какой нибудь предметъ, обвиваются вокругъ него, перекрещиваются и такимъ образомъ плотно обматываютъ его. Величина и вѣсъ шаровъ измѣняются, смотря по цѣли, для которой они предназначаются: если

они каменные и величиною съ яблоко, то ударъ уже такъ силенъ, что можетъ сломать ногу даже лошади. Я видалъ деревянные шары съ съ рѣпу величиной, назначенные для того, чтобы ловить этихъ животныхъ, не причиняя имъ вреда. Иногда шары дѣлаются желѣзные и въ этомъ случаѣ могутъ быть бросаемы на огромное разстояніе. Главная трудность при употребленіи аркана и шаровъ заключается въ умѣньи ѣздить верхомъ такъ искусно, чтобы на всемъ скаку и при всякихъ быстрыхъ поворотахъ умѣть вѣрною рукою вертѣть ихъ надъ головою и мѣтко прицѣливаться: пѣшему же очень легко и скоро дается это искусство. Однажды пустился скакать верхомъ на лошади и пробовалъ кружить эти шары надъ головой; случайно одинъ изъ нихъ ударился о кустъ; потерявъ такимъ образомъ сообщенное ему прежде движеніе, онъ упалъ на землю и мгновенно обвился около одной изъ ногъ моей лошади; другой шаръ выскочилъ у меня изъ рукъ, и лошадь была поймана. Къ счастью, конь былъ старый, бывалый; онъ тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло и остановился; другая лошадь, пожалуй, стала бы лягаться, пока не свалилась бы на землю. Гаухосы помирали со смѣху и кричали, что имъ случалось ловить на арканъ всякихъ звѣрей, но еще ни разу не доводилось видѣть, чтобы человѣкъ изловилъ самъ себя.

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней я достигъ крайняго предѣла мѣстности, которую желалъ изслѣдовать. Страна носила все тотъ же характеръ, такъ что однообразная зелень луговъ сдѣлалась несноснѣе пыльной, неровной дороги. Мы вездѣ встрѣчали множество куропатовъ (*Nothura major*). Эти птицы не ходятъ здѣсь стаями и не прячутся, какъ въ Англии. Повидимому это преглупныя созданія. Человѣкъ верхомъ, объѣзжая ихъ все меньшими и меньшими кругами, можетъ сколько угодно набить ихъ ударами по головѣ. Обыкновенно ихъ ловятъ маленькимъ арканомъ, сдѣланнымъ изъ ствола страусоваго пера, прикрѣпленнаго къ длинной палкѣ. Мальчикъ на смирной старой лошади можетъ наловить ихъ штукъ до тридцати или сорока въ день. Въ холодномъ поясѣ Сѣверной Америки *) индѣйцы ловятъ такимъ же способомъ зайцевъ, обходя вокругъ нихъ спирально. Полдень считается самымъ лучшимъ временемъ для этой охоты, потому что солнце стоитъ тогда всего выше и тѣнь отъ охотника всего короче.

На возвратномъ пути въ Мальдонадо мы поѣхали другой дорогой. Около Панъ-де Асукаръ, мѣстечка, хорошо извѣстнаго всякому, кто пла-

*) Hearne's Journey p. 383.

валь по Рио де Ла Плата, я провелъ цѣлый день въ домѣ очень гостепріимнаго стараго испанца. Рано утромъ мы взобрались на Сіерра де ласъ Анимасъ. При свѣтѣ восходящаго солнца картина была почти живописна. Къ западу глазъ обнималъ обширную плоскую равнину, вплоть до самой горы, лежащей около Монте-Видео, а къ востоку тянулась холмистая мѣстность Мальдонадо. На вершинѣ горы лежало много кучекъ камней, которые очевидно занесены сюда много лѣтъ назадъ. Спутникъ мой увѣрялъ меня, что это было сдѣлано индѣйцами въ старыя времена. Кучки были похожи, но только въ миниатюрѣ, на тѣ, которыя часто встрѣчаются на верхушкахъ горъ въ Уэльсѣ. Желаніе ознаменовать важное происшествіе какимъ нибудь памятникомъ, помѣщая его непременно на высшемъ пунктѣ мѣстности, по видимому, общая страсть всего человѣчества. Въ настоящее время въ этой части страны нѣтъ ни одного ни дикаго, ни цивилизованнаго индѣйца, и едва ли прежніе обитатели ея оставили какіе либо другіе памятники своего существованія, кромѣ этихъ небольшихъ столбовъ на вершинѣ Сіерры де ласъ Анимасъ.

Замѣчательно, что въ области Банда Ориенталь почти нигдѣ нѣтъ никакихъ деревьевъ. На нѣкоторыхъ скалистыхъ холмахъ, правда, встрѣчаются кусты, да по берегамъ большихъ

рѣкъ, особенно къ сѣверу отъ Ласъ Минасъ, довольно часто видишь пвы. Мнѣ рассказывали, что близъ Аройо-Танесъ есть пальмовый лѣсъ; одну пальму, и даже довольно большую, я видѣлъ близъ Панъ де Асукаръ подъ 35° широты. Кромѣ этихъ деревьевъ, да тѣхъ, которые посажены испанцами, въ странѣ почти вовсе нѣтъ лѣса. Изъ числа разведенныхъ деревьевъ слѣдуетъ упомянуть о тополѣ, масличномъ, персиковомъ и другихъ фруктовыхъ деревьяхъ. Персики такъ хорошо принялись, что составляютъ главнѣйшее топливо города Буэносъ Айреса. Такія плоскія равнины, какъ пампасы, вообще рѣдко производятъ лѣса. Это можно приписать или силѣ вѣтровъ, или быстрому высыханію земли. Однако въ окрестностяхъ Мальдонадо эти причины не могутъ имѣть вліянія, потому что между скалистыми горами лежатъ защищенные мѣста съ разнообразнымъ грунтомъ земли. Кромѣ того почти въ каждой долинѣ встрѣчаются ручьи, а глинистое свойство почвы должно способствовать къ поддержанію влажности. Думаютъ, и очень справедливо, что развитіе лѣсовъ вообще обусловливается годичною суммой влажности *); однако въ этой странѣ зимой бываютъ сильные дожди, а лѣто, хотя

*) Maclaren, art. «America» Encyclop. Britannc.

и сухо, но не чрезмѣрно *). Извѣстно, что почти вся Австралія покрыта высокими деревьями, и однако эта страна пользуется гораздо болѣе сухимъ климатомъ. Слѣдовательно въ этомъ безлѣсіи играютъ роль какія то другія, неизвѣстныя причины.

Если судить по одной Южной Америкѣ, то неволью придешь къ убѣжденію, что деревья могутъ расти только въ сыромъ климатѣ, потому что здѣсь лѣсная полоса чрезвычайно рѣзко совпадаетъ съ направленіемъ влажныхъ вѣтровъ. Въ южной части материка, гдѣ господствуютъ западные вѣтры, несущіе влажность съ Тихаго Океана, каждый островокъ около западнаго берега, отъ 38° широты до самаго конца Огненной Земли, густо покрытъ непроницаемыми лѣсами. На восточномъ склонѣ Кордильеровъ, подъ тою же широтою, мы видимъ ясное небо и постоянный, теплый климатъ, что доказываетъ, что воздухъ, прошедшій черезъ вершины горъ, утратилъ свою влажность;—зато въ сухихъ равнинахъ Патагоніи растительность крайне бѣдна. Въ болѣе сѣверныхъ частяхъ материка, въ предѣлахъ постоянныхъ

*) Азара говоритъ: «я думаю, что годовое количество дождей въ этихъ странахъ больше, чѣмъ въ Испаніи». Vol. I, p. 36.

юговосточныхъ пассатовъ, восточная сторона покрыта великолѣпными лѣсами, а западный берегъ между 4° и 32° ю. шир. справедливо можетъ быть названъ пустыней. На томъ же самомъ западномъ берегу, къ сѣверу отъ 4° ю. ш., гдѣ пассаты теряютъ свою правильность и по временамъ падаютъ сильные дожди, берега Тихаго Океана, пустынные въ Перу, одѣваются близъ Бѣлаго мыса той роскошной растительностью, которой такъ прославились Гваяквилль и Панама. И такъ, въ южной и сѣверной частяхъ материка лѣсистыя и пустынные мѣстности занимаютъ противоположныя стороны относительно Кордильеровъ, и положеніе это очевидно зависитъ отъ направленія господствующихъ вѣтровъ. Средину материка занимаетъ широкій переходный поясъ, заключающій въ себѣ центральную часть Чили и тѣ провинціи Ла Платы, гдѣ влажнымъ вѣтрамъ, приносящимъ дожди, не приходится переходить черезъ высокія горы; за то здѣсь мѣстность не представляетъ крайностей, ни голой пустыни, ни сплошныхъ лѣсовъ. Но даже если принять за правило, что въ Южной Америкѣ деревья растутъ только въ мѣстностяхъ, находящихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ влажныхъ вѣтровъ, то и тогда правило это непримѣнимо, напримѣръ къ Фалькландскимъ островамъ. Эти острова лежатъ подъ одной ши-

ротой съ Огненной Землей и удалены отъ нея только миль на двѣсти или триста; климатъ и геологическая формація почти тѣ же, что и въ Огненной Землѣ; мѣстность благопріятная, и почва такая же торфяниковая; а между тѣмъ на этихъ островахъ едва ли можно указать хоть на нѣсколько растений, достойныхъ названія кустовъ; тогда какъ на Огненной Землѣ не найдешь ни кусочка земли, непокрытаго густымъ лѣсомъ. Въ этомъ случаѣ какъ направленіе вѣтровъ, такъ и теченіе океана способствуютъ перенесенію растительныхъ сѣмянъ изъ Огненной Земли къ берегамъ западныхъ Фалькландскихъ острововъ. Это можно заключить изъ того, что сюда приплываютъ обыкновенно челноки и стволы деревьевъ, оторванные отъ береговъ Огненной Земли. Поэтому то можетъ быть, мы находимъ многія растения въ обѣихъ странахъ. Что же касается до деревьевъ Огненной Земли, то всѣ попытки даже искусственнаго разведенія ихъ на Фалькландскихъ островахъ были безуспѣшны.

Во время нашей стоянки въ Мальдонадо я собралъ нѣсколько звѣрей, восемьдесятъ видовъ птицъ и много пресмыкающихся, въ томъ числѣ девять видовъ змѣй. Изъ крупныхъ туземныхъ млекопитающихъ въ настоящее время остался только одинъ видъ оленя (*Cervus sambaris*), но за то онъ очень многочисленъ встрѣ-

чается небольшими стадами въ мѣстахъ, прилегающихъ къ Ла Платѣ и въ сѣверной Патагоніи. Если подползти къ стаду, то олени сами подходятъ и съ любопытствомъ разсматриваютъ человѣка. Такимъ образомъ я самъ убилъ трехъ животныхъ изъ одного стада. Однако, несмотря на такую смѣлость и любопытство, они страшно боятся верховыхъ и на этотъ счетъ очень опасливы. Здѣсь никто не ходитъ пѣшкомъ, и олень видитъ въ человѣкѣ врага только въ томъ случаѣ, если онъ верхомъ, и притомъ съ арканомъ въ рукѣ. Въ Багіа Бланка, новомъ поселеніи сѣверной Патагоніи, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что олени совершенно не боятся звука ружейныхъ выстрѣловъ. Однажды я стрѣлялъ въ одного оленя на разстояніи восьмидесяти ярдовъ десять разъ сряду, и каждый разъ онъ гораздо больше удивлялся тому, что пуля бороздила землю, чѣмъ звукамъ выстрѣла. Такъ какъ у меня не было болѣе пороху, то я поневолѣ всталъ (мимоходомъ сказать, это не малый стыдъ для охотника, который впрочемъ можетъ бить птицъ на лету) и кричалъ, пока олень не убѣжалъ.

Самая замѣчательная особенность этого животнаго заключается въ нестерпимо-сильномъ и непріятномъ запахѣ, исходящемъ отъ самца. Описать его нѣтъ возможности; когда я сни-

малъ шкуру съ экземпляра, который стоитъ теперь въ зоологическомъ музеѣ, меня нѣсколько разъ тошнило. Шкуру я принесъ домой въ шелковомъ носовомъ платкѣ. Этотъ платокъ былъ тщательно вымытъ, и я сталъ его употреблять по прежнему; но въ теченіи года и семи мѣсяцовъ, каждый разъ, какъ мнѣ приходилось развертывать вымытый платокъ, я явственно слышалъ запахъ. Это удивительный примѣръ прочности вещества, которое въ сущности должно быть весьма тонко и летуче. Часто мнѣ случалось распознавать въ воздухѣ этотъ запахъ за полмили отъ стада, если вѣтеръ дулъ съ той стороны. Мнѣ кажется, что запахъ самца всего сильнѣе въ то время, когда его рога вполнѣ развились или освободились отъ покрывавшей ихъ кожи. Въ это время, конечно, мясо его совершенно негодно въ пищу; но гаухосы увѣряютъ, что если его на нѣкоторое время зарыть въ землю, то запахъ уничтожается. Я гдѣ-то читалъ, что жители острововъ на сѣверѣ Шотландіи поступаютъ такимъ же образомъ съ вонючимъ мясомъ приморскихъ птицъ, питающихся рыбою.

Порядокъ грызуновъ здѣсь очень богатъ видами: однѣхъ мышей я нашелъ не менѣе восьми видовъ *). Самый крупный изъ всѣхъ грызу-

*) Въ Южной Америкѣ я всего на-всего собралъ двадцать семь видовъ мышей; кромѣ того извѣстно еще три-

новъ — рѣчная свинка (*Hydrochaerus Carubara*), встрѣчается здѣсь въ большомъ количествѣ. Одна изъ нихъ, застрѣленная мною около Монте-Видео, вѣсила девятисто восемь фунтовъ; длина ея, отъ конца морды до крошечнаго хвоста, равнялась тремъ футамъ и двумъ дюймамъ, а окружность—тремъ футамъ и восьми дюймамъ. Эти большіе грызуны появляются иногда на островахъ въ устьѣ Ла Платы, гдѣ вода совершенно соленая; но они гораздо многочисленнѣе на берегахъ прѣсныхъ озеръ и рѣкъ. Близъ Мальдонадо они всегда живутъ по три или по четыре вмѣстѣ. Днемъ они или лежатъ между водяными растеніями, или открыто пасутся по зеленымъ лугамъ *). Издали ихъ цвѣтъ и по-

надцать по сочиненіямъ Азары и друг. Тѣ, которыя я нашель, были названы и описаны г. Уатергаузомъ въ собраніи Зоологическаго Общества. Снова пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы выразить самую искреннюю благодарность г. Уатергаузу и другимъ членамъ этого Общества за любезное и просвѣщенное содѣйствіе, оказанное ими во многихъ случаяхъ.

*) Въ желудкѣ и двѣнадцатиперстной кишкѣ рѣчной свинки я нашель очень большое количество прозрачной желтоватой жидкости, въ которой едва можно было найти хоть одно волокно. Г. Оуэнъ увѣдомилъ меня, что часть пищевапріемника у нихъ такимъ образомъ, что ничего крупнаго не можетъ пройти черезъ нее. Дѣйстви-

ходка напоминаютъ свиней; но когда они сидятъ на заднихъ лапкахъ и внимательно смотрятъ однимъ глазомъ на какой нибудь предметъ, то всего болѣе похожи на родственныхъ имъ кроликовъ и морскихъ свинокъ (Cavia). Спереди и сбоку ихъ голова имѣетъ довольно странный и даже смѣшной видъ, по причинѣ необыкновеннаго развитія челюстей. Въ Мальдонадо эти животныя очень смиренны; подвигаясь осторожно, я могъ подойти на разстояніе трехъ ярдовъ къ четверемъ взрослымъ рѣчнымъ свинкамъ. Такая довѣрчивость можетъ быть объяснена тѣмъ, что здѣсь уже давно нѣтъ ягуаровъ, а гаухосы не берутъ на себя труда охотиться за свинками. По мѣрѣ того, какъ я приближался къ нимъ, свинки издавали особый, свойственный имъ звукъ, нѣчто въ родѣ слабого, отрывистаго хрюканья, которое они производятъ вѣроятно внезапнымъ выдыханіемъ изъ себя воздуха. Звукъ этотъ всего болѣе похожъ на то хриплое ворчанье, которое испускаютъ большія собаки, собираясь залаять. Нѣсколько минутъ я стоялъ на разстояніи одного шага отъ нихъ и смотрѣлъ на нихъ; онѣ смотрѣли на меня и не трога-

тельно, широкіе зубы и сильныя челюсти этого животнаго легко могутъ измолоть въ тѣсто водяныя растенія, которыя служатъ ему пищею.

лись съ мѣста, потомъ вдругъ съ величайшей поспѣшностью кинулись въ воду, издавая въ тоже время свое типическое хрюканье. Проплывъ нѣсколько времени подъ водою, онѣ снова показались на поверхности, высывая однако только верхнюю часть головы. Я слышалъ, что когда самка плаваетъ съ дѣтенышами, они сидятъ у нея на спинѣ. Этихъ животныхъ очень легко набить въ большомъ количествѣ, но шкуры ихъ почти не имѣютъ цѣны, а мясо невкусно. На островахъ Рио Парана ихъ страшное множество, и ими обыкновенно питаются ягуары.

Тукутуко (*Stenomys Brasiliensis*) или гребневикъ, очень интересное маленькое животное, которое можно назвать грызуномъ съ нравами крота. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страны гребневиковъ чрезвычайно много, но добыть ихъ трудно, потому что, какъ кажется, они никогда не выходятъ изъ подъ земли. При входѣ въ свою норку тукутуко набрасываетъ кучку земли, какъ и кротъ, но только нѣсколько меньше. Иногда земля бываетъ на довольно большомъ протяженіи такъ подрыта этими животными, что лошадь проваливается выше щетокъ. Кажется, эти животныя живутъ обществами: человекъ, которому я поручилъ достать мнѣ нѣсколько экземпляровъ, поймалъ шестерыхъ разомъ, и говорилъ мнѣ, что это вовсе не рѣдкость. По нра-

вамъ своимъ они принадлежатъ къ ночнымъ животнымъ; питаются преимущественно корнями растеній: отыскивая эту пищу, они прокладываютъ свои неглубокіе, но длинные ходы. Это животное всѣмъ извѣстно по тому особому звуку, который оно производитъ подъ землей. Этотъ звукъ очень поражаетъ того, кто его слышитъ въ первый разъ, потому что сразу не догадаешься, откуда онъ идетъ и отчего происходитъ. Звукъ этотъ состоитъ изъ отрывистыхъ, но не рѣзкихъ носовыхъ хрюканій, повторяющихся очень быстро четыре раза сряду *). Въ подражаніе этому звуку звѣрекъ называется здѣсь тукутуко. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этихъ животныхъ много, хрюканье можно слышать во всѣ часы дня и иногда какъ разъ подъ ногами. Въ комнатѣ тукутуко ворочается медленно и неловко, вѣроятно оттого, что заднія ноги у него слишкомъ вы-

*) Близъ Ріо Negro, въ Сѣверной Патагоніи, встрѣчается животное съ такими же нравами и вѣроятно того же рода, но я его никогда не видалъ. Его звукъ нѣсколько отличается отъ хрюканья мальдонадскаго гребневика; онъ повторяется два раза, а не четыре, и гораздо рѣзче и звончѣе. На нѣкоторомъ разстояніи онъ такъ похожъ на стукъ, производимый топоромъ при рубкѣ маленькаго дерева, что я иногда оставался въ недоумѣніи, точно-ли это звѣрекъ, а не топоръ.

ворочены наружу; точно также онъ не можетъ вспрыгнуть даже на самое маленькое отвѣсное возвышеніе, потому что въ вертлужной впадинѣ недостаетъ одной связки. Ихъ попытки спастись всегда отличаются глупостью; если ихъ разсердить или пугнуть, они тотчасъ издають свое тук тук о. Изъ тѣхъ, которыхъ я держалъ у себя живыми, нѣкоторые сдѣлались ручными съ перваго же дня и не пробовали ни убѣгать, ни кусаться; другіе были немножко подичѣе.

Человѣкъ, который ловилъ ихъ для меня, увѣрялъ, что часто случается находить ихъ совсѣмъ слѣпыми. Экземпляръ, сохраняемый мною въ спиртѣ, былъ также слѣпой. Г. Рейдъ думаетъ, что это слѣдствіе воспаления въ мигательной оболочкѣ глаза. При жизни этого животнаго я держалъ палецъ на подюйма отъ его головы, и онъ ничего не замѣчалъ, хотя ходилъ по комнатѣ нисколько не хуже другихъ. Такъ какъ всѣ они живутъ подъ землею, то слѣпота, такъ часто встрѣчающаяся между ними, не можетъ быть для нихъ очень тягостна; но какъ-то странно видѣть у животнаго органъ, такъ часто подверженный болѣзни. Ламаркъ былъ бы восхищенъ этимъ фактомъ, еслибы зналъ его, когда строилъ свою теорію *)

*) Philosoph. Zoolog. tom. I, p. 242.

(довольно, кажется, вѣрную) о постепенно приобрѣтаемой слѣпотѣ у цокора (*Aspalax*, земляная медвѣдка), грызуна живущаго также подъ землей, и у протeya, пресмыкающагося, находимаго въ темныхъ пещерахъ, наполненныхъ водою; у этихъ животныхъ глаза находятся почти въ зачаточномъ состоянiи и покрыты волокнистой перепонкой и плевою. У обыкновеннаго крота глаза чрезвычайно малы, но вполне развиты, хотя многіе анатомы сомнѣваются на счетъ ихъ связи съ настоящимъ зрительнымъ нервомъ. Зрѣніе у крота конечно плохое, но вѣроятно все-таки служить ему пособіемъ, когда онъ выходитъ изъ норки. У тукутуко, который, кажется, никогда не выходитъ на поверхность земли, глаза больше, но часто слѣпнутъ и становятся бесполезны, что впрочемъ, повидимому, не причиняетъ животному никакого неудобства. Безъ сомнѣнія, Ламаркъ сказалъ бы, что тукутуко теперь въ переходномъ состоянiи и превращается въ цокора и протeya.

На холмистыхъ зеленыхъ равнинахъ вокругъ Мальдонадо водится множество птицъ разныхъ родовъ. Есть нѣсколько видовъ изъ семейства, сходнаго по строенію и нравамъ съ нашими скворцами; изъ нихъ особенно замѣчательнъ видъ *Molothrus niger*. Часто видишь, какъ эти птицы цѣлой кучкой насѣдаютъ на спину ло-

шади или коровы; сидя на изгороди и охорашиваясь на солнышкѣ, онѣ иногда начинаютъ пѣть или, вѣрнѣе, свистать. Звуки ихъ пѣсни очень странны, какъ будто пузырьки воздуха быстро выходятъ черезъ маленькое отверстіе подѣ водой и производятъ пронзительный звукъ. По словамъ Азары эта птица кладетъ свои яйца въ чужія гнѣзда, какъ наша кукушка. Мнѣ говорили здѣшніе жители, что дѣйстви-тельно здѣсь есть птица съ такими нравами; а коллекторъ мой, человекъ очень дѣльный и аккуратный, нашелъ въ гнѣздѣ здѣшняго воробья (*Zonotrichia matutina*) одно яйцо крупнѣе прочихъ и совсѣмъ инаго цвѣта и формы. Въ Сѣверной Америкѣ есть другой видъ скворца (*Molothrus pecoris*) съ такими же кукушачьими привычками; онъ и во всемъ остальномъ очень сходенъ съ тѣмъ, который встрѣчается въ Ла-Платѣ, — даже до такой подробности, что также садится на спину домашнихъ животныхъ. Единственная разница между ними та, что сѣверо-американскій нѣсколько меньше ростомъ, а его перья и яйца имѣютъ слегка другой отѣнокъ. Такое подробное сходство въ строеніи и нравахъ двухъ видовъ, принадлежащихъ къ одному роду, но живущихъ на противоположныхъ концахъ громаднаго материка, хотя встрѣчается очень часто, но всегда поражаетъ.

Г. Суэнсонъ справедливо замѣтилъ *), что изъ всѣхъ птицъ, кромѣ кукушки, одинъ только *Molothrus pecoris*, да развѣ еще *Molothrus niger*, могутъ быть названы настоящими паразитами, т. е. такими, «которые, какъ будто, приживаются къ другому животному, пользуются его теплотой для вывода своихъ дѣтенышей, питаются его кормомъ и наконецъ въ раннемъ періодѣ своего существованія, вполнѣ зависятъ отъ существованія своихъ воспитателей». Замѣчательно, что нѣкоторые изъ видовъ кукушекъ и *molothri*, сходны только въ этомъ странномъ способѣ обезпеченія своего потомства, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они совершенно различны другъ отъ друга: *molothrus*, какъ и нашъ скворецъ, чрезвычайно общежителенъ и живетъ въ открытыхъ мѣстахъ, безъ всякихъ хитростей и уловокъ; кукушка же, какъ всѣмъ извѣстно, очень дика, держится въ лѣсу въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ и питается плодами и гусеницами. По строенію своему эти роды птицъ также крайне различны. Для того, чтобы объяснить странную привычку кукушки класть яйца въ чужія гнѣзда, прибѣгали къ разнымъ теоріямъ, раз-

*) Magazine of Zoology and Botany, vol. I, p. 217.

сматривали даже вопросъ съ френологической точки зрѣнія. Въ этомъ запутанномъ дѣлѣ кажется только одинъ Прево *) угадалъ истину; онъ замѣтилъ, что самка кукушки, которая, по наблюденіямъ многихъ натуралистовъ, кладетъ по крайней мѣрѣ четыре или шесть яицъ, должна каждый разъ по снесеніи одного или двухъ яицъ снова оплодотворяться самцомъ. При такомъ порядкѣ вещей она должна бы была или садиться на всѣ яйца заразъ, и въ это время первыя изъ снесенныхъ ею успѣли бы уже сдѣлаться болтунами, или ей пришлось бы высиживать поочередно каждое яйцо или каждую пару яицъ, по мѣрѣ снесенія ихъ. Но такъ какъ кукушка остается въ данной странѣ даже болѣе короткое время, чѣмъ другія перелетныя птицы, то понятно, что ей не достало бы времени для высиживанія всѣхъ яицъ. Слѣдовательно, причина, почему она кладетъ свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ для высиживанія и вывода дѣтей, заключается въ томъ, что она совокупляется нѣсколько разъ и несетъ яйца не сряду, а съ промежутками. Я твердо убѣжденъ въ справедливости этого воззрѣнія тѣмъ болѣе, что самъ, лично и самостоятельно (какъ

*) Читано въ Парижской Академіи Наукъ. L'Institut, 1834 p. 418.

окажется впоследствии), пришелъ къ такому же заключенію относительно южно-американскаго страуса. Самки этихъ птицъ живутъ, такъ сказать, паразитами въ своемъ кругу, именно, каждая изъ нихъ раскладываетъ свои яйца по гнѣздамъ нѣсколькихъ другихъ самокъ; весь же трудъ высиживанія принимаетъ на себя самецъ, подобно тѣмъ птицамъ, которымъ кукушка поручаетъ воспитаніе своихъ птенцовъ.

Упомяну еще о двухъ птицахъ, которыя здѣсь очень обыкновенны и обращаютъ на себя вниманіе своими нравами. *Saurorhagus sulphuratus* есть характерный представитель большаго американскаго отряда мухоловокъ. По своему строенію онъ приближается къ баббанамъ, а по образу жизни сходенъ со многими птицами. Охотясь въ полѣ, я часто видалъ его неподвижно висящимъ въ воздухѣ, подобно соколу, и потомъ быстро перелетающимъ на другое мѣсто. Въ этомъ положеніи его даже на близкомъ разстояніи можно принять за хищную птицу; но въ силѣ и быстротѣ полета онъ далеко уступаетъ соколу. Иногда *Saurorhagus* садится около воды, подобно зимородку, выжидаетъ рыбу и хватается ту, которая подходитъ близко къ берегу. Этихъ птицъ часто держатъ въ клѣткахъ или даже на птичьихъ дворахъ, подстригая имъ крылья. Онѣ скоро дѣлаются ручными и очень забавны своими лука-

выми и своеобразными ухватками, похожими на ухватки обыкновенной сороки. Полетъ ихъ неровный и волнообразный, потому что голова и клювъ слишкомъ тяжелы сравнительно съ тѣломъ. Вечеромъ *Saurorhagus* часто садится на кусты около дороги и непрерывно повторяетъ одинъ и тотъ же рѣзкій, но приятный крикъ, въ которомъ слышится, какъ будто, человѣческая рѣчь. Испанцы говорятъ, что эта птица выговариваетъ слова: «*Bien te veo*» (я хорошо тебя вижу) и называютъ ее такимъ образомъ.

Одинъ пересмѣшникъ (*Mimus orpheus*), называемый туземцами *calandria*, замѣчательнъ тѣмъ, что поетъ лучше всѣхъ здѣшнихъ птицъ. Можно даже сказать, что это почти единственная птица Южной Америки, которая садится съ явнымъ намѣреніемъ пѣть. Она поетъ въ родѣ нашей камышовки, но только гораздо громче: ея пѣніе есть смѣсь приятнаго щебетанія съ рѣзкими, иногда очень высокими нотами. Она поетъ только весной. Въ остальное время года ея крикъ рѣзокъ и нисколько не мелодиченъ. Въ окрестностяхъ Мальдонадо эти птички очень смѣлы; онѣ постоянно летаютъ стаями около сельскихъ домовъ, чтобы поклевать мяса, вывѣшеннаго для просушки на шестахъ или стѣнахъ. Если какая нибудь другая маленькая

птичка вздумаетъ принять участіе въ пиршествѣ, каландріи тотчасъ отгоняютъ ее прочь. Въ обширныхъ незаселенныхъ равнинахъ Патагоніи водится другой близкій видъ, *O. Patagonica D'Orbigny*, который посѣщаетъ долины, поросшія колючимъ кустарникомъ; эта птица дичѣе, и голосъ имѣетъ нѣсколько другой. Но замѣчательно, что когда я въ первый разъ увидалъ этотъ видъ, то мнѣ бросилась въ глаза разница его нравовъ съ каландріей, которую я видѣлъ въ Мальдонадо, и я заключилъ, что онѣ принадлежатъ къ различнымъ видамъ; впоследствии, доставъ экземпляръ патагонскаго вида, мнѣ случилось сравнивать ихъ между собою, и при поверхностномъ наблюденіи онѣ показались мнѣ до такой степени схожими, что я перемѣнилъ свое мнѣніе на счетъ разности видовъ. Но вотъ г. Голдъ (*Gould*) находитъ теперь, что онѣ дѣйствительно принадлежатъ къ различнымъ видамъ, и этотъ выводъ сдѣланъ имъ независимо отъ несходства нравовъ, о которомъ онъ даже и не зналъ.

Человѣка, привыкшаго видѣть птицъ одной сѣверной Европы, поражаютъ южно-американскіе стервятники: поражаютъ и многочисленностью, и дерзостью, и противными привычками. Къ числу ихъ относятся четыре вида: каракара или *Polyborus*, аура, галлиласо и кон-

доръ. Каракара относятъ къ орламъ; однако мы тотчасъ увидимъ, какъ мало эта птица достойна такого почетнаго мѣста. По нравамъ она похожа на нашихъ воронъ, сорокъ и вѣроновъ, которыхъ она здѣсь замѣняетъ, потому что, хотя эти птицы разсѣяны по всему земному шару, но именно въ южной Америкѣ ихъ нѣтъ. Начнемъ съ каракары. Это очень обыкновенная птица и предѣлы ея географическаго распространенія очень обширны; всего многочисленнѣе она въ зеленыхъ саваннахъ Ла-Платы, гдѣ ее называютъ карранча (Carancho); нерѣдко встрѣчается она и въ бесплодныхъ равнинахъ Патагоніи. Въ пустынной полосѣ между рѣками Негро и Колорадо онѣ постоянно держатся близь дороги и пожираютъ трупы животныхъ, погибшихъ какъ нибудь отъ усталости или жажды. Хотя такимъ образомъ птица эта водится въ открытыхъ и сухихъ мѣстахъ и на бесплодныхъ берегахъ Тихаго Океана, но ее встрѣчаютъ также и во влажныхъ, дремучихъ лѣсахъ сѣверной Патагоніи, и на Огненной землѣ. Карранча и чиманго держатся всегда стаями около селеній (estancias) и боень, гдѣ бьютъ скотъ. Если падеть какое нибудь животное, то пировать начинаютъ галлиласо, а обглаживаютъ кости оба эти вида каракара. Хотя эти птицы ѣдятъ вмѣстѣ, но живутъ онѣ далеко не дружно. Когда карранча сидитъ спокойно на

землѣ или деревѣ, чиманго часто летаетъ изъ стороны въ сторону, кружится и всячески старается ударить своего болѣе сильнаго сродника. Карранча мало обращаетъ на это вниманія и только машетъ головой. Карранчи часто встрѣчаются стаями, но живутъ не сообща; въ пустынныхъ мѣстахъ онѣ водятся или въ одиночку, или, чаще, парами.

Говорятъ, что карранчи очень сильны и вооружены множествомъ яицъ. Они вмѣстѣ съ чиманго склевываютъ также струнья съ болячекъ и ранъ на спинахъ лошадей и муловъ. Капитанъ Гедъ очень удачно и картинно описалъ непривлекательный видъ, который представляютъ съ одной стороны несчастное животное, съ вытянутыми ушами и выгнутой спиной, а съ другой эта хищная птица, парящая надъ нею въ воздухѣ и высматривающая на разстояніи какого нибудь ярда свое отвратительное лакомство. Эти лже-орлы очень рѣдко убиваютъ живую птицу или животное. Ихъ коршуньи привычки вѣсть падаль—знакомы всякому, кому случилось засыпать въ пустынныхъ равнинахъ Патагоніи; проснувшись, всегда увидишь на каждомъ окружающемъ холмѣ по крайней мѣрѣ по одной такой птицѣ, которая терпѣливымъ, но зловѣщимъ окомъ всматриваются въ предполагаемую добычу. Это одна изъ характерныхъ чертъ здѣшней мѣстности, и она конеч-

но знакома и памятна всякому, кто здѣсь путешествовалъ. Если отправляется партія охотниковъ съ собаками и лошадьми, то стая этихъ птицъ цѣлый день будетъ всюду за ними слѣдовать. Когда онѣ наѣдятся, то голый зобъ ихъ сильно надувается. Въ это время, да и вообще, карранча лѣнивое, смиренное и трусливое животное. Полетъ у ней медленный и тяжелый, какъ у англійскаго грача. Она рѣдко паритъ въ высотѣ; но раза два мнѣ случалось видѣть, что она очень свободно плавала въ воздухѣ на большой высотѣ. Она бѣгаетъ (а не скачетъ) изрядно, но не такъ быстро, какъ нѣкоторые изъ птицъ того же рода. По временамъ карранча становится криклива: крикъ у ней громкій, рѣзкій и совершенно особенный; его можно сравнить съ горловымъ испанскимъ g, вслѣдъ за которымъ слѣдуетъ сильное r. Испуская этотъ крикъ, птица все болѣе и болѣе закидываетъ голову назадъ, такъ что наконецъ маковка почти касается нижней части спины, а широко разинутый клювъ смотритъ вверхъ. Въ вѣрности этого факта сомнѣвались; на дѣлѣ однако выходитъ совершенно такъ; я самъ видѣлъ ихъ много разъ въ этомъ странномъ положеніи, съ закинутыми назадъ головами. Къ этимъ замѣчаніямъ я могу прибавить еще, опираясь на авторитетъ Азары, что карранча питается червями, раковинами, слизнями, кузне-

чиками и лягушками; убиваетъ ягнятъ, разрывая ихъ пуповину, а также преслѣдуетъ галинасо и гоняется за нимъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не изрыгнетъ только что проглоченную падаля. Наконецъ Азара увѣряетъ, что карранчи собираются по пяти или шести штукъ вмѣстѣ на охоту за какою нибудь большой птицей, наприм. за цаплею. Всѣ эти факты доказываютъ, что у нея очень подвижной нравъ и довольно сметливости.

Polyborus Chimango гораздо меньше ростомъ, чѣмъ предшествующая птица. Она вполне всеядная, ѣстъ даже хлѣбъ. Меня увѣряли, что она наноситъ чувствительный вредъ бататовымъ посѣвамъ на остр. Чилоэ, вырывая съ корнемъ только что посаженные бататы. Изъ всѣхъ птицъ, питающихся падалью, она всѣхъ дольше остается на остовѣ мертваго животного, и часто можно ее видѣть внутри реберъ лошади или коровы, точно въ клѣткѣ. Другой видъ той же птицы представляетъ *Polyborus* Новозеландскій, чрезвычайно распространенный на Фальклендскихъ островахъ. Нравы этихъ птицъ во многихъ отношеніяхъ сходны съ нравами карранча. Онѣ питаются падалью и морскими животными; на скалистомъ островѣ Рамиресъ онѣ достаютъ себѣ пропитаніе только изъ моря. Онѣ необыкновенно дерзки безстрашны и водятся въ сосѣдствѣ домовъ,

чтобы поѣдать всякія остатки. Если охотники убьютъ какое нибудь животное, немедленно собирается множество этихъ птицъ: онѣ садятся вокругъ, смотрятъ и терпѣливо ждутъ своей очереди. Когда наѣдятся, голый зобъ ихъ сильно выдается впередъ и придаетъ имъ отвратительный видъ. Онѣ очень охотно нападаютъ на раненыхъ птицъ: бакланъ, прилетѣвшій въ такомъ видѣ къ берегу, былъ немедленно схваченъ хищниками и добитъ ихъ клювами. «Бигль» былъ у Фальклендскихъ острововъ только лѣтомъ, но офицеры корабля «Адвенчюръ», которые стояли здѣсь зимой, рассказываютъ много удивительныхъ примѣровъ смѣлости и хищности этихъ птицъ. Я самъ видѣлъ, какъ онѣ бросились на собаку, спавшую возлѣ одного изъ насъ, а на охотѣ съ трудомъ отбивали ихъ отъ раненыхъ гусей. Рассказываютъ, что, собираясь по нѣскольку вмѣстѣ (въ этомъ отношеніи онѣ похожи на карранчей), онѣ садятся у входа въ кроличью норку и всѣ вмѣстѣ бросаются на выходящее животное. Онѣ постоянно прилетали на корабль, пока мы стояли въ гавани, и нужно было постоянно смотрѣть, чтобы онѣ не сорвали на снастяхъ кожу, или не унесли бы говядину и дичь съ кормы. Эти птицы очень лукавы и любопытны; онѣ подбираютъ съ земли всякую всячину: одинъ разъ у насъ унесли за цѣлую милю ла-

кированную черную шляпу, а въ другой разъ пару большихъ шаровъ, употребляемыхъ для ловли животныхъ. Г. Осборнъ заплатился очень дорогой для него вещью; онѣ украли у него маленькій катеровскій компасъ въ красномъ сафьянномъ футлярѣ. Кромѣ того эти птицы драчливы и очень задорны; въ порывахъ злобы онѣ своими клювами вырываютъ траву изъ земли. Чиманго не живутъ обществами, не парятъ въ высотѣ, и вообще полетъ у нихъ тяжелый и неуклюжій; за то они бѣгаютъ очень скоро, почти какъ фазаны. Они очень шумны и кричатъ на нѣсколько ладовъ; одинъ изъ этихъ неприятныхъ звуковъ похожъ на голосъ англійскаго грача, отчего моряки и называютъ ихъ грачами. Любопытно, что они точно также, какъ карранча, закидываютъ голову вверхъ и назадъ, когда кричатъ. Гнѣзда вьютъ на скалистыхъ морскихъ берегахъ, но только на мелкихъ, сосѣднихъ между собою островкахъ, а не на большихъ; — странная предосторожность въ такой безстрашной и дерзкой птицѣ. Моряки говорятъ, что вареное мясо этихъ птицъ совершенно бѣло и вкусно, но нужна порядочная рѣшимость, чтобы отважиться попробовать такого кушанья.

Остается описать только ауру (*Vultur aura*) и галинасо. Первая встрѣчается повсюду, гдѣ есть хоть умѣренная влажность, отъ мыса Гор-

на до Сѣверной Америки. Въ противоположность каракарѣ и чиманго, эта птица проникла и на Фальклендскіе острова. Аура живетъ или въ одиначку или попарно. Ее легко узнать издали по легкому, высокому и плавному полету. Извѣстно, что она питается падалью. На западномъ берегу Патагоніи и на лѣсистыхъ островкахъ она исключительно питается тѣмъ, что выбрасываетъ море, да трупами тюленей. Всюду, гдѣ на скалахъ собираются тюлени, непременно увидишь и ауру. Галлинасo или катартъ (*Cathartis atratus*) имѣетъ другое географическое распространеніе, потому что не встрѣчается южнѣе 41° широты. Азара говоритъ, что существуетъ преданіе, будто этихъ птицъ во времена завоеванія Америки не было въ окрестностяхъ Монте-Видео и что онѣ перешли сюда въ послѣдствіи вслѣдъ за переселенцами съ сѣвера. Въ настоящее время ихъ чрезвычайно много въ долину Колорадо, которая тянется на триста миль къ югу отъ Монте-Видео. Очень можетъ быть, что это частное переселеніе случилось уже послѣ Азары. Галлинасo вообще любятъ влажный климатъ или, вѣрнѣе сказать, ищутъ сосѣдства прѣсной воды; поэтому чрезвычайно много въ Бразиліи и Ла Платѣ и вовсе нѣтъ въ сухихъ равнинахъ сѣверной Патагоніи, за исключеніемъ береговъ нѣкоторыхъ рѣкъ. Птицы эти встрѣ-

чаются повсюду въ Пампасахъ, вплоть до подошвы Кордиллеровъ, но я никогда не видалъ и даже не слыхивалъ объ нихъ въ Чили; въ Перу ихъ цѣнятъ, какъ истребителей всякихъ нечистотъ. Эти грифы могутъ быть названы общественными, потому что они любятъ сидѣть стаями и собираются не съ одною только цѣлью дѣлить общую добычу.

Въ ясную погоду нерѣдко видишь, какъ они цѣлыми стаями выются въ высотъ, причемъ каждая птица чрезвычайно граціозно описываетъ въ воздухѣ круги, не взмахивая крыльями. Ясно, что это дѣлается изъ любви къ искусству или, можетъ быть, имѣетъ какое нибудь отношеніе къ ихъ брачнымъ видамъ.

Я описалъ всѣхъ стервятниковъ за исключеніемъ кондора: но о немъ лучше поговорю тогда, когда мы вступимъ въ страну, болѣе соответствующую его нравамъ, чѣмъ равнины Ла Платы.

Въ широкой цѣпи песчаныхъ холмовъ, которые отдѣляютъ Лагуна дель Потреро отъ береговъ Ла Платы, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мальдонадо, я нашелъ цѣлую кучу сплавившихся, кремнистыхъ трубокъ, которыя образуются ударами молніи въ сыпучій песокъ. Эти трубки во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ тѣми, которыя были найдены въ Дриггъ въ Ком-

бердэндѣ, и описаны въ запискахъ геологическ. Общества *).

Песчаные холмы Мальдонадо, не защищаемые растительностью, постоянно мѣняютъ свое мѣсто. Отъ этого трубки выставились надъ поверхностью почвы, и многочисленные обломки ихъ показываютъ, что нѣкогда онѣ были зарыты гораздо глубже. Я видѣлъ четыре изъ нихъ, углубленныя въ песокъ совершенно отвѣсно. Раскапывая песокъ руками, я прослѣдилъ одну изъ нихъ до глубины двухъ футовъ; приложивъ къ этой трубкѣ нѣсколько обломковъ, очевидно принадлежавшихъ къ ней, я нашелъ, что длина ея равняется, 5 фут. 3 дюйм. Но такъ какъ поперечникъ этой трубки былъ почти повсей длинѣ одинаковъ, то можно заключить, что первоначальная глубина ея была несравненно больше. Эти размѣры однако ничтожны въ сравненіи съ трубками, найденными въ Комберлэндѣ, изъ которыхъ одну прослѣдили до глубины тридцати футовъ.

Внутренняя поверхность, блестящая и гладкая, совершенно остеклянилась. Отъ большаго

*) Geolog. Transact. vol. II, p. 528. Въ Philosoph. Transact. (1790, p. 294). Дръ Пристли описываетъ нѣсколько неполныхъ кремнистыхъ трубокъ и сплавленный кварцевый голышъ, найденные въ землѣ подъ деревомъ, на мѣстѣ, гдѣ молнія убила человѣка.

количества маленькихъ пузырьковъ воздуха, а можетъ быть и пара, маленькій осколокъ этой трубки, рассмотрѣнный мною подъ микроскопомъ, имѣлъ видъ сплава, образованнаго паяльной трубкой. Песокъ весь или почти весь—кремнистый; но въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ чернаго цвѣта, и поверхность его имѣетъ металлическій блескъ. Толщина стѣнокъ трубки измѣняется отъ одной тридцатой до одной двадцатой дюйма, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ доходитъ до одной десятой. На наружной сторонѣ песчинки округлены и какъ будто покрыты глазурью: я не могъ замѣтить никакихъ слѣдовъ кристаллизаціи. Эти трубки, точно также какъ и описанныя въ «Geological Transactions,» большею частію нѣсколько сдавлены и имѣютъ глубокія продольныя борозды, что придаетъ имъ большое сходство съ морщинистымъ растительнымъ стеблемъ или съ корою вяза или пробковаго дерева. Въ окружности онѣ имѣютъ около двухъ дюймовъ; но въ нѣкоторыхъ кускахъ, цилиндрическихъ и вовсе неизборожденныхъ, окружность равнялась четыремъ дюймамъ. Давленіе окружающаго песка въ то время, когда трубки были еще мягки отъ дѣйствія сильнаго жара, безъ всякаго сомнѣнія произвело эти складки или борозды. Если судить по несдавленнымъ обломкамъ, то размѣръ или, если можно такъ выразиться, буравъ молніи дол-

женъ былъ имѣть около одного дюйма съ четвертью въ поперечникѣ. Въ Парижѣ гг. Гашеттъ и Бёданъ *) удалось сдѣлать искусственныя трубки, похожія на эти фульгуриты, посредствомъ проведенія очень сильнаго гальваническаго тока черезъ мелко истолченное стекло: если къ стеклу прибавляли соли, чтобы увеличить плавкость массы, то всѣ размѣры трубокъ значительно увеличивались. Опыты надъ толченнымъ кварцомъ или полевымъ шпатомъ не удались. Одна изъ трубокъ, образовавшаяся изъ толченнаго стекла, имѣла около дюйма въ длину, именно .982, а внутренній поперечникъ ея былъ въ .019 дюйма.

Если вспомнить, что при этихъ опытахъ были употреблены самыя сильныя гальваническія батареи въ Парижѣ и что онѣ могли образовать въ такомъ плавкомъ веществѣ трубки только такихъ ничтожныхъ размѣровъ, то нельзя не удивляться силѣ удара молніи; падая въ песокъ, она образуетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ цилиндры около тридцати футовъ длины съ внутреннимъ сверломъ въ цѣлыхъ полтора дюйма (въ несдавленныхъ частяхъ), и все это

*) *Annales de Chimie et de Physique*. Tome XXXVII, p. 319.

въ веществѣ до такой степени упорномъ, какъ кварцъ!

Трубки, какъ я уже говорилъ, входятъ въ песокъ почти отвѣсно. Однако я видѣлъ одну, менѣе правильную, чѣмъ остальные, которая уклонялась отъ прямой линіи почти на тридцать три градуса. Отъ этой трубки двѣ меньшія вѣтви отходили почти на цѣлый футъ; одна была направлена внизъ, а другая вверхъ. Это очень замѣчательный случай, потому что здѣсь электричество должно было повернуть назадъ подъ угломъ въ 26° отъ своего главнаго направленія. Кромѣ четырехъ вертикальныхъ трубокъ, подъ поверхностью земли я нашелъ еще нѣсколько обломковъ, которыхъ первоначальное мѣсто находилось вѣроятно по близости. Всѣ они лежали на ровномъ мѣстѣ, въ слой переноснаго песку, занимавшаго шестьдесятъ ярдовъ въ длину и двадцать въ ширину; этотъ слой залегалъ между нѣсколькими довольно высокими песчаными холмами, а въ разстояніи полумили отъ него находилась цѣпь холмовъ въ четыреста и пятьсотъ футовъ вышиною. Я думаю, что здѣсь, равно какъ и въ Дриггѣ, и еще въ томъ случаѣ, который описанъ г. Риббентропомъ въ Германіи, самое важное обстоятельство заключается въ количествѣ трубокъ, найденныхъ на такомъ ограниченномъ пространствѣ. Въ Дриггѣ на про-

тяженіи пятнадцати ярдовъ ихъ найдено три; точно такое же число найдено и въ Германіи. Въ случаѣ, описанномъ мною, на пространствѣ шестидесяти ярдовъ, при 20 ярд. въ поперечникѣ, ихъ было безъ сомнѣнія больше четырехъ.

Такъ какъ нельзя предположить, чтобы трубки образовались послѣдовательными отдѣльными ударами, то должно думать, что молнія передъ тѣмъ, чтобы войти въ землю, дѣлится на нѣсколько отдѣльныхъ вѣтвей.

Окресности Ла Платы, повидимому, особенно подвержены электрическимъ явленіямъ. Въ 1793 *) одна изъ самыхъ разрушительныхъ грозъ, какія только запомнятъ, разразилась надъ Буэносъ Айресомъ: въ самомъ городѣ молнія упала въ тридцати семи мѣстахъ и убила девятнадцать человѣкъ. На основаніи фактовъ, заявляемыхъ въ различныхъ путешествіяхъ, я склоненъ предположить, что сильныя грозы особенно часто случаются около устьевъ большихъ рѣкъ. Можетъ быть смѣшеніе большихъ массъ прѣсной и соленой воды нарушаетъ равновѣсіе электричества? Даже во время нашихъ случайныхъ и короткихъ посѣщеній этой части Южной Америки, мы слышали, что молнія уда-

*) Azara. Voyage, vol. I, p. 36.

рила въ корабль, въ двѣ церкви и въ домъ. Церкви и домъ я видѣлъ вскорѣ послѣ приключенія: домъ принадлежалъ г. Гуду, нашему генеральному консулу въ Монте Видео. Молнія оставила послѣ себя любопытные слѣды: обои по обѣимъ сторонамъ отъ того мѣста, гдѣ проходила проволока колокольчика, почернѣли почти на цѣлый футъ. Металлъ расплавился, и, хотя комната была почти въ пятнадцать футовъ вышины, падающія на мебель капли прожгли въ ней рядъ мелкихъ дыръ. Часть стѣны была разрушена, будто порохомъ, и обломки были отброшены, съ такой силой, что образовали впадины въ противоположной стѣнѣ комнаты. Рамка зеркала почернѣла, и позолота вѣроятно улетучилась, потому что флаконъ, стоявшій на каминѣ, покрылся свѣтлыми металлическими частичками, которыя пристали къ нему такъ плотно, какъ будто настоящая позолота.

ГЛАВА IV.

Ріо Негро. — Нападенія индѣйцевъ на фермы. — Соляныя озера. — Красныя гусп. — Отъ Р. Негро до Р. Колорадо. — Священное дерево. — Патагонскій заяць. — Индѣйскія семейства. — Генераль Розасъ. — Путешествіе въ Багіа Бланка. — Соляныя налеты. — Пунта Альта.—
Вонючка.

Отъ Ріо Негро до Багіа Бланка.

24 іюля 1833 г. «Бигль» отплылъ изъ Мальдонадо и 3 августа бросилъ якорь близъ устья Ріо Негро. Это главная рѣка на всемъ протяженіи между Магеллановымъ проливомъ и Ла Платой. Она впадаетъ въ море приблизительно на триста миль къ югу отъ устьевъ Ла Платы. Около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, подъ старымъ испанскимъ владычествомъ, здѣсь находилась небольшая колонія. И до сихъ поръ на восточномъ берегу Америки это самое южное

(41° тир.) мѣсто, изъ числа населенныхъ цивилизованными людьми.

Мѣстность около устьевъ рѣки имѣеть до нельзя печальный видъ. Съ юга тянется длинный рядъ отвѣсныхъ утесовъ, представляющихъ разрѣзъ геологическаго строенія страны. Слои состоятъ вообще изъ песчаника; но одинъ изъ нихъ замѣчателенъ конгломератами пемзы, плотно слившимися между собой. Чтобы съ Андовъ попасть сюда, слой этотъ долженъ былъ пройти пространство въ 400 миль. На поверхности этихъ утесовъ вездѣ лежитъ толстый слой хряща, который продолжается во всѣ стороны и на равнинѣ. Растительность очень бѣдна; и хотя встрѣчаются кусты различныхъ родовъ, но всѣ они вооружены грозными шипами, которые какъ будто предостерегаютъ путника отъ этихъ негостепріимныхъ мѣстъ.

Колонія лежитъ на восемнадцать миль вверхъ по рѣкѣ. Дорога идетъ у подошвы наклоннаго утеса, составляющаго сѣверную границу большой долины, въ которой протекаетъ Ріо Negro. По дорогѣ мы видѣли развалины нѣсколькихъ прекрасныхъ фѣрмъ, «estancias», разрушенныхъ немного лѣтъ назадъ индѣйцами. Онѣ выдержали нѣсколько нападений. Одинъ очевидецъ весьма живо описалъ мнѣ такое происшествіе.

Жители были на столько предупреждены, что

успѣли загнать весь домашній скотъ и лошадей въ ограду *), устроенную вокругъ дома, и приготовить нѣсколько пушекъ. Индѣйцы были изъ племени арауканцевъ, изъ южной части Чили; ихъ было нѣсколько сотъ вполне дисциплинированныхъ воиновъ. Сначала они показались двумя отрядами на сосѣдномъ холмѣ; потомъ сошли съ лошадей и, сбросивъ съ себя мѣховые плащи, совершенно нагѣ пошли къ атаку. Единственное оружіе индѣйца составляетъ длинная бамбуковая палка, украшенная страусовыми перьями и оканчивающаяся острымъ копьемъ. Такое оружіе они называютъ чузо. Мой разскащикъ съ ужасомъ вспоминалъ, какъ они махали этими пиками, приближаясь къ фермѣ.

Когда индѣйцы подошли совершенно близко, ихъ кадикъ, Пинчейра, закричалъ осажденнымъ, чтобы они сдавались, или онъ ихъ всѣхъ перерѣжетъ. Такъ какъ исполненіе угрозы во всякомъ случаѣ было бы слѣдствіемъ ихъ вторженія, то залпъ изъ ружей былъ единственнымъ отвѣтомъ. Индѣйцы съ большою твердостью подошли къ оградѣ, но къ своему удивле-

*) Такія ограды называются «corral»; онѣ состоятъ изъ высокихъ и толстыхъ бревенъ. Каждая estancia или ферма имѣетъ такой дворъ.

нію нашли, что бревна скрѣплены желѣзными гвоздями, вмѣсто кожаныхъ ремней и, разумѣется, тщетно старались разрѣзать ихъ ножами. Это спасло жизнь осажденныхъ христіанъ. Много раненныхъ индѣйцевъ было уже унесено товарищами, и наконецъ, когда одинъ изъ предводителей былъ также раненъ, они затрубили въ рогъ, что было сигналомъ къ отступленію. Они вернулись къ своимъ лошадямъ и, повидимому, держали военный совѣтъ. То была минута мучительнаго ожиданія для испанцевъ. Всѣ боевые запасы ихъ, за исключеніемъ небольшого числа патроновъ, были уже истрачены. Вдругъ индѣйцы вскочили на лошадей и ускакали изъ виду. Другое нападеніе было отражено еще быстрѣе. Тутъ у пушки стоялъ хладнокровный французъ; онъ ждалъ, пока индѣйцы подошли совершенно близко, и тогда пронизалъ ихъ строй картечью. Такимъ образомъ онъ положилъ сразу тридцать девять человѣкъ. Разумѣется, подобный выстрѣлъ долженъ былъ обратить въ бѣгство всѣхъ остальныхъ.

Городъ называется безразлично Эль-Кармень, или Патагонесъ. Онъ построенъ на склонѣ утеса, обращеннаго къ рѣкѣ. Многіе дома даже высѣчены въ песчаникѣ. Рѣка имѣетъ двѣсти или триста ярдовъ въ ширину; она глубока и быстра. Множество острововъ съ растущими на нихъ ивами и съ плоскими мысами, выдаю-

щимися одинъ за другимъ по всей сѣверной окраинѣ широкой, зеленой долины, составляютъ при яркомъ освѣщеніи солнца довольно живописную картину. Жителей здѣсь не больше нѣсколькихъ сотенъ.

Эти испанскія поселенія не имѣютъ въ самихъ себѣ, какъ наши англійскія, элементовъ для своего процвѣтанія. Здѣсь живетъ много чистокровныхъ индѣйцевъ: такъ напримѣръ, на окраинѣ города постоянно стоятъ тольдосы *), принадлежащія къ племени кадика Люкани. Мѣстное начальство снабжаетъ ихъ отчасти пищею, отдавая имъ всѣхъ старыхъ негодныхъ лошадей; кромѣ того они выручаютъ нѣсколько денегъ, выдѣлывая различную конскую сбрую. Эти индѣйцы считаются цивилизованными; но то, что они приобрѣли по части смягченія нравовъ, далеко нельзя считать усовершенствованіемъ нравственности, которая у нихъ крайне распущена. Однако изъ молодыхъ нѣкоторые начинаютъ исправляться, оказываютъ склонность къ труду, и еще недавно нѣсколькихъ брали въ морское путешествіе и они держали себя очень хорошо. Я уже засталъ ихъ въ періодѣ пользованія плодами этихъ трудовъ, то есть, они были одѣты очень ярко и чисто и

*) Тольдосъ — названіе индѣйскихъ хижинъ.

ровно ничего не дѣлали. А умѣнье одѣваться у нихъ въ самомъ дѣлѣ удивительно; если бы превратить одного изъ этихъ молодыхъ индѣйцевъ въ бронзовую статую, то драпировка оказалась-бы безукоризненною.

Однажды я поѣхалъ верхомъ къ большому соляному озеру въ пятнадцати миляхъ отъ города. Зимой оно дѣйствительно похоже на мелкое озеро солянаго разсола, но лѣтомъ превращается въ сухой и ровный слой бѣлой, какъ снѣгъ, соли. Слой этотъ около краевъ имѣетъ четыре или пять дюймовъ толщины, а къ срединѣ постепенно утолщается. Озеро тянется на двѣ съ половиною мили въ длину и на одну милю въ ширину. По сосѣдству находятся другія озера, гораздо большихъ размѣровъ, и соляное дно тамъ имѣетъ два или три фута толщины, даже зимой, когда оно лежитъ подъ водою. Среди побурѣвшей и печальной равнины видъ такаго большаго ровнаго и ослѣпительно бѣлаго пространства очень поразителенъ. Изъ этихъ озеръ ежегодно собирается множество соли; я видѣлъ тутъ же огромныя кучи, въ нѣсколько сотъ тоннъ вѣсомъ, приготовленныя къ отправкѣ. Время работъ на соляныхъ озерахъ замѣняетъ время жатвы для города Патагонеса, потому что отъ сбора соли зависитъ благосостояніе всего города. Почти все населеніе переселяется тогда на берегъ рѣки и за-

нимается сваливаніемъ соли въ телѣги, запряженныя буйволами. Соль кристаллизуется большими кубами и замѣчательно чиста: г. Тренемъ Риксъ потрудился сдѣлать для меня ея анализъ и нашелъ въ ней только 0,26 гипса и 0,22 земляныхъ веществъ. Странно, что она не такъ хорошо сохраняетъ мясо, какъ морская соль съ острововъ Зеленаго Мыса; одинъ купецъ въ Буэносъ Айресѣ говорилъ мнѣ, что считаетъ ее пятьюдесятью процентами ниже той. Поэтому сюда постоянно привозятъ соль съ острововъ Зелен. Мыса и смѣшиваютъ ее съ здѣшной озерной. Чрезвычайная чистота патогонской соли, т. е. отсутствіе въ ней постороннихъ веществъ, находимыхъ во всякой морской соли, вотъ единственная причина, которой можно объяснить ея недостатки. Такое объясненіе кажется очень страннымъ; однако оно еще недавно подтвердилось дознаннымъ фактомъ *), что для сохраненія сыра лучше всего употреблять такую соль, въ которой всего больше расплывающихся хлористыхъ соединеній. Окраины озера состоятъ изъ ила, въ которомъ лежатъ во множествѣ крупныя кристаллы гипса, иные до трехъ дюймовъ длиною; а на поверх-

*) Report of the Agricult. Chem. Assoc. in the Agricult. Gazette, 1845, p: 93.

ности рассыпаны кристаллы сѣрноокислаго натра. Гаухосы называютъ первые «отцомъ соли», а второй «матерью», и говорятъ, что они всегда встрѣчаются у береговъ соляныхъ озеръ, когда вода начинаетъ испаряться. Грязь или илъ имѣетъ черный цвѣтъ и противный запахъ. Сначала я не могъ понять причины этаго запаха, но потомъ увидѣлъ, что пѣна, которую вѣтеръ прибиваетъ къ берегу, окрашена зеленымъ цвѣтомъ, будто отъ нитчатокъ. Мнѣ очень хотѣлось захватить съ собою этого зеленаго вещества, но случайно неудалось. На небольшомъ разстояніи нѣкоторыя части озера кажутся какъ бы красноватыми, что происходитъ вѣроятно отъ какихъ нибудь мельчайшихъ инфузорій. Грязь во многихъ мѣстахъ разворочена и приподнята множествомъ какихъ-то червей или кольчатыхъ животныхъ, которые въ ней живутъ. Удивительно, какъ могутъ какіе бы то ни было организмы существовать въ этомъ густомъ соляномъ рассолѣ и ползать между кристаллами натра и извести! И что дѣлается съ этими червями въ теченіе длиннаго лѣта, когда вся поверхность превращается въ твердый слой соли? Около озера живетъ и плодится много красныхъ гусей или фламинго. На сѣверѣ Чили, во всей Патагоніи и на островахъ Галапагосѣ я встрѣчалъ этихъ птицъ вездѣ, гдѣ только есть соляныя озера. Онѣ хо-

дили тутъ по илу, отыскивая кормъ; — вѣроятно они питаются червями, которые роются въ грязи, а черви въ свою очередь ѣдятъ инфузорій и нитчатокъ.

Такимъ образомъ, въ этихъ соляныхъ озерахъ находимъ мы цѣлый особый, замкнутый мірокъ, живущій своей отдѣльной жизнью и приспособленный именно къ такимъ внутреннимъ солянымъ озерамъ. Говорятъ, что маленькій ракъ (*Cancer salinus* *) встрѣчается въ безчисленномъ количествѣ въ соляныхъ озерахъ Лимингтона; но онъ водится только въ такихъ мѣ-

*) *Linnaean Transactions*, vol. XI, p. 205. Удивительно, до какой степени сходны между собою во всемъ, что относится къ солянымъ озерамъ, Патагонія и Сибирь. По видимому, обѣ страны только въ недавнее время поднялись надъ уровнемъ океана. Въ обѣихъ соляныя озера занимаютъ мелкія углубленія равнинъ; въ обѣихъ грязь на берегахъ черная и вонючая, подъ слоемъ обыкновенной соли въ обѣихъ встрѣчаются сѣрноокислый натръ и магнезія, не совершенно окристаллизованными; наконецъ въ обѣихъ странахъ грязный песокъ смѣшанъ съ кристаллами гипса. Въ соляныхъ озерахъ Сибири также встрѣчаются маленькіе раки, и красные гуси также водятся около нихъ (*Edin. New Philos. Journ.* Jan. 1830). Такъ какъ эти, по видимому, маловажныя обстоятельства встрѣчаются въ двухъ отдаленныхъ материкахъ, то мы можемъ съ увѣренностью сказать, что они — необходимое слѣдствіе однѣхъ и тѣхъ же причинъ. — См. *Pallas's Travels 1793—1794*. p. 129—134.

стахъ, гдѣ разоль, вслѣдствіе испаренія воды, достигаетъ значительной густоты, а именно, гдѣ на пинту воды приходится около четверти фунта соли. Дѣйствительно, можно сказать, что нѣтъ мѣста на землѣ, которое было бы необитаемо. И въ соляныхъ озерахъ, и въ подземныхъ, скрытыхъ подъ вулканами, и въ горячихъ минеральныхъ ключахъ, и на всемъ пространствѣ глубокаго океана, и въ высшихъ слояхъ атмосферы, и наконецъ даже на поверхности вѣчныхъ снѣговъ — вездѣ встрѣчаемъ мы органическія существа.

Къ сѣверу отъ Ріо Негро, между нею и заселенной мѣстностью около Буэносъ Айреса, испанцы имѣютъ только одну, и то недавно основанную, небольшую колонію, Багіа Бланка. Отъ нея до Буэносъ Айреса по прямой линіи будетъ около пяти сотъ англійскихъ миль. Кочующія племена конныхъ индѣйцевъ, занимавшихъ всегда большую часть страны, въ послѣднее время немало тревожили пограничныя фермы. Поэтому начальство Буэносъ Айреса снарядило недавно войско подъ командой генерала Розаса, съ цѣлью истребить индѣйцевъ. Войско стоитъ теперь на берегахъ Колорадо, рѣки лежащей около восьмидесяти миль къ сѣверу отъ Ріо Негро. Генераль Розасъ, выйдя изъ Буэносъ Айреса, прошелъ прямо черезъ неизслѣдованныя до тѣхъ поръ

равнины, и такъ какъ страна такимъ образомъ достаточно уже очистилась отъ индѣйцевъ, то онъ только разставилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ небольшіе пикеты конныхъ солдатъ (posta) такъ, чтобы можно было имѣть постоянное сообщеніе со столицей. Такъ какъ «Биглю» предстояло непременно зайти въ Багіа-Бланка, то я рѣшился ѣхать туда сухимъ путемъ и даже проѣхать вплоть до Буэносъ-Айреса черезъ пикеты или посты.

11 августа. — Въ этомъ путешествіи мнѣ сопутствовали г. Гаррисъ, англичанинъ, живущій въ Патагонесѣ, проводникъ и пять гаучо-совъ, отправлявшихся къ войску по своему дѣлу. Колорадо, какъ я уже сказалъ, лежитъ въ восьмидесяти миляхъ, и такъ какъ мы ѣхали тихо, то пробыли въ дорогѣ два съ половиною дня. На всемъ этомъ протяженіи страну нельзя иначе назвать, какъ пустыней. Только въ двухъ маленькихъ ключахъ можно найти воду; она считается прѣсной; но, по моему, даже въ это дождливое время года она была совершенно соленая. Лѣтомъ это должна быть просто мучительная дорога, потому что и теперь она была довольно утомительна. Какъ ни широка долина Рио-Негро, но она ничто иное, какъ ложбина въ ровной плоскости песчаника; потому что непосредственно за городомъ, который стоитъ на берегу, начинается совершенно плоская

мѣстность, изрѣдка прерываемая незначительными долинами и углубленіями. Вездѣ страна имѣетъ тотъ-же пустынный видъ; на сухомъ, хрящеватомъ грунтѣ растетъ куртинами засохшая желтая трава и попадаются низкіе, колючіе кустарники.

Невдалекѣ отъ перваго ручья мы увидѣли знаменитое дерево, которое индѣйцы чтутъ, какъ алтарь божества Уаллиху. Оно стоитъ на возвышенномъ пунктѣ равнины и видно изда-лека. Какъ только индѣйцы завидятъ священное дерево, они начинаютъ поклоняться ему и привѣтствуютъ громкими возгласами. Самое дерево низко, очень вѣтвисто и усѣяно иглами; надъ самымъ корнемъ оно имѣетъ до трехъ футовъ въ діаметрѣ. Оно стоитъ совершенно одиноко, и въ самомъ дѣлѣ это было чуть-ли не первое дерево, которое мы увидѣли въ этой странѣ. Впослѣдствіи мы встрѣчали еще нѣсколько другихъ, той-же породы, но вообще ихъ было очень мало. Въ то время была зима, и листьевъ на деревѣ не было, но вмѣсто нихъ висѣли безчисленныя приношенія, какъ то сигары, хлѣбъ, мясо, куски тканей и проч. Бѣднѣйшіе индѣйцы, за неимѣніемъ ничего лучшаго, выдергиваютъ хоть нитку изъ своихъ передниковъ (*ponchos*) и привязываютъ ее къ дереву. Болѣе достаточные обыкновенно льютъ водку и мате въ одно извѣстное отверстіе, а

также курятъ, пуская дымъ отъ своихъ сигаръ кверху, и этимъ думаютъ доставить своему Уаллиху величайшее наслажденіе.

Къ довершенію картины дерево окружено побѣлѣвшими костями лошадей, принесенныхъ въ жертву. Всѣ индѣйцы, безъ различія пола и возраста, дѣлаютъ приношенія; они надѣются, что за это лошади ихъ никогда не будутъ уставать, а сами они будутъ во всемъ удачливы. Гаухо, отъ котораго я узналъ все это, говорилъ, что въ мирное время онъ самъ бывалъ свидѣтелемъ такихъ сценъ и вмѣстѣ съ своими товарищами обыкновенно выжидалъ ухода индѣйцевъ, чтобы стащить съ Уаллиху всѣ приношенія.

Гаухосы думаютъ, что индѣйцы считаютъ божествомъ самое дерево, но для меня гораздо вѣроятнѣе, что они считаютъ его только престоломъ божества. Единственная причина, которую я могу придумать для объясненія такого вѣрованія, заключается въ томъ, что дерево служитъ путеводнымъ знакомъ въ опасномъ переходѣ. Сіерра де ла Вентана видна на чрезвычайно большомъ разстояніи. Гаухо рассказывалъ мнѣ, что разъ ему случилось ѣхать вмѣстѣ съ индѣйцемъ въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу отъ Ріо Колорадо; вдругъ его спутникъ громко закричалъ, какъ обыкновенно дѣлается, когда они завидятъ священное дерево;

Индѣецъ приложилъ руку къ головѣ и потомъ протянулъ ее по направленію къ Сіеррѣ. На вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, индѣецъ отвѣчалъ ломаннымъ испанскимъ языкомъ: «завидѣлъ Сіерру.» Мы остановились на ночлегъ въ шести льѣ отъ пресловутаго дерева. Въ то же время рысьи глаза гаухосовъ высмотрѣли вдали какую-то горемычную корову: они тотчасъ поскакали за нею, въ нѣсколько минутъ изловили посредствомъ аркана и закололи. Такимъ образомъ у насъ оказались въ наличности четыре главныя потребности лагерной жизни: — пастбище для лошадей, вода (хотя и изъ мутной лужи), мясо и дрова. Гаухосы торжествовали при видѣ такой роскоши и мы скоро принялись за бѣдную корову. Это была еще первая ночь, которую я провелъ подъ открытымъ небомъ, съ сѣдельной попоной вмѣсто постели. Въ независимой жизни гаухосовъ есть своего рода высокая прелесть: — въ любомъ мѣстѣ и въ любую минуту онъ можетъ разсѣдлатъ лошадь и сказать: «вотъ тутъ я переночую.» Мертвая тишина равнины, фигуры сторожевыхъ собакъ и характерная группа гаухосовъ, расположившихся спать вокругъ костра, по цыгански, все это такъ глубоко врѣзалось въ мою память, что я никогда въ жизни не забуду эту ночь.

На слѣдующій день характеръ мѣстности ос-

тавался все тотъ же. Здѣсь очень мало птицъ или какихъ бы то ни было животныхъ. Только случайно попадетъ лань или гуанако (дикая лама); за то агути (*Cavia Patagonica*) самое обыкновенное изъ четвероногихъ животныхъ. Онъ соотвѣтствуетъ нашимъ зайцамъ. Однако между ними есть нѣкоторыя существенныя различія; такъ напр. у агути на заднихъ ногахъ только три пальца. Кромѣ того онъ почти вдвое больше ростомъ и вѣситъ отъ двадцати до двадцати пяти фунтовъ. Агути — настоящій житель пустыни, и въ этой мѣстности нрѣдко встрѣчаешь двухъ или трехъ такихъ звѣрковъ, быстро скачущихъ одинъ за другимъ по прямой линіи черезъ пустынную равнину. Къ сѣверу они встрѣчаются до Сьерры Тапальгуэнъ ($37^{\circ} 30'$ шир.), гдѣ равнина почти внезапно становится зеленѣе и влажнѣе; южная граница ихъ распространенія лежитъ между Портъ Дезире и Санъ Хуліанъ, гдѣ характеръ страны остается все тотъ же. Замѣчательно, что теперь агути уже не заходятъ до Санъ Хуліана, а капитанъ Вудъ, путешествовавшій въ 1670, упоминаетъ, что именно тамъ ихъ было множество. Какія причины могли измѣнить границы географическаго распространенія подобнаго животнаго въ такой обширной, безлюдной и рѣдко посѣщаемой странѣ? Судя по количеству экземпляровъ агути, которое ка-

питану Вуду удалось убить въ одинъ день въ Портъ Дезире, нужно думать, что и здѣсь они въ то время были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ теперъ. Тамъ, гдѣ водится и роется бискача, агутти пользуются ея норами; но тамъ гдѣ, какъ въ Багіа Бланка, ея нѣтъ, агутти принуждены сами вырывать себѣ жилища. То же случается и съ маленькою совой пампасовъ (*Athene cunicularia*), которую обыкновенно описываютъ стоящею на сторожѣ у входа въ нору. Въ Банда Ориенталь, гдѣ нѣтъ бискачъ, сова эта также должна сама вырывать себѣ норку.

На другое утро, по мѣрѣ приближенія къ Ріо Колорадо, видъ мѣстности началъ измѣняться. Вскорѣ мы достигли зеленой равнины, на которой было много цвѣтовъ, высокаго клевера и маленькихъ сычей, что придавало ей характеръ пампасовъ. Мы прошли также чрезъ топкое и довольно обширное болото, которое лѣтомъ высыхаетъ и покрывается кристаллами разныхъ солей, отчего и получило неправильное названіе *Salitrале т, е.* селитрянаго. На поверхности его росли низенькія, сочныя растенія, такія же, какія растутъ на морскомъ берегу. Колорадо въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы черезъ него переправлялись, имѣетъ только около шестидесяти ярдовъ ширины; но вообще онъ покрайней мѣрѣ вдвое шире. Эта рѣка течетъ очень извиристо;

ея русло окаймлено пвами и камышомъ. Расстояние до устья по прямой линіи считается въ девять льё, а водою не меньше двадцати пяти. Переправляясь въ лодкѣ, мы были задержаны нѣсколькими табунами кобылъ, плившихъ по рѣкѣ далѣе во внутренность страны, вслѣдъ за отрядомъ войска. Я не видывалъ ничего смѣшнѣе этого множества головъ, торчащихъ изъ воды всѣ въ одну сторону, съ наостренными ушами и раздутыми, храпящими ноздрями, точно огромная стая какихъ нибудь амфибій. Конина служитъ единственной пищей солдатъ въ походѣ. Это удивительно облегчаетъ движеніе войскъ тѣмъ болѣе, что въ этихъ равнинахъ лошади въ состояніи совершать изумительно длинные переходы: меня увѣряли, что невьючная лошадь можетъ много дней сряду дѣлать по сту миль въ день.

Лагерь генерала Розаса стоялъ у самой рѣки. Это былъ четверугольникъ, состоявшій изъ телѣгъ, пушечныхъ лафетовъ, соломенныхъ шалашей и т. д. Войско было почти все конное, и я думаю не бывало еще на свѣтѣ армія, составленной изъ такого отвратительнаго сброда разбойничьихъ физіономій. Люди эти были большею частію какой-то смѣшанной породы, не то негры, не то индѣйцы и испанцы. Не знаю почему, но люди такого происхожденія рѣдко имѣютъ благовидную наружность. Я по-

шелъ къ секретарю, показать ему паспортъ. Онъ началъ допрашивать меня самымъ важнымъ и таинственнымъ образомъ. Къ счастью у меня было рекомендательное письмо отъ начальства Буэносъ Айреса *) къ начальнику Патагонеса. Это письмо отнесли къ генералу Розасу, который прислалъ мнѣ самый обязательный отвѣтъ, вслѣдствіе чего и секретарь преисполнился любезностью и обворожительныхъ улыбокъ. Мы расположились въ ранчо или хижинѣ курьознаго старика испанца, который ходилъ въ Россію съ Наполеономъ.

Мы два дня стояли у Колорадо. Мнѣ нечего было дѣлать, потому что мѣстность кругомъ была болотистая, и лѣтомъ (т. е. въ декабрѣ), когда снѣгъ таетъ на Кордильерахъ, рѣка заливаетъ все это болото. Главнымъ моимъ занятіемъ было наблюденіе надъ тѣмъ, какъ индѣйскія семейства, приходили покупать разную мелочь въ ранчо, гдѣ мы стояли. Между индѣйцами у генерала Розаса были союзники, и число ихъ, какъ полагали, простиралось до шести сотъ человекъ. Всѣ они были породисты,

*) Мнѣ очень пріятно выразить самую искреннюю благодарность начальству Буэносъ Айреса за любезность, съ которой оно давало мнѣ паспорта во всѣ мѣста страны, какъ натуралисту корабля «Бигль».

высоки и красивы; но я видѣлъ въ послѣдствіи въ Огненной землѣ, какъ таже самая раса можетъ быть обезображена недостаткомъ одежды, пищи и всякой тѣни цивилизаціи. Нѣкоторые писатели, опредѣляя первоначальныя челоуѣческія расы, раздѣлили этихъ индѣйцевъ на два класса; но это совершенно невѣрно. Въ числѣ молодыхъ женщинъ или чинасъ многихъ можно было назвать красавицами. Ихъ волосы, хотя жесткіе, но черные и блестящіе, были заплетены въ двѣ косы и опускались до пояса. Цвѣтъ лица свѣжій, румяный, глаза блестящіе, ноги и руки — маленькія и чрезвычайно изящныя. На ногахъ, а иногда и вокругъ талии, онѣ носятъ широкія ожерелья изъ голубыхъ бусъ. Нѣкоторыя изъ семейныхъ группъ были удивительно живописны. Часто пріѣзжала мать съ одной или двумя дочерьми, верхомъ всѣ вмѣстѣ на одной лошади. Женщины сидятъ на лошади по мужски, только поднимаютъ колѣни гораздо выше. Эта привычка происходитъ, можетъ быть, оттого, что въ путешествіяхъ онѣ сидятъ обыкновенно на навьюченныхъ лошадяхъ. Обязанность женщины — навьючивать и разсѣдывать лошадей, устраивать шалаши на ночь, однимъ словомъ, быть, какъ жены всѣхъ дикарей, услужливыми и полезными рабами. Мужчины сражаются, охотятся, ухаживаютъ за лошадьми и дѣлаютъ сбрую. Одно изъ главныхъ

домашнихъ занятій ихъ состоитъ въ томъ, чтобы готовить камни для bolas или шаровъ, т. е. колотить одинъ объ другой до тѣхъ поръ, пока они округлятся. Этимъ важнымъ орудіемъ индѣецъ ловитъ дичь, а также свою лошадь, гуляющую на свободѣ по равнинѣ. Сражаясь, онъ прежде всего старается повалить лошадь противника посредствомъ своихъ шаровъ, и запутаннаго такимъ образомъ врага убиваетъ копьемъ. Если шары обовьются только около тѣла или шеи животнаго, то оно часто убѣгаетъ вмѣстѣ съ ними. Такъ какъ округливанье камней совершается обыкновенно въ два дня, то обдѣлкою ихъ занимаются почти всѣ. Многие изъ мужчинъ и женщинъ мажутъ себѣ лицо красной краской, но я никогда не видалъ тѣхъ поперечныхъ полосокъ, которыми такъ часто украшаются жители Огненной Земли. Серебрянными вещами они въ особенности гордятся и стараются пріобрѣсти ихъ. У одного кадика я видѣлъ шпоры, стремяна, рукоятку ножа и мундштукъ изъ этого металла: уздечка и поводья были изъ проволоки, не толще бичевки, и видъ горячаго коня, послушнаго такой легкой уздѣ, придавалъ особенно изящный характеръ искусству всадника.

Генераль Розасъ выразилъ желаніе видѣть меня: обстоятельство, которому я въ послѣдствіи былъ очень радъ. Это человѣкъ съ сильнымъ

характеромъ и пользуется огромнымъ вліяніемъ, которое, надо думать, употребить для пользы и процвѣтанія страны *). Я слышалъ, что онъ владѣетъ семьюдесятью-четырьмя кв. милями земли и имѣетъ до трехъ сотъ тысячъ головъ скота. Хозяйство въ его помѣстьяхъ образцовое; хлѣба у него родится гораздо больше, чѣмъ въ другихъ имѣньяхъ. Слава о немъ пошла именно съ того времени, какъ онъ завелъ какіе-то особые законы на своихъ фермахъ, и такъ хорошо выдрессировалъ нѣсколько сотъ человѣкъ своихъ рабочихъ, что они съ успѣхомъ отражали нападенія индѣйцевъ. Много ходитъ рассказовъ о чрезвычайной строгости, соблюдаемой при исполненіи его предписаній. Такъ напримѣръ онъ постановилъ, чтобы по воскресеньямъ никто не смѣлъ имѣть при себѣ ножа, подъ страхомъ заключенія въ колодки; законъ этотъ изданъ былъ на томъ основаніи, что по праздникамъ всего больше пьютъ и играютъ, вслѣдствіе чего не рѣдко происходятъ ссоры, которыя могутъ принять печальный оборотъ, когда ножъ подъ рукой. Разъ въ воскресенье къ нему пріѣхалъ въ имѣнье губернаторъ въ парадной формѣ, и ге-

*) Это ожиданіе не оправдалось самымъ полнымъ и печальнымъ образомъ въ 1845.

нераль Розасъ, выходя къ нему на встрѣчу, забылъ въ торопяхъ вынуть ножъ изъ за пояса. Дворецкій замѣтилъ это и напомнилъ ему о законѣ. Тогда генераль, обратясь къ губернатору, объявилъ, что весьма сожалѣетъ, но принужденъ идти въ колодки и не можетъ быть хозяиномъ въ домѣ, пока его не выпустятъ. Черезъ нѣсколько времени дворецкого уговорили освободить генерала, но какъ только его выпустили, Розасъ обратился къ дворецкому со словами: «теперь ты нарушилъ законъ, ступай же на мое мѣсто въ колодки». Подобные поступки приводятъ въ восторгъ гаухосовъ, у которыхъ сильно развито стремленіе къ равенству и чувство собственнаго достоинства.

Генераль Розасъ отличный наѣздникъ, а это качество имѣетъ не малое значеніе въ странѣ, гдѣ войско выбираетъ себѣ военачальника слѣдующимъ образомъ: въ ограду (corral) загоняютъ табунъ неѣзженныхъ лошадей и потомъ выпускаютъ ихъ черезъ калитку, надъ которой лежитъ перекладина. Тотъ, кто съ перекладины успѣетъ вскочить на коня, когда онъ стремительно выбѣгаетъ черезъ калитку, и будетъ въ состояніи не только проѣхать на немъ безъ сѣдла и узды, но еще и привести его обратно къ калиткѣ, тотъ и будетъ генераломъ. Слѣдовательно, въ начальники выби-

рали только наѣздника, выдержавшаго такое испытаніе; и надо согласиться, что именно такого генерала и нужно этому войску. Генераль Розасъ продѣлывалъ и эту штуку.

Съ помощью такихъ средствъ, а также принаравливаясь къ одеждѣ и нравамъ гаухосовъ, онъ приобрѣлъ безграничную популярность въ странѣ, а слѣдовательно и деспотическую власть. Одинъ англійскій купецъ увѣрялъ меня, что однажды человекъ, уличенный въ убійствѣ, на вопросъ, что побудило его къ преступленію, — отвѣчалъ: «онъ непочтительно отзывался о генералѣ Розасѣ, за то я и убилъ его». Къ концу недѣли убійца былъ освобожденъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это было дѣломъ приверженцевъ генерала, а не его самага.

Въ разговорѣ это увлекающійся, но умный и серьезный человекъ. Серьезность свою онъ доводитъ до крайности. Одинъ изъ его шутовъ (подобно феодальнымъ баронамъ, онъ держитъ двухъ шутовъ) рассказывалъ слѣдующій случай: «однажды мнѣ очень захотѣлось послушать музыки, и я приходилъ раза два или три просить объ этомъ генерала; первый разъ онъ сказалъ, «убирайся, я занятъ». Я опять пришелъ; — онъ сказалъ, «если придешь еще разъ, я тебя накажу». Я попросился въ третій разъ, и генераль засмѣялся. Я опрометью бросился

вонъ изъ палатки, но уже было поздно: онъ приказалъ двумъ солдатамъ схватить меня и привязать къ столбамъ. Всѣми святыми умолялъ я его освободить меня, но это не помогло;— когда генералъ засмѣется, то ужь не щадитъ ни умныхъ, ни дураковъ». Бѣднаго весельчака кажется покорило при одномъ воспоминаніи объ этомъ наказаніи. Оно въ самомъ дѣлѣ очень тяжело: четыре столба врыты въ землю; чело-вѣка растягиваютъ между ними за руки и за ноги, и въ такомъ положеніи онъ остается на нѣсколько часовъ. Очевидно, что идея этого наказанія взята съ обыкновеннаго способа высу-шивания кожъ. Мое свиданіе съ генераломъ обошлось безъ всякихъ улыбокъ; но я получилъ и паспортъ, и подорожную на полученіе лошадей на постахъ, и все это онъ далъ мнѣ съ величайшею готовностью и любезностью.

Утромъ мы отправились въ путь въ Багія Блан-ка, куда добрались въ два дня. Выѣхавъ изъ лагера, мы проѣхали мимо индѣйскихъ хижинъ (toldos). Эти хижины круглы, какъ хлѣбныя печи, и покрыты кожами; у входа въ каждую хижину было воткнуто въ землю по острому копыю. Онѣ были расположены отдѣльными кучками, изъ которыхъ каждая принадлежала племени осо-баго кадика, а эти кучки опять дѣлились на меньшія, смотря по степени родства вла-дѣльцевъ. Мы ѣхали много миль вдоль по до-

линѣ Колорадо. Берега рѣки, повидимому, плодородны; полагають, что они будутъ очень удобны для произрастанія хлѣбныхъ растений. Повернувъ къ сѣверу отъ Колорадо, мы скоро увидѣли мѣстность, совершенно отличную отъ равнинъ южной стороны рѣки. Правда, почва все еще казалась сухою и тощею, но на ней появилось много различнаго рода растений, и трава, хотя бурая и засохшая, была гораздо обильнѣе; наоборотъ, колючіе кустарники встрѣчались все рѣже и рѣже. Скоро они и вовсе исчезли, и передъ нами открылась голая плоскость, въ которой нельзя было найти ни одного куста. Эта перемѣна въ растительности обозначаетъ начало обширнаго глинисто-известковаго наноса, который тянется по всему протяженію пампасовъ и покрываетъ гранитныя скалы Банда Ориенталь. Отъ Магелланова пролива до Колорадо, на разстояніи около восьмисотъ миль, грунтъ страны почти вездѣ состоитъ изъ валуновъ: голыши здѣсь большею частью изъ порфира и происходятъ вѣроятно изъ обломковъ Кордильерскихъ скалъ. Къ сѣверу отъ Колорадо слой этотъ постепенно утончается, и голыши становятся чрезвычайно мелки. Здѣсьто и кончается характерная растительность Патагоніи.

Проѣхавъ около двадцати пяти миль, мы достигли обширнаго ряда песчаныхъ бугровъ,

которые тянулись далеко на востокъ и на западъ, сколько глазъ могъ видѣть. Эти песчаные холмы, лежащіе на слоѣ глины, задерживаютъ воду и даютъ ей возможность собираться въ маленькихъ углубленіяхъ въ родѣ прудовъ. Такимъ образомъ они обезпечиваютъ запасы прѣсной воды, имѣющіе огромную цѣну въ этой сухой странѣ. Обыкновенно намъ и въ голову не приходитъ, какое важное значеніе имѣютъ возвышенія и пониженія почвы. Тѣ два дрянные ключа, которые встрѣчаются на пути между Рио-Негро и Колорадо, произошли отъ самыхъ незначительныхъ неровностей грунта, и, не будь ихъ, здѣсь нельзя бы было найти воды. Цѣпь песчаныхъ холмовъ имѣетъ около восьми миль въ ширину. Вѣроятно въ отдаленныя времена это былъ берегъ большаго лимана, по ложу котораго теперь течетъ Колорадо. Трудно воздержаться отъ подобныхъ предположеній въ странѣ, гдѣ поминутно встрѣчаешь положительныя указанія на весьма недавнее поднятіе почвы; такія мысли невольно приходятъ въ голову даже при изученіи одной физической географіи страны. Переѣхавъ черезъ песчаное пространство, мы вечеромъ добрались до одной станціи, и такъ какъ лошади паслись довольно далеко, то рѣшились переночевать здѣсь.

Станціонный домъ стоялъ у подошвы при-

горка, отъ ста до двухсотъ футовъ вышиною, что большая рѣдкость въ этихъ мѣстахъ. Этотъ постъ находился подъ командой лейтенанта изъ негровъ, родомъ изъ Африки. Нужно отдать ему справедливость, — отъ Колорадо до Буэносъ Айреса не было ни одного жилья до такой степени чистенькаго и порядочнаго, какъ его ранчо. У него была отдѣльная комнатка для пріѣзжихъ и дворъ для лошадей, огороженный прутьями и тростникомъ; около дома вырыта была даже канава для защиты на случай нападенія. Конечно, это не много помогло бы ему, еслибы въ самомъ дѣлѣ напали индѣйцы; но, повидимому, для него всего важнѣе было сознаніе, что онъ дорого продастъ свою жизнь. Незадолго до нашего пріѣзда здѣсь проѣзжала ночью партія индѣйцевъ, и замѣтъ они только эту станцію, нѣтъ сомнѣнія, что нашему черному пріятелю и его четыремъ солдатамъ не одобровать бы. Я отъ роду не встрѣчалъ челоуѣка вѣжливѣе и предупредительнѣе этого негра; тѣмъ печальнѣе и конфузнѣе было для меня, что онъ никакъ не хотѣлъ при насъ садиться и ѣсть съ нами.

Утромъ мы очень рано послали за лошадьми и весело поскакали дальше. Мы проѣхали Кабеса дель Буэй, какъ называли въ старину начало обширнаго болота, которое тянется отъ Багія Бланка. Здѣсь мы снова перемѣнили ло-

шадей и проѣхали нѣсколько миль по тряси-
намъ и солончакамъ. Перемѣнивъ лошадей въ
последній разъ, мы снова начали мѣсить соде-
ную грязь. Лошадь моя упала, и я выкупался
въ черной тинѣ, что очень неприятно, когда
не имѣешь съ собою перемѣны чистаго платья.
За нѣсколько миль отъ форта мы встрѣтили
человѣка, который сказалъ намъ, что стрѣляли
изъ большой пушки; это сигналъ, что индѣйцы
близко. Немедленно мы оставили дорогу и по-
ѣхали по краю болота, — самое лучшее сред-
ство спастись отъ погони. Добравшись та-
кимъ образомъ до стѣнъ форта, мы очень обра-
довались, услыхавъ, что вся тревога была по
пустыкамъ, и что индѣйцы оказались союзни-
ками, ѣхавшими присоединиться къ войску ге-
нерала Розаса.

Багія Бланка едва заслуживаетъ названія де-
ревни. Нѣсколько домовъ и бараконъ для сол-
датъ окружены рвомъ и укрѣпленной стѣной.
Это мѣсто заселено очень недавно (1828), и раз-
витіе его шло туго. Начальство Буэносъ Ай-
реса поступило несправедливо, занявъ его на-
сильно вмѣсто того, чтобы слѣдовать разум-
ному примѣру испанскихъ вице-королей, кото-
рые покупали у индѣйцевъ землю вокругъ
прежнихъ поселеній на Ріо-Негро. Отъ такого
насилія возникла необходимость держаться въ
оборонительномъ положеніи, понадобились ук-

рѣпленія; домовъ построили мало, воздѣланной земли за предѣлами стѣнъ также немного. Даже домашній скоть небезопасенъ отъ нападеній индѣйцевъ за предѣлами равнины, на которой стоитъ крѣпость.

Такъ какъ гавань, въ которой «Бигль» намѣревался бросить якорь, находилась на разстояніи двадцати пяти миль, то я выпросилъ у коменданта проводника и лошадей, чтобы поѣхать узнать, не пришелъ ли мой корабль. Сначала мы ѣхали по зеленой равнинѣ по берегу маленькаго ручья, но вскорѣ оставили ее и очутились въ степи, состоявшей изъ песку, соланчаковъ или просто грязи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разросся низкій кустарникъ, а въ другихъ тѣ сочныя растенія, которыя встрѣчаются только въ мѣстахъ, богатыхъ солью. Какъ ни бѣдна была мѣстность, но въ ней попадалось много страусовъ, ланей, агути и броненосцевъ. Проводникъ рассказывалъ, что два мѣсяца тому назадъ онъ едва выбрался живой отсюда. Вотъ какъ это было. Онъ, да еще двое людей отправились на охоту неподалеку отъ этого мѣста. Неожиданно попалась имъ на встрѣчу партія индѣйцевъ, которые погнались за ними и вскорѣ убили обоихъ его товарищей. Ноги его собственной лошади были также опутаны шарами, но онъ соскочилъ и ножомъ перерѣзалъ ремни. При этомъ, онъ долженъ былъ

укрыватья за лошадыю и, бѣгая вокругъ нея, получилъ двѣ тяжелыя раны отъ ихъ чужо, т. е. копьевъ. Но, не смотря на все, онъ успѣлъ снова вскочить въ сѣдло, и различными увертками ему удалось ускакать отъ ихъ длинныхъ копій. Индѣйцы гнались за нимъ почти до самыхъ стѣнъ крѣпости. Съ этихъ поръ былъ отданъ приказъ, чтобы никто не отлучался далеко отъ укрѣпленія. Выѣзжая оттуда, я этого не зналъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ мой проводникъ внимательно слѣдилъ глазами за ланью, которая бѣжала откуда-то, какъ будто кто нибудь спугнулъ ее издали.

Узнавъ, что «Бигль» еще не пришелъ, мы поѣхали обратно; но лошади вскорѣ начали уставать, и это принудило насъ ночевать въ равнинѣ подъ открытымъ небомъ. Утромъ намъ удалось поймать броненосца, и хотя, жаренный въ своей скорлупѣ, онъ представляетъ великолѣпное блюдо, однако для двухъ голодныхъ людей такой завтракъ оказался не слишкомъ сытенъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились на ночлегъ, почва была покрыта кристаллами сѣрнокислаго натра, и слѣдовательно тутъ вовсе не было воды. Однако нѣсколько мелкихъ грызуновъ умудрялись жить даже и здѣсь, и маленькій тукутуко въ продолженіи по крайней мѣрѣ половины ночи тихонько похрюкивалъ подъ самой моей головой.

Лошади у насъ были довольно плохія, и такъ какъ онѣ долго не пили, то утромъ скоро выбились изъ силъ. Мы должны были идти пѣшкомъ. Около полудня наши собаки поймали козленка. Мы его изжарили, и я немного поѣлъ, но это причинило мнѣ страшную жажду. Какъ на зло, не за долго передъ тѣмъ шелъ дождь, и по дорогѣ безпрестанно попадались лужи воды, довольно чистой, но совершенно негодной для питья. Я оставался безъ воды не болѣе двадцати часовъ и только часть этого времени провелъ подъ горячимъ солнцемъ, но жажда совершенно истомила меня. Я не могу представить себѣ, какъ можетъ прожить человѣкъ два или три дня при такихъ условіяхъ; въ то же время я долженъ признаться, что мой проводникъ не страдалъ нисколько и удивлялся, что одинъ день лишній могъ такъ сильно подѣйствовать на меня.

Я уже нѣсколько разъ говорилъ, что здѣсь на поверхности почвы попадаются соляныя инкрустации. Явленіе это имѣетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ въ соленыхъ озерахъ, и въ высшей степени замѣчательно. Во многихъ мѣстахъ Южной Америки, гдѣ климатъ достаточно сухъ, встрѣчаются эти налеты; но нигдѣ не видалъ я ихъ въ такомъ изобиліи, какъ около Багія Бланка. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Патагоніи, кристаллы

состоятъ изъ сѣрнокислаго натра съ примѣсью обыкновенной соли. Пова почва этихъ солончаковъ остается влажного (испанцы совершенно несправедливо называютъ ихъ salitrales, принимая соляные кристаллы за селитру), вся равнина представляетъ лишь обширную площадь черной, илистой земли, на которой кое гдѣ кучками растутъ сочныя растенія. Если съ недѣлю стоитъ жаркая, сухая погода, то, возвращаясь снова по тѣмъ же мѣстамъ, съ удивленіемъ видишь, что вся равнина на цѣлыя мили кругомъ побѣлѣла, какъ будто покрылась тонкимъ слоемъ снѣга, сметеннымъ кое-гдѣ вѣтромъ въ маленькія кучки. Последнее явленіе зависитъ отъ того, что соляные кристаллы при медленномъ испареніи воды прицѣпляются къ листьямъ засохшихъ растеній, къ кускамъ дерева и глыбамъ земли, а не осѣдаютъ вгладь на днѣ водяныхъ лужъ. Солончаки встрѣчаются или на ровныхъ мѣстахъ, поднятыхъ лишь на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ моря, или въ заливныхъ лугахъ, по берегамъ рѣкъ. Г. Паршаппъ *) нашелъ, что кристаллы въ равнинѣ, лежащей на нѣсколько миль отъ моря, состояли преимущественно изъ сѣрнокислаго натра съ

*) Voyage dans l'Amérique Mérid., par M. A. d'Orbigny. Part. Hist. tom. I., p. 664.

примѣсью только семи процентовъ поваренной соли; а въ другомъ мѣстѣ, ближе къ морскому берегу, процентъ соли увеличился уже до 37 частей на сто. Это обстоятельство можетъ дать поводъ къ предположенію, что сѣрнокислый натръ образуется въ почвѣ изъ хлористыхъ соединений, оставшихся на поверхности при медленномъ и притомъ недавнемъ поднятіи этой сухой страны надъ уровнемъ моря. Явленіе это само по себѣ вполне заслуживаетъ вниманія натуралистовъ. Можетъ быть, сочныя растенія свойственныя солончакамъ и, какъ извѣстно, содержащія въ себѣ много натра, имѣютъ свойство разлагать хлористыя соединения? Или, можетъ быть, черная вонючая грязь, изобилующая органическими веществами, даетъ сѣру и даже сѣрную кислоту?

Два дня спустя я опять поѣхалъ въ гавань. Когда мы были уже недалеко отъ цѣли нашего путешествія, мой спутникъ, все тотъ же проводникъ, высмотрѣлъ троихъ охотящихся всадниковъ. Онъ тотчасъ слѣзъ съ лошади и, осмотрѣвъ пристально, сказалъ: «У нихъ посадка не христіанская, къ тому же изъ крѣпости никто не смѣетъ выйти.» Всадники сѣхались вмѣстѣ и также слѣзли съ лошадей. Потомъ одинъ изъ нихъ снова вскочилъ на сѣдло и скрылся изъ глазъ за холмомъ. Тогда спутникъ

мой сказалъ: «теперь и намъ надо сѣсть на лошадей; заряжайте свой пистолеть,» а самъ при этомъ осматрѣлъ свою саблю. Я спросилъ: «это индѣйцы?» — «Quien sabe? (а ктожъ ихъ знаетъ?), но если ихъ не больше трехъ, то это пустяки.» — Мнѣ вдругъ пришло въ голову, что ускакавшій всадникъ поѣхалъ за остальной шайкой. Я сказалъ это проводнику, но получилъ въ отвѣтъ: «Quien sabe?» Между тѣмъ его голова и глаза ни на минуту не отрывались отъ далекаго горизонта. Его необыкновенное спокойствіе показалось мнѣ плохую шуткой, и я спросилъ, отчего мы не ѣдемъ домой, и былъ очень удивленъ его отвѣтомъ: «мы и то возвращаемся, но по другой дорогѣ; придется ѣхать болотомъ; будемъ гнать лошадей, пока онѣ могутъ идти, а тамъ уже придется свои ноги распрямить. Тогда опасности не будетъ.» Это казалось мнѣ вовсе не такъ вѣрно, и я побуждалъ его ѣхать скорѣе. Но онъ меня остановилъ словами: «Нѣтъ нельзя, пока они не погоняютъ своихъ лошадей.» Когда неровность мѣстности скрывала насъ, мы пустились въ галопъ, но на виду продолжали ѣхать шагомъ. Наконецъ мы достигли лощины и, повернувъ влѣво, быстро поскакали къ подножію холма. Проводникъ далъ мнѣ подержать свою лошадь, велѣлъ собакамъ лечь на землю, а самъ на четверенькахъ поползъ на рекогно-

спировку. Въ этомъ положеніи онъ оставался нѣсколько времени; но вдругъ разразился хохотомъ и воскликнулъ: «Mugeres! (женщины)». Въ самомъ дѣлѣ, онъ призналъ жену и свояченицу маіорова сына, которыя охотились за страусовыми яйцами. Я описалъ этотъ случай, потому что здѣсь мой проводникъ поступалъ, какъ будто за нами въ самомъ дѣлѣ гнались индѣйцы. Когда мы увѣрились въ своей ошибкѣ, спутникъ мой началъ приводить тысячи доказательствъ, что это и не могли быть индѣйцы; въ минуту страха ему однако ни одинъ изъ этихъ доводовъ не пришелъ въ голову. Послѣ того мы преспокойно доѣхали до плоскаго мыса, называемаго Пунта Альта, откуда можно было видѣть почти всю обширную гавань Багіа Бланка.

Обширная поверхность воды здѣсь во многихъ мѣстахъ изборождена большими отмелями грязи, которыя жители называютъ *канрехалес* или *рачными садками*, по случаю множества живущихъ на нихъ мелкихъ раковъ. Грязь такъ жидка, что невозможно ходить по отмелямъ даже на самое короткое разстояніе. Здѣсь растутъ высокіе тростники, но во время прилива надъ водой видны только ихъ верхушки.

Разъ на лодкѣ мы такъ запутались въ этихъ тростникахъ, что едва могли выбратъся. Не было видно ничего, кромѣ плоскихъ пятенъ грязи:

день былъ несовсѣмъ ясный, и эффекты преломленія очень рѣзки, или, какъ говорятъ моряки, «все подвысилось.» Только одинъ горизонтъ казался на мѣстѣ, а тростникъ торчалъ, точно кусты, стоящіе въ воздухѣ безъ всякой поддержки; вода казалась грязной отмелью, а грязныя отмели — водою.

Мы провели ночь въ Пунта Альта, и я занялся отыскиваніемъ ископаемыхъ костей, потому что мысль этотъ—настоящая гробница всякихъ отжившихъ чудовищъ. Вечеръ былъ тихій и ясный; чрезвычайная гармоничность пейзажа придавала ему какую-то унылую прелесть, не смотря на невзрачность грязныхъ отмелей и заводовъ, не смотря на однообразіе песчаныхъ бугровъ и одинокихъ, хищныхъ грифовъ. По утру, на возвратномъ пути, мы попали на совершенно свѣжій слѣдъ пумы, но самаго звѣря намъ не удалось отыскать. Видѣли еще пару соридловъ или вонючекъ, иначе называемыхъ скунксами; эти отвратительныя животныя вовсе не рѣдкость въ здѣшнихъ мѣстахъ. Съ виду вонючка похожа на хорька, но нѣсколько больше и толще его. Зная свою силу, она гуляетъ днемъ по открытой равнинѣ и не боится ни людей, ни собакъ. Если натравить на нее собаку, то, какъ бы прытко она ни бросилась за звѣремъ, вся храбрость ея мгновенно исчезаетъ, какъ только соридла выпуститъ нѣсколько капель своей

вонючей жидкости, потому что жидкость эта бросается въ носъ и причиняетъ сильнѣйшую тошноту. Вещь, хоть разъ запачканная этой жидкостью, становится навсегда негодною. Азара говоритъ, что на разстояніи одной мили можно уже слышать этотъ запахъ; и не разъ, при входѣ въ гавань Монте-Видео, вѣтеръ съ берега приносилъ намъ его на палубу Бигля. Положительно извѣстно, что всѣ животныя бѣгутъ отъ сориллы, добровольно уступая ей мѣсто.

ГЛАВА V.

Багія Бланка.—Геологія.—Множество громадныхъ четвероногихъ вымершихъ породъ. — Недавнее ихъ исчезновеніе.—Долговѣчность видовъ.—Для крупныхъ животныхъ ненужна роскошная растительность.—Южная Африка. — Сибирскія ископаемыя животныя.— Два вида страуса.— Нравы тинохора. — Броненосцы. — Ядовитая змѣя, жаба и ящерица. — Зимняя спячка животныхъ. — Нравы морскаго пера. — Войны съ индѣйцами и рѣзня. — Наконецникъ стрѣлы, драгоцѣнный остатокъ древности.

Багія Бланка.

«Бигль» пришелъ сюда 24 августа и недѣлю спустя отправился къ Ла-Платѣ. Съ согласія капитана Фицъ-Роя я остался здѣсь, чтобы сухимъ путемъ ѣхать въ Буэносъ Аайресъ. Приведу нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя мною въ это путешествіе, а также и прежде, когда «Бигль» занимался изслѣдованіемъ гавани.

Равнина, на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ берега, принадлежитъ къ обширной формациі пампасовъ, состоящей частью изъ красной глины, а частью изъ породъ мергеля, чрезвычайно богатаго известью. Ближе къ берегу лежитъ мѣстами слой, образованный изъ обломковъ верхней равнины, а также изъ грязи, хряща и песку, выброшенныхъ моремъ во время медленнаго подниманія страны. Явными признаками этого подниманія или возвышенія служатъ слои существующихъ и теперь раковинъ и круглые голыши пемзы, разсыпанные по всей странѣ. Въ Пунта Альта представляется разрѣзъ одной изъ этихъ недавнихъ площадокъ, чрезвычайно замѣчательный, по количеству и необыкновенному характеру остатковъ громадныхъ животныхъ, залегающихъ въ почвѣ. Эти остатки были описаны проф. Оуэномъ въ зоологическомъ отдѣлѣ путешествія нашего корабля и находятся въ хирургическомъ училищѣ. Я приведу здѣсь лишь краткій очеркъ ихъ свойствъ.

Во первыхъ назову три головы и различныя другія кости мегатеріума (*Megatherium*), на громадные размѣры котораго указываетъ уже самое его названіе. Во вторыхъ, мегалониксъ (*Megalonych*) — огромное животное, близкое къ первому. Въ третьихъ—тоже близкое къ нему животное, *Scelidotherium*, отъ котораго мнѣ уда-

лось собрать почти полный скелетъ. Ростомъ послѣдній долженъ былъ быть съ носорога; строеніемъ головы, по мнѣнію проф. Оуэна, онъ болѣе всего сходенъ съ капскимъ муравьѣдомъ, но въ другихъ отношеніяхъ приближается къ броненосцамъ. Въ четвертыхъ — *Mylodon Darwinii*, родъ тоже очень близкій къ описаннымъ, но меньшихъ размѣровъ. Въ пятыхъ, еще одно огромное четвероногое изъ неполнозубыхъ. Въ шестыхъ, большое животное съ покровомъ изъ костяныхъ пластинокъ, очень походитъ на панцырь броненосца. Въ седьмыхъ, исчезнувшій видъ лошади, о которомъ я еще поговорю впоследствии. Въ восьмыхъ, зубъ толстокожаго, вѣроятно одного рода съ макрохеніемъ (*Mastacochenia*), огромнымъ животнымъ, съ шей, длинной, какъ у верблюда; объ немъ я тоже буду говорить впоследствии. Наконецъ токсодонъ, чуть ли не самый странный изъ всѣхъ, когда либо открытыхъ, звѣрей: по величинѣ онъ равняется слону или мегатеріуму, но, по мнѣнію г. Оуэна, строеніе зубовъ явно указываетъ на близкое сродство его съ грызунами, — порядкомъ, къ которому въ настоящее время принадлежатъ большею частію мельчайшіе изъ четвероногихъ; кромѣ того, многія особенности приближаютъ его къ толстокожимъ, а если судить по положенію глазъ, ноздрей и ушей, то нужно думать, что токсодонъ принадлежитъ къ

водянымъ животнымъ, какъ дюгонь и манати, съ которыми онъ тоже имѣеть много общаго. Просто удивительно, сколько различныхъ порядковъ, въ нынѣшнее время такъ положительно раздѣльныхъ, являются соединенными и совмѣстными въ различныхъ частяхъ тѣла одного животнаго.

Остатки этихъ девяти огромныхъ четвероногихъ и много другихъ отдѣльныхъ костей были выкопаны на берегу на пространствѣ около 200 кв. ярдовъ. Очень замѣчательно, что въ одномъ мѣстѣ найдено столько различныхъ видовъ; это показываетъ, какъ разнообразны и многочисленны были древніе обитатели этой страны.

Миль за тридцать отъ Пунта Альта, въ утесѣ изъ красной земли, я нашелъ нѣсколько обломковъ костей, изъ которыхъ нѣкоторые были довольно велики. Между ними находились зубы грызуна, чрезвычайно сходные, какъ по формѣ, такъ и по величинѣ, съ зубами рѣчной свинки (калибара), нравы которой описаны выше; поэтому я полагаю, что это было также водяное животное. Найдена также часть головы гребневика, не тукутуко, но другой видъ, очень на него похожій. Красная земля, подобная почвѣ пампасовъ и сохранившая въ себѣ всѣ эти остатки, заключаетъ, по свидѣтельству проф. Эренберга, восемь видовъ прѣсноводныхъ

и одинъ видъ морскихъ инфузорій. Изъ этого можно заключить, что почва наносная изъ устьевъ рѣки.

Ископаемые остатки въ Пунта Альта были погребены въ слояхъ хряща и красноватой грязи, совершенно похожей на ту, которую море наноситъ на неглубокія отмели. Въмѣстѣ съ костями найдено двадцать три вида раковинъ; изъ нихъ тринадцать принадлежатъ къ числу формъ, живущихъ и понынѣ, а четыре другіе вида очень близки къ нашимъ; нельзя рѣшить, принадлежатъ ли остальные къ неизвѣстнымъ намъ или къ дѣйствительно исчезнувшимъ видамъ, потому что на этомъ берегу раковины вообще слишкомъ еще мало изслѣдованы. Однако, такъ какъ существующіе виды найдены здѣсь почти въ томъ же количественномъ отношеніи, какое существуетъ и между раковинами, нынѣ живущими въ заливѣ, то, по моему мнѣнію, едва-ли можно сомнѣваться, что этотъ слой принадлежитъ къ очень недавнему третичному періоду. Судя по костямъ сцелидо-терія, которыя всѣ, не исключая даже и колѣнной чашки, найдены въ своемъ естественномъ взаимномъ отношеніи, а также по сохранившимся вполне костямъ ноги и костяному панцирю животнаго, похожаго на броненосца, мы можемъ сказать съ увѣренностью, что эти остатки были еще свѣжи и соединены связками

въ то время, когда слой хряща покрывъ ихъ вмѣстѣ съ множествомъ раковинъ. На этомъ основаніи становится ясно, что вышеупомянутыя громадныя четвероногія, отличающіеся отъ нынѣшнихъ рѣзче, чѣмъ самыя древнія изъ третичныхъ четвероногихъ Европы, жили въ то время, когда море было уже населено большею частью его теперешнихъ обитателей; а этимъ подтверждается замѣчательный законъ, на которомъ такъ часто останавливается г. Ляй-элль, именно, что «долговѣчность видовъ у млекопитающихъ вообще стоитъ ниже, чѣмъ у моллюсковъ (testacea)» *).

Огромныя размѣры костей мегатероидовъ, то есть мегатерія, мегалоникса, сцелидотерія и милодона, въ самомъ дѣлѣ поразительны. Ихъ образъ жизни долго оставался загадкой для натуралистовъ; но въ послѣднее время проф. Оуэнъ **) очень остроумно рѣшилъ этотъ вопросъ. Простое устройство зубовъ показываетъ, что эти животныя питались растительными веществами, вѣроятно листьями и молодыми вѣтками деревьевъ. Ихъ тяжеловѣсныя формы и

*) Principles of Geology, vol. IV, p. 40.

**) Эта теорія въ первый разъ была высказана въ Zoology of the Voyage of the Beagle, и потомъ въ статьѣ проф. Оуэна о *Mylodon robustus*.

большіе, сильные и кривые когти, такъ мало приспособлены къ быстрому передвиженію, что многіе изъ лучшихъ натуралистовъ полагали даже, что эти животныя, подобно лѣнивцамъ, къ которымъ они довольно близки, питались древесною листвою, влѣзая на стволы задомъ внизъ. Это была смѣлая, чтобы не сказать нелѣпая, мысль. Трудно предположить, чтобы даже въ допотопныя времена существовали деревья съ вѣтвями, на столько крѣпкими, чтобы выдерживать тяжесть животныхъ величиной съ слона. Профессоръ Оуэнъ съ гораздо большимъ вѣроятіемъ думаетъ, что вмѣсто того, чтобы лазить по деревьямъ, они притягивали къ себѣ вѣтки, отрывали самыя молодыя и такимъ образомъ питались листьями. Громадная ширина и тяжесть задней половины ихъ тѣла, которая трудно вообразить себѣ, не выдавъ костей, становятся съ этой точки зрѣнія не помѣхой, а, напротивъ, большимъ пособіемъ. Неуклюжесть животныхъ исчезаетъ. Опираясь на землю огромнымъ хвостомъ и ступнями, какъ бы на треножникъ, они могли свободно пускать въ дѣло всю силу переднихъ лапъ и длинныхъ когтей. Надо согласиться однако, что крѣпки были корни у деревьевъ, выдерживавшихъ такой напоръ! Кромѣ того у милодона былъ еще длинный, вытягивающійся языкъ, какъ у жирафы, который, благодаря этому удивительному

природному удобству и своей длинной шеѣ, можетъ свободно доставать свою пищу. Здѣсь можно кстати привести замѣчанія Брюса объ абиссинскомъ слонѣ; когда слонъ этотъ не можетъ достать хоботомъ вѣтокъ, то начинаетъ долбить клыками стволъ дерева со всѣхъ сторонъ, пока не ослабитъ его на столько, чтобы повалить.

Слои, заключающіе въ себѣ упомянутые ископаемые остатки, возвышаются во время прилива только на пятнадцать или двадцать футовъ надъ уровнемъ моря. Поэтому должно заключить, что съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь жили эти громадные четвероногія, страна поднялась чрезвычайно мало (или нужно предположить, что между періодами возвышенія былъ періодъ осѣданія, на что нѣтъ никакихъ указаній) и что вообще съ тѣхъ поръ общій характеръ мѣстности почти не измѣнился. Здѣсь самъ собою приходитъ въ голову вопросъ, какова была въ то время растительность, и также-ли жалка и бесплодна была тогда страна, какъ теперь? Такъ какъ многія изъ найденныхъ здѣсь раковинъ принадлежатъ къ видамъ, живущимъ и нынѣ, то я сначала склонялся къ мысли, что прежняя растительность была похожа на теперешнюю; подобное сближеніе было однако ошибочно, потому что инныя изъ этихъ раковинъ живутъ и на роскошныхъ берегахъ

Бразиліи; да и вообще характеръ обитателей моря отнюдь не можетъ служить указаніемъ для опредѣленія свойствъ земныхъ животныхъ. Тѣмъ не менѣе, изъ того факта, что на равнинахъ вокругъ Багія Бланка водилось много громадныхъ четвероногихъ, по моему, вовсе не слѣдуетъ заключать, чтобы эти равнины были когда либо покрыты роскошной растительностью; для меня несомнѣнно, что немного южнѣе, близъ Ріо Негро, бесплодная мѣстность, изрѣдка поросшая колючими деревцами, могла поддерживать существованіе многочисленныхъ крупныхъ четвероногихъ.

Всѣ думали прежде, что для крупныхъ животныхъ необходима роскошная растительность. Это мнѣніе переходило отъ одного автора къ другому, но я, не колеблясь, скажу, что оно совершенно невѣрно и извратило взглядъ геологовъ на многіе предметы большой важности въ исторіи древняго міра. Вѣроятно предразсудокъ этотъ установился вслѣдствіе примѣра Индіи и Индѣйскихъ острововъ, гдѣ, какъ мы всѣ привыкли воображать себѣ, соединены вмѣстѣ стада слоновъ, великолѣпные лѣса и непроницаемые джунгли, т. е. кустарники. Но съ другой стороны, если заглянемъ въ какое нибудь путешествіе по Южной Африкѣ, то почти на каждой страницѣ будетъ рѣчь или о

пустынномъ характерѣ страны, или объ огромномъ количествѣ крупныхъ животныхъ, живущихъ въ ней. Тоже явствуетъ изъ множества рисунковъ, изображающихъ различныя мѣстности внутренней Африки. Когда «Бигль» стоялъ въ Капштатѣ, я на нѣсколько дней ѣздилъ во внутренность страны, и этой поѣздки было совершенно достаточно, чтобы окончательно уяснить для меня читанное мною прежде.

Д-ръ А. Смитъ, которому съ нѣсколькими предприимчивыми товарищами удалось недавно перейти тропикъ Козерога, писалъ мнѣ, что, если судить по южной части Африки, то нельзя сомнѣваться въ бесплодности всей страны. На южномъ и юго-восточномъ берегу встрѣчаются, правда, великолѣпные лѣса; но, за исключеніемъ ихъ, путешественнику приходится по цѣлымъ днямъ проѣзжать черезъ открытыя равнины, гдѣ растительность бѣдна и рѣдка. Очень трудно дать точное понятіе о сравнительномъ плодородіи странъ, но можно навѣрно сказать, что въ Англии количество растительности въ любое время *) превосходитъ, быть можетъ, вдесятеро количество растительности, производимое на та-

*) Этими словами я хочу исключить общій приходъ растительности, который могъ развиваться и истребляться постепенно.

комъ же пространствѣ земли во внутренности южной Африки. Бѣдность тамошней растительности, быть можетъ, яснѣе всего доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что телѣги, запряженные буйволами, могутъ безпрепятственно ѣздить по всѣмъ направлениямъ, исключая лишь морскаго побережья, и только развѣ случайно останавливаются на полчаса, чтобы вырубить кусты. Между тѣмъ, если обратимъ вниманіе на животныхъ, населяющихъ эти обширныя пустыни, то найдемъ, что количество ихъ огромно, и массивность особей поразительна. Припомнимъ слона, три вида носороговъ, а, по свидѣтельству доктора Смита, и еще два вида; далѣе — бегемота и жирафа, кафрскаго быка, который по росту равняется нашему взрослому быку; оленебыка нѣсколько меньшихъ размѣровъ; два вида зебровъ и квагги, два вида гну и наконецъ нѣсколько видовъ антилопъ, даже большихъ размѣровъ, чѣмъ гну. Можно было бы думать конечно, что хотя видовъ много, но зато мало особей cadaго изъ нихъ. Благодаря любезности г. Смита, я могу доказать противное. Онъ увѣдомляетъ меня, что подъ 24° шир. въ продолженіи одного дня пути въ телѣгѣ на водахъ, онъ, не очень отдаляясь отъ дороги, видѣлъ отъ ста до ста пятидесяти носороговъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ тремъ видамъ; въ тотъ же день онъ встрѣтилъ стадо жирафовъ,

почти во сто штукъ; хотя ему не попадались слоны, но вообще они нерѣдки въ этихъ мѣстахъ. На разстояніи около часу ѣзды отъ мѣста ночлега, товарищи его убили за разъ восемь бегемотовъ, а видѣли ихъ гораздо больше. Въ той же рѣкѣ были и крокодилы. Конечно, встрѣтить за разъ столько громадныхъ животныхъ не всякому удастся и тамъ, и этотъ случай исключительный; но онъ все таки доказываетъ, какъ они многочисленны въ тѣхъ мѣстахъ. Д-ръ Смитъ слѣдующимъ образомъ описываетъ мѣстность, по которой проѣзжалъ въ тотъ день: «она была покрыта рѣденькой травой, изрѣдка попадались кустарники фута въ четыре вышиною, и еще рѣже встрѣчались мимозовыя деревья.» Телѣги ихъ могли ѣхать безпрепятственно почти по прямой линіи.

Кромѣ этихъ крупныхъ животныхъ, всякій, сколько нибудь знакомый съ естественной исторіей мыса Доброй Надежды, читалъ о стадахъ антилопъ, которыя можно сравнить по многочисленности только съ стадами перелетныхъ птицъ. И въ самомъ дѣлѣ, количество львовъ, пантеръ, гіенъ и различныхъ хищныхъ птицъ довольно ясно говоритъ объ изобиліи мелкихъ четвероногихъ: въ одинъ вечеръ насчитали семь львовъ, бродившихъ вокругъ лагеря г. Смита. Этотъ талантливый натуралистъ справедливо замѣчаетъ, что въ южной Африкѣ ежедневно должны про-

исходить ужасныя кровопролитія. Признаюсь, меня не мало удивляетъ, какъ такое огромное число животныхъ можетъ находить себѣ средства къ жизни въ странѣ, до такой степени непродуцательной. Большія четвероногія, безъ сомнѣнія, проходятъ огромныя пространства въ поискахъ за пищею; и пища эта преимущественно состоитъ изъ молодаго кустарника, который въ маломъ объемѣ содержитъ вѣроятно много питательныхъ веществъ. Д-ръ Смитъ сообщилъ мнѣ также, что прозябаніе происходитъ тамъ очень быстро; по мѣрѣ того, какъ части растенія истребляются, ихъ немедленно замѣняютъ новыя. Можно почти навѣрное сказать, что наши понятія о количествѣ пищи, необходимой для крупныхъ четвероногихъ, въ значительной степени приувеличены; для примѣра можно привести верблюда: животное это ни какъ нельзя назвать маленькимъ, а между тѣмъ съ незапамятныхъ временъ его считаютъ эмблемой пустыни.

Мнѣніе, будто растительность должна быть роскошной въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водятся большія животныя, оказывается особенно невѣрнымъ, если принять въ соображеніе противоположное отношеніе. Г. Бергелль говоритъ, что при первомъ знакомствѣ съ Бразиліей онъ всего больше былъ пораженъ роскошью южно-американской растительности по сравненію съ южно-африканской, а также совершеннымъ от-

сутствиемъ въ Бразиліи крупныхъ четвероногихъ. Въ своихъ «путешествіяхъ» *) онъ замѣчаетъ, что было бы чрезвычайно любопытно сравнить (еслибы были на это достаточныя данныя) относительный вѣсъ равнаго числа крупнѣйшихъ травоядныхъ четвероногихъ въ въ обѣихъ странахъ. Если мы съ одной стороны возьмемъ африканскаго слона **), бегемо-

*) Travels in the interior of South Africa vol II, p. 207.

**) Слонъ, убитый въ Exeter Change, вѣсилъ до пяти съ половиной тоннъ (онъ былъ взвѣшенъ по частямъ). Мнѣ говорили, что самка слона вѣситъ одной тонной меньше, такъ что можно принять среднимъ вѣсомъ взрослого слона въ пять тоннъ. Я слышалъ, что бегемотъ, котораго прислали въ Англію разрѣзаннымъ на куски, вѣсилъ три съ половиною тонны; для круглаго счета скажемъ три тонны. Основываясь на этихъ числахъ, можно опредѣлить вѣсъ каждаго изъ пяти носороговъ въ три съ половиной тонны; вѣсъ жирафа въ одну тонну; полтонны для каффрскаго быка и столько же для оленебыка (большой быкъ вѣситъ отъ 1200 до 1500 ф.) Это даетъ общую цифру въ 2,7 тонны для каждаго изъ большихъ травоядныхъ четвероногихъ южной Африки. Для южной Америки будетъ: 1200 ф. въ обоихъ тапирахъ вмѣстѣ; 550 ф. въ гуанако и вигони; 500 ф. въ трехъ ланяхъ; 300 ф. въ рѣчной свинкѣ, пскари и въ одной обезьянѣ. Средняя цифра въ этомъ случаѣ будетъ 250 ф., и я думаю, что она еще все таки преувеличена. Отношеніе будетъ слѣдовательно, какъ 6048 : 250, или 24 : 1 — для десяти самыхъ большихъ животныхъ обоихъ материковъ.

та, жирафа, кафрскаго быка, оленебыка, три, а можетъ быть, и пять видовъ носорога; со стороны же Америки два вида тапировъ, гуанако, три вида ланей, вигонь, пекари, рѣчную свинку (чтобы дополнить счетъ нужно было бы выбрать одну изъ обезьянъ) и потомъ поставимъ рядомъ эти двѣ группы, то конечно трудно себѣ представить что нибудь болѣе несоотвѣтственное по величинѣ. Послѣ всего сказаннаго приходится заключить, въ противоположность прежнему мнѣнію *), что для млекопитающихъ не существуетъ тѣснаго отношенія между массивностью или объемомъ видовъ и количествомъ растительности въ странѣ, гдѣ они живутъ.

Что касается до числа огромныхъ четвероногихъ, то, конечно, нѣтъ страны на земномъ шарѣ, которая могла бы сравниться въ этомъ отношеніи съ южной Африкой. Послѣ новѣйшихъ изслѣдованій не можетъ быть сомнѣнія въ совершенно пустынномъ характерѣ этой страны. Въ Европѣ нужно обратиться къ тре-

*) Если предположимъ, что въ далекомъ будущемъ, т. е. въ то время, когда исчезнутъ съ лица земли всѣ китообразныя, найденъ будетъ островъ гренландскаго кита, то тогдашнимъ натуралистамъ будетъ трудно предположить, что для поддержанія жизни въ такомъ громадномъ тѣлѣ могли служить крошечныя раки и моллюски, живущіе въ холодныхъ моряхъ крайняго сѣвера?

тичному періоду, чтобы открыть между млекопитающими такія условія, какія въ настоящее время существуютъ для нихъ на мысѣ Доброй Надежды. Да едва ли и въ этихъ третичныхъ періодахъ, въ которыхъ мы привыкли предполагать изумительное изобиліе громадныхъ животныхъ (на основаніи остатковъ отъ различныхъ эпохъ, находимыхъ въ извѣстныхъ пунктахъ), едва ли и тамъ, говорю я, водились животныя большихъ размѣровъ, чѣмъ живущія теперь на югѣ Африки. Составляя теоріи о состояніи растительности въ тѣ отдаленныя времена, мы по крайней мѣрѣ на столько должны придерживаться аналогіи съ существующимъ порядкомъ, чтобы не провозглашать безусловную необходимость роскошной растительности, когда у насъ передъ глазами примѣръ мыса Доброй Надежды съ совершенно противоположными условіями.

Извѣстно *), что въ крайнихъ предѣлахъ сѣ-

*) См. Zoological Remarks to Capt. Back's Expedition by Dr. Richardson. Онъ говоритъ: «подпочва къ сѣверу отъ 56° шир. остается постоянно замерзшею; земля оттаиваетъ не больше, какъ на 3 фута въ глубину, а близъ Медвѣльяго озера (64° шир.) не больше, какъ на 20 дюймовъ. Какъ кажется, замерзшій подслоникъ не мѣшаетъ самъ по себѣ растительности, потому что на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега видны прекрасныя лѣса.»

верной Америки, тамъ, гдѣ на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ земля круглый годъ остается мерзлою, находятъ лѣса высокихъ и толстыхъ деревьевъ. Точно также и въ Сибири мы видимъ лѣса изъ березы, ели, осины и лиственницы подъ такою широтою *) (64°), гдѣ средняя температура воздуха стоитъ ниже точки замерзанія и гдѣ земля промерзаетъ до такой степени, что остатки похороненныхъ въ ней древнихъ животныхъ ни сколько не пострадали отъ времени. Въ виду этихъ фактовъ мы должны допустить (принимая въ расчетъ только количество растительности), что большія четвероногія послѣднихъ третичныхъ періодовъ могли жить въ большей части сѣверной Европы и Азіи на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь находятъ ихъ остатки. Я не говорю о родѣ растительности, необходимой для ихъ существованія, потому что, такъ какъ здѣсь есть признаки физическихъ перемѣнъ, а многія изъ животныхъ вовсе исчезли съ лица земли, то можемъ предположить, что и виды растеній съ тѣхъ поръ также перемѣнились.

*) См. Humboldt *Fragmens Asiatiques*, p. 386; Barton's *Geography of Plants*; и Malte Brun. Въ послѣднемъ сочиненіи говорится, что крайнюю границу древесной растительности въ Сибири можно провести подъ 70° .

Я долженъ замѣтить впрочемъ, что все сказанное относится только къ сибирскимъ животнымъ, сохранившимся во льду. Съ одной стороны твердое убѣжденіе въ необходимости богатства практической растительности для поддержанія жизни крупныхъ животныхъ, а съ другой, невозможность согласить это съ близостью постоянного замерзанія, были одними изъ главныхъ причинъ возникновенія множества теорій о внезапныхъ измѣненіяхъ климата и разрушительныхъ катастрофахъ, — теорій, озобрѣтенныхъ для объясненія присутствія ископаемыхъ остатковъ. Я далекъ отъ мысли, чтобы климатъ не измѣнялся съ того времени, когда жили эти животныя, погребенныя во льду. Я имѣю въ виду доказать только, что, если остановиться лишь на количествѣ пищи, то древніе носороги даже и теперь могли бы пастись въ степяхъ центральной Сибири (сѣверная часть тогда еще вѣроятно была покрыта водой), точно также, какъ нынѣ живущіе слоны и носороги пасутся въ карросъ (Karras) южной Африки.

Приступаю къ описанію нравовъ нѣкоторыхъ изъ интереснѣйшихъ птицъ, живущихъ въ пустынныхъ равнинахъ сѣверной Патагоніи, и, во первыхъ, скажу о самой большой изъ нихъ — южноамериканскомъ страусѣ. Въ общихъ чертахъ нравы страусовъ извѣстны каждому. Обыкновенно

венно они питаются растительными веществами, травой и кореньями; но въ Багія Бланга я нѣсколько разъ видалъ, какъ три или четыре страуса вмѣстѣ спускались во время отлива къ грязнымъ отмеламъ, которыя тогда сухи, чтобы, какъ увѣряють гаухосы, поѣсть мелкой рыбы. Хотя страусы крайне осторожны, дики и любятъ уединеніе, и бѣгаютъ очень легко и быстро, однако гаухосы и индѣйцы безъ особаго труда ловятъ ихъ своими шарами (bolas). Если всадники обступятъ страуса полукругомъ, то животное теряется и не знаетъ, куда бѣжать. Вообще они предпочитаютъ бѣжать противъ вѣтра; однако, трогаясь съ мѣста, они непременно распускають крылья и, какъ корабль, бѣгутъ на всѣхъ парусахъ. Разъ въ жаркую и ясную погоду я видѣлъ, какъ нѣсколько страусовъ вошли въ высокій тростникъ и, присѣвъ тамъ, прятались, пока я не подошелъ къ нимъ совершенно близко. Не всѣмъ, кажется, извѣстно, что страусъ охотно плаваетъ. Г. Кингъ сообщилъ мнѣ, что въ заливѣ Санъ Бласъ и въ портѣ Вальдесѣ въ Патагоніи онъ не разъ видалъ, какъ эти птицы плавали съ острова на островъ. Онѣ бросались въ воду, какъ для спасенія отъ преслѣдованія, когда ихъ пригоняли къ мысу, такъ и по собственной прихоти, когда ихъ никто не пугалъ; онѣ переплывали разстоянія около двухъ сотъ ярдовъ. Во время плаванія на по-

верхности видна только незначительная часть ихъ тѣла, а шея вытянута впередъ; вообще на водѣ движенія ихъ очень медленны. Два раза я самъ видѣлъ нѣсколькихъ страусовъ, переплывающихъ рѣку Санта Крусъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теченіе быстро, а ширина около четырехъ сотъ ярдовъ. Капитанъ Стѣртъ *), плывя внизъ по теченію Морромбиджи въ Австраліи, видѣлъ двухъ плавающихъ эму (мѣстное названіе страуса).

Жители этой мѣстности очень легко, даже издали, отличаютъ самца страуса отъ самки. У перваго цвѣтъ перьевъ темнѣе (**); кромѣ того онъ больше ростомъ, и голова у него толще. Страусъ, кажется самецъ, издаетъ какой то странный, низкій, свистящій звукъ: въ первый разъ я услышалъ его, стоя между песчаными холмами, и мнѣ показалось, что это голосъ какого нибудь дикаго звѣря, потому что характеръ его таковъ, что нельзя сказать, ни откуда онъ, ни какъ далеко. Въ нашу бытность въ Багія Бланка, въ сентябрѣ и октябрѣ, по всей равнинѣ было разбросано огромное

*) Sturt's Travels, vol II, p. 74.

**) Одинъ гаучо увѣрялъ меня, что ему разъ случилось видѣть страуса бѣлаго, какъ снѣгъ, альбиноса, и что это чрезвычайно красивая птица.

множество яицъ. Яйца лежатъ или по одиночкѣ, и въ этихъ случаяхъ они никогда не высиживаются и называются у испанцевъ *huachos*; или же они сложены въ мелкія ямы, которыя замѣняютъ гнѣзда. Изъ четырехъ видѣнныхъ мною гнѣздъ, въ трехъ лежало по двадцать два яйца, а въ четвертомъ двадцать семь. Въ одинъ день конной ѣзды я нашелъ шестьдесятъ четыре яйца; изъ нихъ сорокъ четыре были взяты изъ гнѣздъ, а остальные двадцать найдены разбросанными. Гаухосы единодушно утверждаютъ, и въ справедливости ихъ показаній нѣтъ поводовъ сомнѣваться, — что высиживаетъ яйца только самецъ и что онъ же водить потомъ нѣкоторое время дѣтей. Сидя въ гнѣздѣ, самецъ плотно прилегаетъ къ землѣ; однажды я чуть не наѣхалъ на него. Увѣряютъ, что въ это время страусъ становится свирѣпымъ и даже опаснымъ; рассказываютъ даже, что онъ нападаетъ на всадника, стараясь вскочить и ударить его. Человѣкъ, говорившій это, показывалъ мнѣ старика, котораго такимъ образомъ сильно напугалъ преслѣдовавшій его страусъ. Въ путешествіи Бёрчелля по южной Африкѣ я прочелъ, что когда однажды онъ убилъ самца съ грязными перьями, то готтентоты сказали ему, что эта птица сидѣла на яйцахъ. Я знаю также, что самецъ эму въ зоологическомъ саду беретъ на себя всѣ заботы по выси-

живанью; слѣдовательно, это общая черта нравовъ всего семейства.

Гаухосы точно также единогласно увѣряютъ, что нѣсколько самокъ кладутъ яйца въ одно и тоже гнѣздо. Мнѣ выдавали за положительный фактъ, что среди бѣлаго дня видали, какъ четыре или пять самокъ приходили къ одному и тому же гнѣзду. Я могу прибавить, что это мнѣніе распространено и въ Африкѣ. *) Хотя эта черта съ перваго взгляда кажется очень странной, но причина ея можетъ быть объяснена просто. Число яицъ въ гнѣздѣ бываетъ отъ двадцати, до сорока и даже до пятидесяти, а по словамъ Азары, доходитъ иногда до семидесяти или восьмидесяти. Съ одной стороны количество яицъ, находимыхъ въ одномъ мѣстѣ, такъ велико сравнительно съ числомъ птицъ, а съ другой стороны яичникъ у самки устроенъ такимъ образомъ, что можно съ большимъ вѣроятіемъ предположить, что каждая самка кладетъ ихъ очень много; но для этого нуженъ длинный періодъ времени. Азара утверждаетъ **), что одна самка въ домашнемъ состояніи снесла семнадцать яицъ съ трехдневными промежутками между каждой ноской. Еслибы ей пришлось самой выси-

*) Burchell's Travels, vol. I, p. 280.

***) Azara, vol. IV, p. 173.

живать яйца то, пока было бы снесено послѣднее, первыя превратились бы въ болтуновъ. Но если каждая самка въ извѣстный періодъ времени положить по нѣскольку яицъ въ различныя гнѣзда, и при томъ если дѣйствительно нѣсколько самокъ соединяются для этой цѣли, то ясно, что въ каждомъ гнѣздѣ яйца будутъ приблизительно одинаковаго возраста. Если количество яицъ въ одномъ гнѣздѣ не превышаетъ, какъ я думаю, среднимъ числомъ количества яицъ, которое вообще кладетъ одна самка, то гнѣздъ должно быть столько же, сколько самокъ, и на долю каждаго самца достается одинаковый трудъ высиживанья, а именно, въ тотъ періодъ времени, когда самки не могутъ сидѣть сами, потому что еще несутся *). Я говорилъ уже о большомъ количествѣ яицъ, разбросанныхъ и раскинутыхъ по равнинѣ; въ одинъ день я ихъ набралъ до двадцати штукъ. Странно, что такъ много яицъ пропадаетъ даромъ. Не оттого ли, что нѣсколькимъ самкамъ

*) Лихтенштейнъ впрочемъ утверждаетъ (Travels, vol. II, p. 25), что самки садятся на яйца, снеся десять или двѣнадцать штукъ, и послѣ этого продолжаютъ нестись уже въ другое гнѣздо. Это кажется мнѣ невѣроятнымъ. Онъ говоритъ еще, что для высиживанія соединяются вмѣстѣ 4 или 5 самокъ съ однимъ самцомъ, который сидитъ только по ночамъ.

трудно соединиться въ общину или найти самца, который согласился бы на трудъ высиживанья? Очевидно, что нужно соединеніе по крайней мѣрѣ двухъ самокъ, иначе яйца оставались бы разбросанными на такихъ большихъ разстояніяхъ, что самцу было бы слишкомъ трудно собрать ихъ въ одно гнѣздо. Нѣкоторые писатели думаютъ, что яйца разбрасываются для того, чтобы ими могли питаться молодые птицы. Едвали это справедливо для Америки, потому что здѣсь такія яйца, хотя и часто встрѣчаются въ видѣ болтуновъ или даже протухшими, но почти всегда цѣлыми.

Въ мое пребываніе у Рио Негро, въ сѣверной Патагоніи, я часто слышалъ отъ гаухосовъ объ одной очень рѣдкой птицѣ, которую они называли авеструсь петизе (*Avestrus Petise*). Они говорили, что ростомъ она меньше страуса, (который тамъ очень обыкновененъ), но вообще очень похожа на него. По словамъ ихъ, она цвѣтомъ темная съ пятнами, а ноги у нея гораздо короче и оперены гораздо ниже, чѣмъ у страуса. Ловить шарами ее легче, чѣмъ другіе виды. Тѣ немногіе, которымъ случалось видѣть обѣихъ птицъ, увѣряли, что можно отличить ихъ другъ отъ друга на большомъ разстояніи. Яйца этого меньшаго вида, кажется, больше извѣстны, чѣмъ сами птицы; яйца почти такой же величины, какъ страусовыя,

но нѣсколько другой формы и съ легкимъ голубымъ оттѣнкомъ. Этотъ видъ очень рѣдокъ въ равнинахъ, окаймляющихъ Рио Негро, но однимъ или полутора градусами южнѣе онъ встрѣчается довольно часто. Однажды въ Портъ Дезире въ Патагоніи (48° шир.) г. Мартенсъ убилъ страуса; я посмотрѣлъ на него и, совершенно позабывъ рассказы о петизахъ, подумалъ, что это должно быть молодой экземпляръ обыкновеннаго здѣшняго страуса. Его изжарили и съѣли прежде, чѣмъ я опомнился. Къ счастью уцѣлѣли голова, шея, ноги, крылья, нѣсколько большихъ перьевъ и большая часть шкурки. Съ помощью этихъ остатковъ я могъ возстановить почти совершенно полный экземпляръ, который стоитъ теперь въ Зоологическомъ Музеѣ. Г. Гульдъ, описывая этотъ новый видъ, сдѣлалъ мнѣ честь, назвавъ его моимъ именемъ.

Между патагонскими индѣйцами, живущими на берегу Магелланова пролива, мы нашли одного полу-индѣйца, который уже нѣсколько лѣтъ жилъ съ дикимъ племенемъ, хотя родился въ сѣверныхъ провинціяхъ. Я спросилъ его, слышалъ ли онъ когда либо объ авеструсь петизе? онъ отвѣчалъ, что здѣсь, въ южной сторонѣ, другихъ страусовъ и не бываетъ. Онъ сказалъ мнѣ тоже, что у петизовъ въ гнѣздахъ яицъ бываетъ гораздо меньше, чѣмъ у

другаго страуса, а именно среднимъ числомъ не больше пятнадцати; но онъ увѣрялъ, что ихъ также кладетъ не одна самка. Въ Санта Крусъ мы видѣли нѣсколько такихъ птицъ. Онѣ были до крайности осторожны, и, кажется, видятъ человѣка на такомъ разстояніи, на которомъ человѣкъ еще не можетъ разглядѣть ихъ. Когда мы ѣхали вверхъ по рѣкѣ, то намъ попадалось очень мало этихъ птицъ; но когда мы стали быстро и безъ шума спускаться, то увидѣли ихъ множество, парами или по четыре и по пяти вмѣстѣ. Замѣчено, что когда они трогаются съ мѣста, чтобы бѣжать, то не распускаютъ крыльевъ, подобно сѣвернымъ страусамъ. Въ заключеніе могу сказать, что страусъ реа (*Struthio Rhea*) водится въ Ла Платѣ до 41⁰ шир., т. е. встрѣчается еще нѣсколько далѣе къ югу отъ Ріо Negro, а видъ *Struthio Darwinii* живетъ въ южной Патагоніи; такимъ образомъ полоса около Ріо Negro остается нейтральной территоріей. Г. А. д'Орбиньи *), въ бытность

*) Когда мы были у Ріо Negro, то много слышали объ этомъ неутомимомъ натуралистѣ. Г. Альсидъ д'Орбиньи (съ 1825 до 1833 года) много путешествовалъ по южной Америкѣ, собралъ коллекцію и теперь занимается изданіемъ описанія своихъ наблюденій, въ такихъ великолѣпныхъ размѣрахъ, что въ числѣ путешественниковъ по Америкѣ сразу становится на второе мѣсто послѣ Гумбольдта.

свою близъ Рио Негро, всѣми силами старался добыть эту птицу, но это ему ни разу не удалось. Г. Добрицгофферъ давно зналъ о существованіи двухъ видовъ страуса. Онъ говоритъ: «нужно еще замѣтить, что величина и внѣшній видъ ему измѣняются, смотря по мѣстности. Тѣ, которые живутъ въ равнинахъ Буэносъ Айреса и Тукумана, гораздо больше ростомъ и имѣютъ черныя, бѣлыя и сѣрыя перья. Около Магелланова пролива они меньше и красивѣе; ихъ бѣлыя перья имѣютъ черныя концы и, наоборотъ, черныя окачиваются бѣлымъ» *).

Здѣсь очень обыкновенна замѣчательная маленькая птичка, тинокоръ (*Tinochorus ruficivorus*); по виду и нравамъ она одинаково похожа на двухъ очень различныхъ другъ отъ друга птицъ, на бекаса и на перепелку. Тинокоръ встрѣчается во всей южной части Южной Америки, гдѣ есть бесплодныя равнины или открытые, сухіе луга. Парами или маленькими стаями попадаютъ они въ такихъ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ едва ли можетъ жить какое нибудь другое животное. Увидавъ приближающаго человѣка, они такъ плотно присѣдаютъ къ землѣ,

*) Account of the Abipones, A. D. 1749 vol. I (въ англійскомъ переводѣ) p. 314.

что ихъ трудно замѣтить. Отыскивая пищу, они ходятъ тихо, растопыривая ноги. Они валяются въ придорожной пыли и въ песокъ и любятъ постоянно держаться въ какихъ нибудь опредѣленныхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ можно всегда застать. Они летаютъ ежедневно, какъ куропатки, стаями. По всѣмъ этимъ особенностямъ, по мускулистому желудку, приспособленному къ растительной пищѣ, по кривому клюву и мясистымъ ноздрямъ, наконецъ по короткимъ ногамъ и по формѣ ихъ, тинохоры близко подходят къ перепелкѣ. Но на лету видъ этой птицы совершенно измѣняется; длинные острые крылья, рѣзко отличающіяся отъ крыльевъ порядка куриныхъ, неправильность полета и жалобный крикъ, испускаемый, когда птица поднимается въ воздухъ, все это напоминаетъ бекаса. Охотники съ нашего корабля единодушно прозвали ее коротконосымъ бекасомъ. Скелетъ ея дѣйствительно указываетъ на родство съ этимъ родомъ, или, вѣрнѣе, съ этимъ семействомъ. Кромѣ того тинохоръ состоитъ въ близкомъ родствѣ съ нѣкоторыми другими южно-американскими птицами. Два вида изъ рода *Attagis* имѣютъ почти во всѣхъ отношеніяхъ нравы тетереевъ: одинъ живетъ въ Огненной Землѣ, повыше границы распространенія лѣсовъ, а другой тотчасъ подъ снѣжной линіей Кордильеровъ, въ центральныхъ областяхъ Чили. Птица другаго, очень

близкаго, рода, *Chionis Alba*, живетъ въ южномъ полярномъ поясѣ (антарктическомъ); она питается морскими водорослями и раковинами, остающимися на скалахъ послѣ отлива. Хотя она не принадлежитъ къ лапчатоногимъ птицамъ, но почему-то часто встрѣчается далеко въ морѣ. Это маленькое семейство птицъ, хотя представляетъ, по своимъ разнообразнымъ отношеніямъ къ другимъ семействамъ, случай нѣсколько затруднительный для натуралиста систематика, но въ то же время служитъ пособіемъ къ разъясненію того великаго плана, общаго для прошлаго и настоящаго времени, который лежитъ въ основѣ организаціи живыхъ существъ.

Родъ *Furnarius* заключаетъ въ себѣ нѣсколько видовъ маленькихъ птицъ, которыя держатся на землѣ и живутъ въ открытыхъ, сухихъ мѣстахъ. По строенію онѣ непохожи ни на одну изъ европейскихъ птицъ. Орнитологи причисляли ихъ вообще къ лазящимъ, хотя онѣ положительно во всѣхъ отношеніяхъ противоположны этому отряду. Лучше другихъ извѣстенъ обыкновенный въ Ла Платѣ видъ печникъ или, какъ называютъ его испанцы, казара (*Casara*), т. е. домостроитель. Гнѣздо, по формѣ котораго птица получила свое названіе, помѣщается всегда на самыхъ открытыхъ мѣстахъ, на примѣръ, на верхушкѣ столба, на голой скалѣ

или на кактусѣ. Оно состоитъ изъ грязи и соломинокъ и имѣетъ крѣпкія, толстыя стѣнки. Форма его дѣйствительно напоминаетъ печку или сплюснутый улей. Отверстіе большое, въ видѣ свода, и прямо противъ него, внутри гнѣзда, находится перегородка, доходящая почти до крышки и представляющая какъ бы сѣни, передъ входомъ въ настоящее гнѣздо.

Другой видъ фурнарій (*F. cupicularius*) нѣсколько меньше перваго, но похожъ на печника красноватымъ оттѣнкомъ перьевъ, особеннымъ, рѣзкимъ и неоднократно повторяющимся крикомъ и наконецъ странной манерой ходить скачками. На основаніи этого сходства испанцы называютъ эту птичку казарита (т. е. маленькій домостроитель), хотя устройство гнѣзда у нея совершенно иное. Казарита устраиваетъ свое жилище на днѣ узкаго цилиндрическаго углубленія, которое, какъ говорятъ, идетъ горизонтально почти на шесть футовъ подъ землею. Многіе изъ сельскихъ жителей говорили мнѣ, что, когда были мальчиками, нѣсколько разъ старались выкопать гнѣздо, но имъ почти никогда не удавалось дойти до конца хода. Птичка выбираетъ въ твердомъ песчаномъ грунтѣ небольшое возвышеніе или валъ около дороги или ручья. Здѣсь (въ Багія Бланка) стѣны домовъ построены изъ отвердѣвшей грязи, и я замѣтилъ, что въ одной изъ нихъ,

окружавшей дворъ, въ которомъ я жилъ, во многихъ мѣстахъ были пробуравлены круглыя отверстія. На вопросъ мой, для чего подѣланы эти дыры, хозяинъ сталъ горько жаловаться на маленькую казариту. Дѣйствительно, я самъ вскорѣ увидѣлъ, какъ нѣсколько птичекъ работали надъ стѣною. Любопытно видѣть, какъ эти птички неспособны усвоить себѣ понятие о толщинѣ; не смотря на то, что онѣ, то и дѣло, перелетали черезъ стѣнку и могли изучить ее подробно, онѣ продолжали понапрасну долбить ее, очевидно принимая ее за отличный песчаный пригорокъ для своихъ гнѣздъ. Я увѣренъ, что каждая изъ нихъ, пробуравивши стѣну насквозь и очутившись на другой стороне, не мало дивилась такому чуду.

Я описалъ уже почти всѣхъ млекопитающихъ, свойственныхъ этой странѣ. Изъ броненосцевъ здѣсь встрѣчаются три вида, *Dasypus minutus* или пичи, *D. villosus* или пелюдо и апаръ. Первый видъ распространенъ десятью градусами южнѣе другихъ. Четвертый видъ, по здѣшнему мулиту, не заходитъ къ югу до Багія Бланка. У всѣхъ четырехъ нравы почти одинаковы. Изъ нихъ одинъ пелюдо ночное животное, тогда какъ другіе бродятъ днемъ по открытой равнинѣ, питаются жуками, личинками, корнями и даже маленькими змѣями. Апаръ, чаще называемый матако, замѣчателенъ тѣмъ, что имѣетъ

только три подвижныхъ кольца, тогда какъ остальные поясы его панцыря почти вовсе не подаются. Онъ обладаетъ способностью свертываться клубкомъ, какъ одна изъ англійскихъ мокриць. Въ этомъ состояніи животное безопасно отъ собакъ, потому что собака не можетъ схватить всего животнаго въ ротъ и, стараясь укусить его за какое нибудь мѣсто, только катаетъ этотъ шаръ съ мѣста на мѣсто. Гладкій и твердый панцырь матако лучше защищаетъ его, чѣмъ короткія иглы ежа. Пичи любятъ самыя сухія мѣста и держится всего больше на песчаныхъ холмахъ около береговъ, куда въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не попадаетъ ни капли воды. Чтобы спастись отъ преслѣдованія, онъ часто плотно прилегаетъ къ землѣ. Въ одинъ день пути, въ окрестностяхъ Багія Бланка, мы встрѣчали ихъ по нѣсколько заразъ. Чтобы поймать его, нужно, замѣтивъ его, какъ можно скорѣе спрыгнуть съ лошади, иначе животное до того быстро зарывается въ рыхлую почву, что прежде, чѣмъ успѣешь слѣзть съ лошади, задняя половина его тѣла уже почти исчезаетъ въ землѣ. Убивать этихъ миленькихъ звѣрковъ просто жалко, тѣмъ больше что они, какъ говорилъ одинъ гаухо, спокойно точа ножъ о спину пичи: «*Son tan mansos*» (такія смирныя).

Пресмыкающихся здѣсь очень много; одна

змѣя, щитомордникъ (*Trigonoscephalus*), должно быть страшно ядовита, судя по величинѣ ядоснаго канала въ ея зубахъ. Кювье, въ противоположность нѣкоторымъ другимъ натуралистамъ, считаетъ ее видомъ изъ рода гремучихъ змѣй, составляющимъ переходъ отъ послѣднихъ къ гадюкамъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія я замѣтилъ фактъ, имѣющій, какъ мнѣ кажется, большой интересъ, потому что онъ служитъ новымъ доказательствомъ постепенности, съ которой каждая черта, даже иногда независящая отъ основнаго строенія, переходитъ отъ одной ступени къ другой. Заостренный конецъ хвоста у этой змѣи кончается небольшимъ расширеніемъ, и, ползая, она постоянно двигаетъ имъ. Конецъ хвоста, ударяясь о сухую траву или хворостъ, производитъ особенный шумъ, который можно слышать явственно на разстояніи шести футовъ. Всякій разъ, какъ животное сердилось или пугалось, хвостъ приводился въ движеніе, и колебанія его были очень часты. Во все время, пока даже трупъ этой змѣи сохранялъ способность раздражаться, стремленіе къ этому обычному движенію было очевидно. Щитомордникъ имѣетъ слѣдовательно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходство съ гадюкой, а въ другихъ съ гремучей змѣей; только шумъ производится у него болѣе простымъ механизмомъ, чѣмъ у послѣдняго рода. Выраженіе го-

ловы щитомордника отвратительное и свирѣ-
ное; зрачки представляютъ вертикальную щель
въ пестрой, мѣднокрасной радужной оболочкѣ;
челюсти у основанія очень широки, а носъ вы-
дается впередъ треугольникомъ. Мнѣ никогда
не случилось видѣть ничего болѣе безобразнаго,
исключая развѣ головъ нѣкоторыхъ вампировъ.
По всей вѣроятности это отталкивающее впе-
чатлѣніе происходитъ оттого, что относитель-
ное расположеніе частей лица у этихъ живот-
ныхъ нѣсколько напоминаетъ человѣческія чер-
ты, и такимъ образомъ мы лучше можемъ
судить о ихъ безобразіи.

Изъ числа лягушечныхъ земноводныхъ я на-
шелъ только маленькую жабу (*Phryniscus nigri-*
cans), очень замѣчательную по цвѣту. Если
вообразить себѣ, что ее сначала окунули въ
самыя густыя чернила, дали имъ высохнуть и
потомъ пустили животное ползать по доскѣ вы-
крашенной самой яркой киноварью, то полу-
чится довольно ясное представленіе объ окра-
скѣ лапокъ и живота этой жабы. Можно бы
назвать ее *дьявольской*, еслибы она еще не имѣла
влички; такой жабѣ было бы очень прилично
нашептывать въ уши Евы. Въ противополож-
ность своимъ сродницамъ, которыя выходятъ
только ночью и любятъ влажныя темныя убѣ-
жища, эта маленькая жаба ползаетъ среди бѣ-
лаго дня, на самомъ припекѣ, по сухимъ

песчанымъ холмамъ или по бесплоднымъ равнинамъ, гдѣ нельзя найти ни капли воды. Для поддержанія влажности въ своемъ тѣлѣ она вѣроятно пользуется росой и поглощаетъ ее кожей, такъ какъ извѣстно, что кожа этихъ земноводныхъ въ сильнѣйшей степени одарена способностью всасыванія. Въ Мальдонадо я нашелъ такую жабу въ мѣстности не менѣе сухой, чѣмъ Багія Бланка и, думая доставить ей большое удовольствіе, принесъ ее къ маленькой лужѣ; но оказалось, что это животное не только не умѣетъ плавать, но даже безъ моей помощи могло бы утонуть.

Здѣсь много видовъ ящерицъ, но только одинъ (*Proctotretus multimasculatus*) замѣчательнъ своими нравами. Онъ живетъ на голомъ пескѣ морскаго берега; по его буроватымъ чешуйкамъ разбросаны бѣлыя, желтокрасныя и грязноголубоватыя крапинки; благодаря этому пестрому цвѣту, его очень трудно отличить отъ окружающаго песка. Если спугнуть эту ящерицу, то она, чтобы не быть пойманной, притворяется мертвой, вытягиваетъ лапы, сжимаетъ тѣло и закрываетъ глаза; если продолжать тревожить ее, она съ чрезвычайной быстротой зарывается въ рыхлый песокъ. Ящерица эта имѣетъ сплюснутое тѣло и короткія ноги и потому не можетъ скоро бѣгать.

Я приведу еще нѣсколько замѣчаній на счетъ зимовки животныхъ въ этой части Южной Америки. Когда мы въ первый разъ высадились въ Багія Бланка, 7-го сентября 1832, мы думали, что въ этой сухой и песчаной странѣ, едва ли водится хоть одно живое существо. Но, копая землю, мы нашли нѣсколько насекомыхъ, большихъ пауковъ и ящерицъ въ полуоцѣпенѣвшемъ состояніи. 15-го сентября начали уже появляться нѣсколько животныхъ, а 18 (за три дня до равноденствія) повсюду были видны признаки начинающейся весны. Равнины украсились цвѣтами розовой кислицы, дикаго гороха, герани и энотеры, а птицы начали нестись. Множество пластинчатоусыхъ и разносуставчатыхъ жуковъ, (последнія замѣчательны глубокими узорами на тѣлѣ) медленно заползали повсюду, а ящерицы, обыкновенныя обитательницы песчаного грунта, забѣгали по всѣмъ направленіямъ. Въ теченіи первыхъ одиннадцати дней, когда вся природа была еще погружена въ сонъ, средняя температура, по наблюденіямъ, производимымъ на нашемъ кораблѣ черезъ каждые два часа, равнялась 51° , а въ полдень термометръ рѣдко поднимался выше 55° . Въ слѣдующіе одиннадцать дней, когда все ожило и закипѣло дѣятельностью, средняя температура была 58° , а въ полдень термометръ стоялъ между 60° и 70° . Слѣдователь-

но, здѣсь было достаточно повышенія средней температуры на 7° и нѣсколько большаго усиленія жара въ полдень, чтобы возбудить жизнь въ природѣ. Въ Монте-Видео, откуда мы только что прибыли, въ продолженіи 23 дней между 26 іюля и 19 августа, средняя температура по 276 наблюденіямъ была 58° , 4; средняя температура самаго жаркаго дня равнялась 65° , 5, а самаго холоднаго 46° . Самая низкая точка паденія термометра была 41° , 5; въ полдень онъ иногда поднимался до 69° или 70° . И однако, не смотря на эту высокую температуру, почти всѣ жуки, многіе роды пауковъ, улитки и сухопутныя раковины, жабы и ящерицы, всѣ лежали въ оцѣпенѣніи подъ камнями. Между тѣмъ мы видѣли, что въ Багія Бланка, только на четыре градуса южнѣе, гдѣ слѣдовательно климатъ немного холоднѣе, было вполне достаточно той же самой температуры, при меньшей степени высшаго жара, чтобы разбудить всѣхъ живыхъ существъ. Это доказываетъ, что толчокъ, необходимый для того, чтобы вывести животныхъ изъ спячки, зависитъ не отъ абсолютной степени теплоты, но строго соразмѣряется съ климатомъ, свойственнымъ данной мѣстности. Достоверно извѣстно, что подъ тропиками зимняя или, вѣрнѣе, лѣтняя спячка зависитъ не отъ температуры, а отъ засухи. Я сначала съ удивленіемъ замѣчалъ въ окрестностяхъ Ріо Жанейро, что

маленькія лужи, только что образовавшіяся отъ дождя, черезъ нѣсколько дней уже кишѣли взрослыми жуками и раковинами, которые вѣроятно до тѣхъ поръ лежали тамъ въ одѣпеніи. Гумбольдтъ рассказываетъ странный случай, какъ однажды на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ спалъ въ землѣ молодой крокодилъ, погруженный въ засохшую грязь, построили хижину. Онъ прибавляетъ, что «индѣйцы часто находятъ огромныхъ удавовъ, которыхъ называютъ Ujî или водяныя змѣи, въ такомъ же летаргическомъ состояніи. Чтобы разбудить ихъ, нужно или раздражить ихъ чѣмъ нибудь, или смочить водой.»

Я скажу еще объ одномъ животномъ или животнорастеніи (зоофитѣ) (это, кажется, *Virgularia Patagonica*, родъ морскаго пера). Оно состоитъ изъ тонкаго прямаго мясистаго ствола, съ попеременно сидящими на немъ рядами полиповъ; стволъ этотъ обнимаетъ упругую, окаменѣлую ось, отъ 8 дюймовъ до двухъ футовъ длиною. На одномъ концѣ онъ усѣченъ, на другомъ кончается червеобразнымъ мясистымъ придаткомъ. Въ этомъ концѣ окаменѣлая ось, поддерживающая стволъ, переходитъ въ сосудъ, наполненный зернистымъ веществомъ. Во время отлива можно видѣть сотни этихъ зоофитовъ, торчащихъ своими тупыми концами вверхъ, точно сѣзанная солома на жилѣ, на нѣсколько дюймовъ надъ поверхностью мокраго

песка. Если трогать или толкать ихъ, они съ силой прячутся въ песокъ и почти или даже совершенно исчезаютъ. Черезъ это упругая ось должна сгибаться на нижнемъ концѣ, гдѣ она вообще нѣсколько изогнута; вѣроятно, только благодаря этой упругости, зоофитъ имѣетъ возможность снова подыматься изъ грязи. Каждый полипъ, хотя соединенъ тѣсно съ своими братьями, но имѣетъ отдѣльный ротъ, тѣло и щупальцы. Въ большомъ экземплярѣ этого животнаго такихъ полиповъ должно быть нѣсколько тысячъ, и однако мы видимъ, что они движутся одновременно и однообразно; значитъ у нихъ есть общая центральная ось, находящаяся въ связи съ неясственнымъ кровообращеніемъ, а яйца образуются въ органѣ отдѣльномъ отъ особей *). Невольно прихо-

*) Полости, ведущія изъ мясистыхъ отдѣленій находящихся на концѣ, были наполнены желтымъ зернистымъ веществомъ, которое подъ микроскопомъ имѣло чрезвычайно замѣчательное строеніе. Масса состояла изъ круглыхъ, полупрозрачныхъ неправильныхъ зеренъ, сбитыхъ въ кучки различной величины. Во всѣхъ этихъ кучкахъ, какъ и въ отдѣльныхъ зернахъ, замѣчалось быстрое движеніе, которое вообще происходило вокругъ различныхъ осей, но иногда было поступательное. Оно замѣтно было даже при слабомъ увеличеніи, но за то никакое увеличеніе не могло открыть его причины. Движеніе это было совершенно отлично отъ теченія жидкости въ упругомъ мѣшкѣ, лежащемъ на концѣ

дить въ голову вопросъ, что же такое особь? Во всякомъ случаѣ всегда интересно находить основанія для странныхъ разсказовъ старинныхъ путешественниковъ; нравы нашего зоофита, кажется, объясняютъ одну изъ такихъ басенъ. Капитанъ Ланкастеръ, путешествовавшій въ 1601 г. *), разсказываетъ, что на островѣ Сомбреро въ Остѣ - Индіи нашель въ морскомъ пескѣ маленькую вѣтку, похожую на молодое деревцо. «Если ее захочешь сорвать, говоритъ онъ, то она уходитъ въ песокъ и скрывается отъ глазъ, и нужно держать ее крѣпко, чтобы она не ушла. Когда ее сорвешь, то видно, что корнемъ служитъ ей большой червякъ, и, по мѣрѣ возрастанія дерева, червякъ этотъ уменьшается. Когда наконецъ онъ совсѣмъ превратится въ дерево, то растеніе пускаетъ корни въ землю и становится большимъ. Это превращеніе — самая странная

стержня. Разсѣкая маленькихъ морскихъ животныхъ подъ микроскопомъ, я замѣчалъ, что частицы зернистой массы, иногда довольно большія, начинали двигаться, какъ только выходили изъ тѣла. Не знаю, насколько, я ошибаюсь, но мнѣ всегда казалось, что это было началомъ превращенія зернистой массы въ яйцо. Во всякомъ случаѣ эта мысль въ приложеніи къ описываемому зоофиту очень правдоподобна.

*) Kerr's Collection of Voyages. Vol. VIII, p. 119.

вещь, какую мнѣ доводилось видѣть во всѣхъ моихъ путешествіяхъ. А если сорвать это деревцо въ молодости, и снять съ него кору и листья, то оно, высыхая, затвердѣетъ, какъ камень и похоже тогда на бѣлый коралль. Такимъ образомъ червякъ два раза измѣняетъ свою природу. Мы собрали и привезли домой много экземпляровъ этого растенія.»

Пока я жилъ въ Багія Бланка въ ожиданіи «Бигля», жители этого мѣстечка находились въ постоянномъ волненіи, вслѣдствіе слуховъ о сраженіяхъ и побѣдахъ между войсками генерала Розаса и дикими индѣйцами. Разъ распространилась вѣсть, что маленькій отрядъ, стоявшій на одномъ изъ постовъ по линіи къ Буэносъ Айресу, былъ вырѣзанъ весь до послѣдняго человѣка. На слѣдующій день пришли съ Колорадо триста человѣкъ подъ начальствомъ коменданта Миранды. Большинство этихъ людей были индѣйцы (*mansos*, т. е. мирные) изъ племени кадика Бернанціо. Они здѣсь ночевали, и бивакъ ихъ представлялъ самое странное и дикое зрѣлище, какое только можно себѣ представить. Одни напились до безчувствія, другіе глотали еще теплую кровь животныхъ, убитыхъ имъ на ужинъ и, напившись до рвоты, валялись въ грязи и въ запекшейся крови.

*Nam simul expletus dapibus, vinoque sepultus.
Cervicem inflexam posuit, jacuitque per antrum*

Immensus, sanie[m] eructans, ac frustra cruenta
Per somnum commixta mero.

Утромъ они отправились на рѣзню, получивъ приказаніе итти по слѣдамъ индѣйцевъ, хотя бы до самаго Чили. Мы впоследствии узнали, что дикіе индѣйцы ушли въ большіе пампасы, и слѣдъ ихъ почему то былъ затерянъ. Одинъ взглядъ на растро, т. е. на оставшіяся слѣдъ, открываетъ этимъ людямъ цѣлый рядъ событій. Положимъ, что передъ ними слѣдъ тысячи лошадей; они тотчасъ же узнаютъ число всадниковъ по числу лошадей, шедшихъ въ галопъ, а глубина слѣдовъ покажетъ имъ сколько лошадей было навьючено. По неровности шага они судятъ о степени усталости лошадей. Способъ приготовленія пищи служитъ имъ указаніемъ, снѣжили ли преслѣдуемые или нѣтъ. Наконецъ по общему характеру слѣдовъ они вамъ скажутъ, давно ли проѣхали противники. Слѣдъ десятидневный или даже двухнедѣльный они считаютъ еще довольно свѣжимъ, чтобы узнать всѣ эти подробности. Мы слышали, что Миранда прошелъ по прямой линіи отъ западнаго конца Сьерры Вентаны къ острову Чолечель, лежащему на семьдесятъ лье вверхъ по Ріо Негро. Это составляетъ переходъ въ двѣсти или триста миль по совершенно неизвѣстной странѣ. Какое другое войско на свѣтѣ можетъ двигаться такъ свободно? Проводникомъ имъ слу-

жить солнце, пищей—конина, постелью—сѣдло и чепракъ, и, лишь бы было немного воды, они пойдутъ хоть на край свѣта.

Нѣсколько дней спустя, я видѣлъ, какъ новый отрядъ этихъ безпардонныхъ воиновъ шелъ въ экспедицію противъ индѣйскаго племени, стоявшаго у малыхъ соляныхъ озеръ и выданнаго плѣннымъ кадикомъ. Испанецъ, который привезъ приказъ объ этомъ походѣ, очень умный человекъ, рассказалъ мнѣ всѣ подробности послѣдняго дѣла, въ которомъ онъ участвовалъ. Нѣсколько индѣйцевъ, взятыхъ въ плѣнъ, показали, что къ сѣверу отъ Колорадо живетъ одно племя. Тотчасъ послали туда двѣсти солдатъ. Отрядъ открылъ индѣйцевъ по облаку пыли; они въ это самое время отправлялись куда то на лошадяхъ. Мѣстность была гористая, и вѣроятно войско зашло далеко во внутрь страны, потому что Кордиллеры были въ виду. Всѣхъ индѣйцевъ, считая женщинъ и дѣтей, было около ста десяти человекъ, и всѣ они были взяты въ плѣнъ или убиты, потому что солдаты рубятъ кого попало. Индѣйцы теперь такъ напуганы, что не сопротивляются массой; каждый бѣжитъ въ одиночку, забывая даже жену и дѣтей. Но если ихъ догнать, то они, какъ дикіе звѣри, дерутся до послѣдней крайности, не взирая на превосходство силъ противниковъ. Одинъ умиравшій индѣецъ схва-

тилъ зубами палець своего врага и позволилъ выдавить себѣ глазъ, не выпустивъ добычи. Другой раненый притворился мертвымъ, держа на готовѣ ножъ, чтобы нанести хоть еще одну смертельную рану. Испанецъ говорилъ еще, что разъ, когда онъ гнался за индѣйцемъ, преслѣдуемый взмолился о пощадѣ, но въ то же время изподтишка отвязывалъ отъ пояса шары, чтобы, взмахнувъ ими въ воздухѣ, поймать его. «Но я сбросилъ его саблей на землю и соскочивъ съ лошади, перерѣзалъ ему горло ножемъ». Надо признаться, что все это очень мрачно. Но несравненно хуже слѣдующій положительный фактъ: всѣхъ женщинъ, свыше двадцати лѣтъ, испанцы рѣжутъ послѣ сраженія совершенно хладнокровно. Когда я выразилъ свое негодованіе на такую безчеловѣчность, собесѣдникъ мой отвѣчалъ: «что дѣлать! они же такъ дѣлаютъ.»

Всѣ здѣсь вполне убѣждены въ законности этой войны «противъ варваровъ». Кто бы могъ повѣрить, что такія вещи совершаются въ наше время въ цивилизованной христіанской странѣ? Дѣтей индѣйцевъ здѣсь не рѣжутъ, но продаютъ, или рассылаютъ въ услуженіе, или, вѣрнѣе въ рабство, гдѣ они и остаются въ насильственной неволѣ, пока владѣлецъ не внушитъ имъ, что они его рабы; впрочемъ съ ними обращаются, кажется, довольно сносно.

Во время битвы четыре индѣйца пустились бѣжать. За ними погнались; одного убили, остальныхъ взяли въ плѣнъ. Оказалось, что это гонцы или посланники большого скопища индѣйцевъ, соединившихся для общей защиты близь Кордильеровъ. Племя, къ которому они были посланы, собиралось держать большой со-вѣтъ; конина для пиршества была уже изжарена, и пляски готовы: въ это утро гонцы должны были вернуться къ Кордильерамъ. Это были замѣчательно красивые люди, стройные, высокіе (больше 6 футовъ) и всѣ моложе тридцати лѣтъ. Конечно три плѣнника знали очень многое, что испанцамъ полезно было знать. Чтобы вынудить признанія, ихъ всѣхъ поставили въ рядъ. Первые два на всѣ вопросы отвѣчали: «No sé» (не знаю) и были разстрѣляны одинъ за другимъ. Третій тоже сказалъ «No sé» и прибавилъ: «Стрѣляйте; я мужчина и съумѣю умереть!» Ни однимъ словомъ не выдали они общаго дѣла своей родины. Кадикъ о которомъ я упомянулъ выше, велъ себя совсѣмъ иначе; онъ спасся отъ казни тѣмъ, что выдалъ испанцамъ планъ военныхъ дѣйствій своихъ соотчичей и мѣсто сборища ихъ въ Андахъ. Думали, что теперь уже собрано тамъ до шести или семи сотъ индѣйцевъ и что къ лѣту число ихъ удвоится. Индѣйцы собирались послать гонцовъ къ племени, расположившемуся около

малыхъ озеръ, недалеко отъ Багія Бланка; этихъ-то индѣйцевъ и выдалъ кадикъ. Сношенія индѣйцевъ между собою простираются слѣдовательно отъ Кордиллеровъ до береговъ Атлантическаго океана.

Планъ генерала Розаса заключается въ томъ, чтобы перерѣзать всѣхъ индѣйцевъ, бродящихъ отдѣльными толпами и, согнавъ остальныхъ въ одинъ пунктъ, напасть лѣтомъ на всѣхъ вмѣстѣ при содѣйствіи чилійцевъ. Такія компаніи предложено дѣлать три года сряду. Я думаю, что для главнаго нападенія лѣто выбираютъ на томъ основаніи, что тогда въ равнинахъ нѣтъ воды, и индѣйцы принуждены слѣдовать по опредѣленнымъ направленіямъ. Еслибы индѣйцы перешли на югъ отъ Ріо Negro, то, очутившись въ обширной, пустынной странѣ, избѣжали бы опасности; но возможность такого отступленія отнята у нихъ посредствомъ договора, заключеннаго съ Техуэльчами. Условія этого договора слѣдующія: за каждаго индѣйца, убитаго на южномъ берегу рѣки, генераль Розасъ платитъ имъ извѣстную сумму; если же они пропустятъ непріятеля черезъ Ріо Negro, то будутъ сами истреблены испанцами. Войну ведутъ преимущественно только индѣйцы, живущіе близъ Кордиллеровъ, потому что многіе изъ племенъ, обитающихъ на восточной сторонѣ, соединились съ Розасомъ и

служать въ его войскѣ. Но генераль, думая, подобно лорду Честерфильду, что друзья могутъ со временемъ сдѣлаться врагами, ставитъ ихъ всегда въ первые ряды, чтобы мало по малу уменьшить число ихъ. Послѣ того, какъ мы оставили Южную Америку, до насъ дошли извѣстія, что эта истребительная война совершенно не удалась.

Въ числѣ нѣсколькихъ дѣвушекъ, взятыхъ въ этомъ сраженіи, были двѣ очень красивыя; онѣ были уведены индѣйцами въ дѣтствѣ и теперь умѣли говорить только по индѣйски. Судя по ихъ рассказамъ, они шли, должно быть, изъ Сальты и слѣдовательно прошли разстояніе около тысячи миль по прямой линіи. Это даетъ грандіозное понятіе о пространствахъ, по которымъ гуляютъ эти вольные индѣйцы. Но какъ ни огромны эти пространства, можно почти ручаться, что дѣтъ черезъ пятьдесятъ къ сѣверу отъ Ріо Негро не останется ни одного индѣйца. Война такъ кровопролитна, что долго продолжаться не можетъ: христіане убиваютъ каждаго попавшагося индѣйца, а индѣйцы платятъ христіанамъ тѣмъ же. Грустно даже видѣть, до чего поддались туземцы испанскимъ завоевателямъ. Ширдель *) расска-

*) Purchas's Collection of Voyages. Я думаю, что это было въ 1537 г.

зываетъ, что во время основанія Буэносъ Айреса въ 1535 г., здѣсь были индѣйскія селенія, заключавшія по двѣ и по трп тысячи жителей. Даже во время Фальконера (1750) индѣйцы дѣлали набѣги въ предѣлы Лухано, Ареко и Арресифе, а теперь ихъ оттѣснили уже за Саладо. Не только совершенно истреблены цѣлыя племена, но и оставшіяся впадаютъ мало по малу въ болѣе варварское состояніе: вмѣсто того, чтобы жить большими селеніями, занимаясь охотой и рыбной ловлей, они теперь кочуютъ по необдѣланнымъ полямъ, не имѣя ни домовъ, ни опредѣленныхъ занятій.

Я слышалъ еще объ одномъ сраженіи, происходившемъ за нѣсколько недѣль передъ описаннымъ дѣломъ при Чолечелъ. Это очень важный пунктъ, такъ какъ здѣсь переправляютъ лошадей, и потому оно довольно долго служило главной квартирой корпуса войскъ. Когда отрядъ пришелъ туда въ первый разъ, тамъ было уже одно племя индѣйцевъ; изъ нихъ двадцать или тридцать человекъ убили, а кадикъ спасся очень замѣчательнымъ образомъ, такъ что всѣ дивились этому. Предводители индѣйцевъ всегда имѣютъ наготовѣ одну или двѣ лошади про запасъ на всякій случай. Кадикъ вскочилъ на одну изъ такихъ лошадей, захвативъ съ собою своего маленькаго сына. Лошадь была старая, бѣлая, безъ узды и безъ сѣдла. Чтобы укрыть-

ся отъ выстрѣловъ индѣецъ держался на конѣ особымъ способомъ, какъ они обыкновенно сидятъ въ такихъ случаяхъ, т. е. одною рукою зацѣпилъ лошадь за шею, одну ногу положилъ ей на спину и такимъ образомъ повисъ на одной сторонѣ. Въ этомъ положеніи индѣецъ мчался, и всѣ видѣли, какъ онъ трепалъ свою лошадь по головѣ и разговаривалъ съ ней. Погоня употребляла всѣ усилія, чтобы догнать его; начальникъ отряда три раза перемѣнялъ коня, но все было тщетно; старый индѣецъ таки спасся и ускакалъ съ своимъ сыномъ. Думая объ этомъ, невольно представляешь себѣ прекрасную картину, какъ эта нагая, бронзовая фигура старика съ маленькимъ сыномъ скачетъ на бѣлой лошади, точно Мазеппа, спасающійся отъ погони.

Однажды, видя, какъ солдатъ вырубалъ бременемъ огонь, я призналъ въ этомъ камешкѣ обломокъ наконечника древней стрѣлы. Онъ сказалъ мнѣ, что кремьнь этотъ найденъ около острова Чолечель, гдѣ ихъ находятъ часто. Обломокъ имѣлъ отъ двухъ до трехъ дюймовъ длины и слѣдовательно былъ вдвое больше наконечниковъ, которые употребляются теперь въ Огненной Землѣ. Онъ былъ сдѣланъ изъ матоваго, непрозрачнаго кремня молочнаго цвѣта, и всѣ углы были нарочно обломаны. Извѣстно, что индѣйцы въ пампасахъ

не употребляютъ теперь лука и стрѣлъ, кромѣ развѣ одного маленькаго племени, живущаго въ Банда Оріенталь; но оно живетъ далеко отъ степныхъ индѣйцевъ и примыкаетъ къ лѣснымъ и пѣшимъ племенамъ. Поэтому можно думать, что эти наконечники стрѣлъ суть памятники древняго быта индѣйцевъ *), того быта, который предшествовалъ введенію лошади въ Южную Америку; а это событіе, какъ извѣстно, внесло великія перемѣны въ нравы и обычаи ея обитателей.

*) Азара даже полагаетъ, что степные индѣйцы никогда не употребляли лука.

ГЛАВА VI.

Поѣздка въ Буэносъ Айресь. — Ріо Саусе. — Сіерра Вентана. — Третій постъ. — Трудность пасти лошадей. — Шары. — Куропатки и лисицы. — Характеръ мѣстности. — Длинноногая ржанка. — Терутеро. — Градъ. — Естественныя стѣны Сіерры Тапальгуенъ. — Мясо пумы. — Мясная птица. — Гвардіа дель Монте. — Вліяніе скота на растительность. — Кардонъ. — Буэносъ Айресь. — Бойня.

Отъ Багія Вланка до Буэносъ Айреса.

8 сентября. Я нанялъ гаучо въ проводники до Буэносъ Айреса. Это было не такъ то легко сдѣлать, какъ кажется: въ одномъ случаѣ отецъ боялся за сына и не отпускалъ его; въ другой разъ я самъ побоялся ѣхать съ господиномъ, про котораго рассказывали, будто онъ такой трусъ, что если увидитъ на нѣкоторомъ разстояніи хоть страуса, то непременно приметъ его за индѣйца и пустится бѣжать изо всѣхъ силъ. Разстояніе до Буэносъ Айреса почти въ

400 миль, и все время дорога идетъ по необитаемой мѣстности. Мы отправились въ путь рано утромъ; поднявшись на нѣсколько сотъ футовъ изъ зеленой долины, въ которой лежитъ Багія Бланка, мы очутились въ огромной, безплодной равнинѣ. Почва ея состоитъ изъ рассыпчатого глинистаго известняка, и по чрезвычайной сухости климата на ней растетъ только засохшая трава, и нѣтъ ни одного куста или дерева, чтобы хоть нѣсколько оживить утомительное однообразіе этой пустыни. Погода была хорошая, но въ воздухѣ стоялъ туманъ. Я считалъ такое состояніе атмосферы предвѣстникомъ бури, и гауросы говорили, что туманъ происходитъ отъ пала или пожара, пущеннаго по равнинѣ, гдѣ-то далеко отъ берега. Послѣ длиннаго перехода, во время котораго мы два раза мѣняли лошадей, мы доѣхали до Ріо Саусе: это глубокая, быстрая рѣчка не болѣе двадцати пяти футовъ ширины. На берегахъ ея стоитъ вторая станція по дорогѣ къ Буэносъ Айресу; нѣсколько выше есть бродъ, гдѣ вода не доходитъ лошадямъ и по брюхо; но отъ этого мѣста до впаденія въ море рѣчка такъ быстра, что нѣтъ возможности переѣхать черезъ нее, и по этой причинѣ она представляетъ надежный оплотъ противъ индѣйцевъ.

Описанія іезуита Фальконера вообще очень вѣрны; но онъ называетъ эту маленькую рѣчку

порядочной рѣчкой, идущей отъ подошвы Кордиллеровъ. Впрочемъ, что касается ея истоковъ, то, безъ сомнѣнія, онъ правъ. Гаухо говорилъ мнѣ, что во время лѣтнихъ жаровъ этотъ ручей периодически разливается въ одно время съ Колорадо, а это можетъ происходить только вслѣдствіе таянія снѣговъ на Андахъ. Кажется невѣроятнымъ, чтобы такая ничтожная рѣчка, какою представлялась мнѣ тогда Саусе, могла протекать черезъ всю ширину материка; если бы потокъ этотъ представлялъ остатокъ большой высохшей рѣки, то вода, какъ извѣстно изъ другихъ примѣровъ, была бы въ немъ соленая. Въ зимнѣе время по всей вѣроятности слѣдуетъ искать источниковъ этой чистой и прозрачной рѣки у подошвы Сьерры Вентаны, гдѣ много ключей. Я подозреваю, что равнины Патагоніи точно также, какъ и австралійскія, перерѣзаны многими потоками, которые наполняются водой только въ извѣстное время года. Вѣроятно такой характеръ имѣетъ рѣчка, впадающая въ море у береговъ Портъ Дезире, а также Ріо Чупатъ, на берегахъ котораго офицеры, занимавшіеся ея изслѣдованіемъ, нашли множество пористаго шлака.

Такъ какъ мы пріѣхали немного ранѣе полудня, то перемѣнили лошадей, взяли солдата въ проводники и тотчасъ отправились къ Сіэррѣ де

ла Вентана. Эту гору видно съ якорной стоянки въ Багіа Бланка, и капитанъ Фрицъ-Рой вычислилъ ея высоту въ 3340 фута. — вышина очень значительная для восточной стороны южно-американскаго материка. Я не думаю, чтобы кто нибудь изъ путешественниковъ всходилъ до меня на эту гору; даже рѣдко, чтобы кто нибудь изъ окрестностей Багіа о ней зналъ. Поэтому шла смутная молва, что тамъ есть слои каменнаго угля, розсыпи золота и серебра, лѣса, пещеры; все это возбудило во мнѣ сильное любопытство, но кончилось разочарованіемъ. Разстояніе отъ станціи или поста было около шести миль по ровной мѣстности, имѣвшей совершенно такой же характеръ, какъ и прежде. Но все таки дорога не показалась мнѣ скучной, потому что тутъ начали выясняться настоящія очертанія горы. Добравшись до подошвы главнаго возвышенія, мы сначала не могли найти воды и думали, что придется переночевать, не пивши. Но при болѣе внимательномъ осмотрѣ мы наконецъ открыли воду; ручейки, скрытые между хрупкимъ известнякомъ и рыхлыми обломками, были невидны даже на разстояніи нѣсколькихъ сотъ ярдовъ. Не знаю, есть ли еще гдѣ нибудь болѣе уединенная и печальная глыба скалъ; она вполне заслуживаетъ свое названіе «Hurtado», т. е. одинокой. Гора крута и неровна; деревьевъ и кустовъ на ней нѣтъ во-

все; мы даже не могли отыскать палокъ, для вертела, т. е. для того, чтобы держать мясо надъ огнемъ, а костеръ развели изъ репейника *). Странный видъ горы кажется еще страннѣе отъ близости равнины гладкой, какъ море; равнина эта не только упирается въ ея крутыя бока, но и отдѣляетъ другъ отъ друга параллельныя возвышенія. Однообразіе колорита придаетъ удивительное спокойствіе всей картинѣ; нѣтъ ни одной рѣзкой тѣни между свѣтло-сѣрыми скалами кварца и буроватымъ оттѣнкомъ засохшей травы луговъ. Мы какъ-то привыкли видѣть всегда вокругъ высокой и крутой горы неровную мѣстность, покрытую крупными обломками. Здѣсь же природа какъ будто показываетъ, что передъ тѣмъ, какъ дно морское превращается въ сушу, движеніе его можетъ быть иногда вполне тихо и спокойно. Поэтому мнѣ было чрезвычайно любопытно изслѣдовать, на какомъ разстояніи отъ этой скалы можно найти голыши, оторвавшіеся отъ нея. На берегахъ Багія Бланка и близъ форта встрѣчаются обломки кварца, по всей вѣроятности отсюда: а разстояніе оттуда до Сіерры Вентаны неменьше сорока пяти миль.

*) Я называю его репейникомъ, потому что настоящаго названія не знаю, но думаю, что это растеніе принадлежитъ къ роду *eryngium*.

Вначалѣ ночи роса намочила попоны, подъ которыми мы спали, а къ утру замерзла. Равнина, хотя и казалась горизонтальной, но незамѣтно поднялась на вышину 800 или 900 ф. надъ уровнемъ моря. Утромъ (9-го сентября) проводникъ посовѣтовалъ мнѣ подняться на ближайшее возвышеніе, съ котораго, какъ онъ думалъ, мнѣ можно будетъ пробраться къ четыремъ пикамъ, вѣнчающимъ гору. Караваніе по такимъ неровнымъ скаламъ ужасно утомительно; бока ихъ были такъ изрыты, что разстояніе, пройденное въ первыя пять минутъ, часто приходилось терять въ слѣдующія пять. Наконецъ я добрался до гребня этого возвышенія, и тутъ мое разочарованіе было ужасно: прямо подъ ногами я увидалъ глубокую долину или ущелье, дно котораго было въ уровень съ остальной равниной, перерѣзывало горную цѣпь на двое и отдѣляло меня отъ четырехъ верхушекъ. Ущелье это очень узко, но дно его ровно и представляетъ удобный проходъ для конныхъ индѣйцевъ, потому что соединяетъ между собою равнины, лежащія по сѣверной и южной сторонамъ этой горной цѣпи. Я спустился въ ущелье, но проходя черезъ него, увидѣлъ двухъ пасущихся лошадей и тотчасъ же спрятался въ высокую траву, чтобы высмотрѣть, въ чемъ дѣло. Но такъ какъ не видно было ни малѣйшаго слѣда индѣйцевъ, то я осторожно приступилъ

къ вторичному восхожденію. Было уже поздно, и эта часть горы была такъ же крута и неровна, какъ и предъидущая. Въ два часа я, правда, добрался до верхушки втораго возвышенія, но это стоило мнѣ большихъ усилій; черезъ каждые двадцать ярдовъ я чувствовалъ судороги въ обѣихъ бедрахъ и начиналъ бояться, что не буду въ силахъ спуститься внизъ. Во всякомъ случаѣ было необходимо возвращаться другимъ путемъ, потому что нечего было и думать о вторичномъ перелѣзаніи черезъ гребень. Все это заставило меня отказаться отъ намѣренія взобраться на двѣ остальные верхушки. Вышина ихъ была немногимъ значительнѣе, геологическія цѣли уже были достигнуты осмотромъ двухъ первыхъ вершинъ, такъ что въ сущности не стоило подвергать себя новымъ трудамъ. Я думаю, причиною судорогъ была быстрая перемѣна формы мышечной работы, т. е. внезапный переходъ отъ утомительной верховой ѣзды къ еще болѣе утомительному карабканію по скаламъ. Этотъ случай стоитъ запомнить, потому что иногда онъ можетъ быть причиною большихъ затрудненій для путешественника.

Я уже говорилъ, что гора состоитъ изъ бѣлаго кварца съ примѣсью небольшого количества глинистаго сланца. На высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ надъ равниной къ твердой скалѣ прилѣплены въ разныхъ мѣстахъ глыбы кон-

гломератовъ. По своей твердости и по характеру цемента онѣ походятъ на тѣ, которые постоянно образуются на нѣкоторыхъ морскихъ берегахъ. Я не сомнѣваюсь, что эти голыши соединились точно такимъ же образомъ и въ тотъ же періодъ времени, какъ известковая формація осѣдала на дно окружающаго моря. Можно думать, что зубчатые и шероховатые формы твердаго кварца образовались отъ движенія и перемѣжающагося напора волнъ открытаго океана.

Восхожденіе на эти возвышенности, вообще говоря, далеко не оправдало моихъ ожиданій. Даже видъ съ горы не имѣлъ ничего замѣчательнаго; равнина гладкая, какъ море, но безъ его роскошныхъ оттѣнковъ и опредѣленныхъ очертаній. Однако картина была все таки новая, и небольшая опасность, какъ соль въ кушаньи придавала ей пикантность. Что опасность была очень ничтожна, въ этомъ нельзя и сомнѣваться, потому что мои товарищи развели большой огонь, — чего здѣсь не сдѣлаютъ никогда, если есть поводъ подозрѣвать близость индѣйцевъ. Къ закату солнца я добрался до нашего ночлега, выпилъ множество мате, выкурилъ нѣсколько сигаръ, и затѣмъ улегся спать. Вѣтеръ былъ сильный и холодный, но я спалъ лучше, чѣмъ когда либо.

10 сентября. Утромъ мы отправились въ путь

и, сильно подгоняемые попутнымъ вѣтромъ, къ полудню прѣѣхали къ посту Саусе. По дорогѣ мы видѣли много ланей, а около горы одного гуанако. Равнина, примыкающая къ Сіеррѣ, перерѣзана нѣсколькими оврагами, изъ которыхъ одинъ былъ футовъ въ двадцать ширины и имѣлъ по крайней мѣрѣ тридцать футовъ въ глубину, такъ что мы были принуждены сдѣлать большой крюкъ, пока нашли мѣсто, удобное для перехода. На этой станціи мы ночевали, и разговоръ по обыкновенію шелъ объ индѣйцахъ. Сіерра Вентана была прежде очень важнымъ сборнымъ пунктомъ, и три или четыре года назадъ здѣсь происходили большія побоища. Мой проводникъ участвовалъ въ одномъ дѣлѣ, гдѣ было убито много индѣйцевъ; онъ говорилъ, что женщины взбѣжали на вершину горы и съ ожесточеніемъ продолжали битву, бросая внизъ огромныя камни, и что многія изъ нихъ такимъ образомъ успѣли спастись.

11 сентября. Къ третьему посту мы поѣхали въ сопровожденіи лейтенанта, начальствовавшего въ немъ. Говорятъ, что до поста пятнадцать лье, но здѣсь опредѣляютъ разстоянія наугадъ и большею частью преувеличиваютъ. Дорога была незамѣчательна; она шла по сухой равнинѣ, покрытой травой, а слѣва, на большемъ или меньшемъ разстояніи, виднѣлись низкіе холмы, продолженіе тѣхъ, черезъ

которые мы проѣхали передъ самой станціей. Не доѣзжая станціи, мы встрѣтили стадо домашняго скота и лошадей, которое охраняли пятнадцать солдатъ; не смотря на то намъ говорили, что многія животныя таки затерялись. Чрезвычайно трудно пасти стада въ равнинѣ: стоитъ ночью приблизиться пумѣ или даже лисицѣ, и лошади непременно разбѣгутся во всѣ стороны. Также разбѣгаются онѣ и во время грозы. Нѣсколько времени тому назадъ одинъ офицеръ велъ изъ Буэносъ Айреса пятьсотъ лошадей, а къ войску привелъ меньше двадцати.

Вскорѣ мы догадались по поднимававшемуся облаку пыли, что на встрѣчу намъ ѣдетъ толпа всадниковъ. Еще издали мои спутники признали въ нихъ индѣйцевъ по длиннымъ распущеннымъ волосамъ. Индѣйцы обыкновенно ничего не носятъ на головѣ, кромѣ ленточки, обвязанной кругомъ. Черные волосы, разсыпавшеся по загорѣлымъ лицамъ, придаютъ имъ еще болѣе дикій видъ. Оказалось, что это отрядъ изъ мирнаго племени Бернанціо, шедшій къ озерамъ за солью. Индѣйцы вообще ѣдятъ много соли, а ихъ дѣти сосутъ ее, какъ сахаръ. Въ этомъ отношеніи они вовсе непохожи на испанскихъ гаухосовъ, которые при такомъ же образѣ жизни почти вовсе не употребляютъ соли. Мунго Паркъ говоритъ, что люди, которые питаются растительной пищею, всегда боль-

шіе охотники до соли. Индѣйцы дружелюбно кивнули намъ головой и проскакали мимо, гоня передъ собою табунъ лошадей и ведя за собою стаю тощихъ собакъ.

12 и 13 сентября. Я пробылъ на этой станціи два дня въ ожиданіи отряда солдатъ, который, по обязательному извѣщенію генерала Розаса, отправлялся на дняхъ въ Буэносъ Айресъ. Генераль совѣтовалъ мнѣ воспользоваться этимъ конвоемъ. Утромъ мы побывали на нѣсколькихъ сосѣднихъ холмахъ, съ цѣлью посмотреть оттуда видъ и изслѣдовать строеніе почвы. Послѣ обѣда солдаты раздѣлились на двѣ партіи и соперничали въ искусствѣ метанія шаровъ. Для этого въ землю воткнули двѣ пики на разстояніи тридцати пяти ярдовъ одна отъ другой; при такихъ условіяхъ ударить и обвить ихъ шарами удавалось изъ четырехъ или пяти разъ не больше одного. Шары можно бросать на пятьдесятъ или шестьдесятъ ярдовъ, но не очень вѣрно. Это впрочемъ не относится къ тѣмъ случаямъ, когда человѣкъ на конѣ, потому что тогда къ размаху руки присоединяется движеніе лошади, и можно, говорятъ, бросать вѣрно шары даже на разстояніи восьмидесяти ярдовъ. Чтобы дать понятіе о силѣ удара, я расскажу случай, бывшій на Фальклендскихъ островахъ. Когда испанцы перерѣзали тамъ нѣкоторыхъ соотечественниковъ своихъ

и всѣхъ англичанъ, одинъ молодой испанецъ убѣжалъ; за нимъ погнался человекъ огромнаго роста, по имени Люсіано. Онъ кричалъ бѣглецу, что хочетъ съ нимъ только поговорить и приказывалъ ему остановиться; но тотъ продолжалъ бѣжать и уже хотѣлъ вскочить въ лодку, когда Люсіано пустилъ въ него шариками. Ударъ по ногамъ былъ такъ силенъ, что испанецъ упалъ и оставался нѣсколько времени безъ чувствъ. Поговоривши съ побѣжденнымъ, Люсіано отпустилъ его. Испанецъ говорилъ намъ, что у него остались на ногахъ глубокіе рубцы отъ обвившихся ремней, какъ бы отъ удара хлыстомъ. Въ полдень пришли изъ сосѣдней станціи два человека съ пакетомъ для генерала; такимъ образомъ кромѣ этихъ двухъ людей наше общество въ этотъ вечеръ состояло изъ меня съ проводникомъ и лейтенанта съ его четырьмя солдатами. Последніе представляли странную смѣсь: одинъ былъ молодой красивый негръ, другой полуиндѣецъ, полу-негръ, а остальныхъ двухъ просто не знаешь, какъ назвать: одинъ изъ нихъ, старый чилійскій рудокопъ, цвѣта краснаго дерева; а другой нѣчто въ родѣ мулата; такихъ помѣсей, и притомъ съ такими отвратительными выраженіями въ лицахъ, я никогда и не видывалъ. Впрочемъ, когда они сѣли вокругъ огня и стали играть въ карты, я отошелъ въ сторону, чтобы хоро-

шенько полюбоваться этой сценой, достойной кисти Сальватора Розы. Они сидѣли у подошвы невысокой скалы, такъ что я могъ смотрѣть на нихъ свѣрху. Вокругъ людей лежали собаки, оружіе, остатки дичи и страусовъ; длинные конья были воткнуты въ землю. Далѣе на темномъ фонѣ рисовались привязанныя лошади, приготовленные на случай опасности. Какъ только тишина пустынной равнины нарушалась лаемъ собаки, одинъ изъ солдатъ немедленно отходилъ отъ огня и, приложивъ голову къ землѣ, тихо высматривалъ окрестность. Даже когда начиналъ кричать безпокойный терутеро, разговоръ прерывался, и всѣ головы на нѣсколько мгновеній наклонялись и прислушивались.

Что за жалкая жизнь, этихъ людей, какъ посмотришь съ нашей точки зрѣнія! До поста Саусе оставалось по крайней мѣрѣ десять лье, а до слѣдующаго поста цѣлыхъ двадцать съ тѣхъ поръ, какъ индѣйцы недавно вырѣзали ближайшій пикетъ. Полагаютъ, что индѣйцы пришли туда и сдѣлали нападеніе среди ночи, потому что рано утромъ они уже приближались къ здѣшнему пикету; но тутъ къ счастью ихъ завидѣли, и всѣ успѣли спастись и спасти лошадей; люди бѣжали въ разсыпную, причемъ каждый захватилъ съ собою такую партію лошадей, съ которою надѣялся справиться.

Маленькій шалашъ, сложенный изъ бурьяна, въ которомъ спали эти люди, не защищалъ ихъ ни отъ вѣтра, ни отъ дождя; даже можно сказать, что крыша только способствовала дождю собираться въ болѣе крупныя капли. Единственная пища ихъ состояла изъ животныхъ, которыхъ имъ удавалось поймать, — какъ-то: страусовъ, ланей, броненосцевъ и т. д.; а топливомъ служили сухіе стволы небольшого растенія, нѣсколько похожаго на алоэ. Вся роскошь ихъ ограничивалась тѣмъ, что они курили множество папиросъ и тянули свой мате. Мнѣ не разъ приходило въ голову, что хищныя коршуны, постоянные спутники человѣка въ этихъ печальныхъ равнинахъ, сидя терпѣливо на сосѣднихъ буграхъ, только и думали: «вотъ придутъ индѣйцы; то-то будетъ намъ пиръ!»

Утромъ мы всѣ отправились на охоту, и хотя она была не очень удачна, но погонялись мы съ большимъ увлеченіемъ. Выѣхавъ въ поле, мы вскорѣ раздѣлились и условились въ назначенное время дня (они чрезвычайно искусны въ точномъ опредѣленіи времени) съѣхаться на одно ровное мѣсто и пригнать туда всю свою дичь. Я ѣздилъ на охоту и въ Багія Бланка, но тамъ верховые охотники ѣздятъ на разстояніи четверти мили одинъ отъ другаго. Красивый страусъ-самецъ, открытый крайними всадниками, попытался было убѣжать въ сто-

рону, но гаухосы преслѣдовали его небрежной рысью, управляя лошадьми съ необыкновеннымъ искусствомъ и кружа шары надъ головой. Наконецъ передній всадникъ кинулъ ихъ въ цѣль, и въ тоже мгновеніе страусъ покатился по землѣ, барахтаясь въ ремняхъ, плотно обвившихъ его ноги.

Въ этой равнинѣ водится три вида птицъ въ родѣ куропатокъ *), и два изъ нихъ ростомъ съ самку фазана. Ихъ истребитель, маленькая и красивая лисица, встрѣчается также въ необыкновенномъ множествѣ; въ теченіе дня мы видѣли ихъ не меньше сорокаилипятидесяти штукъ. Обыкновенно онѣ попадались близъ своихъ норъ, но тѣмъ не менѣе нашимъ собакамъ удалось поймать одну изъ нихъ. Возвращаясь къ посту, мы встрѣтили двухъ человѣкъ изъ нашей компаніи, которые охотились сами по себѣ. Они убили пуму и нашли страусовое гнѣздо съ двадцатью семью яйцами. Каждое изъ нихъ, говорятъ, равняется по вѣсу одиннадцати куринымъ яйцамъ; слѣдовательно изъ одного этого гнѣзда мы получили количество пищи, равняющееся 297 куринымъ яйцамъ.

*) Два вида тинаму (скрытохвость) и *Eudromia elegans* А. д'Орбиньи, которую можно назвать куропаткой только по нравамъ.

14 сентября. Такъ какъ солдаты, пришедшіе съ ближайшаго поста, намѣрены были вернуться домой, а съ ними мы составляли компанію въ пять человѣкъ, всѣ вооруженные, то я рѣшился не дожидаться общаго отряда. Мой хозяинъ, лейтенантъ, убѣдительно просилъ меня остаться. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ, — не только кормилъ меня все время, но даже давалъ мнѣ своихъ собственныхъ лошадей. Мнѣ захотѣлось его чѣмъ нибудь отблагодарить. Я спросилъ проводника, можно ли это сдѣлать, но онъ сказалъ, что никакъ нельзя и что мнѣ навѣрное отвѣтятъ слѣдующее: «У насъ довольно корму и для собакъ, а для христіанской души найдется и подавно.» Да не подумаютъ читатели, чтобы чинъ лейтенанта такой арміи могъ служить препятствіемъ къ полученію съ меня платы: нѣтъ! тутъ дѣйствовалъ только принципъ гостепріимства, распространенный по всей странѣ, какъ это могутъ засвидѣтельствовать всѣ путешественники. Проскакавъ нѣсколько льѣ, мы очутились въ низкой болотистой мѣстности, которая тянется около восьмидесяти миль къ сѣверу до Сьерры Тапальгуенъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣлись прекрасныя влажныя равнины, покрытыя травой; въ другихъ почва была черная, мягкая и торфяная. Здѣсь было также много озеръ широкихъ, но мелкихъ, и большія зарости тростника. Мѣстность

вообще напоминала лучшія мѣста кембриджшейрскихъ болотинъ. Вечеромъ мы не безъ труда отыскали сухое мѣсто для ночлега.

15 сентября. Встали рано утромъ и вскорѣ проѣхали мимо поста, гдѣ индѣйцы убили недавно пятерыхъ солдатъ. Офицеру нанесли тогда восемнадцать ранъ копьями. Къ полудню, послѣ усиленной ѣзды, мы добрались до пятого поста и здѣсь должны были переночевать, за невозможностью достать лошадей. Такъ какъ этотъ пунктъ самый опасный и открытый изо всей линіи, то солдатъ здѣсь 21 человѣкъ. Къ закату солнца они вернулись съ охоты и принесли семь ланей, три страуса, много броненосцевъ и куропатокъ. Здѣсь существуетъ обыкновеніе, проѣзжая по равнинѣ, зажигать на ней траву или, что называется, пускать палъ; поэтому по ночамъ горизонтъ иногда въ нѣсколькихъ мѣстахъ освѣщается яркимъ заревомъ. Такъ было и теперь. Это дѣлается частію для того, чтобы сбивать съ пути бродящихъ индѣйцевъ, но преимущественно для улучшенія пастбища. Въ травянистыхъ лугахъ, гдѣ нѣтъ крупныхъ жвачныхъ животныхъ, кажется дѣйствительно необходимо уничтожать прошлогоднюю растительность огнемъ, чтобы сдѣлать пастбище удобнымъ на слѣдующій годъ.

Ранчо въ этой станціи не могъ даже похвалиться крышей; это былъ просто плетень изъ

бурьяна, предназначенный для защиты от степного вѣтра. Это жилье стояло на берегу большаго, мѣлкаго озера, на которомъ было множество дикихъ птицъ; изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживалъ лебедь съ черною шеей.

Одинъ видъ ржанковыхъ, именно акатки (*Numenius negricollis*), которыя точно стоятъ на ходуляхъ, встрѣчаются здѣсь большими стаями. Ихъ напрасно называютъ неуклюжими; когда онѣ бродятъ по мелкой водѣ, своему любимому мѣсту, походка ихъ не имѣетъ въ себѣ ничего неловкаго. Эти птицы, собравшись вмѣстѣ, поднимаютъ крикъ, очень похожій на лай своры маленькихъ собакъ на охотѣ. Просыпаясь ночью, я не разъ былъ пораженъ этимъ отдаленнымъ звукомъ. Теру-теро (*Vanellus sauanus*) тоже нарушаетъ тишину ночи своимъ крикомъ. По виду и нравамъ птица эта очень похожа на нашу пигалицу; только на крыльяхъ у нее острия шпоры, въ родѣ тѣхъ, что бываютъ на ногахъ пѣтуха. Здѣшній теру-теро, какъ англійская пигалица или чибисъ (*reewit*), получилъ свое на званіе по созвучію съ своимъ крикомъ. Когда ѣдешь верхомъ по зеленой равнинѣ, птицы эти не отстаютъ ни на минуту; онѣ кажется ненавидятъ людей, и, по моему, сами вполне заслуживаютъ ненависть за свой рѣзкій, неумолкаемый и однообразный крикъ. Охотнику онѣ несносны, потому что кричатъ о его приближеніи всѣмъ другимъ пти-

цамъ и животнымъ. Но, можетъ быть, путешественнику онѣ приносятъ пользу, остерегая его, какъ говоритъ Молина, отъ полуночныхъ разбойниковъ. Въ періодъ высиживанія яицъ теру-теро, какъ и наша пигалица, чтобы отвлекать отъ своего гнѣзда собакъ и другихъ враговъ, притворяется раненой или подшибеной. Яйца этой птицы считаются очень вкуснымъ кушаньемъ.

16 сентября. Добрались до седьмого поста у подошвы Сьерры Тапальгуенъ. Мѣстность оставалась все время ровная, трава грубая, грунтъ мягкій, трофяной. Жилье здѣсь было очень опрятно: столбы и перегородки состояли изъ дюжины сухихъ стволовъ бурьяна, связанныхъ кожанными ремнями; на эти іоническія колонны опиралась крыша изъ тростника; стѣны состояли изъ того же матеріала. Мнѣ рассказывали здѣсь фактъ, который показался бы мнѣ совершенно невѣроятнымъ, если бы я самъ отчасти не былъ очевидцомъ его; дѣло въ томъ, что въ прошедшую ночь здѣсь выпалъ градъ величиной съ маленькое яблоко и чрезвычайно частый; онъ шелъ съ такой силой, что побилъ множество дикихъ животныхъ. Одинъ изъ солдатъ уже нашелъ тринадцать мертвыхъ ланей, и я самъ видѣлъ ихъ свѣжія, только что снятыя шкуры, другой, черезъ нѣсколько минутъ послѣ нашего пріѣзда, принесъ ихъ еще

семь штукъ. Я очень хорошо знаю, что одинъ чело-
вѣкъ, безъ помощи собакъ, едвали въ состояніи
убить семь ланей въ цѣлую недѣлю. Охотники
говорили, что видѣли не меньше пятнадцати
мертвыхъ страусовъ (часть одного изъ нихъ
мы съѣли за обѣдомъ) и что кромѣ того много
страусовъ бѣгаетъ по полю, очевидно слѣпыхъ
на одинъ глазъ. Множество маленькихъ птицъ,
какъ то: утокъ, соколовъ и куропатокъ, было
убито. Я видѣлъ одну куропатку; на спинѣ
у нея было черное пятно, какъ бы отъ удара
камнемъ. Градъ почти совершенно изломалъ
плетень вокругъ одной изъ хижинъ. Рассказывав-
шій мнѣ всѣ эти подробности высунулъ было
во время града голову изъ окна, чтобы посмо-
трѣть, что дѣлается, но получилъ тотчасъ силь-
ную рану и теперь ходитъ съ повязкой. Гроза
разразилась, говорятъ, на небольшомъ простран-
ствѣ: я помню, что мы съ нашего ночлега ви-
дѣли густое облако и молнію въ этомъ напра-
вленіи. Удивительно, что градъ могъ убить
такихъ сильныхъ животныхъ, какъ лани; но я
увѣренъ, на основаніи приведенныхъ мною
доказательствъ, что рассказы не были преуве-
личены. Я очень радъ, что вѣроятность этого
событія подтверждается сочиненіемъ іезуита
Добрицгофера *). Описывая мѣстность, гораздо

*) History of the Abipones, vol. II, p. 6.

сѣвернѣе здѣшней, онъ говоритъ, что тамъ шелъ градъ огромной величины и убилъ много домашняго скота; индѣйцы съ тѣхъ поръ называли это мѣсто Лялеграйкавалка (Lalegraicavalca), что значитъ, *маленькія бѣлыя вещицы*. Докторъ Малькольмсонъ говорилъ мнѣ также, что въ 1831 г. въ Индіи онъ былъ свидѣтелемъ бури съ градомъ, который побилъ множество крупныхъ птицъ и сильно попортилъ домашній скотъ. Градины тамъ были плоскія; одна имѣла десять дюймовъ въ окружности, а другая вѣсила двѣ унціи. Онѣ избородили песчаную дорогу, какъ картечь, и пробили въ стеклахъ оконъ круглыя отверстія, не разбивъ ихъ.

Кончивъ нашъ обѣдъ, состоявшій изъ мяса животныхъ, убитыхъ градомъ, мы переѣхали черезъ Сіерра Тапальгуенъ, цѣпь возвышеній въ нѣсколько сотъ футовъ вышины, которая тянется отъ мыса Корриентесъ. Горная порода здѣсь состоитъ изъ чистаго кварца; далѣе къ востоку, судя по рассказамъ, она должна быть гранитная. Холмы имѣютъ замѣчательную форму: они состоятъ изъ рядовъ плоскихъ террасъ, окруженныхъ низкими, отвѣсными утесами, подобно выступамъ осадочныхъ слоевъ. Возвышеніе, на которое я подымался, было очень незначительно, всего около двухъ сотъ ярдовъ въ толщину, но я видѣлъ другія, гораздо большія. Одно изъ возвышеній, получившее здѣсь назва-

не соггал (т. е. дворъ или загородка), имѣеть, говоритъ, отъ двухъ до трехъ миль въ поперечникъ и окружена отвѣсными утесами въ тридцать или сорокъ футовъ вышины, которые прерываются только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ образовался входъ въ эту ограду. Фальконеръ *) рассказываетъ очень любопытный фактъ, что индѣйцы загоняютъ туда табуны дикихъ лошадей и, чтобы удержать ихъ тамъ, караулятъ только у входа. Я не знаю ни одного другаго примѣра, чтобы кварцъ располагался плоскими уступами; кромѣ того на возвышеніи, разсмотренномъ мною, не было ни расщелинъ, ни наслоеній. Мнѣ говорили, что соггал состоитъ изъ камня бѣлаго цвѣта, который даетъ искры.

Мы добрались до поста на Ріо Тапальгуенъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло. За ужиномъ я изъ разговора собесѣдниковъ чуть было не заключилъ, что намъ подали самое любимое здѣшнее кушанье, т. е. телянка недоноска, и эта мысль привела меня въ ужасъ; но впоследствии оказалось, что это былъ пума: мясо у него очень бѣлое и вкусомъ необыкновенно похоже на телятину. Когда-то смѣялись надъ рассказомъ доктора Шау, который говорилъ, будто бы «львиное мясо очень цѣнится, потому что по вкусу, цвѣту

*) Falconer's Patagonia, p. 70.

и запаху похоже на телятину.» Относительно пумы это совершенно справедливо. На счет вкуса ягуара гаухосы расходятся во мнѣніяхъ, но кошку единодушно признаютъ отличнымъ кушаньемъ.

17 сентября. Мы отправились по теченію Ріо Тапальгуенъ черезъ плодородную мѣстность къ девятому посту. Самъ Тапальгуенъ, т. е. городъ Тапальгуенъ, если только можно назвать его городомъ, стоитъ на совершенно гладкомъ и ровномъ мѣстѣ, которое все сплошь, насколько доступно глазу, усѣяно тольдами или печкообразными хижинами индѣйцевъ. Здѣсь жили семейства мирныхъ индѣйцевъ, сражавшихся подъ знаменами генерала Розаса. Мы встрѣчали или обгоняли много молодыхъ женщинъ, сидѣвшихъ по двѣ или по три на одной лошади; онѣ, какъ и многіе изъ молодыхъ мужчинъ, были поразительно красивы; ихъ правильныя, темныя лица дышали здоровьемъ. Кромѣ тольдовъ въ городѣ были три дома или ранчо: въ одномъ жилъ комендантъ, а въ двухъ другихъ испанцы, имѣвшіе маленькія лавки.

Здѣсь можно было купить сухарей. Нѣсколько дней уже я ничего не ѣлъ, кромѣ мяса; не могу сказать, чтобы этотъ родъ пищи мнѣ не нравился, но думаю, что могъ переносить его только при усиленномъ моціонѣ. Я слыхалъ, что въ Англіи больные, посаженные на мясную

діету, съ большимъ трудомъ выносили ее даже въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ этого зависѣло спасеніе ихъ жизни. Между тѣмъ гаухосы въ пампасахъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не ѣдятъ ничего, кромѣ говядины. Но нужно замѣтить, что они поглощаютъ въ тоже время огромное количество жира, въ которомъ меньше животныхъ частей и очень не любятъ сухаго мяса, какъ напр. мясо агути. Докторъ Ричардсонъ *) тоже замѣтилъ, что, если питаться долгое время мясомъ безъ жира, то потребность въ жирѣ становится такъ сильна, что люди могутъ съѣдать огромныя количества чистаго жира или даже жидкаго масла безъ всякой тошноты. Это, по моему, любопытный физиологическій фактъ. Гаухосы, подобно другимъ плотояднымъ животнымъ, могутъ долго обходиться безъ ѣды. Можетъ быть, это зависитъ отъ мясной пищи. Мы говорили, что въ Тандилѣ одинъ отрядъ войска добровольно преслѣдовалъ партію индѣйцевъ въ продолженіи трехъ дней, не пивъ и не ѣвъ.

Въ лавкахъ мы видѣли много тканей, какъ то: попонъ, поясовъ и подвязокъ, сдѣланныхъ индѣйскими женщинами. Узоры были очень красивы и цвѣта ярки. Подвязки дѣлаются здѣсь

*) Fauna Boreali-Americana, vol. I, p. 35.

такъ хорошо, что одинъ англійскій купецъ изъ Буэносъ Айреса принималъ ихъ за англійскія издѣлія до тѣхъ поръ, пока не разсмотрѣлъ, что висточки у нихъ перевязаны сплюсненными жилами.

18 сентября. — Мы проѣхали огромное разстояніе. Близъ двѣнадцатаго поста, лежащаго къ югу отъ Ріо Саладо, мы увидѣли первую ферму съ домашнимъ скотомъ и бѣлыми женщинами. Потомъ намъ пришлось много миль ѣхать по мѣстности залитой водою. Вода доходила нашимъ лошадямъ выше колѣнъ. Подбравъ стремяна и сѣвъ по арабски съ поднятыми колѣнами, намъ удалось кое какъ остаться сухими. Было почти темно, когда мы пріѣхали къ Саладо; рѣка была глубокая и имѣла почти сорокъ ярдовъ ширины; однако лѣтомъ ложе ея почти совсѣмъ высыхаетъ, и остающаяся вода солона, какъ морская. Мы ночевали въ одной изъ большихъ фермъ генерала Розаса. Она была укрѣплена и тянулась на такое большое разстояніе, что, подѣзжая въ темнотѣ, я счелъ ее за городъ или за крѣпость. Утромъ мы увидѣли огромныя стада домашнихъ животныхъ; генералъ въ этомъ мѣстѣ владѣетъ семидесятью четырьмя квадратными лье земли. Прежде работало здѣсь до трехсотъ человѣкъ, которые притомъ отражали всѣ нападенія индѣйцевъ.

19 сентября.—Проѣзжали черезъ Гвардіа дель Монте. Это красивый, разбросанный городокъ съ множествомъ садовъ, наполненныхъ персиками и айвой. Равнина имѣла здѣсь такой же характеръ, какъ въ окрестностяхъ Буэносъ Айреса; трава была низкая и ярко-зеленая, кое гдѣ испещренная полосами клевера и репейника, и изрытая норками бискачъ. Меня очень поразила рѣзкая переменна въ общемъ видѣ мѣстности по ту сторону Ріо-Саладо. Съ грубой травы противоположнаго берега мы прямо перешли на коверъ превосходнаго дерна. Сначала я думалъ, что причина такой перемены кроется въ свойствѣ почвы; но жители увѣрили меня, что здѣсь, какъ и въ Банда Оріенталь, — гдѣ также существуетъ огромная разница между мѣстностью вокругъ Монте Видео и рѣдко населенными саваннами колоніи, — перемену нужно приписать единственно стадамъ домашняго скота, удобряющимъ луга, на которыхъ пасется. Совершенно тоже замѣчено въ преріяхъ или равнинахъ *) Сѣверной Америки, гдѣ грубая трава въ пять или шесть футовъ вышины, превращается въ обыкновенный лугъ, если на нее пускать домашній

*) См. Mr. Atwater's account of the Prairies, въ Silliman's N. A. Journal. Vol I, p. 117.

скоть. Я не достаточно занимался ботаникой, чтобы рѣшить, зависитъ ли эта переменна отъ введенія новыхъ видовъ, отъ измѣненія въ ростѣ прежнихъ, или отъ разницы въ ихъ количественномъ отношеніи. Азара тоже съ удивленіемъ замѣтилъ этотъ фактъ: его тоже поражало это внезапное появленіе новыхъ растений по краямъ каждой тропинки, ведущей къ вновь выстроенной хижинѣ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «эти (дикія) лошади почему-то предпочитаютъ оставлять свои экскременты на дорогахъ или около нихъ, и на этихъ мѣстахъ видишь всегда цѣлыя кучи навоза» *). Не объясняетъ ли это отчасти упомянутаго явленія? Такимъ способомъ образуются полосы отлично удобренной земли, которыя могутъ служить путями сообщенія черезъ пустынные мѣстности.

Около Гвардіа проходитъ южная граница распространенія двухъ европейскихъ растений, сдѣлавшихся здѣсь чрезвычайно обыкновенными. Укропъ въ изобиліи покрываетъ края канавъ въ окрестностяхъ Буэносъ Айреса, Монте Видео и другихъ городовъ. Но кардонъ (*Synara cardunculus*) *) распространенъ еще го-

*) Azara' s Voyage, vol. I, p. 373.

*) А. д' Орбиньи говоритъ (томъ I, стр. 474), что какъ кардонъ, такъ и артишокъ встрѣчаются здѣсь въ дикомъ

раздо дальше; онъ встрѣчается въ этихъ широтахъ по всему материку, по обѣимъ сторонамъ Кордильеровъ. Я встрѣчалъ его въ глухихъ мѣстахъ, въ Чили, Энтре-Ріосъ и Банда Ориенталь. Въ послѣдней мѣстности, напримѣръ, цѣлыя сотни квадратныхъ миль сплошь покрыты заростями этихъ колючихъ растений, такъ что ни люди, ни животныя не могутъ пройти тамъ. На холмистыхъ равнинахъ, гдѣ встрѣчаются эти огромныя зарости, кромѣ ихъ не можетъ расти ничего. Пока растеніе это не было завезено сюда, здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, вѣроятно росла густая трава. Я не знаю другаго примѣра, гдѣ бы привозное растеніе до

состояніи. Д-ръ Гукеръ (*Botanical Magazine*, vol. IV, p. 2862) описалъ видъ цинары изъ этой части Южной Америки подъ названіемъ *inermis*. Онъ говоритъ, что теперь всѣ ботаники признаютъ кардонъ и артишокъ за разновидности одного и того-же вида растенія. Могу съ своей стороны прибавить, что одинъ смышленный фермеръ увѣрялъ меня, будто самъ видѣлъ, какъ въ заброшенномъ саду артишоки перешли мало по малу въ обыкновенные кардоны. Д-ръ Гукеръ думаетъ, что описаніе ренейника у Геда, относится къ кардону; но это ошибка. Капитанъ Гедъ имѣлъ въ виду растеніе, о которомъ я буду говорить нѣсколько ниже, подъ названіемъ гигантскаго чертополоха. Дѣйствительно ли это чертополохъ, я не знаю, но только растеніе это вовсе не похоже на кардонъ и больше всего приближается къ обыкновенному чертополоху.

такой степени вытѣснило туземныя. Я уже сказалъ, что не видалъ кардона къ югу отъ Саладо; но очень вѣроятно, что по мѣрѣ того, какъ страна будетъ заселяться, растеніе это перейдетъ и сюда. Гигантскій чертополохъ пампасовъ, у котораго пестрые листья, дѣло другое: я встрѣчалъ его и въ долину Саусе. На основаніи законовъ, такъ превосходно изложенныхъ Г. Ляйэллемъ, немногія страны подвергались такимъ замѣчательнымъ измѣненіямъ, какимъ подвергалась Ла-Плата съ 1535 года, когда въ ней появились первые поселенцы съ семидесятью двумя лошадьми. Безчисленные стада лошадей, рогатаго скота и овецъ не только измѣнили весь характеръ растительности, но почти вовсе вытѣснили гуанако, лань и страуса. Много, должно быть, произошло и другихъ перемѣнъ; одичавшій кабанъ вѣроятно во многихъ мѣстахъ замѣнилъ пекари; стаи одичавшихъ собакъ воютъ по лѣсистымъ берегамъ уединенныхъ ручьевъ, а домашняя кошка, превратившаяся въ большое и свирѣпое животное, пріютилась въ скалистыхъ холмахъ. А. д'Орбиньи справедливо замѣтилъ, что число коршунъ-стервятниковъ увеличилось въ значительной степени со времени введенія домашнихъ животныхъ. Мы привели уже доказательства, что они распространились къ югу дальше, чѣмъ прежде. Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ кардона и

укропа, многія другія растенія здѣсь уже усвоились. Такъ острова близъ устьевъ Параны густо одѣты персиковыми и померанцовыми деревьями, выросшими изъ сѣмянъ, занесенныхъ волнами рѣки.

Пока мы перемѣняли лошадей въ Гвардіа, много народу приходило спрашивать насъ о войскѣ; я никогда не видалъ такого энтузіасма, какой возбуждаетъ здѣсь Розасъ и его успѣхи въ «справедливѣйшей изъ войнъ, потому что она ведется противъ варваровъ». Нужно согласиться, что такія выраженія не лишены основанія, потому что еще недавно ни мужчины, ни женщины, ни лошади не были безопасны отъ нападеній индѣйцевъ. Мы ѣхали цѣлый день по роскошной зеленой равнинѣ, на которой встрѣчались намъ многочисленныя стада, да изрѣдка виднѣлась какая нибудь уединенная ферма, осѣненная единственнымъ деревомъ. Вечеромъ шелъ проливной дождь. Мы подѣхали къ станціи, но хозяинъ ея сказалъ, что если у насъ нѣтъ законныхъ паспортовъ, то мы не можемъ отправляться дальше; теперь дескать здѣсь такъ много разбойниковъ, что никому нельзя вѣрить. Однако, когда онъ прочелъ мой паспортъ, начинавшійся слѣдующими словами: «Натуралистъ, донъ Карлосъ» (*El Naturalista Don Carlos*), то его любезность и почтительность стали такъ же безграничны, какъ велико

было прежде недовѣріе. Что такое натуралистъ, объ этомъ я думаю ни онъ, ни его соотечественники не имѣли ни малѣйшаго понятія; но по всей вѣроятности мой титулъ отъ этого нисколько не потерялъ своей важности.

20 сентября. Въ полдень мы пріѣхали въ Буэносъ Айресъ. Предмѣстья города имѣли очень привлекательный видъ, благодаря живымъ изгородямъ изъ агавы и рощамъ оливковыхъ, персиковыхъ и ивовыхъ деревьевъ, только что распускавшихъ свои свѣжіе зеленые листья. Я остановился у г. Ломба, англійскаго купца, которому я весьма много обязанъ за чрезвычайную любезность и гостепріимство, оказанныя мнѣ во все время моего пребыванія.

Самый городъ очень великъ *) и принадлежитъ, кажется, къ числу самыхъ правильныхъ городовъ въ мірѣ. Улицы всѣ пересѣкаются подъ прямымъ угломъ и притомъ на одинаковомъ разстояніи, такъ что дома собраны въ плотные четырехугольники одинаковой величины, которые называются квадратами (quadras). Дома въ свою очередь представляютъ пустые четырехугольники, гдѣ всѣ окна открываются въ

*) Говорятъ, что въ немъ до 60,000 жит. Монте Видео, второй по важности городъ на берегахъ Ла Платы, имѣетъ 15,000 жителей.

чистый маленькій дворъ. Обыкновенно они одноэтажные, съ плоскими крышами, на которыхъ устроены мѣста для сидѣнья; здѣсь жители любятъ собираться въ лѣтнее время. Въ центрѣ города находится площадь, на которой помѣщаются присутственныя мѣста, крѣпость, соборъ и т. д. Здѣсь же до революціи стояли дворцы вице-королей. Общій видъ зданій производитъ въ архитектурномъ отношеніи пріятное впечатлѣніе, но если брать ихъ отдѣльно, то ни одно не можетъ похвалиться изяществомъ.

Большая ограда (сoggal), гдѣ держатъ животныхъ, назначенныхъ въ пищу этому плотоядному народу, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Сила лошади въ сравненіи съ силой быка въ самомъ дѣлѣ удивительна: человекъ верхомъ на конѣ, обвивъ бока арканомъ за рога, можетъ вести его, куда захочетъ. Животное сначала обыкновенно изо всѣхъ силъ роетъ землю ногами, тщетно пытаясь противиться насилію, бросается въ сторону, — но лошадь тотчасъ же дѣлаетъ поворотъ, чтобы выдержать напоръ и стоитъ такъ твердо, что быкъ почти сшибается съ ногъ. Удивительно, какъ они не ломаютъ себѣ шеи. Впрочемъ здѣсь въ борьбѣ играетъ роль не одна сила; подруга у лошади принаровлена и рассчитана на то, что быкъ будетъ сильно натягивать ее. Точно такимъ же образомъ одинъ человекъ

можетъ удержать самую дикую лошадь, если поймаетъ ее арканомъ за шею, какъ разъ за ушами. Когда быка приведутъ къ мѣсту, гдѣ его должны заколотъ, матадоръ прежде всего перерѣзываетъ съ большой осторожностью ахиллесовы жилы. Вскорѣ затѣмъ раздается предсмертный ревъ — звукъ, выражающій самую отчаянную муку. Я часто слышалъ его на далекомъ разстояніи и зналъ, что борьба приближается, значитъ, къ концу. Общій видъ бойни ужасенъ и возмутителенъ: вся земля устлана костями, а лошади и всадники всѣ перепачканы запекшейся кровью.

ГЛАВА VII.

Поѣздка въ Санта Фе. — Поля чертополоха. — Нравы бискачи. — Маленькая сова. — Соленые ручьи. — Равнина. — Мастодонтъ. — Санта Фе. — Переѣзна ландшафта. — Геологія. — Зубъ исчезнувшаго вида лошади. — Отношенія отжившихъ и живущихъ теперь четвероногихъ Сѣверной и Южной Америки. — Дѣйствіе продолжительной засухи. — Парана. — Нравы ягуара. — Ринхопсъ или ножеклювъ. — Зимородокъ, попугай и тиранъ. — Революція. — Буэносъ Айресь. — Мѣстное управленіе.

Отъ Буэносъ Айреса до Санта Фе.

27 сентября. — Вечеромъ я пустился въ путь къ Санта-Фе, который лежитъ почти въ трехъ стахъ англійскихъ миляхъ отъ Буэносъ Айреса, на берегахъ Параны. Дороги въ окрестностяхъ города послѣ дождей были необыкновенно дурны. Я никогда не повѣрилъ бы, чтобы по нимъ могла протащиться телега на волахъ. Правда, она и тащилась по милѣ въ часъ, да и то че-

ловѣкъ ѣхалъ впереди, чтобы показывать мѣста, удобныя для проѣзда. Волы были страшно измучены. Очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что по мѣрѣ усовершенствованія дорогъ и ускоренія ѣзды страданія этихъ животныхъ увеличатся. Мы обогнали рядъ повозокъ и стадо быковъ на пути къ Мендосѣ. Разстоянiе считается въ 580 географическихъ миль, и путь совершается обыкновенно въ пятьдесятъ дней. Повозки или фуры эти очень длинны, узки и переплетены тростникомъ. Онѣ имѣютъ только по два колеса, діаметръ которыхъ равняется иногда десяти футамъ. Каждую тащутъ шесть воловъ, которыхъ погоняютъ палкой футовъ въ двадцать длиною; она обыкновенно прикрѣпляется къ крышѣ внутри повозки. Для первой пары воловъ имѣется кромѣ того палка меньшихъ размѣровъ, а для средней пары изъ середины длинной палки подъ прямымъ угломъ отходитъ отростокъ. Весь этотъ аппаратъ имѣетъ видъ какого-то военного орудія.

28 сентября. Мы проѣзжали маленькій городокъ Люханъ, гдѣ черезъ рѣку перекинутъ деревянный мостъ — явленіе необыкновенное въ этихъ мѣстахъ. Проѣзжали также черезъ Ареко. Равнина казалась плоской, но въ дѣйствительности не была такою, потому что въ различныхъ мѣстахъ горизонтъ не вездѣ казался на одинаковомъ разстояніи. Фермы стоятъ здѣсь

далеко одна пзъ другой, потому что здѣсь мало луговъ удобныхъ для пастбищъ, такъ какъ земля покрыта или горькимъ клеверомъ, или огромнымъ чертополохомъ. Послѣдній хорошо извѣстенъ по картинному описанію сэра Ф. Геда. Въ эту пору года растеніе достигло только двухъ третей своего нормальнаго роста, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходило уже до спины лошади; за то въ другихъ оно еще вовсе не начинало расти, и тамъ почва была голая и пыльная, какъ на большой дорогѣ. Зелень заростей была самаго яркаго цвѣта и напоминала въ мнѣиатурѣ лѣса и перелѣски. Когда чертополохъ совсѣмъ выростеть, огромныя зарости становятся непроходимы: между ними выются впрочемъ тропинки, до того перепутанныя, что представляютъ въ своемъ родѣ лабиринтъ. Онѣ хорошо извѣстны только разбойникамъ, которые въ это время года живутъ тутъ и по ночамъ выходятъ грабить и рѣзать совершенно безнаказанно. Разъ я спросилъ въ одномъ домѣ, много ли теперь разбойниковъ; мнѣ отвѣчали: «Чертополохъ еще не выросъ.» Съ перваго разу такой отвѣтъ можетъ пожалуй показаться не совсѣмъ понятнымъ. Изучать эти тропинки не стоитъ труда, потому что здѣсь очень мало птицъ и животныхъ, за исключеніемъ бискачи и ея пріятельницы, маленькой совы.

Всѣмъ извѣстно, что мышакъ (бискача) *) составляетъ характерную особенность фауны пампасовъ. Къ югу онъ встрѣчается еще до Рио Негро подъ 14° шир., но не дальше. Животное это не можетъ, подобно агутти, жить въ хрящеватыхъ и пустынныхъ равнинахъ Патагоніи; оно ищетъ глинистой или песчаной почвы, производящей болѣе обильную и притомъ иную растительность. Около Мендосы у подошвы Кордильеровъ мышакъ находится въ близкомъ сосѣдствѣ съ родственнымъ ему альпійскимъ видомъ. Относительно географическаго его распредѣленія любопытенъ фактъ, что — къ великому благополучію обитателей Банда-Оріенталь, — бискача никогда не встрѣчалась на востокъ отъ р. Уругвай, хотя мѣстность этой области, повидимому, какъ нельзя болѣе приспособлена къ ея нравамъ. Рѣка Уругвай, какъ видно, оказалась непреодолимымъ препятствіемъ къ ихъ переселенію, хотя черезъ болѣе широкую рѣку Парану онѣ переселились и очень часто встрѣчаются въ Энтре

*) Мышакъ (*Lagostomus trichodactylus*) нѣсколько похожъ на кролика, но зубы его больше и хвостъ длиннѣй; какъ агутти, онъ имѣетъ на заднихъ ногахъ только три пальца. Въ послѣдніе три или четыре года шкуры этихъ животныхъ посылались въ Англію, потому что мѣхъ ихъ очень красивъ.

Ріосъ, области, лежащей между этими двумя большими рѣками. Въ окрестностяхъ Буэносъ Айреса ихъ великое множество. Самое любимое ихъ убѣжище—тѣ части равнины, которыя полгода сряду покрыты заростями гигантскаго чертополоха, безъ всякой примѣси другихъ растений. Гаухосы увѣряютъ, что бискачи питаются кореньями. Это, можетъ быть, справедливо, судя по необыкновенной силѣ ихъ зубовъ и по роду мѣстъ ими посѣщаемыхъ. По вечерамъ животныя эти въ огромномъ количествѣ выходятъ изъ своихъ норъ и спокойно сидятъ на заднихъ лапкахъ у входа въ свои жилища. Въ это время они очень смиренны, и если проѣдетъ человѣкъ верхомъ на лошади, то они только пресерьезно его рассматриваютъ. Бискачи очень неловко бѣгаютъ; спасаясь отъ опасности, они поднимаютъ хвостъ, что при короткихъ ногахъ придаетъ имъ большое сходство съ огромными крысами. Мясо ихъ нѣжно и вкусно, но рѣдко употребляется въ пищу.

Мышакъ имѣетъ странное обыкновеніе тащить всякую твердую вещь ко входу въ свою нору: вокругъ каждой группы норъ непременно увидишь множество бычачьихъ костей, камешковъ бурьяна, затвердѣвшихъ комьевъ земли и т. д. Все это собрано въ неправильную и часто очень большую кучу, которая могла бы пополнить цѣлую тачку. Мнѣ рассказыва-

ли, будто одинъ джентльменъ, ѣхавшій верхомъ въ темную ночь, потерялъ часы; утромъ онъ вернулся и, осматривая каждую нору бискачъ по краю дороги, вскорѣ, какъ и ожидалъ, нашелъ свои часы. Эта привычка таскать всякую завалявшуюся вещь къ своей норѣ вѣроятно стоитъ имъ немалыхъ хлопотъ. Для чего они это дѣлаютъ, не знаю и даже не могу ничего такого придумать. Ясно, что это не для защиты, потому что куча всегда лежитъ надъ входомъ въ нору, направляющимся въ почву всегда нѣсколько наклонно. Нѣтъ сомнѣнiя, что какая нибудь причина должна быть; но изъ туземцевъ никто не могъ дать мнѣ на этотъ счетъ никакихъ объясненiй. Мнѣ извѣстенъ одинъ только примѣръ аналогичный съ этимъ, именно нравы замѣчательной австралiйской птицы колодеры (*Calodera maculata*); она дѣлаетъ изъ вѣтокъ красивый сводъ, въ который приходитъ играть; туда же собираетъ она морскiя и сухопутныя раковины, косточки, птичьи перья, выбирая при томъ только самыя яркiя и красивыя.

Г. Гульдъ, описавшiй эти факты, увѣдомляетъ меня, что когда у туземцевъ пропадаетъ какая нибудь твердая вещь, они отправляются искать ее въ этихъ сводахъ; г. Гульдъ самъ видѣлъ, какъ найдена была такимъ образомъ пропавшая курильная трубка.

Маленькая сова (*Athene cunicularia*), о которой я уже не разъ говорилъ, живетъ въ равнинахъ Буэносъ Айреса исключительно въ норахъ мышаковъ, но въ Банда Ориенталь устраиваетъ себѣ особое жилище. Среди дня, но чаще вечеромъ, можно видѣть во всѣхъ направленіяхъ этихъ птицъ, сидящихъ по одиночкѣ или парами на буграхъ, близъ своей норы. Если ихъ, испугать, онѣ прячутся въ нору или испускаютъ рѣзкій, звонкій крикъ, какъ то особенно плавно перелетаютъ на небольшое разстояніе и потомъ, обернувшись, пристально смотрятъ на врага. Иногда вечеромъ можно слышать ихъ гуканіе. Въ желудкѣ двухъ этихъ совъ, вскрытыхъ мною, я нашелъ остатки мышей, а разъ самъ видѣлъ, какъ сова убила и унесла съ собой маленькую змѣю. Говорятъ, что въ продолженіи дня змѣи служатъ имъ обыкновенной пищей. Чтобы показать, до чего разнообразна пища, употребляемая совами, я могу привести случай, что у одного вида совы, на чоноскомъ архипелагѣ, нашли желудокъ набитымъ довольно крупными краббами. Въ Индіи *) живутъ совы, занимающіяся рыбной ловлей и также употребляющія въ пищу краббовъ.

Вечеромъ мы переправились черезъ Рио-Аре-

*) Journal of Asiatic Society vol. V, p. 363.

сифе на простомъ паромѣ, связанномъ изъ бревенъ, и ночевали на станціи, стоящей на противоположномъ берегу. Въ этотъ день я заплатилъ прогоны за тридцать одну лье, и хотя солнце сильно палило, но я не чувствовалъ большой усталости. Капитанъ Гедъ упоминаетъ въ своемъ путешествіи, что онъ сдѣлалъ въ одинъ день пятьдесятъ лье; это очень возможно, но я не думаю, чтобы это значило 150 англійскихъ миль. Во всякомъ случаѣ тридцать одна лье составляетъ только 76 миль по прямой линіи, а если накинуть еще мили четыре на повороты, что въ такой ровной мѣстности совершенно достаточно, то выйдетъ, что 31 лье равняются по большей мѣрѣ 80 милямъ.

29 и 30. — Мы продолжали ѣхать по такимъ же однообразнымъ равнинамъ. Въ Санъ-Николасъ я въ первый разъ увидѣлъ великолѣпную рѣку Парану. У подошвы скалы, на которой расположенъ городъ, стояло на якорѣ нѣсколько большихъ кораблей. Не доѣзжая до Росарио, мы должны были переѣхать черезъ Саладилло, ручей чистой и прозрачной воды, но слишкомъ соленой для питья. Росарио большой городъ, выстроенный на бесплодной, ровной мѣстности, которая возвышается надъ Параной утесомъ футовъ въ шестьдесятъ вышиною. Рѣка въ этомъ мѣстѣ очень широка и усѣяна множествомъ низкихъ и лѣсистыхъ острововъ;

противуположный берегъ также лѣсистый. Общій видъ напоминалъ бы большое озеро, еслибы не прямолинейныя очертанія острововъ, заставляющія непременно предполагать текущую воду. Скалы необыкновенно живописны: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ поднимаются совершенно отвѣсно, и цвѣтъ ихъ красный; въ другихъ мѣстахъ онѣ какъ будто нагромождены изъ громадныхъ обломковъ, обросшихъ кактусами и мимозами. Впрочемъ настоящее величiе такой огромной рѣки зависитъ не отъ этого: глядя на нее, невольно думаешь о томъ, какимъ важнымъ путемъ сообщеній служитъ она между народами; какъ она облегчаетъ сношенія; какія разстоянiя протекаетъ, какъ обширна та страна, изъ которой берется вся эта масса прѣсной воды, текущая передъ вами.

Къ югу отъ С. Николасъ и Росарио на далекое разстоянiе тянется гладкая равнина. Едва ли можно считать преувеличеннымъ что нибудь изъ всего, что было писано о ея необыкновенной ровности. Однако я не могъ найти такого мѣста, откуда при медленномъ поворачиванiи головы горизонтъ казался бы кругомъ на одинаковомъ разстоянiи, а это конечно доказываетъ, что равнина не совершенно горизонтальна. Въ морѣ, для человѣка, стоящаго на шесть футовъ надъ уровнемъ воды, горизонтъ всегда будетъ казаться удаленнымъ на $2\frac{4}{5}$ мили. Точно также

и въ ровной мѣстности; чѣмъ она ровнѣе, тѣмъ горизонтъ долженъ болѣе приближаться къ этому ограниченному предѣлу; а это обстоятельство по моему мнѣнію, совершенно уничтожаетъ впечатлѣніе величія, которое должна бы производить такая обширная и гладкая равнина.

1 октября. — Мы выѣхали при свѣтѣ луны и къ восходу солнца были у береговъ Ріо Терсеро. Эту рѣку называютъ также Саладилло, и она въ самомъ дѣлѣ заслуживаютъ такое названіе, потому что вода въ ней солоноватая. Я провелъ здѣсь большую часть дня въ поискахъ за ископаемыми костями. Кромѣ превосходно сохранившагося зуба токсодонта и нѣсколькихъ другихъ разрозненныхъ костей, я нашелъ, одинъ возлѣ другаго, два громадныхъ скелета, рельефно выдававшихся изъ отвѣсныхъ скалъ Параны. Но они такъ истлѣли отъ времени, что я могъ овладѣть лишь обломками одного изъ заднихъ коренныхъ зубовъ; но и этого было уже достаточно, чтобы опредѣлить, что скелеты принадлежали мастодонтамъ, вѣроятно того-же вида, который нѣкогда во множествѣ населялъ Кордилльеры и Верхній Перу. Перевозчики, переправлявшіе меня въ челнокѣ, говорили, что они давно примѣтили тутъ эти кости и не разъ дивились, какъ онѣ туда попали? Такъ какъ и у нихъ чувствовалась необходимость составить какую нибудь теорію, то они

пришли къ заключенію, что мастодонтъ, подобно бискачѣ, жилъ въ норахъ. Вечеромъ мы проѣхали еще одну станцію и переплыли черезъ Монжъ, тоже соленый ручей, несущій въ своихъ волнахъ осадки изъ почвы пампасовъ.

2 октября. — Мы проѣхали Корундо, одно изъ самыхъ красивыхъ селеній, которыя мнѣ удавалось видѣть. Главную красоту его составляли роскошные сады. Отъ этого мѣста до Санта Фэ дорога не совсѣмъ безопасна. Западная часть сѣверныхъ береговъ Параны населена, и потому индѣйцы часто спускаются сюда и подстерегаютъ путешественниковъ. Характеръ страны также способствуетъ этому; вмѣсто равнины, покрытой травой, здѣсь мѣстность лѣсистая, т. е. поросшая низкими и колючими мимозами. Мы проѣхали мимо нѣсколькихъ домовъ, которые были разграблены и заброшены. Мы видѣли также зрѣлище, доставившее не малое удовольствіе моимъ проводникамъ: это былъ трупъ индѣйца, повѣшеннаго на вѣткѣ дерева, или вѣрнѣе скелетъ, обтянутый высохшей кожей.

Утромъ мы добрались до Санта Фе. Меня удивила замѣтная переменна климата, тѣмъ болѣе неожиданная, что разстоянія отъ этого города до Буэносъ-Айреса не болѣе трехъ градусовъ широты. Тѣмъ не менѣе разни-

да эта проявлялась во всемъ: въ одеждѣ жителей, въ оттѣнкахъ ихъ кожи, въ размѣрахъ деревьевъ, во множествѣ новыхъ видовъ кактусовъ и другихъ растеній, а главное птицъ. Въ теченіе одного часа я примѣтилъ съ полдюжины птицъ, никогда невиданныхъ мною въ Буэносъ Айресѣ. Зная, что нѣтъ никакихъ естественныхъ границъ между этими двумя областями и что характеръ мѣстности почти одинъ и тотъ-же, я никакъ не могъ ожидать такой огромной разницы.

3 и 4 октября. Эти два дня я пролежалъ въ постели съ головою болью. Добродушная старая женщина, ухаживавшая за мною, предлагала мнѣ много оригинальныхъ лекарствъ. Обыкновенно здѣсь въ такихъ случаяхъ прикладываютъ къ вискамъ по померанцовому листу или по куску чернаго пластыря; но еще болѣе употребительное средство — это разрѣзать бобъ пополамъ, намочить обѣ половинки и приложить къ вискамъ, гдѣ они легко приклеиваются. Снимать бобы или пластырь нельзя ни въ какомъ случаѣ, — они должны отпасть сами. Часто видишь человека съ такими мушками на головѣ, и если спросить его, что съ нимъ, онъ пресерьезно отвѣтитъ: «Третьяго дня у меня болѣла голова.» Многія средства, употребляемые здѣсь, странны до смѣшнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ отвратительны,

чтобы описывать ихъ. Одно изъ самыхъ невинныхъ состоитъ въ томъ, что разрѣзываютъ животы у двухъ щенковъ и привязываютъ ихъ по обѣимъ сторонамъ сломанный руки или ноги. Маленькихъ голыхъ собакъ очень часто кладутъ спать къ ногамъ больныхъ.

Санта Фе тихій, уютный городокъ, содержится очень чисто и въ порядкѣ. Губернаторъ Лопесъ былъ простымъ солдатомъ во время революціи, но теперь уже семнадцать лѣтъ управляетъ городомъ. Такимъ долговременнымъ сохраненіемъ власти онъ обязанъ вѣроятно своей наклонности къ деспотизму; потому что до сихъ поръ, повидимому, деспотическая власть болѣе соотвѣтствуетъ нравамъ страны, чѣмъ республиканское правленіе. Любимое занятіе губернатора — охота за индѣйцами: не за долго до нашего пріѣзда онъ казнилъ сорокъ восемь человѣкъ, а дѣтей распродалъ по три или по четыре фунта стерлинговъ за штуку.

5 октября. Мы переплыли черезъ Парану въ Санта Фе Бахада, городъ, лежащій на противоположномъ берегу. Переѣздъ занялъ нѣсколько часовъ, потому что рѣка состоитъ здѣсь изъ лабиринта рукавовъ, отдѣленныхъ низкими лѣсистыми островами. У меня было рекомендательное письмо къ старому каталонскому испанцу, который принялъ меня съ необыкновеннымъ радушіемъ. Бахада — столица провинціи Энтре

Ріосъ. Въ 1825 г. въ городѣ было 6,000 жителей, а въ провинціи 30,000; но какъ ни мало населена она въ сравненіи съ другими, ни одна область не потерпѣла столько отъ кровавыхъ и отчаянныхъ революцій. Жители гордятся здѣсь представительнымъ правленіемъ, имѣютъ министровъ, постоянное войско, губернаторовъ; неудивительно послѣ этого, что у нихъ было такъ много революцій. Когда нибудь Энтреріосъ будетъ одной изъ самыхъ богатыхъ провинцій Ла Платы. Почва здѣсь плодородна и разнообразна, а огромныя рѣки, Уругвай и Парана, представляя удобнѣйшіе торговые пути, придаютъ этой области почти островное положеніе.

Я провелъ здѣсь пять дней, занимаясь изученіемъ въ геологическомъ отношеніи, представляющемъ большой интересъ окружающей мѣстности. У подошвы скалъ лежатъ слои, въ которыхъ находятся и зубы акулъ, и морскія раковины исчезнувшихъ видовъ. Слои эти кверху переходятъ въ затвердѣвшій мергель, а еще далѣе въ красную глинистую землю пампасовъ съ известковыми глыбами и костями земныхъ четвероногихъ. Вертикальный разрѣзъ самымъ яснымъ образомъ говоритъ, что здѣсь былъ нѣкогда большой заливъ чистой соленой воды, который мало по малу превратился въ ложе мутнаго лимана, куда рѣка заносила плившія по ней трупы животныхъ. Въ Пунта

Горда (въ Банда Ориенталь) я видѣлъ осадочную почву пампасовъ перемѣшанною съ известнякомъ, содержащимъ много такихъ же угасшихъ морскихъ раковинъ; это доказываетъ или измѣненіе русла прежнихъ рѣкъ, или, что болѣе вѣроятно, колебанія дна прежняго лимана. Еще недавно, судя по общему виду формации пампасовъ, по положенію ея при устьѣ великой рѣки Ла Платы и по присутствію въ ней множества остатковъ сухопутныхъ четвероногихъ, я считалъ эту формацию нанесенною въ лиманъ. Но вотъ проф. Эренбергъ, имѣвшій любезность рассмотреть по моей просьбѣ образецъ красной земли, взятой изъ нижнихъ слоевъ возлѣ самыхъ скелетовъ мастодонта, увѣдомляетъ меня, что нашелъ въ ней много инфузорій морскихъ и прѣсноводныхъ и что даже число послѣднихъ преобладаетъ надъ первыми. Изъ этого онъ выводитъ заключеніе, что вода должна была быть солоноватой. Г. А. д'Орбиньи нашелъ на берегахъ Параны, на высотѣ ста футовъ, большіе слои лиманскихъ раковинъ, живущихъ теперь на сто миль ниже и ближе къ морю. Я нашелъ сходныя съ этими раковины, но на меньшей высотѣ, на берегахъ Уругвая: это показываетъ, что непосредственно передъ тѣмъ какъ пампасы поднялись и обратились въ сушу ихъ покрывала солоноватая вода. Ниже Буэносъ Айреса встрѣчаются приподнятые слои

морскихъ раковинъ видовъ, живущихъ и теперь. Это тоже показываетъ, что возвышеніе пампасовъ произошло въ недавній періодъ.

Въ осадочныхъ слояхъ пампаса, въ окрестностяхъ Бахады, я нашелъ костяной панцырь огромнаго животнаго, сходнаго съ броненосцами. Внутренность панцыря, очищенная отъ земли, напоминала большой котель. Я нашелъ также зубы токсодонта и мастодонта и одинъ зубъ лошади — все въ томъ же истлѣвшемъ и разрушенномъ состояніи. Меня въ особенности заинтересовалъ зубъ *), и я употребилъ всевозможныя старанія, чтобы убѣдиться, едино-временно-ли съ другими остатками онъ былъ похороненъ. Въ то время я еще не зналъ, что въ числѣ ископаемыхъ костей въ Бахія Бланка былъ найденъ лошадиный зубъ, скрытый въ материкѣ, не зналъ также и того, что въ Сѣверной Америкѣ находятъ много остатковъ вымершихъ лошадей. Г. Ляйэль привезъ недавно изъ Соединенныхъ Штатовъ лошадиный зубъ, имѣвшій характеристическую особенность, а именно легкій, не очень опредѣленный изгибъ; такого изгиба профессоръ Оуэнъ не могъ найти ни у одного изъ видовъ лошади, какъ живу-

*) Едвали нужно напоминать читателю, что есть много доказательствъ противъ существованія лошади въ Америкѣ во времена Колумба.

щихъ , такъ и ископаемыхъ , пока ему не пришла мысль сравнить этотъ сѣверо-американскій зубъ съ моимъ экземпляромъ, найденнымъ здѣсь: у него оказалась таже особенность. — Оуэнъ назвалъ эту американскую лошадь *Equus curvidens*. Какъ поразителенъ этотъ фактъ въ исторіи млекопитающихъ, что въ Южной Америкѣ существовала нѣкогда туземная лошадь, которая жила и исчезла, а потомъ замѣнилась безчисленными стадами новыхъ лошадей, происшедшихъ отъ нѣсколькихъ экземпляровъ, случайно завезенныхъ сюда испанскими колонистами!

Существованіе въ Южной Америкѣ ископаемой лошади, мастодонта, быть можетъ, слона *) и жвачнаго животнаго съ полыми рогами, открытаго въ бразильскихъ пещерахъ гг. Лундомъ и Клаузеномъ, представляетъ чрезвычайно интересный фактъ относительно географическаго распредѣленія животныхъ. Если мы раздѣлимъ Америку не тою линіей, которая проходитъ черезъ Панамскій перешеекъ, а повыше, въ южной части Мексики **) (подъ 20° шир.) тамъ гдѣ обширное плоскогорье измѣняетъ климатъ

*) Cuvier, ossemens fossiles, tom. I, p. 158.

**) Этому географическому раздѣленію слѣдовали Лихтенштейнъ, Свенсонъ, Эриксонъ и Ричардсонъ. Разрѣзъ отъ Вера Круса до Акапулько, описанный Гумбольдтомъ въ

и образуетъ широкую преграду, перерѣзанную лишь немногими долинами и только у береговъ скаймленную низменною полосой; принявъ эту линію за предѣлъ, препятствующій переселенію видовъ, мы увидимъ, что Америка раздѣлилась на двѣ зоологическія области—на сѣверную и южную, которыя сильно одна отъ другой отличаются. Не многимъ только видамъ удалось пройти черезъ эту преграду, и такихъ животныхъ, какъ напимѣръ пума, двуутробка, кинкажу и пекари, слѣдуетъ считать переселенцами съ Юга. Южная Америка характеризуется многими особенными родами грызуновъ, особымъ семействомъ обезьянъ, ламой, пекари, тапиромъ, двуутробкой и нѣсколькими родами неполнозубыхъ, къ которымъ относятся лѣнивцы, муравьѣды и броненосцы. Съ другой стороны Сѣверная Америка (оставляя въ сторонѣ нѣкоторые колючіе виды) отличается множествомъ ей одной

«Polit. Essay on Kingdom of N. Spain» показываетъ, какую огромную преграду представляетъ мексиканское плоскогорье. Д-ръ Ричардсонъ, въ своей замѣчательной запискѣ о сѣверо-американской фаунѣ, читанной въ Британскомъ Общ. въ 1836 году, (р. 157.), говоря о тождествѣ одного мексиканскаго животного съ видомъ *Syntheres prehensilis*, говоритъ: «Мы не знаемъ на сколько это вѣрно, но во всякомъ случаѣ это чуть-ли не единственный примѣръ существованія грызуна, общаго и Южной, и Сѣверной Америкѣ.»

своиственныхъ грызуновъ и четырьмя родами полорогихъ жвачныхъ, быкъ, овца, коза и антилопа. Изъ этого послѣдняго отряда, сколько мнѣ извѣстно, въ Южной Америкѣ не встрѣчается ни одного вида. Когда-то прежде, но впрочемъ въ томъ періодѣ, когда существовали уже почти всѣ теперешнія раковины, въ Сѣверной Америкѣ, независимо отъ полорогихъ жвачныхъ, водились слонъ, мастодонтъ, лошадь и три рода неполнозубыхъ, а именно мегатерій, мегалониксъ и милодонъ. Почти въ тотъ же самый періодъ (что доказываютъ раковины въ Баіа Бланка) тѣ-же самыя формы, т. е. мастодонтъ, лошадь, полорогія жвачныя, тѣ-же три вида неполнозубыхъ (и кромѣ того нѣсколькихъ другихъ), жили и въ Южной Америкѣ. Отсюда явно вытекаетъ что въ сравнительно недавній геологическій періодъ, Сѣверная и Южная Америка стояли ближе другъ къ другу по характеру своихъ земныхъ обитателей, чѣмъ теперь. Чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ фактѣ, тѣмъ онъ кажется мнѣ интереснѣе. Кажется нѣтъ другаго случая, гдѣ-бы такъ опредѣленно обозначались и эпоха, и способъ распадѣнія большаго материка на двѣ характерныя зоологическія области. Геологъ, находясь подъ впечатлѣніемъ постоянныхъ колебаній земной коры въ послѣдніе періоды, не задумался бы приписать причину теперешняго зоологическаго раздѣленія Сѣверной и

Южной Америки, или поднятію мекхиканской плоской возвышенности или, что вѣроятнѣе, пониженію материка въ Вестъ-Индскомъ архипелагѣ. Южно-Американскій характеръ Вестъ-Индскихъ млекопитающихъ *) указываетъ на прежнее соединеніе этихъ острововъ съ материкомъ и на послѣдующее ихъ положеніе.

Въ тѣ времена, когда Америка, и преимущественно Сѣверная, была населена слонами, мастодонтами, лошадьми и полорогими жвачными, она въ зоологическомъ отношеніи гораздо ближе подходила къ умѣреннымъ частямъ Европы и Азіи, чѣмъ теперь. Такъ какъ остатки всѣхъ этихъ родовъ находятся по обѣимъ сторонамъ Берингова пролива *) и въ равнинахъ Сибири, то мы должны смотрѣть на сѣверо-западную часть Сѣверной Америки, какъ

*) См. Д-ра Ричардсона «Report», стр. 157; также L'Institut 1837. стр. 253. Кювье говоритъ, что кинкажу встрѣчается на большихъ Антильскихъ островахъ, но это сомнительно. Г. Жерве утверждаетъ, что на нихъ живутъ двуутробки (*Didelphis sanguinea*). Извѣстно, что въ Вестъ-Индіи существуетъ нѣсколько млекопитающихъ, свойственныхъ только ей. Зубъ мастодонта былъ привезенъ изъ Багамы: Edin. New Phil. Journ. 1826. p. 395.

*) См. превосходное дополненіе доктора Беклеяда къ путешествію Бичи (Beeshey); также статьи Шамиссо въ путешествіи Коцебу.

на прежнюю точку соединенія Стараго съ такъ называемымъ Новымъ Свѣтомъ. Кромѣ того, такъ какъ множество и живущихъ еще и уже отжившихъ видовъ этихъ родовъ, жили, въ Старомъ Свѣтѣ и прежде и живутъ нынѣ, то, весьма вѣроятно, что сѣверо-американскіе слоны, мастодонты, лошадь и полорогія жвачныя переселились изъ Сибири въ Сѣверную Америку черезъ ту полосу земли, которая нынѣ у Берингова пролива находится подъ водою; потомъ изъ Сѣверной Америки черезъ сушу, впоследствии также потопленную моремъ, они распространились въ Вестъ-Индію, а затѣмъ перешли въ Южную Америку; здѣсь на нѣкоторое время, смѣшались съ видами они свойственными южному матеріку, и наконецъ исчезли.

Во время странствованія моего по этой странѣ мнѣ не разъ случалось слышать описанія послѣдствій недавней большой засухи. Приведу ихъ вкратцѣ, потому что описанія эти объясняютъ отчасти причины, слѣдствіе которыхъ огромное количество всякихъ животныхъ бываетъ найдено погребеннымъ вмѣстѣ. Періодъ времени отъ 1827 до 1830 года называется здѣсь великой засухой, «*gran seco.*» Въ это время выпадало такъ мало дождя, что погибли всѣ растенія, даже чертополохъ. Рѣчки совершенно высохли, и вся страна приняла видъ пыльной большой дороги. Засуха была особенно сильна въ

сѣверной части провинці Буэносъ Айреса и въ южной части Санта-Фе. Множество птицъ, дивихъ звѣрей, рогатаго скота и лошадей погибло тогда отъ недостатка пищи и воды. Одинъ тамошній житель рассказывалъ мнѣ, что къ колодцу, который онъ принужденъ былъ вырыть у себя на дворѣ для снабженія водою своего семейства, приходили дикія козы *); а въ полѣ куропатки такъ ослабѣли, что едва имѣли силу улетать отъ охотниковъ. По самому умѣренному расчету въ одной провинці Буэносъ Айресъ пало до милліона головъ рогатаго скота. У одного владѣльца въ С. Педро было до этого времени до 20,000 штукъ скота, а подъ конецъ засухи не осталось ни одного животного. С. Петро лежитъ въ центрѣ самой пре-

*) Въ путешествіи капитана Оуэна (томъ II, стр. 274) есть любопытный рассказъ о вліяніи засухи на слоновъ въ Бенгуэлѣ (на западномъ берегу Африки). «Недавно эти животныя большими толпами входили въ городъ и старались овладѣть колодцами, такъ какъ въ окрестностяхъ нельзя было найдти ни капли воды. Жители собрались въ кучу, произошла отчаянная борьба и, хотя слоновъ вытѣснили, но они успѣли таки убить одного человѣка и многихъ ранили.» А въ этомъ городѣ считается до трехъ тысячъ жителей! Д-ръ Малькольмсонъ говорилъ мнѣ, что при Элморѣ, въ Индіи во время засухи дикіе звѣри входили въ лагерныя палатки, и разъ заяцъ пилъ изъ чашки, которую поднесъ ему адъютантъ полка.

лестной мѣстности и въ настоящее время снова богатъ животными, но подъ конецъ великой засухи туда должны были подвозить на корабляхъ скоть для пропитанія жителей. Животныя убѣгали изъ фермъ и, направляясь къ югу, скоплялись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ такомъ количествѣ, что изъ Буэносъ-Айреса была выслана коммисія для разбирательства возникшихъ по поводу этого споровъ между владѣльцами. Сэръ Вудбейнъ Перишъ рассказывалъ мнѣ еще объ одномъ любопытномъ поводѣ къ тяжбамъ: отъ продолжительной засухи на землѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нанесено было столько пыли, что поземельныя межи были совершенно изглажены, и владѣльцы не могли разобрать границъ своихъ земель.

Я слышалъ отъ очевидца, что скоть тысячами бросался въ Парану, истомленный голодомъ не имѣлъ силъ выбраться на ея грязные берега и тонулъ. Рукавъ рѣки, протекающей у С. Педро, былъ такъ запруженъ гниющими трупами, что по словамъ хозяина одного корабля по рѣкѣ нельзя было плыть отъ вони. Нѣтъ сомнѣнiя, что такимъ образомъ погибли въ рѣкѣ сотни тысячъ животныхъ; ихъ гниющіе трупы неслись ея волнами, и многіе изъ нихъ вѣроятно попали на дно устьевъ Ла Платы. Въ маленькихъ рѣчкахъ вода сдѣлалась чрезвычайно солоная, и это было также причиной смертности въ

различныхъ мѣстахъ, потому что такая вода не утоляетъ жажды. Авара описываетъ *), съ какой яростью бросаются въ этихъ случаяхъ дикія лошади въ болото, опрокидывая и давя другъ друга. Онъ прибавляетъ, что не разъ видѣлъ болѣе тысячи труповъ въ одномъ мѣстѣ. Я замѣтилъ, что въ пампасахъ дно маленькихъ рѣчекъ устлано костями, но этотъ слой образовался вѣроятно постепенно, а не вслѣдствіе единовременно развившейся смертности. Вслѣдъ за засухой 1827—32 годовъ послѣдовалъ періодъ сильныхъ дождей, причинившій большія наводненія. Поэтому чрезвычайно вѣроятно, что многія тысячи скелетовъ погреблись въ наносной землѣ на слѣдующій-же годъ. Что подумалъ бы геологъ при видѣ такого огромнаго скопленія костей животныхъ всевозможныхъ видовъ и возрастовъ, погребенныхъ въ толстомъ слой земли? Онъ конечно скорѣе приписалъ бы это явленіе дѣйствию потопа, прошедшаго по материку, чѣмъ обыкновенному порядку вещей. **)

*) Travels, vol. I, p. 374.

**) Повидимому, эти засухи до извѣстной степени повторяются періодически. Мнѣ называли года нѣсколькихъ другихъ засухъ, и между всѣми ими были промежутки около пятнадцати лѣтъ.

12 октября. Я имѣлъ намѣреніе продолжать далѣе мои странствованія, но нездоровье заставило меня вернуться на баландрѣ, т. е. на одномачтовомъ суднѣ, поднимавшемъ около ста тоннъ, которое шло въ Буэносъ Айресъ. Такъ какъ погода была дурная, то мы притянулись канатомъ къ дереву на одномъ изъ острововъ. Парана вообще очень богата островами, которые то исчезаютъ, то вновь появляются. На памяти хозяина судна въ ней исчезло много большихъ острововъ, и много образовалось новыхъ, уже покрывшихся растительностью. Грунтъ этихъ острововъ состоитъ изъ грязнаго песку, безъ всякой примѣси голышей, и поверхность ихъ во время нашего плаванья стояла почти на четыре фута надъ уровнемъ рѣки; но во время періодическихъ разливовъ Параны они постоянно затопляются. Всѣ эти острова имѣютъ одинъ общій характеръ: многочисленныя ивы и нѣсколько другихъ деревьевъ переплетены между собою различными ползучими растеніями, и все вмѣстѣ образуетъ густую чащу. Въ такихъ заростяхъ водятся обыкновенно рѣчные свинки и ягуары. Страхъ, внушаемый послѣднимъ животнымъ, отбиваетъ всякую охоту продираться сквозь эти лѣса. Въ этотъ вечеръ я прошелъ не болѣе ста ярдовъ по острову, какъ уже увидѣлъ несомнѣнные и свѣжіе слѣды тигра, такъ что принужденъ былъ тотчасъ вернуться. На

каждомъ островѣ встрѣчаются эти слѣды, и какъ въ прежнихъ путешествіяхъ разговоръ постоянно шелъ объ слѣдахъ индѣйцевъ, такъ здѣсь только и слышишь, что о слѣдахъ тигровъ.

Повидимому, любимымъ мѣстопребываніемъ ягуаровъ служатъ лѣсистые берега большихъ рѣкъ; но я слышалъ, что къ югу отъ рѣки Ла Платы они живутъ въ тростникахъ по берегамъ озеръ; вода составляетъ необходимое условіе ихъ существованія. Обыкновенной пищей служить имъ рѣчная свинка; поэтому здѣсь говорятъ, что гдѣ много этихъ свинокъ, тамъ мало опасности отъ ягуаровъ; Фальконеръ увѣряетъ, что близъ южной стороны устья Ла Платы водится много ягуаровъ и что они питаются преимущественно рыбою; и отъ другихъ я нѣсколько разъ слышалъ тоже. На Паранѣ они разтерзали много дровосѣковъ и даже приходили ночью на суда. Теперь еще живетъ въ Бахадѣ человекъ, который, влѣзая однажды съ рѣки на корабль въ темнотѣ, былъ схваченъ на палубѣ ягуаромъ; однако онъ спасся, заплатившись только рукой. Когда разливъ гонитъ этихъ животныхъ съ острововъ, они дѣлаются всего опаснѣе. Мнѣ рассказывали, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Санта-Фе ягуаръ забрался какъ то въ церковь; два патера, взошедшіе туда одинъ за другимъ, были

растерзаны, а третій, который пришелъ посмотреть, что съ ними случилось, едва спасся. Звѣря убили выстрѣломъ изъ за угла зданія, разобравъ часть крыши. Въ это же время ягуары производятъ страшныя опустошенія между рогатымъ скотомъ и лошадьми. Говорятъ, что они убиваютъ добычу, переламывая животному шею. Если ихъ отогнать отъ трупа, то они очень рѣдко возвращаются къ нему. Гаухосы говорятъ, что при ночныхъ странствованіяхъ ягуара сильно беспокоятъ лисицы, бѣгающія за нимъ съ тявканьемъ. Это любопытное совпаденіе съ общеизвѣстнымъ фактомъ, что въ Восточной Индіи тигръ точно также обязательно сопровождается шакалами. Ягуаръ беспокойное животное; онъ реветъ по цѣлымъ ночамъ, особенно передъ дурной погодой.

Однажды на охотѣ на берегахъ Уругвая мнѣ показали деревья, къ которымъ постоянно приходятъ ягуары, чтобы, какъ говорятъ, точить объ нихъ свои когти. Это были три очень обыкновенныя дерева; спереди у нихъ кора была совершенно гладкая, какъ будто отполированная грудью животныхъ, а по обѣимъ сторонамъ находились глубокія царапины или, вѣрнѣе, углубленія, идущія наискось около ярда въ длину. Рубцы были не одинаковой свѣжести. Чтобы узнать, нѣтъ-ли гдѣ по близости ягуаровъ, туземцы обыкновенно приходятъ за справ-

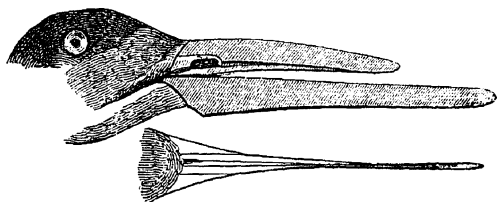
ками къ этимъ деревьямъ. Я думаю, что эта привычка ягуара должна быть совершенно сходна съ обыкновеніемъ нашей домашней кошки, которая, какъ мы каждый день можемъ наблюдать, вытянувъ лапки и выпустивъ когти, царапаетъ ножки стульевъ. Я слыхалъ также, что въ одномъ фруктовомъ саду въ Англіи многія молодыя деревья такимъ образомъ пострадали отъ кошачьихъ когтей. Вѣроятно такая же привычка есть и у пумы; я видѣлъ неразъ на твердой землѣ Патагоніи такія глубокія борозды, что ни какое другое животное не могло бы ихъ сдѣлать. Цѣль этого обыкновенія состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы обрывать расщепившіеся кончики когтей, а не точить ихъ, какъ говорятъ гаухось. Убить ягуара довольно легко; для этого его обыкновенно загоняютъ собаками на дерево, гдѣ разстрѣливаютъ пулями.

Дурная погода задержала насъ на два дня у нашей стоянки. Единственнымъ развлеченіемъ была ловля рыбы къ обѣду; рыба была различная и очень вкусная. Одна, называемая армадо (изъ сомовыхъ), замѣчательна по рѣзкому скребущему звуку, который она производитъ, когда ее поймаютъ на крючокъ; этотъ шумъ можно слышать даже, когда рыба еще подъ водой. Она имѣетъ также способность крѣпко захватывать какойнибудь предметъ, напримѣръ плоскую

часть весла или удочку, крѣпкой иглой, находящейся у ней на грудномъ и спинномъ плавникахъ. — Вечеръ былъ совершенно тропическій; термометръ стоялъ на 79°. Свѣтящіяся насѣкомыя летали кругомъ, а москиты беспокоили очень сильно. Я выставилъ руку на пять минутъ, и она тотчасъ почернѣла отъ насѣвшихъ на нее насѣкомыхъ; я думаю ихъ было по крайней мѣрѣ пятьдесятъ штукъ, жадно сосавшихъ мою кровь.

15 октября. Мы отправились въ путь и проплыли мимо Пунта Горда, гдѣ находится колонія мирныхъ индѣйцевъ изъ провинціи Миссіонеръ. Мы быстро плыли внизъ по теченію, но передъ захожденіемъ солнца изъ страннаго опасенія дурной погоды вошли въ узкій рукавъ рѣки. Я сѣлъ въ лодку и поѣхалъ вверхъ по этому рукаву. Онъ былъ узкій, извилистый и очень глубокій. Съ каждой стороны возвышалась стѣна, въ тридцать или сорокъ футовъ вышины, состоявшая изъ деревьевъ, переплетенныхъ ползучими растеніями. Все вмѣстѣ придавало этому протоку какой то особенно мрачный характеръ. Здѣсь я видѣлъ очень замѣчательную птицу, называемую ножеклювомъ (*Rhynchops nigra*). У этой птицы короткія перепончатопалыя ноги и длинныя заостренныя крылья; ростомъ она не больше крачки. Клювъ ея съ боковъ сплюснутъ, т. е. сдавленъ

въ плоскости перпендикулярной къ той, въ которой онъ сдавленъ у колпицы или утки. Клювъ этотъ такъ же плоскъ, и упругъ какъ ножъ изъ слоновой кости, которымъ рѣжутъ бумагу,

а нижняя челюсть, въ противоположность всеѣмъ другимъ птицамъ, въ полтора дюйма длиннѣе верхней. Въ окрестностяхъ Мальдонадо, на озерѣ почти пересохшемъ и въ которомъ слѣдовательно кишѣло множество мелкой рыбы, я видѣлъ много этихъ птицъ, летавшихъ небольшими стаями взадъ и впередъ надъ самой поверхностью воды. Клювъ ихъ былъ широко раскрытъ, и нижняя челюсть на половину запущена въ воду. Касаясь поверхности воды, онѣ бороздили ее своимъ полетомъ, и такъ какъ озеро было совершенно покойно, то было любопытно слѣдить, какъ каждая птица оставляла узкую борозду на зеркальной поверхности его. Часто на лету ножеклювы чрезвычайно быстро перевертываются и своей выдающейся нижней челюстью проворно подхватываютъ маленькую рыбку, придерживая ее верхней и болѣе короткой половиной клюва, который

очень похожъ на ножницы. Я это видѣлъ много разъ, пока онѣ, подобно ласточкамъ, безпрестанно проносились мимо меня взадъ и впередъ. Иногда, оставляя поверхность воды, онѣ начинаютъ летать стремительнымъ, неправильнымъ и быстрымъ полетомъ, и въ это время испускаютъ громкіе, рѣзкіе крики. Когда эти птицы ловятъ рыбу, то длинные перья ихъ крыльевъ очевидно помогаютъ имъ оставаться сухими и тѣмъ конечно доставляютъ очень важное преимущество. Когда онѣ такимъ образомъ летаютъ и ловятъ рыбу, то общій видъ ихъ напоминаетъ чайку — этотъ типическій образъ морскихъ птицъ, такъ часто воспроизводимый живописцами. Хвостъ много помогаетъ имъ къ поддержанію равновѣсія во время неправильнаго и быстрого полета.

Ножеклювы встрѣчаются часто далеко внутри страны, по берегамъ Параны; говорятъ, что они остаются здѣсь впродолженіе всего года и выводятъ дѣтей въ болотахъ. Днемъ они сидятъ стаями на зеленыхъ равнинахъ, неподалеку отъ воды. Во время упомянутой уже якорной стоянки въ одномъ изъ рукавовъ между островами Параны, поздно вечеромъ внезапно появился ножеклювъ. Вода была совершенно спокойна, и множество рыбокъ поднималось со дна. Птица довольно долго скользила по поверхности, летая по обыкновенію неправильно и безпокойно взадъ

и впередъ по узкому протоку, совершенно почернѣвшему отъ приближающейся ночи и отъ тѣни нависшихъ надъ нимъ деревьевъ. Въ Монте Видео я замѣтилъ, что нѣсколько большихъ стай ножеклювовъ сидѣли днемъ на грязныхъ отмеляхъ у входа въ гавань, точно также, какъ на зеленыхъ равнинахъ близъ Параны, и каждый вечеръ отправлялись въ море. Изъ этихъ фактовъ я вывожу заключеніе, что ножеклювъ охотится больше по ночамъ, когда низшія животныя вообще въ большемъ количествѣ поднимаются къ поверхности. Г. Лессонъ рассказываетъ, что самъ видѣлъ, какъ эти птицы открываютъ клювами мактровыя раковины, лежащія въ песчаныхъ отмѣляхъ чилійскаго берега; но я не думаю, чтобы такое обыкновеніе было общераспространеннымъ между ножеклювами, потому что для такой работы клювъ ихъ слишкомъ гибокъ, нижняя челюсть слишкомъ выдается впередъ, ноги коротки, а крылья, напротивъ, черезъ чуръ длинны.

Въ наше плаваніе внизъ по Паранѣ я видѣлъ еще только трехъ птицъ, замѣчательныхъ по своимъ нравамъ. Маленькая птичка въ родѣ зимородка (*Ceryle Americana*) имѣетъ хвостъ болѣе длинный, чѣмъ у европейскаго вида, и потому сидитъ не такъ прямо и натянуто, какъ нашъ зимородокъ. Полетъ его не такъ прямъ и быстръ, какъ полетъ нашего зимородка, ле-

тающего, какъ стрѣла, но скорѣе мягкій и волнистый, какъ у мягкоклювыхъ птицъ. Онъ издаетъ какой то глухой звукъ, похожій на стукъ двухъ камешковъ. Маленькій зеленый попугай съ сѣрою грудью (*Copurus murinus*) гнѣздится, кажется, всего охотнѣе на высокихъ деревьяхъ по островамъ. Гнѣзда поставлены такъ тѣсно другъ подлѣ друга, что составляютъ какъ бы одну сплошную массу прутьиковъ. Эти попугаи всегда живутъ обществами и производятъ большія опустошенія на нивахъ. Мы говорили, что въ Колоніи въ теченіи одного года ихъ убили до 2,500 штукъ.— Другая птица, съ вилообразнымъ хвостомъ, оканчивающимся двумя длинными перьями (*Tyrannus savana*), и называемая у испанцевъ ножницами, очень обыкновенна около Буэносъ Айреса; она большею частью сидитъ на вѣткѣ омбу, около жилья, совершаетъ оттуда самые коротенькіе перелеты, охотясь за какими нибудь насекомыми, и снова возвращается на прежнее мѣсто. На лету она представляетъ нѣкоторое каррикатурное сходство съ ласточкой, дѣлаетъ въ воздухѣ очень быстрые повороты и при этомъ раскрываетъ и закрываетъ свой хвостъ, то горизонтально, то отвѣсно, совершенно какъ ножницы.

16 октября. Нѣсколько льѣ ниже Росаріо западный берегъ Параны окаймленъ отвѣсными скалами, которыя тянутся на большое разстоя-

ніе, кончаясь за Санъ-Николасомъ. Поэтому берега Параны похожи скорѣе на морское побережье, чѣмъ на рѣчное. Общему виду Параны въ значительной степени вредитъ то обстоятельство, что вслѣдствіе мягкости почвы, по которой она проходитъ, вода въ рѣкѣ мутна. Уругвай, текущій по гранитному ложу, несравненно чище; въ томъ мѣстѣ, гдѣ обѣ эти рѣки сливаются, т. е. при началѣ Ла-Платы, можно на довольно большомъ разстояніи различать потоки, по красному и черному цвѣту воды. Вечеромъ подулъ не совсѣмъ благопріятный вѣтеръ, и мы по обыкновенію сейчасъ же стали на якорь; на слѣдующій день поднялся довольно сильный, хотя и попутный вѣтеръ, но хозяинъ по лѣности не намѣревался плыть дальше. Въ Бахадѣ мнѣ ужъ говорили, что этотъ человѣкъ очень не удачливый «*hombre muy of-licto*», но надо сознаться, что онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ переносилъ всякія проволочки. Это былъ старый испанецъ, уже давно поселившійся въ этой странѣ. Онъ говорилъ, что очень любитъ англичанъ, но въ то же время непреклонно утверждалъ, что въ битвѣ при Трафальгарѣ побѣда только потому досталась англичанамъ, что испанскіе офицеры были всѣ подкуплены, и что единственный молодецкій поступокъ въ этомъ дѣлѣ совершенъ былъ также испанскимъ адмираломъ. Какая поразительная

и характерная черта: этому человѣку легче было предположить, что его соотечественники поступили какъ отъявленные измѣнники, нежели усумниться въ ихъ искусствѣ или храбрости!

18 и 19. Мы медленно продолжали спускаться по величественной рѣкѣ; теченье почти вовсе не помогало намъ. На встрѣчу попадалось очень мало судовъ. Здѣсь добровольно отвергають одинъ изъ лучшихъ даровъ природы — рѣку, по которой свободно могутъ ходить корабли; этотъ превосходный путь соединяетъ здѣсь, какъ нарочно, страну умѣренную, богатую одними продуктами и поразительно бѣдную другими, съ другою страной, которая пользуется тропическимъ климатомъ и имѣетъ почву, едва ли не самую плодородную въ мірѣ, если вѣрить отзывамъ одного изъ лучшихъ судей въ этомъ дѣлѣ, г. Бонплана. Какъ измѣнился-бы видъ этой рѣки, еслибы счастливая звѣзда англичанъ привела ихъ съ самаго начала въ устья Ла-Платы! Какіе великолѣпные города стояли бы теперь по берегамъ! Покуда будетъ живъ Франсіа, диктаторъ Парагвая, между этими странами будетъ также мало общаго, какъ будто онѣ лежатъ въ противоположныхъ полушаріяхъ. А когда этотъ старый, кровожадный тиранъ отправится на тотъ свѣтъ, Парагвай начнетъ переживать рядъ революцій, тѣмъ бо-

лѣе ужасныхъ, что страна такъ долго пребываетъ въ неестественномъ покоѣ. Тогда-то эта область, подобно всѣмъ остальнымъ южно-американскимъ государствамъ, должна будетъ убѣдиться, что республика не можетъ прочно существовать до тѣхъ поръ, пока не разовьется въ ней достаточнаго числа людей, глубоко проникнутыхъ чувствомъ чести и справедливости.

20 октября. Достигнувъ устья Параны, я высадился на берегъ въ Ласъ-Кончасъ съ тѣмъ, чтобы отсюда ѣхать верхомъ въ Буэносъ-Айресъ, куда мнѣ хотѣлось поскорѣе попасть. Вышедши на берегъ, я съ величайшимъ удивленіемъ узналъ, что нахожусь до нѣкоторой степени въ плѣну. Въ мое отсутствіе здѣсь успѣла вспыхнуть сильная революція, и всѣ порты были объявлены въ осадномъ положеніи. Возвратиться на корабль не было возможности, а о томъ, чтобы ѣхать сухимъ путемъ, не могло быть и рѣчи. Послѣ долгаго совѣщанія съ начальникомъ этого пункта, я получилъ позволеніе отправиться на слѣдующій день къ генералу Ролору, командовавшему войсками инсургентовъ по сию сторону столицы. Утромъ я поѣхалъ верхомъ въ лагерь. Генераль, офицеры и солдаты казались, да я думаю и были на самомъ дѣлѣ, большими негодяями. Этотъ самый генераль, наканунѣ того дня какъ оставилъ городъ, добровольно приходилъ къ губернатору и, приложивъ руку къ серд-

ду честью завѣрять, что до конца останется ему вѣренъ. Онъ сказалъ мнѣ, что городъ въ строгомъ осадномъ положеніи, и самъ онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать, какъ только дать мнѣ паспортъ на проѣздъ къ главному начальнику инсургентовъ въ Квильмесь. Предстояло сдѣлать порядочный крюкъ, чтобы объѣхать городъ; лошадей мы достали съ величайшимъ трудомъ. Въ лагерь меня приняли чрезвычайно вѣжливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказали, что не могутъ позволить мнѣ въѣхать въ городъ. Это меня очень встревожило; я боялся, что «Бигль» уйдетъ изъ устьевъ Ла-Платы раньше, чѣмъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Но когда я въ разговорѣ случайно упомянулъ о любезности, съ которой генералъ Розасъ бесѣдовалъ со мною у Рио-Колорадо, то дѣла мои въ одно мгновеніе пока приняли иной оборотъ. Мнѣ сказали, что, хотя не могутъ дать мнѣ паспортъ, но если я соглашусь расстаться съ проводникомъ и лошадьми, то меня немедленно пропустятъ черезъ цѣпь. Я конечно и этому обрадовался, и мнѣ дали въ спутники офицера, который долженъ былъ распорядиться, чтобы меня не задержали на мосту. По дорогѣ, на разстояніи цѣлаго льѣ, не было ни души. Потомъ встрѣтился намъ отрядъ солдатъ, которые удовольствовались тѣмъ, что съ важностью осмотрѣли мой старый паспортъ; затѣмъ, къ

великому моему удовольствію, я очутился въ городѣ.

Эта революція едвали была вызвана серьезными мотивами; но въ государствѣ, гдѣ въ теченіе девяти мѣсяцевъ (отъ февраля до октября 1820 г.) перебивало пятнадцать правителей, не смотря на то, что по смыслу конституціи каждый правитель избирается на три года, въ такомъ государствѣ, говорю я, странно было бы ожидать серьезныхъ мотивовъ. Такъ, въ эту революцію человекъ семьдесятъ приверженцевъ генерала Розаса, недовольныхъ тогдашнимъ губернаторомъ Балькарсе, вышли изъ города и, возглашая имя генерала Розаса, подняли на ноги всю страну. Тогда городъ со всѣхъ сторонъ окружили и отрѣзали привозъ въ него съѣстныхъ припасовъ, скота и лошадей. Кромѣ того подъ городомъ происходили ежедневно маленькія стычки, при чемъ обыкновенно убивали нѣсколько человекъ. Блокирующія войска очень хорошо знали, что если подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ городъ прекратится, то побѣда на ихъ сторонѣ. Генералъ Розасъ не могъ знать объ этомъ возстаніи, но, повидимому, оно совершенно согласовалось съ планами его партіи. Годъ тому назадъ его выбрали губернаторомъ, но онъ отказался принять этотъ титулъ, пока палата не предоставитъ ему неограниченную власть. На это требованіе пала-

та не согласилась, и съ тѣхъ поръ партія его старается доказать, что ни какой другой губернаторъ не удержится на мѣстѣ. Военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ намѣренно затягивались до тѣхъ поръ, пока прійдетъ какое нибудь извѣстіе отъ Розаса. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего отъѣзда изъ Буэносъ Айреса пришло извѣстіе, что генераль, хотя и недоволенъ нарушеніемъ порядка, но полагаетъ, что инсургенты правы. Получивъ такое заявленіе, губернаторъ, министры и часть войска, числомъ до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, немедленно бѣжали изъ города. Тогда инсургенты вошли въ него, избрали новаго губернатора и за заслуги отечеству роздали награды 5,500 человѣкамъ. Изъ всего этого ясно, что рано или поздно Розасъ сдѣлается дикраторомъ: въ этой странѣ, какъ и въ другихъ республикахъ, народъ имѣетъ особенное отвращеніе къ титулу короля. Оставивъ Южную Америку, мы слышали, что Розасъ былъ избранъ съ особенными правилами и на такой срокъ, который стоялъ въ ясномъ противорѣчій съ конституціонными основами республики.

ГЛАВА VIII.

Поѣздка въ Колоніа-дель-Сакраменто. — Оцѣнка одной фермы. — Способъ счисленія домашняго скота. — Замѣчательная порода быковъ. — Продыравленные голыши. — Овчарки. — Выѣздка лошадей. — Гаухосы какъ наѣзники. — Нравы жителей. — Ріо Плата. — Стаи бабочекъ. — Пауки-воздухоплаватели. — Фосфоричность моря. — Портъ Дезире. — Гуанако. — Портъ Санъ Хуліанъ. — Строеніе почвы Патагоніи. — Ископаемые остатки гигантскаго животнаго. — Постоянство типовъ организаціи. — Измѣненія въ фаунѣ Америки. — Причины исчезновенія породъ.

Банда Оріенталь и Патагонія.

Меня задержали въ городѣ почти двѣ недѣли, и я былъ до нельзя радъ вырваться изъ него на почтовомъ кораблѣ, шедшемъ въ Монте Видео. Жить въ осажденномъ городѣ вообще непріятно; здѣсь же къ этому присоединялись постоянныя опасенія разбойниковъ внутри города. Часовые занимали въ этомъ отношеніи

первое мѣсто; имѣя оружіе въ рукахъ и пользуясь своимъ официальнымъ положеніемъ, они грядутъ съ такимъ сознаниемъ своего права, которому другіе конечно подражать не могутъ.

Нашъ переѣздъ былъ очень продолжителенъ и скученъ. Устье Ла Платы на картѣ имѣетъ видъ великолѣпнаго залива, но на дѣлѣ оно вовсе не привлекательно. Большая поверхность грязной воды не имѣетъ ничего ни величественнаго, ни красиваго. Одинъ разъ въ продолженіе дня можно было разсмотрѣть съ палубы оба берега рѣки, которые очень низменны. Приѣхавъ въ Монте Видео, я узналъ, что Бигль, останется еще нѣсколько времени въ гавани, и потому тотчасъ собрался совершить еще маленькую поѣздку по этой части Банды-Ориенталь. Все, что я говорилъ о мѣстности, окружающей Мальдонадо, вполне приложимо и къ окрестностямъ Монте-Видео; разница только въ томъ, что здѣсь страна, за исключеніемъ Зеленой Горы, высотой въ 450 футовъ, еще болѣе плоска. Волнистыхъ зеленыхъ холмовъ встрѣчается очень мало, но въ окрестностяхъ города есть нѣсколько возвышеній, покрытыхъ алоэ, укропомъ и кактусами.

14 ноября. — Мы выѣхали изъ Монте Видео послѣ полудня. Я намѣревался проѣхать въ Колоніа-дель-Сакраменто, лежащую на сѣверномъ берегу Ла Платы, насупротивъ Буэносъ

Айреса; а оттуда по Уругваю въ мѣстечко Мерседесъ на Ріо Негро (одной изъ многихъ южно-американскихъ рѣкъ этого имени); изъ этого же мѣста я хотѣлъ вернуться прямо въ Монте Видео. Мы ночевали въ домѣ моего проводника въ Канелонесѣ. Утромъ поднялись очень рано, чтобы проѣхать побольше, но ожиданія наши не сбылись, потому что всѣ рѣки были въ разливѣ. Пришлось переправляться на лодкахъ черезъ рѣки Канелонесъ, С. Лусіа и Сантъ-Хозе, что заставило насъ потерять не мало времени. Въ прежнюю поѣздку мнѣ пришлось переѣзжать черезъ Лусію около устья ея, и я удивлялся тогда, съ какой легкостью переплыли эту рѣку, шириной по крайней мѣрѣ въ шестьсотъ ярдовъ, наши лошади, вовсе не приученныя къ плаванью. Когда я рассказывалъ объ этомъ въ Монте Видео, мнѣ сказали, что разъ на Ла Платѣ затонуло судно, на которомъ ѣхала труппа акробатовъ съ лошадьми и что одна изъ лошадей проплыла семь миль до берега. Въ этотъ день я съ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ ловко одинъ гаучо заставлялъ плыть по рѣкѣ свою упрямую лошадь. Онъ раздѣлся, вскочилъ ей на спину и ѣхалъ пока она не достала дна ногами. Тогда, соскочивъ съ лошади, гаучо схватилъ ее за хвостъ и, каждый разъ, какъ она хотѣла повернуть назадъ, брызгалъ ей въ морду водой,

заставляя идти впередъ. Едва только лошадь успѣла переплыть на другую сторону, какъ гаухо уже твердо сидѣлъ на ней, держа узду въ рукахъ, и такимъ образомъ въѣхалъ на берегъ. Нагой человѣкъ на неосѣданной лошади очень эффектенъ; я и не воображалъ, чтобы эти два животныя до такой степени гармонировали другъ съ другомъ. Хвостъ лошади оказывается иногда очень полезнымъ придаткомъ: одинъ разъ я переѣзжалъ черезъ рѣку въ лодкѣ съ четырьмя товарищами, и нашу лодку тащила лошадь, именно хвостомъ. Если человѣку съ лошадью приходится переплывать рѣку, то ему лучше всего схватиться одной рукой за сѣдельную луку или за гриву, а другой грести:

На слѣдующій день мы остановились и ночевали на станціи Куфре. Вечеромъ туда пріѣхалъ почтальонъ. Онъ опоздалъ цѣлымъ днемъ, вслѣдствіе разлива Рио-Росарио. Это замедленіе не имѣло однако большаго значенія, потому что, хотя онъ и проѣхалъ черезъ нѣсколько главныхъ городовъ въ Банда Ориенталь, но въ его сумкѣ находилось только два письма. Видъ изъ дома былъ недуренъ: волнистая зеленая поверхность съ далекимъ отблескомъ Ла Платы. Замѣчаю, что въ этотъ разъ эта провинція представляется мнѣ въ совершенно другомъ свѣтѣ, чѣмъ въ первый пріѣздъ. Помню, что тогда она мнѣ казалась чрезвычайно

плоской; теперь же, проѣхавшись по пампасамъ, я даже удивляюсь, какъ могла мнѣ прийти мысль назвать ее плоской. Мѣстность постоянно волнистая, и хотя холмы сами по себѣ не высоки, но въ сравненіи съ равнинами Санта-Фе представляются настоящими горами. Вслѣдствіе неровностей почвы здѣсь множество маленькихъ ручьевъ, и луга богаты свѣжей зеленью.

17 ноября.—Мы переѣхали Росарио, глубокую и быструю рѣку, и черезъ деревню Колла добрались въ полдень до Колоніа дель Сакраменто. Мы сдѣлали двадцать льѣ по мѣстности, покрытой прекрасной травой, но очень бѣдной жителями и скотомъ. Меня пригласили ночевать въ Колоніи и ѣхать на слѣдующій день къ одному владѣльцу фермы, гдѣ было нѣсколько известковыхъ скалъ. Городъ построенъ на каменистомъ мысѣ, почти какъ Монте Видео. Онъ хорошо укрѣпленъ, но въ бразильскую войну сильно пострадали и укрѣпленія, и городъ. Онъ очень старъ, а неправильность улицъ и большія рощи померанцовыхъ и персиковыхъ деревьевъ придаютъ ему много прелести. Церковь представляетъ замѣчательную развалину; она служила пороховымъ магазиномъ, и на нее упала молнія въ одну изъ тѣхъ частыхъ и страшныхъ грозъ, которыя разражаются надъ Ла Платой. Двѣ

трети зданій разлетѣлись тогда въ прахъ, а остальное представляетъ любопытный памятникъ соединенія разрушительныхъ силъ молніи и пороха. Вечеромъ я гулялъ по разрушеннымъ стѣнамъ города. Колонія была главнымъ пунктомъ военныхъ дѣйствій во время бразильской войны — войны, которая была гибельна для страны, не столько по своимъ непосредственнымъ результатамъ, сколько по тому, что создала тѣму генераловъ и другихъ офицерскихъ чиновъ. Въ соединенныхъ провинціяхъ Ла Платы считается (но къ счастью не состоитъ на жалованьи) больше генераловъ, чѣмъ въ соединенныхъ королевствахъ Великобританіи. Эти джентльмены выучились властвовать и никогда не прочь повоевать. Поэтому между ними всегда много господъ, выжидающихъ, какъ бы произвести волненіе и столкнуть правительство, которое до сихъ поръ никакъ не могло утвердиться прочно. Однако, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, я замѣчалъ, что всѣ сильно интересуются выборомъ президента; а это уже хорошій знакъ для будущаго благосостоянія этого маленькаго государства. Отъ представителей здѣсь никто не требуетъ большаго образованія: я слышалъ, какъ нѣсколько чловѣкъ разсуждали здѣсь о качествахъ своихъ представителей; при этомъ говорилось, что «хотя это люди и не очень дѣловые, но каждый изъ нихъ

умѣетъ подписать свое имя». Имъ казалось, что этимъ долженъ довольствоваться всякій разсудительный человѣкъ.

18. — Я отправился съ моимъ хозяиномъ въ его имѣнье въ Арройо де С. Хуанъ. Вечеромъ мы на лошадяхъ объѣхали ферму кругомъ: она тянулась на двѣ съ половиной квадратныхъ лѣ и лежала въ мѣстности, которую здѣсь называютъ ринконъ, т. е. съ одной стороны она была прикрыта Ла Платой, а съ двухъ другихъ протекали ручьи, черезъ которые нельзя было проѣхать. Тутъ была прекрасная гавань для небольшихъ судовъ и много мелкаго лѣса, имѣвшаго немаловажное значеніе въ снабженіи Буэносъ Айреса топливомъ. Мнѣ очень хотѣлось знать цѣну такой отличной фермы. Здѣсь было 3,000 головъ рогатаго скота, но могло прокормиться втрое или вчетверо больше; лошадей было 800, въ томъ числѣ 150 выѣзженныхъ, и 600 овецъ. Вода и известнякъ находились въ изобиліи, домъ былъ прочно выстроенъ, ограды превосходныя и вдобавокъ великолѣпный персиковый садъ. За все это хозяину предлагали 2,000 ливровъ, но ему хотѣлось взять 2,500, хотя онъ вѣроятно уступилъ бы и дешевле. Главные хлопоты хозяйства на фермѣ заключаются въ томъ, чтобы два раза въ недѣлю загонять скотъ въ одно мѣсто, приручать его и пересчитывать. Легко представить

себѣ, что это довольно сложная операція при десяти или пятнадцати тысячахъ головъ скота. При этомъ пользуются главнымъ образомъ привычною рогатаго скота собираться небольшими кучками въ сорокъ или пятьдесятъ штукъ. Каждая кучка распознается по особо отмѣченному животному и такимъ образомъ получается сумма всѣхъ головъ. Если изъ десяти тысячъ потеряется одна кучка, то это сейчасъ замѣтно по отсутствію одного изъ отмѣченныхъ животныхъ. Въ бурную ночь весь скотъ обыкновенно перемѣшивается, но утромъ опять раздѣляется на тѣ же неизмѣнныя кучки. Слѣдовательно, животные отличаютъ своихъ товарищей между десятию тысячами головъ.

Въ этой провинціи я два раза видѣлъ быковъ очень странной породы, называемыхъ н а т а или н ѣ а т а (nata). Судя по наружности, они занимаютъ относительно прочаго рогатаго скота то же мѣсто, какъ наши шавки или бульдоги относительно другихъ собакъ. Лобъ у нихъ низкій и широкій, конецъ носа приподнять нѣсколько кверху, а верхняя губа сильно отогнута назадъ; нижняя челюсть выдается впередъ и также нѣсколько выдается кверху, такъ что зубы всегда видны. Ноздри расположены высоко и очень открыты; глаза на выкатѣ. Находу они опускаютъ голову, сидящую на короткой шеѣ. Заднія ноги относительно перед-

нихъ длиннѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ быковъ. Эти обнаженные зубы, короткія головы и открытыя ноздри, придаютъ имъ очень смѣшное, самоувѣренное и до нельзя надменное выраженіе.

Послѣ моего возвращенія я, благодаря любезности моего друга капитана Сѣливана, добылъ черепъ одного изъ этихъ быковъ и передалъ его въ королевскую хирургическую коллегію *). Донъ Ф. Мюнисъ въ Люхано имѣлъ обязательность собрать для меня всѣ свѣденія, касающіяся этой породы. Изъ нихъ я увидѣлъ, что лѣтъ восемьдесятъ или девяносто тому назадъ этихъ быковъ было здѣсь очень мало, и они держались въ Буэносъ Айресъ какъ рѣдкость. По мнѣнію всѣхъ, они получаютъ отъ индѣйцевъ, живущихъ южнѣ Ла Платы, и составляютъ тамъ самую обыкновенную породу. Тѣ изъ нихъ, которые разведены въ провинціяхъ близкихъ къ Ла Платѣ, до сихъ поръ не сдѣлались совершенно ручными. Дикостью своею они значительно превосходятъ обыкновенный рогатый скотъ, а корова покидаетъ своего перваго теленка, если ее беспокоятъ или слы-

*) Г. Уатергаузъ составилъ подробное описаніе этого черепа, которое, надѣюсь, будетъ напечатано въ какомъ нибудь журналѣ.

комъ часто ходятъ къ ней. Любопытно, что почти такое же уклоненіе отъ обыкновеннаго строенія *), какое мы видимъ въ породѣ нъата, представляетъ (какъ извѣщаетъ меня докторъ Фальконеръ) и исчезнувшій видъ сиватерія, огромнаго жвачнаго Индіи. Порода очень постоянна; быкъ и корова нъата непременно производятъ совершенно подобнаго себѣ теленка. На оборотъ быкъ нъата съ обыкновенной коровой даютъ средній видъ, но характеръ нъата все таки выражается рѣзче. Это, по мнѣнію сеньора Мюниса, служитъ самымъ положительнымъ опроверженіемъ утвердившагося между агрономами мнѣнія, будто корова нъата и обыкновенный быкъ производятъ помѣсь съ болѣе рѣзко выраженнымъ характеромъ нъата, чѣмъ помѣсь быка этой породы съ обыкновенной коровой. Когда трава довольно высока, скотъ этой породы, точно также какъ и обыкновенный, захватываетъ пищу губами; но во время засухи, когда погибаетъ столько животныхъ, нъаты терпятъ больше другихъ; и они могли бы погибнуть, еслибы на нихъ не обращали особен-

*) Такое же уклоненіе въ строеніи, но только не знаю наследственное или нѣтъ, было замѣчено у карпа и у гангескаго крокодила: см. *Histoire des Anomalies*, p. M. Isid. Geoffroy St. Hilaire, tome I, p. 244:

наго вниманія. Обыкновенный скотъ и лошади могутъ кое-какъ кормиться, объѣдая губами молодыя вѣтки деревьевъ и тростниковъ; но нѣаты не могутъ этого дѣлать, такъ какъ ихъ губы не сходятся, и поэтому погибаютъ раньше другихъ. Меня поражаетъ этотъ фактъ, какъ наглядный примѣръ того, до какой степени мы не умѣемъ судить по обыденнымъ случаямъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя въ теченіе долгаго времени обусловливаютъ малочисленность или исчезновеніе породы.

19 ноября. Проѣхавъ черезъ долину Ласъ Вакась, мы ночевали въ домѣ одного сѣвера американца, который обжигалъ известь на Арройо де Ласъ Виворась. Утромъ мы отправились на длинный рѣчной мысъ, называемый Пунта Горда. По дорогѣ старались отыскать ягуара. Было много свѣжихъ слѣдовъ, и мы ходили смотрѣть на деревья, гдѣ они, какъ говорятъ, точатъ когти; но, не смотря на все желаніе, не удалось спугнуть звѣря. Съ этого мѣста Уругвай развертывался передъ нами величественной рѣкой. Прозрачность воды и быстрота теченія дѣлаютъ ее гораздо красивѣе сосѣдней рѣки, Параны. Съ противоположнаго берега нѣсколько рукавовъ Параны впадали въ Уругвай, и при солнечномъ свѣтѣ можно было ясно различать цвѣтъ воды одной рѣки отъ цвѣта другой.

Вечеромъ мы снова пустились въ путь въ направленіи къ Мерседесъ на Ріо Negro. Съ наступленіемъ ночи подъѣхали къ какой-то фермѣ и попросили ночлега. Это была большая ферма въ десять квадратныхъ льё, а владѣлецъ ея одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ странѣ. Имѣннемъ управлялъ племянникъ, а въ гостяхъ у него былъ въ то время капитанъ арміи, бѣжавшій за день передъ тѣмъ изъ Буэносъ Айреса. Разговоръ ихъ, принимая въ соображеніе ихъ положеніе въ свѣтѣ, былъ довольно забавенъ. Они также выражали крайнее удивленіе, услыхавъ, что земля кругла, и почти не хотѣли вѣрить, что, еслибы было можно прорыть всю землю насквозь, то скважина вышла бы на другой сторонѣ земнаго шара. Они слышали однако же про такую страну, гдѣ шесть мѣсяцевъ въ году бываетъ свѣтло, а шесть мѣсяцевъ темно, и гдѣ живутъ люди очень высокіе и худые. Ихъ очень занимало состояніе и цѣна рогатаго скота въ Англіи. Но узнавъ, что мы не ловимъ животныхъ арканомъ, они пренаивно воскликнули: «Ахъ да, вы значитъ употребляете для этого одни шары!» — Понятіе о странѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ моремъ, было для нихъ совершенно ново. Наконецъ капитанъ сказалъ, что ему очень хочется задать мнѣ кое-какіе вопросы, и что онъ будетъ очень благодаренъ, если я отвѣчу ему сущую правду. Я

ужь испугался, чтобы вопросъ не оказался слишкомъ ученымъ, но услыхалъ слѣдующее : « Не правда ли, сказалъ капитанъ, что красивѣе буэносъ-айресскихъ дамъ нѣтъ въ свѣтѣ? » Я съ безсовѣстнымъ ренегатствомъ отвѣчалъ, что это совершенно справедливо. Тогда онъ прибавилъ, что у него заготовленъ еще одинъ вопросъ : « носятъ ли женщины какой нибудь другой страны такіе огромные гребни? » Я торжественно увѣрилъ его, что не носятъ. Это привело обоихъ въ восторгъ. « Слышите, закричалъ капитанъ, человѣкъ; видѣвшій полъ-свѣта подтверждаетъ это! мы хотя всегда такъ думали, но теперь узнали навѣрное. » Мое удивительно-вѣрное сужденіе о красотѣ и о гребняхъ доставило мнѣ самый радужный пріемъ; капитанъ уговорилъ меня даже воспользоваться на ночь его постелью, а самъ легъ на попонѣ своего рекадо.

21. Мы поднялись съ восходомъ солнца и цѣлый день ѣхали тихо. Геологическій характеръ этой части провинціи совершенно особенный и очень близокъ къ характеру пампасовъ. По этому здѣсь простирались необозримыя поля чертополоха и кардона; можно бы было даже назвать всю мѣстность сплошною заростью этихъ растений. Оба вида росли отдѣльно, каждый въ своемъ кругу. Кардонъ доходитъ до лошадиной спины, но чертополохъ пампасовъ часто выше головы всадника. Нельзя и думать о томъ,

чтобы хотя на одинъ ярдъ съѣхать съ дороги; даже самая дорога иногда зарастаетъ. Разумѣется, здѣсь уже нѣтъ пастбищъ. Если лошадь или рогатый скотъ какъ нибудь попадетъ въ этотъ лѣсъ, то на время совершенно пропадаетъ. Поэтому очень трудно пасти скотъ въ это время года; если его загнать въ такое мѣсто, откуда видны поля чертополоха, то животныя бросаются туда и мигомъ исчезаютъ. Въ этой мѣстности очень мало фермъ, и эти немногія лежатъ близъ сырыхъ долинъ, гдѣ къ счастью не могутъ расти эти растенія, отъ которыхъ все глохнетъ. Ночь застигла насъ прежде, чѣмъ мы добрались до цѣли нашего путешествія, и мы были принуждены ночевать въ какой-то жалкой лачугѣ, гдѣ жили очень бѣдные люди. Чрезвычайная, хотя нѣсколько церемонная, любезность хозяина и хозяйки, при бѣдности ихъ, очаровала меня.

22 ноября. Приѣхали къ фермѣ на Берквело, принадлежащей очень радушному англичанину, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо отъ моего пріятели г. Ломба. Я провелъ здѣсь три дня. Однажды утромъ я поѣхалъ съ своимъ хозяиномъ къ Сьерра дель Педро Флако, около двадцати миль вверхъ по Ріо Negro. Почти вся мѣстность была покрыта хорошей, хотя грубой, травой, доходившей лошадямъ до живота; и однако на пространствѣ цѣлыхъ квадратныхъ

лѣ не попадалось намъ ни одной штуки рога-
таго скота. Еслибы провинція Банда Оріенталь
была достаточно населена, она могла бы про-
кормить громадное количество животныхъ; да-
же теперь годичный вывозъ шкуръ изъ Монте
Видео доходитъ до трехсотъ тысячъ штукъ,
а внутри страны ихъ пропадаетъ даромъ
очень значительное количество. Одинъ земле-
владѣлецъ говорилъ мнѣ, что ему много разъ
приходилось посылать на дальнее растояніе боль-
шія партіи скота въ заведеніе, гдѣ пригото-
вляють солонину. Уставшихъ животныхъ часто
приходилось убивать на дорогѣ, но невозможно
было убѣдить гаухосовъ употреблять ихъ мясо
въ пищу: они каждый день требовали на ужинъ
свѣжее животное. Видъ на Ріо Негро съ горы
былъ живописнѣе всѣхъ, которые я видѣлъ въ
этой провинціи. Широкая, глубокая и быстрая
рѣка вилась у подошвы крутаго утеса; поясъ
лѣса простирался за ея изгибами, а горизонтъ
кончался зыбью зеленой равнины.

Въ этихъ мѣстахъ я нѣсколько разъ слышалъ
о Сіерра де Ласъ Куэнтесъ, — гора лежащая на
много миль къ сѣверу. Названіе ея значитъ
бусовая гора. Меня увѣряли, что на ней
находится множество маленькихъ круглыхъ ка-
меньевъ различныхъ цвѣтовъ, съ цилиндриче-
скимъ отверстіемъ внутри. Прежде индѣйцы
собирали ихъ и дѣлали ожерелья и браслеты—

вкусъ, замѣчу мимоходомъ, общій, какъ всѣмъ дикимъ, такъ и самымъ цивилизованнымъ націямъ. Я не зналъ, какъ понимать эти рассказы. Впослѣдствіи я говорилъ объ этомъ съ докторомъ А. Смитомъ на мысѣ Доброй Надежды, и онъ припомнилъ, что на юго-восточномъ берегу Африки, около ста миль къ востоку отъ рѣки Ст. Джонъ, находилъ въ морскомъ пескѣ кристаллы кварца съ гранями, явственно при-тупленными треніемъ. Каждый кристаллъ имѣлъ до пяти линій въ діаметрѣ и отъ одного до полутора дюйма въ длину. Многіе изъ нихъ были продыравлены насквозь, совершенно цилиндрическимъ каналомъ такой ширины, что можно было продѣть въ него толстую нитку или струну. Цвѣтомъ они были красные или мутно-бѣлые. Туземцамъ они очень хорошо извѣстны. Я упомянулъ объ этомъ обстоятельстве ради того, чтобы будущій путешественникъ имѣлъ возможность опредѣлить точнѣе природу этихъ камней, такъ какъ въ настоящее время неизвѣстно ни одного случая, гдѣ бы кристаллическое тѣло принимало такую форму.

Во время моего пребыванія на этой фермѣ меня очень забавляли пастушьи собаки и рассказы объ нихъ *). Когда ѣдешь верхомъ, очень

*) А. д'Орбиньи почти точно также рассказываетъ объ этихъ собакахъ. Томъ I, стр. 175.

часто видишь, что цѣлое стадо овецъ пасеть одна или двѣ собаки на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ жилья. Я часто удивлялся, какъ могла установиться между этими животными такая тѣсная дружба. Способъ дрессированія собакъ состоитъ въ томъ, что ихъ, еще маленькими щенятами отнимаютъ отъ матери и приучаютъ къ будущимъ товарищамъ. Щенку даютъ сосать три или четыре раза въ день овцу, и кромѣ того дѣлаютъ ему въ овчарнѣ родъ гнѣзда изъ овечьей шерсти. Ему никогда не даютъ играть ни съ другими собаками, ни даже съ хозяйскими дѣтьми. Щенка сверхъ того обыкновенно холостятъ, такъ что, когда онъ вырастаетъ, въ немъ вѣроятно не остается никакого стремленія къ своей породѣ. Собакѣ, воспитанной такимъ образомъ, конечно не можетъ прійти охота покинуть стадо, и она будетъ защищать овецъ точно также, какъ всякая другая собака защищаетъ своего хозяина, человѣка. Забавно смотрѣть, какъ собака засуетится и залаетъ, когда кто нибудь подойдетъ къ стаду; а овцы тогда сбиваются въ кучу и прячутся за собаку какъ за старѣйшаго въ родѣ. Этихъ собакъ легко научить загонять стадо въ опредѣленную часть дома. Въ молодости онѣ часто грѣшатъ желаніемъ поиграть съ овцами и, увлекаясь такой невинной забавой, иногда безпощадно гоняютъ своихъ бѣдныхъ подданныхъ.

Овчарки приходятъ каждый день къ дому за говядиной, и какъ только получаютъ кусокъ, поспѣшно убѣгають, точно имъ совѣстно. Въ этихъ случаяхъ домашнія собаки къ нимъ безжалостны, и самая маленькая дворняшка всегда нападетъ на пришельца и непременно кинется преслѣдовать его. Но зато, какъ только овчарка добѣжитъ до своего стада и, обернувшись, начнетъ лаять, преслѣдователи со всѣхъ ногъ бросаются домой. Цѣлая свора голодныхъ дикихъ собакъ едвали (мнѣ говорили даже, что этого никогда не бываетъ) рѣшится напасть на стадо, охраняемое овчаркой. Все это кажется мнѣ любопытнымъ примѣромъ собачьей преданности. Кромѣ того и въ дикомъ состояніи, и во всѣхъ степеняхъ цивилизаціи, собака питаетъ чувство уваженія или страха ко всѣмъ животнымъ, соединяющимся въ общества; только этимъ и можно объяснить, почему дикія собаки удаляются при видѣ одной овчарки, охраняющей цѣлое стадо; вѣроятно, онѣ какъ нибудь смутно представляютъ себѣ, что въ такомъ сообществѣ собака имѣетъ столько же силы, какъ бы находясь среди цѣлаго стада своихъ соплеменниковъ. Ф. Кювье замѣтилъ, что всѣ животныя, легко приручающіяся, смотрятъ на человека, какъ на своего естественнаго сообщника и такимъ образомъ удовлетворяютъ своему врожденному инстинкту общежитія. Въ случаѣ,

описанномъ выше, пастушья собака смотритъ на овецъ, какъ на своихъ собратьевъ, и это придаетъ ей храбрости. Съ другой стороны дикія собаки хотя очень хорошо знаютъ, что овцы вовсе не собаки и что даже ѣсть ихъ очень пріятно, но какъ будто соглашаются съ возрѣніемъ овчарки и оставляютъ въ покоѣ стадо, находящееся подъ ея покровительствомъ.

Разъ вечеромъ пришелъ доmidоръ (укротитель лошадей), чтобы объѣзжать молодыхъ лошадей. Опишу его пріемы въ этомъ случаѣ, потому что, какъ мнѣ кажется, это не было еще описано другими путешественниками. Табунъ дикихъ молодыхъ лошадей загоняется, въ бревенчатую ограду и ворота запираются. Положимъ, что въ этой оградѣ только одинъ человѣкъ, и ему нужно поймать и объѣздить лошадь, которая еще не знаетъ ни сѣдла, ни узды. Я впрочемъ думаю, что кромѣ гаухо никто такой штуки сдѣлать не въ состояніи. Онъ начинаетъ съ того, что выбираетъ взрослую лошадь, и въ то время, какъ она мечется въ оградѣ, бросаетъ арканъ такъ, чтобы опутать обѣ переднія ноги ея. Лошадь мгновенно и тяжело падаетъ, и пока она бьется на землѣ, гаухо затащивъ арканъ, обводитъ его вокругъ одной изъ заднихъ ногъ ея, непосредственно подъ щеткой, и притягиваетъ эту ногу къ переднимъ. Такимъ обра-

зомъ у лошади связываются вмѣстѣ три ноги. Тогда гаухо садится ей на шею и надѣваетъ крѣпкую узду безъ удила на нижнюю челюсть; это дѣлается такимъ образомъ: черезъ кольца на концахъ поводьевъ продѣвается тонкій ремень, и имъ обматываютъ нѣсколько разъ нижнюю челюсть вмѣстѣ съ языкомъ. Тогда переднія ноги крѣпко стягиваются ремнемъ, завязаннымъ въ петлю, арканъ, связывавшій три ноги снимается, и лошадь можетъ подняться, хотя съ трудомъ. Затѣмъ гаухо, крѣпко держа узду, привязанную къ нижней челюсти, выводитъ лошадь изъ ограды. Если при этомъ находится другой человекъ (въ противномъ случаѣ хлопотъ гораздо больше), то одинъ держитъ голову животного, а другой надѣваетъ попону, сѣдло и затягиваетъ подпругу. Во время этой операціи лошадь отъ страха и удивленія, что ее стягиваютъ поперегъ тѣла, то и дѣло бросается на землю, и ее бьютъ, чтобы заставить встать. Наконецъ, когда процессъ осѣдыванья конченъ, бѣдное животное покрыто пѣной и еле дышитъ отъ страха. Прежде чѣмъ сѣсть въ сѣдло, гаухо крѣпко тянетъ стремя книзу, чтобы лошадь не потеряла равновѣсія, потомъ, забрасывая ногу на спину животного, распускаетъ узелъ ремня, стягивавшаго ноги, и освобождаетъ такимъ образомъ лошадь. Нѣкоторые домидоры распус-

каютъ петлю, пока животное еще лежитъ на землѣ, и, ставъ надъ сѣдломъ, даютъ коню подняться на ноги подъ собою. Лошадь внѣ себя отъ ужаса дѣлаетъ нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ и пускается скакать во весь опоръ. Совершенно измучивъ ее, гаучо приводитъ лошадь назадъ къ оградѣ и еле живую, тяжело дышащую отпускаетъ на волю. Всего больше хлопотъ бываетъ съ тѣми лошадьми, которыя не хотятъ скакать, но упорно катаются по землѣ. Весь этотъ процессъ ужасно труденъ и утомителенъ, но за то въ два, три приема лошадь укрощена. Однако не раньше нѣсколькихъ недѣль можно надѣть на нее узду съ желѣзными удилами, потому что лошади нужно еще привыкнуть узнавать волю сѣдока по движенію повода, безъ чего самыя крѣпкія удила ни къ чему не послужатъ.

Въ этой странѣ такъ много лошадей, что сострадательное обращеніе съ ними и собственная выгода связаны между собою не очень тѣсно; на этомъ основаніи я думаю, что о состраданіи здѣсь даже и понятія не имѣютъ. Разъ мнѣ случилось ѣхать по пампасамъ съ однимъ очень почтеннымъ фермеромъ; моя лошадь устала и начала отставать. Спутникъ постоянно кричалъ мнѣ, чтобы я шпорилъ ее. Когда я ему замѣтилъ, что жалко шпорить, потому что лошадь въ самомъ дѣлѣ измучена, онъ отвѣчалъ: «О

нѣтъ, ничего, пришпорте; вѣдь это моя лошадь». Нелегко мнѣ было втолковать ему, что я не изъ уважанія къ нему, а просто изъ жалости къ самой лошади не употребляю шпоръ. Когда-же наконецъ онъ понялъ въ чемъ дѣло, то съ величайшимъ изумленіемъ проговорилъ: «Ah, Don Carlos, que cosa!» Ясно, что ему такая фантазія никогда въ голову не приходила.

Гаухосы извѣстны за самыхъ искусныхъ наѣзниковъ. Чтòбы ни дѣлала лошадь, они и не думаютъ, чтобы можно было свалиться съ нея. Хорошимъ ѣздокомъ считается у нихъ тотъ, кто можетъ объѣздить дикую молодую лошадь, умѣетъ спрыгнуть на ноги, когда лошадь его падаетъ на скаку и кто вообще способенъ на разные другіе подвиги. Я слышалъ объ одномъ человѣкѣ, который на пари брался двадцать разъ сряду повалить свою лошадь на скаку, и изъ нихъ девятнадцать разъ стать на ноги. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ гаухо справлялся съ чрезвычайно упрямой лошадыю: она три раза сряду такъ страшно становилась на дыбы, что каждый разъ опрокидывалась назадъ. Ыздокъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ выбиралъ моментъ, когда нужно было соскочить, и дѣйствительно соскакивалъ ни одной секундой не раньше и не позже, чѣмъ нужно. Какъ только лошадь снова становилась на ноги,

онъ уже сидѣлъ у нея на спинѣ и наконецъ усккалъ. Повидимому, гаухосы какъ будто вовсе не употребляютъ въ дѣло своихъ мышцъ. Я однажды скакалъ, съ хорошимъ ѣздокомъ въ галлопъ и думалъ про себя, глядя на его небрежную посадку, что, прыгни теперь его лошадь въ сторону, онъ непременно слетитъ. Какъ нарочно въ эту минуту выскочилъ изъ гнѣзда, какъ разъ подъ ногами его лошади, страусъ; молодая лошадь, какъ олень, бросилась въ сторону; что же касается до сѣдока, то можно только сказать, что онъ раздѣлилъ и испугъ, и движеніе своей лошади, точно приклеенный къ ней.

Въ Чили и Перу гораздо больше, чѣмъ въ Ла Платѣ занимаются при выѣздкѣ лошадей приученіемъ ихъ къ удиламъ, и это очевидно находится въ связи съ болѣе сложными мѣстными условіями. Въ Чили лошадь считается не вполне выѣзженной, пока ее нельзя остановить на всемъ скаку на любомъ мѣстѣ, на примѣръ на плащѣ, брошенномъ для этаго на землю; или же въ то время, какъ она становится на дыбы, чтобы перескочить черезъ стѣну, ее заставляютъ повертываться такъ близко отъ стѣны, что она задѣваетъ ее копытами. Я видѣлъ горячую лошадь, которой управляли только большимъ и указательнымъ пальцемъ; ее заставили проскакать во всю мочь

черезъ дворъ и потомъ кружиться около столба веранды, но на такомъ ровномъ отъ него разстоянїи, чтобы сѣдокъ могъ все время касаться этаго столба пальцомъ вытянутой руки. Покружившись въ одну сторону, лошадь сдѣлала въ воздухѣ полуоборотъ и стала кружиться съ удивительной быстротой въ противоположномъ направленїи. Такая лошадь считается хорошо выѣзженною и хотя такія тонкости на первый взглядъ могутъ показаться бесполезными, но на дѣлѣ выходитъ иначе. Всѣ эти качества ежедневно приходится употреблять въ дѣло, но только тутъ они доведены до совершенства. Когда быкъ пойманъ арканомъ, то онъ часто быстро крутится и тянетъ лошадь за собой; если послѣдняя не хорошо выѣзжена, то можетъ испугаться и не станетъ вертѣться за нимъ, какъ колесная ось, а отъ такихъ случаевъ погибло уже много людей. Въ самомъ дѣлѣ, если арканъ захлестнется вокругъ тѣла наѣздника, то, вслѣдствїе быстрого движенїя обоихъ животныхъ въ противоположныя стороны, ремень можетъ перерѣзать человѣка пополамъ. На такихъ же условїяхъ основаны и здѣшнія ристалища; длина бѣга не длиннѣе двухъ или трехъ сотъ ярдовъ, но за то отъ лошадей требуется ужасная быстрота. Бѣговыя лошади не только должны останавливаться на заранѣе обозначенной

чертѣ, но ставить при этомъ всѣ четыре ноги вмѣстѣ такъ, чтобы при слѣдующемъ-же прыжкѣ заднія ноги могли вполнѣ дѣйствовать. Въ Чили мнѣ рассказали анекдотъ, который, я думаю, справедливъ и ясно доказываетъ пользу хорошо выѣзжанной лошади. Одинъ почтенный господинъ, ѣдучи верхомъ, встрѣтилъ двухъ всадниковъ, изъ которыхъ одинъ ѣхалъ на лошади, украденной у него. Онъ объявилъ претензію на эту лошадь, а тѣ вмѣсто отвѣта вынули сабли и поскакали за нимъ. Хозяинъ краденной лошади скакалъ на своемъ быстромъ конѣ впереди противниковъ: подѣхавъ къ густому кусту, онъ началъ кружиться вокругъ него и вдругъ остановился, какъ вкопанный. Преслѣдователи проскакали мимо и опередили его. Тогда онъ бросился за ними, одного ударилъ ножомъ въ спину, другаго ранилъ, отнял лошадь у умирающаго разбойника и вернулся домой. Для такихъ наѣздническихъ подвиговъ необходимы двѣ вещи: сильныя удила, въ родѣ тѣхъ, которыя употребляютъ мамелюки и которыя лошади хорошо знаютъ, не смотря на то, что ихъ рѣдко употребляютъ въ дѣло. Кромѣ того нужны большія тупыя шпоры, которыми можно и просто дотрогиваться до лошади, въ видѣ легкаго указанія, и въ случаѣ нужды употреблять ихъ какъ самую крутую мѣру. Я думаю, что съ англійскими шпорами, которыя колютъ

кожу при самомъ легкомъ прикосновеніи, выѣздить лошадь на южно-американскій ладъ было бы невозможно.

На одной фермѣ около Ласъ Вакасъ каждую недѣлю убиваютъ множество кобылъ для кожъ, хотя каждая кожа стоитъ не болѣе пяти бумажныхъ долларовъ или около полкроны. На первый взглядъ кажется страннымъ убивать кобылъ пзъ за такихъ пустяковъ; но такъ какъ здѣсь считаютъ смѣшнымъ ѣздить на кобылахъ и никогда даже не объѣзжаютъ ихъ, то онѣ и служатъ только для размноженія. Впрочемъ ихъ еще употребляютъ иногда, чтобы молотить пшеницу. Для этой цѣли ихъ загоняютъ въ круглый загороженный токъ, на которомъ разложены снопы. Человѣкъ, который убивалъ кобылъ, былъ знаменитъ своею ловкостью закидывать арканъ. Стоя на разстояніи двѣнадцати ярдовъ отъ воротъ ограды, онъ бился объ закладъ, что поймаетъ безъ промаха каждое животное, которое пробѣжитъ мимо его. Былъ еще другой человѣкъ, бравшійся войти въ ограду пѣшкомъ, поймать кобылу, связать ей переднія ноги, вывести вонъ, повалить, убить, содрать шкуру и растянуть ее для просушки (последняя работа беретъ много времени); и всю эту операцію онъ брался повторить на двадцати двухъ животныхъ въ теченіи дня; или вмѣсто того убить и содрать кожу съ пяти-

десяти кобылъ. Это была бы въ самомъ дѣлѣ феноменальная работа, потому что порядочнымъ дневнымъ урокомъ считается снять и растянуть шкуры съ пятнадцати или шестнадцати животныхъ.

26-го ноября. — На возвратномъ пути я поѣхалъ по прямой линіи въ Монте Видео. Слыша рассказы о какихъ-то огромныхъ костяхъ, которыя были найдены близъ сосѣдней фермы на рѣчкѣ Сарандисъ, впадающей въ Ріо Negro, я поѣхалъ туда въ сопровожденіи владѣльца этой фермы и купилъ за восемнадцать пенсовъ на наши деньги голову токсодонта *). Голова была выкопана, совершенно цѣлая, но мальчишки, играя, вышибли изъ нея нѣсколько зубовъ камнями и потомъ стали бросать ими въ голову, какъ въ цѣль. По счастливому случаю я нашелъ потомъ зубъ, совершенно подходившій къ одной изъ луночекъ этого черепа, хотя зубъ этотъ лежалъ на берегу Ріо Терсеро, на разстояніи почти 180 миль отъ р. Сарандисъ. Я нашелъ остатки этого необыкновеннаго животнаго еще въ двухъ

*) Я долженъ выразить мою признательность г. Кину, въ домѣ котораго я останавливался въ Берквело, и г. Ломбу въ Буэносъ Айресъ; ибо безъ ихъ содѣйствія эти драгоценные остатки не достигли бы никогда Англїи.

мѣстахъ, такъ что нѣкогда оно вѣроятно встрѣчалось тутъ нерѣдко. Здѣсь же я нашелъ нѣсколько кусковъ панциря гигантскаго животнаго, похожаго на броненосца, и часть большой головы милодонта. Последнія кости такъ свѣжи, что по анализу г. Рикса содержатъ до семи процентовъ животныхъ веществъ; на спиртовой лампѣ онѣ горятъ слабымъ пламенемъ. Число ископаемыхъ остатковъ въ большомъ наносномъ слою, образующемъ пампасы и покрывающемъ гранитныя скалы въ Банда Оріенталь, должно быть необыкновенно велико. Я думаю, что, если провести прямую линію въ какомъ бы то ни было направленіи черезъ пампасы, то на протяженіи ея навѣрное найдется цѣлый скелетъ или кость. Кромѣ тѣхъ, которыя мнѣ удалось собрать въ мои короткія странствованія, я слышалъ о многихъ другихъ; сверхъ того здѣсь нерѣдко слышишь такія названія мѣстностей, какъ на примѣръ: «Звѣриная рѣка», «Великанова гора», и т. д., происхождение которыхъ очевидно. При мнѣ не разъ рассказывали о чудесномъ свойствѣ нѣкоторыхъ рѣкъ превращать маленькія кости въ большія, или о томъ, что нѣкоторыя кости сами растутъ. Сколько мнѣ извѣстно, ни одно изъ этихъ животныхъ не погибло, какъ полагали прежде, въ болотахъ или въ илистомъ днѣ рѣкъ теперешняго слоя; кости животныхъ толь-

ко вымыты настоящими рѣками изъ ихъ древняго ложа. Можно думать, что вся поверхность пампасовъ представляетъ одно обширное кладбище этихъ исчезнувшихъ гигантскихъ четвероногихъ.

28 ноября. Около полудня мы приѣхали въ Монте Видео, пробывъ въ дорогѣ два съ половиной дня. Путь лежалъ все время по однообразной мѣстности; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было больше скалъ и холмовъ, чѣмъ около Ла Платы. Недалеко отъ Монте Видео мы проѣхали черезъ селеніе Ласъ Піетрасъ, получившее свое названіе отъ нѣсколькихъ округленныхъ глыбъ сіенита. Селеніе имѣло довольно красивый видъ. Въ этой странѣ можно назвать живописнымъ всякій пейзажъ, состоящій изъ нѣсколькихъ домовъ, окруженныхъ фиговыми деревьями и возвышающійся футовъ на сто надъ общимъ уровнемъ.

Въ теченіи послѣднихъ шести мѣсяцевъ я имѣлъ случай наблюдать характеръ жителей этой провинціи. Гаухосы, или поселяне стоятъ гораздо выше горожанъ. Гаухо всегда услужливъ, вѣжливъ и гостепріименъ; мнѣ не случилось встрѣтить между ними ни одного примѣра грубости или негостепріимства. Они скромны, т. е. нехвастливы относительно собственной особы, какъ и относительно своей страны, но

въ то же время это народъ живой и молодцоватый. Съ другой стороны много случается здѣсь разбоевъ и убійствъ; главной причиной послѣднихъ нужно считать обычай всегда носить при себѣ ножъ. Грустно слышать, сколько людей погибаетъ въ самыхъ пустыхъ ссорахъ. Въ борьбѣ каждая сторона старается попасть противнику въ лицо, разрубить ему носъ или глазъ; слѣды такихъ подвиговъ можно видѣть очень часто въ глубокихъ и страшныхъ рубцахъ на лицахъ. Разбойничество представляетъ необходимое слѣдствіе постоянной игры въ кости и карты, пьянства и непомѣрной лѣни поселянъ. Въ Мерседесѣ я спрашивалъ двоихъ поселянъ, почему они не работаютъ. Одинъ отвѣчалъ совершенно серьезно, что дни слишкомъ длинны; другой—что онъ слишкомъ бѣденъ. Огромное число лошадей и изобиліе пищи убиваютъ всякую промышленность. Кроме того праздниковъ ужасно много; наконецъ нужно взять въ расчетъ и то, что никакого дѣла, по мнѣнію жителей, не слѣдуетъ начинать иначе, какъ когда мѣсяцъ на прибыли; слѣдовательно уже по двумъ только послѣднимъ причинамъ половина мѣсяца должна пропадать даромъ.

Полиція и судьи вполне бездѣйствуютъ. Если бѣдный человекъ совершитъ убійство и будетъ пойманъ, то его непременно засадятъ въ тюрьму и можетъ быть даже разстрѣляютъ. Но если

убійца богатъ или имѣеть друзей, то можетъ быть увѣренъ, что ни какихъ дурныхъ послѣдствій для него не будетъ. Любопытно, что самые почтенные граждане всегда помогаютъ убійцѣ спастись отъ преслѣдованія; они, повидимому, думаютъ, что человекъ, убивая грѣшитъ противъ правительства, а не противъ общества. Единственной защитой путешественнику служатъ его пистолеты; привычка постоянно носить ихъ съ собою должно быть предупреждаетъ болѣе частые грабежи.

Вышшіе и болѣе образованные классы, живущіе въ городахъ, отличаются, хотя и въ меньшей степени, многими изъ хорошихъ сторонъ гаухосовъ; но, какъ мнѣ кажется, въ нихъ встрѣчается много пороковъ, которыхъ поселяне чужды. Развратъ, кощунство и самая грубая испорченность нравовъ здѣсь далеко не рѣдкость. Почти каждое официальное лицо можно подкупить. Начальникъ почтовой конторы продаетъ фальшивую монету. Губернаторъ и первый министръ общими силами грабятъ страну. Какъ только въ дѣло замѣшивались деньги, никто уже и не ждетъ правосудія. Я зналъ англичанина, который однажды пришелъ къ предсѣдателю суда (онъ послѣ говорилъ мнѣ, что, не зная мѣстныхъ обычаевъ, сначала дрожалъ, входя въ комнату) и сказалъ: «Сэръ, я пришелъ предложить вамъ

двѣсти (бумажныхъ) долларовъ (около 5 фунтовъ стерл.), если вы въ такой-то срокъ арестуете человѣка, который меня обманулъ. Я знаю, что это противузаконно, но мой адвокатъ (называетъ его) посоветовалъ мнѣ поступить такимъ образомъ». Предсѣдатель суда благосклонно улыбнулся, поблагодарилъ, и къ ночи человѣкъ былъ посаженъ въ тюрьму. При такомъ-то совершенномъ отсутствіи всякихъ правилъ у большинства лицъ, управляющихъ страной; при огромномъ количествѣ дурно оплачиваемыхъ, безпокойныхъ чиновниковъ, народъ все еще надѣется, что демократическій образъ правленія можетъ удался!

При первомъ вступленіи въ здѣшнее общество, въ глаза больше всего бросаются три обстоятельства въ самомъ дѣлѣ замѣчательныя. Вѣжливость и достоинство обращенія во всѣхъ классахъ, необыкновенный вкусъ въ одеждѣ женщинъ и равенство всѣхъ сословій. На Ріо Колорадо нѣсколько человѣкъ, содержавшихъ самыя бѣдныя лавочки, обѣдали обыкновенно вмѣстѣ съ генераломъ Розасомъ. Сынъ маіора въ Бахія Бланка зарабатывалъ себѣ хлѣбъ дѣланіемъ папиросъ, и онъ же предлагалъ мнѣ ѣхать со мною въ качествѣ проводника или слуги въ Буэносъ Айресъ, но отецъ не пустилъ его единственно изъ страха опасностей. Многіе офицеры арміи не умѣютъ ни читать, ни

писать, но въ обществѣ всѣ встрѣчаются какъ равные. Въ Энтре-Ріосъ палата состояла только изъ шести представителей. Одинъ изъ нихъ между прочимъ содержалъ лавочку, и это очевидно никому не казалось унижительнымъ для его званія. Все это такъ и должно быть въ новой странѣ; однако отсутствіе джентльменовъ по профессіи какъ-то невольно поражаетъ англичанина.

Говоря объ этихъ странахъ, нужно всегда имѣть въ виду, что первоначальное воспитаніе свое онѣ получили отъ Испаніи. Въ сущности, если все взвѣсить, то, можетъ быть, придется больше хвалить испанцевъ за сдѣланное, чѣмъ порицать за упущенное. Нельзя сомнѣваться, что чрезвычайный либерализмъ этихъ странъ приведетъ ихъ когда нибудь къ хорошимъ результатамъ. Всеобщая вѣротерпимость, забота о средствахъ къ воспитанію, свобода печати, радушіе ко всѣмъ иностранцамъ и, я долженъ прибавить, въ особенности ко всѣмъ, имѣющимъ хоть самую легкую претензію на ученость,—вотъ качества, которыя долженъ вспоминать съ благодарностью всякій побывавшій въ испанской части Южной Америки.

6-го декабря.—«Бигль» отплылъ изъ Ріо Платы, чтобы никогда болѣе не входить въ ея грязные лиманы. Мы направились въ Портъ

Дезире, къ берегамъ Патагоніи. Но прежде, чѣмъ буду описывать эти мѣста, соберу здѣсь всѣ наблюденія, сдѣланныя мною во время плаванія.

Когда нашъ корабль стоялъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ устьевъ Ла Платы, а также противъ береговъ сѣверной Патагоніи, насъ нѣсколько разъ окружали рои насѣкомыхъ. Разъ вечеромъ, въ десяти миляхъ отъ залива Санъ-Блазь, несчетные рои бабочекъ наполнили воздухъ на необозримое пространство. Даже съ помощью зрительной трубы нельзя было рассмотреть, гдѣ конецъ этому скопищу. Матросы говорили, что идетъ снѣгъ изъ бабочекъ, и дѣйствительно, такой характеръ имѣло это явленіе. Тутъ было много различныхъ видовъ, но большая часть принадлежала къ виду очень похожему, но не тождественному съ англійскимъ видомъ *Colias edusa*. Нѣсколько молей и перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ присоединились къ обыкновеннымъ бабочкамъ; красивый жукъ (*Calosoma*) сълъ на палубу. Извѣстны и другіе случаи, гдѣ этотъ жукъ встрѣчался далеко въ морѣ, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что жуужелицевыя (*Carabidae*) почти никогда не летаютъ или покрайней мѣрѣ очень рѣдко. Погода въ тотъ день и въ предъидущій была ясная и тихая, такъ что нельзя предположить, чтобы вѣтеръ занесъ насѣкомыхъ съ берега, и приходится принять, что они

прилетѣли добровольно. Огромные рои вида *Colias* напоминали съ перваго взгляда перелеты другой бабочки, *Vanessa cardui* *); но присутствіе другихъ насѣкомыхъ заставляетъ думать, что тутъ участвуютъ иныя обстоятельства, что еще болѣе усложняетъ вопросъ и дѣлаетъ рѣшеніе его еще болѣе затруднительнымъ. Передъ заходомъ солнца съ сѣвера подулъ довольно сильный вѣтеръ, отъ котораго вѣроятно погибли десятки тысячъ бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ.

Въ другой разъ, на разстояніи семнадцати миль отъ мыса Корріентесъ, я спустилъ сѣтку для ловли морскихъ животныхъ. Поднимая ее изъ воды, я къ великому удивленію нашелъ въ ней большое количество жуковъ, и хотя они были въ открытомъ морѣ, но соленая вода, повидимому, не причинила имъ большаго вреда. Нѣкоторые экземпляры я потерялъ, но тѣ, которые остались у меня, принадлежатъ къ слѣдующимъ родамъ: *Colymbetes*, *Hydroporus*, *Hydrobius*, (два вида), *Notaphus*, *Cynucus*, *Adimonia*, и *Scaphaeus*. Сначала я думалъ, что эти насѣкомыя занесены вѣтромъ съ берега; но разсудивъ, что изъ восьми видовъ четыре принадлежатъ къ водянымъ, а два другіе отчасти также могли быть причисле-

*) Lyell's Principles of Geology. vol. III, p. 63.

ны къ нимъ по своимъ нравамъ, я пришелъ къ заключенію, что ихъ занесъ въ море маленькій ручей, вытекающій изъ озера близъ мыса Корріентесъ. Какъ бы то ни было, но видѣть живыхъ насѣкомыхъ, плывущихъ въ открытомъ морѣ за семнадцать миль отъ берега, все таки очень любопытно. Существуетъ нѣсколько разсказовъ о насѣкомыхъ, занесенныхъ вѣтромъ съ берега Патагоніи. Это замѣтилъ и капитанъ Кукъ и еще въ недавнее время капитанъ Кингъ, плававшій на «Adventure». Вѣроятно причину этого явленія нужно искать въ совершенномъ недостаткѣ мѣсть, защищенныхъ деревьями или возвышеніями, такъ что вѣтеръ съ берега можетъ занести летящее насѣкомое далеко въ море. Самый любопытный изъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ находенія насѣкомыхъ далеко отъ берега случился на нашемъ кораблѣ. Большой кузнечикъ (*Acridium*) прилетѣлъ на палубу, когда «Бигль» плылъ отъ острововъ Зеленаго Мыса и когда ближайшій берегъ, не прямо противоположный пассату, былъ Blanco мысъ на берегахъ Африки, на разстояніи 370 миль *).

Во время нашей стоянки въ устьяхъ Ла Пла-

*) Мухи, которыя часто сопровождаютъ корабль въ теченіи нѣсколькихъ дней переѣзда изъ гавани въ гавань, удаляясь отъ корабля, скоро теряются и погибаютъ.

ты снасти «Бигля» были много разъ покрыты паутиной обыкновеннаго прядильнаго паука. Мнѣ захотѣлось подробно узнать причину явленія, и 1 ноября 1832 г. я занялся этимъ. Погода была тихая и ясная; утромъ носились въ воздухѣ пряди волокнистой паутины, какъ въ англійскій осенній день. Корабль стоялъ въ шестидесяти миляхъ отъ берега подъ легкимъ, но постояннымъ, вѣтромъ. На снасти насѣло множество паучковъ длиною почти въ десятую часть дюйма, темнокраснаго цвѣта.

Мнѣ казалось, что на кораблѣ ихъ нѣсколько тысячъ. Каждый изъ этихъ крошечныхъ паучковъ, садясь на снасти, держался всегда на одномъ волокнѣ, а не на самыхъ клочьяхъ паутины. Послѣдніе состояли, кажется, просто изъ перепутанныхъ отдѣльныхъ волоконъ. Всѣ пауки были одного вида, но разныхъ половъ; тутъ были дѣтеныши, которыхъ можно было распознавать по меньшему объему и по болѣе темному цвѣту. Не стану описывать этого паука; скажу только, что по моему мнѣнію онъ, не подходитъ ни подъ одинъ изъ Латрельевыхъ родовъ. Маленькія воздухоплаватели, попавъ на корабль, обнаруживали большую дѣятельность: они бѣгали назадъ и впередъ, иногда падая и опять восходя по тому же волокну; нѣкоторые занимались устройствомъ маленькой, очень неправильной сѣти въ углахъ между канатами. На водѣ они бѣ-

гали очень свободно. Когда что нибудь смущало паука, онъ подымалъ переднія ноги и оставался, какъ бы прислушиваясь. Когда они попали на корабль, всѣхъ ихъ казалось томила сильная жажда, и они съ напряженными челюстями жадно пили капли воды. Тоже замѣчено было и Стрѣкомъ: не оттого ли это происходитъ, что насѣкомое прошло чрезъ сухую и разрѣженную атмосферу?

Запасы паутины были у нихъ, кажется, неистощимы. Не разъ случалось мнѣ видѣть, какъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, висѣвшихъ на одномъ волоскѣ, вдругъ малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра уносило далеко въ горизонтальномъ направленіи. Въ другомъ случаѣ (25-го) и при подобныхъ же обстоятельствахъ, если притомъ паучекъ случайно попадалъ или самъ вползалъ на бугорокъ, онъ приподымалъ брюшко, испускалъ волокно и затѣмъ съ неимовѣрною быстротою отправлялся вдаль, по прежнему въ горизонтальномъ направленіи.

Мнѣ при этомъ казалось, что паукъ предварительно, во время своихъ сборовъ, связываетъ себѣ ноги чрезвычайно тонкими волокнами, но я не увѣренъ въ вѣрности этого наблюденія.

Однажды въ Санта Фе я имѣлъ болѣе удобный случай для подобныхъ наблюденій. Паукъ, который былъ длиною около $\frac{3}{10}$ дюйма и, по-

видимому, походилъ на скорохода (Citigrada) (слѣдовательно, совершенно отличался отъ обыкновенныхъ пауковъ), держась на вершинѣ шеста, пустилъ четыре или пять волоконъ изъ своихъ прядильниковъ. Блестая на солнцѣ, они казались расходящимися лучами свѣта, но впрочемъ, шли не прямо, а волнообразно, какъ шелковинки, колеблемыя вѣтромъ. Въ длину они тянулись болѣе, чѣмъ на ярдъ и расходились въ восходящемъ отъ устьицъ направленіи. Затѣмъ паукъ внезапно оставилъ занятый имъ шестъ и вскорѣ исчезъ изъ виду. День былъ жаркій и, повидимому, совершенно тихій; но именно въ жаркое время въ воздухѣ всегда довольно движенія для колебанія такого нѣжнаго флюгера, каково паутинное волокно. Восхожденіе теплаго разрѣженнаго воздуха почти всегда замѣтно, если внимательно наблюдаать за тѣнью отъ предметовъ, лежащихъ на ровномъ берегу, или если всматриваться въ отдаленные предметы, возвышающіеся вдали на равнинѣ. Направленіе восходящаго потока воздуха обнаруживается также при спускѣ мыльныхъ пузырей, которые въ затворенной комнатѣ не поднимаются. Послѣ этого, я думаю, не трудно понять восхожденіе тонкихъ волоконъ, выступающихъ изъ прядильниковъ паука, равно какъ и поднятіе самаго паука; расхожденіе же волоконъ пытался объяснить, кажется, г. Меррѣ однородною

электричностью ихъ. То обстоятельство, что пауки одного вида, но разнаго пола и возраста, были часто находимы во множествѣ на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ берега, въ связи съ своими волокнами, наводитъ на предположеніе, что воздухоплаваніе свойственно имъ, какъ привычка нырять свойственна серебряку водяному. Мы можемъ поэтому отвергнуть мнѣніе Латрейля, полагающему, что летучія волокна происходятъ безразлично отъ дѣтенышей разнаго рода пауковъ; хотя, какъ мы видѣли, дѣтеныши и другихъ пауковъ обладаютъ способностью совершать воздушныя путешествія *).

Во время нашихъ плаваній къ югу отъ Ла-Платы я часто буксировалъ у кормы сѣть, сдѣланную изъ флагтуха, и этимъ способомъ поймалъ много любопытныхъ животныхъ. Между ними было не мало странныхъ и еще неописанныхъ родовъ ракообразныхъ. Одинъ изъ нихъ, примыкающій во многихъ отношеніяхъ къ хребтоногимъ (*Notopoda*—раки, у которыхъ заднія ноги находятся почти на спинѣ, чтобы дѣлаться ими за нижнія поверхности камней), очень

*) Въ «*Researches in Zoology*» г. Блэкуоля (*Blackwall*) находится много превосходныхъ замѣчаній о привычкахъ пауковъ.

замѣчательнѣе строеніемъ задней пары своихъ ножекъ. Предпоследній суставъ ихъ заканчивается не простою клешнею, а тремя щетинистыми прибавками различной длины, изъ которыхъ самая длинная равняется цѣлой ногѣ. Эти влещни весьма тонки и снабжены чрезвычайно мелкими зубцами, обращенными назадъ: ихъ согнутые концы сплющены и усажены пятью очень маленькими чашечками, имѣющими, кажется, такое же назначеніе, что и сосочки на щупальцахъ каракатицы. Такъ какъ животное держится въ открытомъ морѣ и, вѣроятно, нуждается въ мѣстѣ для отдыха, то, я полагаю, это замѣчательное и чрезвычайно оригинальное строеніе ихъ конечностей принаровлено къ захватыванію плавающихъ морскихъ животныхъ.

На большой глубинѣ, далеко отъ берега, число живыхъ существъ крайне-незначительно; къ югу отъ 35° широты мнѣ ничего не удавалось поймать, кромѣ нѣсколькихъ дынниковъ (Veroë) и нѣкоторыхъ видовъ мелкихъ ракообразныхъ скорлупняковъ (Entomostraca). Въ болѣе мелкихъ мѣстахъ, на разстояніи немногихъ миль отъ суши, встрѣчаются во множествѣ разныя породы ракообразныхъ и другихъ животныхъ, но только по ночамъ. Между 56° и 57° къ югу отъ мыса Горна сѣтъ нѣсколько разъ закидывали у кормы; но въ нее ни разу ничего не попададо, кромѣ немногихъ животныхъ

двухъ чрезвычайно мелкихъ видовъ скорлупняковъ. Эта часть океана однако же особенно изобилуетъ китами, тюленями, буревѣстниками и альбатросами. Для меня всегда было непонятно, чѣмъ кормится альбасарось, живущій такъ далеко отъ берега; полагаю, что онъ, подобно кондору, способенъ къ долгому голоданію и можетъ разомъ насыщаться на долго, напавъ на гнилой трупъ какого нибудь кита. Центральная тропическая часть Атлантическаго океана кишитъ крылоногими слизняками, ракообразными лучистыми, пожирающими ихъ летучими рыбами, которыя въ свою очередь становятся добычею бонитовъ и альбикоръ. Я полагаю, что многочисленныя низшія морскія животныя питаются инфузоріями, которыя, какъ извѣстно изъ изслѣдованій Эренберга, роятся во множествѣ въ открытомъ океанѣ; но чѣмъ же, спрашивается, поддерживаютъ свое существованіе инфузоріи въ этой прозрачной синей водѣ?

Въ одну очень темную ночь, когда мы находились нѣсколько южнѣе Ла-Платы, море представляло удивительное и прекрасное зрѣлище. Дулъ свѣжій вѣтерокъ, и каждая волна, являвшаяся днемъ съ пѣнистымъ гребнемъ наверху, была увѣнчана блѣднымъ свѣтомъ. Передъ носомъ корабля вздымались двѣ волны какъ бы изъ жидкаго фосфора, а за нимъ тянулся млеч-

ный слѣдъ. Кругомъ, на сколько было видно, свѣтился гребень каждой волны, а на горизонтѣ, воздухъ отражая блескъ этихъ синеватыхъ огней, не былъ такъ темень, какъ отдаленный сводъ небесный.

Чѣмъ далѣе мы подвигались къ югу, тѣмъ рѣже встрѣчалась намъ эта фосфоричность моря; начиная отъ мыса Горна мнѣ, помнится, только одинъ разъ случилось видѣть это явленіе, да и то свѣтъ былъ не очень яркъ. Это обстоятельство находится вѣроятно въ тѣсной связи съ малымъ количествомъ органическихъ существъ въ этой части океана. Послѣ тщательнаго изслѣдованія Эренберга *) о фосфоричности моря почти излишне съ моей стороны распространяться объ этомъ предметѣ. Прибавлю, впрочемъ, что тѣже разорванныя и неправильныя частицы студенистаго вещества, которыя описалъ Эренбергъ, составляютъ, кажется, обыкновенную причину явленія и въ южномъ, и въ сѣверномъ полушаріи. Частицы эти были такъ мелки, что легко проходили сквозь тонкій газъ, но многія можно было ясно различить невооруженнымъ глазомъ. Вода, налитая въ бокалы и взболтанная, издавала искры, но небольшое ко-

*) Извлеченіе изъ него помѣщено въ IV № «Magazine of Zoology and Botany».

личество ея въ часовомъ стеклышкѣ рѣдко свѣтилось. Эренбергъ утверждаетъ, что всѣ эти частицы сохраняютъ нѣкоторую раздражительность. Мои наблюденія, изъ коихъ нѣкоторыя сдѣланы были тотчасъ, лишь только вода была зачерпнута, привели къ другому результату. Замѣчу также, что давъ сѣти немного просохнуть послѣ ночнаго ея употребленія и взявшись за нее снова черезъ двѣнадцать часовъ, я нашелъ, что вся ея поверхность свѣтилась также ярко, какъ будто она была только что вынута изъ воды. Невѣроятнымъ кажется, въ этомъ случаѣ, чтобы частицы могли прожить такъ долго. Одинъ разъ я держалъ въ водѣ студенистую медузу изъ рода *Diapnaea*, и когда она тамъ умерла, то вода, въ которую она была положена, начала свѣтиться. Когда волны блистаютъ ярко-зелеными искрами то это, я думаю, зависитъ большею частію отъ присутствія мелкихъ ракообразныхъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что множество другихъ морскихъ животныхъ отличается фосфоричностью, пока они живы.

Два раза я замѣчалъ, что море свѣтилось на значительной глубинѣ отъ поверхности. Близъ устья Ла-Платы нѣсколько круглыхъ и овальныхъ полосъ, отъ двухъ до четырехъ ярдовъ въ діаметрѣ, съ ясными очертаніями, сіяли постояннымъ, но блѣднымъ свѣтомъ, тогда какъ

окружающая вода отдѣляла только нѣсколько искръ. Явленіе это походило на отраженіе мѣсяца или другаго свѣтлаго тѣла, потому что края свѣтлыхъ мѣстъ извивались вслѣдствіе колебанія поверхности. Судно, сидѣвшее въ водѣ на тринадцать футовъ, проплыло, не смутивъ этихъ пятенъ; надо по этому полагать, что какія нибудь животныя собрались тамъ на глубинѣ болѣе значительной, чѣмъ подводная часть корабля.

Близъ Фернандо Норона море выдѣляло свѣтъ брызгами, какъ будто большая рыба быстро двигалась въ свѣтлой влагѣ. Матросы такъ и объясняли явленіе, но мнѣ показалось это однако сомнительнымъ, потому что брызги летали слишкомъ быстро и слишкомъ часто. Я уже замѣтилъ, что свѣченіе моря чаще повторяется въ теплыхъ, чѣмъ въ холодныхъ странахъ и мнѣ иногда казалось, что тревожное электрическое состояніе атмосферы много ему способствуетъ. Я впрочемъ полагаю несомнѣннымъ, что море свѣтится преимущественно послѣ нѣсколькихъ дней особенно тихой погоды, въ продолженіи которыхъ оно кишело разнообразными животными. Такъ какъ вода наполненная студенистыми частицами, не совсѣмъ чиста, а явленіе свѣченія обыкновенно бывасть слѣдствіемъ сотрясенія жидкости въ соприкосновеніи съ воздухомъ, то я и склоняюсь къ той мысли, что фосфоричность

моря происходитъ отъ разложенія органическихъ частицъ, и что этимъ путемъ (можно, пожалуй, назвать это нѣкоторымъ образомъ дыханіемъ) океанъ очищается. 23 декабря мы прибыли въ Портъ-Дезиръ (Port-Desire,) лежащій подъ 47° широты, на берегу Патагоніи. Заливъ простирается во внутрь страны приблизительно на двадцать миль, неправильно расширяясь. Бигль сталъ на якорѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ входа, въ виду развалинъ стараго испанскаго поселенія.

Въ тотъ-же вечеръ я вышелъ на берегъ. Первая высадка въ новую страну чрезвычайно интересна, особенно если, какъ въ настоящемъ случаѣ, на всемъ окружающемъ лежитъ рѣзкій и характеристическій отпечатокъ. Надъ порфировыми массаами отъ 2 до 3 сотъ фут. вышиною, простираются обширныя равнины, преимущественно отличающія Патагонію. Поверхность совершенно ровна и состоитъ изъ круглыхъ валуновъ въ соединеніи съ бѣловатою землею. Мѣстами попадаются разбросанные островки бурой и грубой травы и изрѣдка нѣсколько низкихъ колючихъ кустарниковъ. Погода суха и пріятна, чистое голубое небо рѣдко помрачается. Если стать среди одной изъ этихъ пустынныхъ равнинъ и осмотрѣться, то глазу обыкновенно представляется скатъ другой равнины, иногда болѣе возвышенной, но одинаково ровной и печальной, и

горизонтъ кругомъ неясенъ, вслѣдствіе колебанія воздуха, зависящаго, очевидно, отъ лучеиспусканія сильно нагрѣтой земли.

Въ такой странѣ участь испанскаго поселенія была скоро рѣшена; сухость воздуха въ теченіи большей части года, а по временамъ и враждебныя нападенія кочующихъ Индѣйцевъ принудили колонистовъ бросить недостроенными жилища. Впрочемъ, стиль въ которомъ онѣ были начаты, обнаруживаетъ старинную мощь и великолѣпіе Испаніи. Всѣ попытки колонизировать часть Америки, лежащую къ югу отъ 41° кончались бѣдственно. Портъ Фаминъ своимъ названіемъ указываетъ на томительныя и чрезмѣрныя страданія нѣсколькихъ сотенъ злополучнаго народа, изъ которыхъ только одинъ человѣкъ остался въ живыхъ, чтобы рассказывать о несчастіяхъ остальныхъ. У бухты св. Іосифа, на Патагонскомъ поморьи, была небольшая колонія, но въ одно воскресеніе на нее напали Индѣйцы и перебили все населеніе, за исключеніемъ двухъ человѣкъ, жившихъ въ плѣну долгое время. Съ однимъ изъ нихъ, крайне уже престарѣлымъ, я бесѣдовалъ въ Рио Негро.

Фауна Патагоніи также скудна, какъ и ея Флора. *) На равнинѣ попадаетъ нѣсколько

*) Я нашелъ здѣсь видъ кактуса, описаннаго проф. Генслоу (Henslou) подъ именемъ *Opuntia Dorwinii* (Magaz. of

медлительныхъ жуковъ (жесткокрылыхъ, изъ группы *Heteromera*), да изрѣдка ящерица бросится изъ стороны въ сторону. Изъ птицъ встрѣчается три вида грифовъ-стервятниковъ, а въ долинахъ нѣсколько зябликовъ и насѣкомоядныхъ. Ибисы (*Theristicus melanops*—видъ находимый, какъ говорятъ, въ центральной Африкѣ), попадаютъ въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ; въ желудкѣ у нихъ я находилъ кузнечиковъ, стрекозъ, (*cicadae*) маленькихъ ящерицъ и даже скорпионовъ *). Въ одно время года эти птицы летаютъ стаями, въ другое—попарно, крикъ ихъ очень громокъ и страненъ, походить на ржаніе гуанако.

Гуанако или дикая лама—самое замѣчательное четвероногое на равнинахъ Патагоніи: оно замѣняетъ въ южной Америкѣ восточнаго верблюда. Въ дикомъ состояніи гуанако очень изящ-

Zoology, vol. I; стр. 466), замѣчательный чувствительностью тычинокъ, которая обнаруживалась, когда я вставлялъ въ цвѣтокъ конецъ трости или палецъ. Листочки около цвѣтника тоже сомкнулись надъ пестикомъ, но медленнѣе тычинокъ. Растеніе изъ этого семейства, обыкновенно разсматриваемая, какъ тропическая, встрѣчается въ сѣверной Америкѣ (*Zewisand Clarker's Travels*, стр. 221), подъ той же значительной широтой, именно, въ обоихъ случаяхъ, подъ 47°.

*) Эти паукообразныя прячутся нерѣдко подъ камнями. Я видѣлъ, какъ одинъ лютый скорпионъ пожиралъ другаго

ное животное съ длинной, стройной шеей и съ тонкими ногами. Оно очень распространено въ умѣренныхъ частяхъ континента, доходя къ югу до острововъ находящихся вблизи мыса Горна. Живетъ обыкновенно небольшими стадами, отъ полдюжины до тридцати головъ въ каждомъ, но на берегахъ Санта-Крусъ видѣли мы одно стадо, состоявшее по меньшей мѣрѣ изъ пяти-сотъ штукъ.

Ламы вообще дики и крайне осторожны. Г Стоксъ (Stokes) рассказывалъ мнѣ, что онъ однажды могъ наблюдать въ зрительную трубку, какъ стадо этихъ животныхъ, очевидно чѣмъ нибудь испуганное, убѣгло во всю мочь, хотя оно и находилось на такомъ разстояніи, что его нельзя было различить простымъ глазомъ. Охотникъ часто узнаетъ объ ихъ присутствіи по пронзительному крику, которымъ они даютъ сигналъ къ тревогѣ. Вглядѣвшись повнимательнѣе, онъ нерѣдко открываетъ стадо, расположенное въ одну линію на краю какаго нибудь отдаленнаго холма. Если подступить къ нимъ ближе, то они выпускаютъ еще нѣсколько взвизговъ, и тогда пускаются по видимому мѣрнымъ, но въ дѣйствительности чрезвычайно быстрымъ шагомъ по узкой битой тропѣ къ сосѣднему холму. Если-же охотнику внезапно попадается какъ нибудь одно животное, или нѣсколько вмѣстѣ, то они обыкновенно останавливаются неподвижно и

пристально на него смотрятъ; потомъ, отойдя иногда на нѣсколько ярдовъ, снова оборачиваются и опять взглядываютъ. Отчего такая неровность въ ихъ осторожности? Не принимаютъ-ли они человѣка, издали за главнаго своего врага—пуму? Или любопытство въ нихъ пересиливаетъ страхъ? Впрочемъ въ любопытствѣ ихъ нельзя сомнѣваться. Если напримѣръ лечь на землю и производить какія нибудь необыкновенныя тѣлодвиженія, напр. скидывать ноги на воздухъ, то гуанако почти всегда мало по малу подходятъ, чтобы получше рассмотреть то, что дѣлается. Эта хитрость неоднократно съ успѣхомъ была употребляема нашими охотниками, которые тутъ же начинали стрѣлять, какъ будто это тоже входило въ программу. На горахъ Огненной земли я не разъ встрѣчалъ гуанако, который при моемъ приближеніи ржалъ, визжалъ, становился на дыбы и прыгалъ самымъ забавнымъ образомъ, повидимому ожидая нападенія. Животныя эти легко становятся ручными; въ сѣверной Патагоніи мнѣ случилось видѣть нѣсколько штукъ, жившихъ при одномъ домѣ безъ всякаго принужденія. Ручные очень отважны и смѣло кидаются на человѣка, ударяя его сзади обѣими колѣнками. Утверждаютъ, что они нападаютъ такимъ образомъ изъ ревности къ своимъ самкамъ. Дикимъ гуанако, однако, не приходитъ

и въ голову защищаться; достаточно даже одной собаки для задержанія такого большаго звѣря до прихода охотника. Многія изъ ихъ привычекъ напоминають овецъ. Такъ, если они видятъ нѣсколько всадниковъ, приближающихся къ нимъ съ разныхъ сторонъ, то сразу теряются и не знаютъ куда дѣваться. Это обстоятельство особенно благопріятно для индѣйскихъ охотниковъ, которые легко сгоняютъ животныхъ къ одному центральному пункту, а потомъ и окружаютъ. Гуанако очень любятъ воду: близъ порта Валодеса ихъ часто видѣли переплывающими отъ одного острова къ другому. Байронъ, въ своемъ путешествіи, говоритъ, что онъ видалъ, какъ они пьютъ соленую воду. Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ также были свидѣтелями того, какъ одно стадо повидимому пило горькую влагу изъ солончака близъ мыса Бланка. Я впрочемъ думаю, что и во многихъ мѣстахъ этой страны имъ, кромѣ соленой воды, ничего пить и не приходится. Около полудня они часто валяются въ пыли, въ воронкообразныхъ яминахъ. Самцы ихъ не обходятся безъ дракъ; двое изъ нихъ проходили однажды очень близко отъ меня, они визжали и кусались; у нѣкоторыхъ изъ застрѣленныхъ нами, кожа была значительно поранена. Стада гуанако пускаются по временамъ на развѣдки; въ Багія Бланкъ, въ тридцати миляхъ отъ берега, гдѣ эти жи-

вотныя уже очень рѣдки, я разъ замѣтилъ слѣды тридцати или сорока изъ нихъ, подходившихъ прямой дорогой къ грязной горько-соленой бухтѣ. Должно быть, они тогда поняли, что приблизились къ морю, потому что тотчасъ же поворотили назадъ и въ величайшемъ порядкѣ ушли по той же прямой дорогѣ, по которой пришли.

У гуанако есть одна странная привычка, для меня совершенно необъяснимая; они нѣсколько дней сряду испражняются на одномъ и томъ же мѣстѣ. Я видѣлъ одну такую кучу, имѣвшую восемь футовъ въ діаметрѣ и содержащую большое количество помета. Эта привычка, по мнѣнію Д' Орбиньи, свойственна всѣмъ видамъ этого рода: она очень полезна для перувианскихъ индѣйцевъ, употребляющихъ этотъ пометъ вмѣсто топлива; людямъ этимъ, такимъ образомъ не приходится трудиться надъ его собираніемъ. У гуанако кажется, также есть любимыя мѣста, куда они удаляются умирать. По берегамъ Санта Крусъ, на нѣкоторыхъ опредѣленныхъ пространствахъ, большею частью поросшихъ кустарникомъ, и непременно лежащихъ близъ рѣки, почва сплошь была усыяна костями. На одномъ такомъ мѣстѣ я насчиталъ отъ десяти до двадцати череповъ. Я разсматривалъ кости съ особымъ вниманіемъ; онѣ не походили на прежде мною видѣнныя, которыя

были разбросаны, оглоданы, поломаны и какъ будто стащены въ одно мѣсто хищными звѣрями. Здѣсь-же, животныя, передъ смертью, должны были пробираться ползкомъ между кустами. Г. Байно увѣрялъ меня, что во время одного изъ прежнихъ своихъ путешествій онъ видѣлъ то же самое на берегахъ Ріо Галлегось. Я рѣшительно, не постигаю причины этого, но прибавлю, что у Санта Круса раненныя гуанако постоянно направлялись къ рѣкѣ. Близъ Сантъ-Яго, на островахъ Зеленаго мыса, я, помнится, замѣтилъ въ оврагѣ отдаленный уголъ, заваленный козьими костями; мы тогда говорили, что это кладбище всѣхъ козъ на островѣ. Я привожу эти маловжныя обстоятельства потому, что они въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ объяснить находеніе множества неповрежденныхъ костей въ пещерахъ, или подъ наносными слоями, объясняя отчасти и то, почему извѣстныя животныя чаще другихъ встрѣчаются въ извѣстныхъ осадкахъ.

Однажды яликъ, снабженный трехдневной провизіей, отправленъ былъ подъ начальствомъ г. Чафферса, осмотрѣть верхнюю часть пристани. Утромъ мы отыскивали нѣсколько рѣчекъ, нанесенныхъ на одной старой испанской картѣ. Мы нашли заливцеу, у начала котораго струился ручеекъ (первый, найденный нами), съ солоноватою водою. Теченіе принудило насъ

остановиться здѣсь на на нѣкоторое время, и я успѣлъ обойти нѣсколько миль кругомъ по берегу. Равнина, какъ обыкновенно, состояла изъ песку, смѣшаннаго съ землею, которая съ виду походила на известь, но въ сущности совершенно отъ нея отличалась. Вслѣдствіе мягкости этихъ матеріаловъ равнина изрыта была оврагами. Ни одного дерева не было видно, ни одного почти животнаго, ни даже птицы, одинъ только гуанако стоялъ на вершинѣ холма бдительнымъ стражемъ своего стада. Всюду пустынная тишина. И однако, глядя на эту картину, не оживленную ни однимъ свѣтлымъ, отраднымъ явленіемъ, живо чувствуешь какое-то неопредѣленное, но сильное наслажденіе. Невольно спрашиваешь: сколько вѣковъ равнина находится уже въ этомъ состояніи и сколько вѣковъ еще суждено ей такъ оставаться? «Никто на это не сумѣетъ отвѣтить, теперь все кажется вѣчнымъ. Пустыня владѣетъ таинственнымъ языкомъ, который наводитъ страшное сомнѣніе *)».

Вечеромъ мы проплыли нѣсколько миль далѣе, и затѣмъ расположились на ночлегъ. Около полудня, на слѣдующій день, яликъ сѣлъ на мель и по причинѣ мелководья не могъ идти

*) Lhelley, Lines on Mt. Llanc.

далѣе. Такъ какъ вода найдена была нѣсколько прѣсною, то г. Чафферсъ пошелъ на шестахъ и поднялся на двѣ или три мили выше, гдѣ яликъ опять засѣлъ, но на этотъ разъ среди прѣсноводной рѣки. Вода въ ней была мутна и не смотря на ея незначительность, нельзя было иначе объяснить себѣ ея происхожденія, какъ образованіемъ изъ тающихъ снѣговъ Кордильеровъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ мы расположились, насъ окружали крутые обрывы и отвѣсные утесы порфира. Болѣе замкнутого и уединеннаго отъ остальнаго міра мѣста, чѣмъ эта скалистая расщелина на обширной равнинѣ, мнѣ, кажется, ни гдѣ не удавалось встрѣчать.

На другой день по возвращеніи къ стоянкѣ, я пошелъ въ сопровожденіи офицеровъ на изслѣдованіе старой индѣйской могилы, найденной мною на вершинѣ сосѣдняго холма. Два громадныхъ камня, каждый вѣсомъ по меньшей мѣрѣ въ два тона, лежали передъ скалистой грядой, возвышавшейся на шесть футовъ. На днѣ могилы, на твердомъ камнѣ, была земляная настилка въ футъ глубины, нанесенная, вѣроятно снизу изъ равнины. Она была вымощена плоскими каменьями, а сверхъ нихъ наложена была еще куча камней, выполнявшая все пространство между грядой и двумя огромными глыбами. Для завершенія могилы индѣйцамъ удалось отдѣлать отъ гряды большой обломокъ,

который брошенъ поверхъ всего, покоясь на двухъ глыбахъ. Мы подкапывали могилу съ обѣихъ сторонъ, но не нашли никакихъ останковъ, даже и костей. Послѣднія, вѣроятно, давно ужъ разрушились (и въ такомъ случаѣ могила принадлежитъ глубокой древности), ибо въ другомъ мѣстѣ я находилъ нѣсколько мелкихъ осколковъ, въ которыхъ можно было еще отличить остатки человѣка. Фалкнеръ утверждаетъ, что индѣйца хоронятъ на мѣстѣ его вончины, но что въ послѣдствіи кости его заботливо собираются и переносятся на берегъ морской, какъ бы до него ни было велико разстояніе. Обычай этотъ можно объяснить, вспомнивши, что до введенія лошадей, индѣйцы должны были вести почти такую же жизнь, какую ведутъ теперь обитатели Огненной земли и поэтому селились большею частью по близости моря; общій предрасудокъ, побуждающій всякаго къ желанію быть похороненнымъ вмѣстѣ со своими предками, можетъ побуждать и теперешнихъ бродячихъ индѣйцевъ къ перенесенію наименѣе тлѣнныхъ остатковъ ихъ покойниковъ на старое кладбище у морскаго берега.

9 января 1834 г. Еще не стемнѣло, когда Бигль бросилъ якорь въ прекрасной и обширной пристани порта С.-Юліана, расположенной въ ста десяти миляхъ къ югу отъ Порта Дезире. Мы пробыли здѣсь восемь дней. Мѣстность здѣсь

почти такая же, какъ и въ портѣ Дезире, только кажется, еще бесплоднѣе. Однажды совершили мы вмѣстѣ съ капитаномъ Фицъ-Рой длинную прогулку вокругъ пристани. Одиннадцать часовъ сряду были мы безъ воды, и многіе изъ насъ совершенно изнурились. Съ вершины одного холма (справедливо названнаго съ тѣхъ поръ *холмомъ жажды*), усмотрено было прекрасное озеро, и двое изъ насъ отправились на развѣдку, условившись напередъ въ томъ, какими знаками передать издали извѣстіе, если вода окажется прѣсною. Каково-же было наше разочарованіе, когда вмѣсто воды намъ представился бѣлоснѣжный пластъ соли, въ большихъ кубахъ! Мы приписывали сильную нашу жажду сухости воздуха; какова бы впрочемъ ни была тому причина, мы чрезвычайно обрадовались, вернувшись поздно вечеромъ къ лодкамъ. Хотя, вовремя этого странствія, мы нигдѣ не могли сыскать ни одной капли прѣсной воды, но она все таки должна была быть здѣсь хотя въ маломъ количествѣ, ибо я какъ-то случайно нашелъ на поверхности соленой воды, недалеко отъ начала бухты, не совсѣмъ еще мертваго колимбета (*Colymbetes*), который долженъ былъ жить въ какомъ-нибудь недалнемъ прудѣ. Трое другихъ насѣкомыхъ *Cicindella*, вѣроятно *hibrida*, *Cymindis* и *Harpalus*, живущія на тинистыхъ равнинахъ, заливаемыхъ по временамъ моремъ, и еще одинъ, найден-

ный мертвымъ, составляютъ все здѣшнее населеніе жуковъ. Довольно крупная муха (*tabanus*) попадаетъ здѣсь въ большемъ количествѣ и больно насъ кусала. Обыкновенные слѣпни, столь докучливые по тѣнистымъ дорожкамъ Англіи, принадлежатъ къ тому же роду. Насъ здѣсь затруднялъ тотъ же вопросъ, который задаешь себѣ по поводу москитовъ—чьей кровью питаются обыкновенно эти животныя? Гуанако здѣсь почти единственное теплокровное четвероногое, но и оно встрѣчается въ незначительныхъ количествахъ, сравнительно съ множествомъ мухъ.

Геологія Патагоніи интересна. На пространствѣ сотенъ миль, вдоль берега, тянется олинъ-огромный пластъ, заключающій въ себѣ множество вымершихъ третичныхъ раковинъ, тогда какъ въ Европѣ третичныя формации, кажется осѣдали болѣе по бухтамъ. Самая обыкновенная здѣсь раковина — массивная, гигантская устрица, иногда въ футъ въ діаметрѣ. Эти слои покрыты другими изъ особеннаго мягкаго, бѣловатаго камня, содержащаго много гипса и похожого на известь, но въ сущности состоящаго изъ пемзы. Чрезвычайно замѣчательно, что этотъ пластъ, по меньшей мѣрѣ на $\frac{1}{10}$ своего объема, состоитъ изъ инфузорій: профессоръ Эренбергъ открылъ въ немъ уже тридцать океаническихъ формъ. Этотъ осадокъ про-

стирается на 500 миль вдоль берега и, вѣроятно, еще на большое разстояніе. У порта С.-Юліана онъ имѣетъ болѣе 800 футовъ толщины! Эти бѣлыя толщи всюду покрыты массой хряща, образуя, кажется, одинъ изъ самыхъ значительныхъ слоевъ подобнаго рода въ свѣтѣ: онъ идетъ отъ Ріо Колорадо на 600 или 700 морскихъ миль къ югу; у Санта-Круса (проникающаго немного южнѣе С.-Юліана) достигаетъ подошвы Кордильеръ; на полупути вверхъ по рѣкѣ, толщина его болѣе 200 ф.; онъ, вѣроятно, вездѣ простирается до этой громадной горной цѣпи, откуда и произошелъ весь этотъ слой порфиристаго хряща, среднюю ширину котораго можно считать въ 200 миль, а толщину въ 50 ф. Если бы этотъ огромный слой голешника, исключая грязь произшедшую отъ взаимнаго тренія голышей, взгромоздить въ одну груду, онъ составилъ-бы большую горную цѣпь! Когда подумаемъ о томъ, что всѣ эти голыши, несчетные какъ песчинки пустыни, происходили мало-по-малу отъ паденія каменистыхъ массъ на прежніе морскіе и рѣчные берега, и что эти обломки раскалывались еще на болѣе мелкіе куски, изъ которыхъ каждому приходилось катиться, округляться и уноситься далеко отъ мѣста своего паденія, то просто теряешься при мысли о громадной продолжительности време-

ни, необходимой для образованія всего пласта. А этотъ весь голышникъ безспорно занесенъ сюда, и даже округлился послѣ образованія бѣловатыхъ слоевъ и значительно позже пластовъ съ третичными, раковинами на которыхъ онъ залегаеть.

Здѣсь, въ южномъ континентѣ, все совершалось въ обширныхъ размѣрахъ: почва, отъ Рио-Платы до Огненной земли, на разстояніи 1,200 миль, была вся поднята (въ Патагоніи до высоты отъ 300 до 400 ф.), въ періодъ нынѣ живущихъ морскихъ раковинъ. Старыя вывѣтрившіяся раковины, оставшіяся на поверхности поднятой равнины, сохраняютъ еще отчасти свои цвѣта. Процессъ поднятія былъ прерываемъ по крайней мѣрѣ восемью длинными періодами покоя, во время которыхъ море снова вдавалось въ материкъ, образуя длинные ряды утесовъ и крутизны, постепенно возвышавшіяся одна за другою и раздѣлившія равнины, которыя въ свою очередь поднимаются уступами. Сила поднятія земной коры и разрушительное дѣйствіе волнъ, углублявшихся въ берега въ періоды покоя, дѣйствовали на огромныхъ протяженіяхъ равномерно: я съ изумленіемъ нашель, что въ разныхъ мѣстахъ, весьма отдаленныхъ другъ отъ друга, уступы равнинъ лежатъ почти на одинаковомъ уровнѣ. Самая низкая равнина возвышается на 90 ф., самая высокая, на которую я подымался близъ берега, — на 950 ф.; но отъ нея уцѣлѣли только

остатки въ видѣ плоскихъ холмовъ, покрытыхъ хрящемъ. Верхняя равнина С.-Круса имѣетъ скатъ въ 3,000 ф. къ подошвѣ Кордильеровъ. Я сказалъ, что въ періодъ нынѣ живущихъ раковинъ, Патагонія поднялась на 300 или 400 ф., прибавлю, что въ періодъ, когда ледники переносили валуны надъ верхней равниной С.-Круса, произошло поднятіе, по крайней мѣрѣ въ 1,500 ф. Патагонія подвергалась однако же не одному только поднятію: вымершія третичныя раковины между портами С.-Юліана и С.-Круса могли жить, по мнѣнію профессора Е. Форбеса только на глубинѣ, отъ 40—250 ф.; теперь же онѣ покрыты намывнымъ слоемъ толщиною отъ 800 до 1,000 ф.: и такъ морское ложе, на которомъ нѣкогда жили эти раковины, должно было понизиться на нѣсколько сотъ футовъ, чтобы дать возможность накопиться верхнимъ осадкамъ. Какую исторію геологическихъ переворотовъ открываетъ этотъ несложный берегъ Патагоніи!

Около порта Юліана *) въ красноватой глинѣ,

*) Я слышалъ недавно, что флота Ея Величества капитанъ Селиванъ, нашелъ много ископаемыхъ костей въ правильныхъ слояхъ, на берегахъ Ріо Голлегоса, въ 51°4' широты. Нѣкоторыя изъ костей велики, другія малы и принадлежали, кажется, броненосцу. Это чрезвычайно любопытное и важное открытіе.

покрывающей песокъ на низшей изъ равнинъ (90 футовъ), я нашелъ полъ скелета *Macrauchenia pataconicae*, замѣчательнаго четвероногаго, равнаго по величинѣ верблюду. Оно вмѣстѣ съ носорогомъ, тапиромъ и палеотеріемъ, относится къ толстокожимъ, но по строенію костей и своей длинной шеи, имѣетъ близкое сродство съ верблюдомъ, или скорѣе, съ гуанако и ламой. Судя по новѣйшимъ морскимъ раковинамъ, найденнымъ на двухъ болѣе высокихъ ступенеобразныхъ равнинахъ, образованіе и поднятіе которыхъ предшествовало накопленію глины, закрывавшей макраухенію, можно заключить, что это любопытное четвероногое, жило еще долго послѣ того, какъ море населилось своими теперешними раковинами. Меня сначала сильно удивляло, какъ такое большое четвероногое могло существовать такъ недавно, при 49°15' широты, на этихъ несчастныхъ песчаныхъ равнинахъ, съ ихъ тощей растительностью, но сродство макраухеніи съ гуанако, нынѣ обитающаго на самыхъ бесплодныхъ мѣстахъ, отчасти разъясняетъ дѣло.

Сродство хотя отдаленное, между макраухенію и гуанако, между токсодономъ и рѣчной свинкой, — болѣе тѣсное сродство между многими вымершими неполнозубыми и теперь живущими тихоходами, муравьѣдами и брононосцами, нынѣ преимущественно характеризую-

щими южно-американскую фауну, — наконецъ еще болѣе близкое сродство между ископаемыми и теперь живущими видами ктеномисовъ и водосвиногъ, все это факты въ высокой степени интересные. Это сходство особенно ясно выказывается (также ясно, какъ между ископаемыми и вымершими сумчатыми животными Австраліи), въ большой коллекціи, недавно привезенной въ Европу, изъ бразильскихъ пещеръ, господами Лундомъ и Клаузеномъ. Эта коллекція заключаетъ въ себѣ представителей всѣхъ тридцати двухъ (за исключеніемъ 4) родовъ сухопутныхъ четвероногихъ, которыя теперь населяютъ пещерные округи; вымершіе виды еще гораздо многочисленнѣе нынѣ живущихъ: между ними имѣются ископаемые муравьѣды, броненосцы, тапиры, пеккари, гуанако, двуутробки, многочисленные южно-американскіе грызуны, обезьяны и другія животныя. Это удивительное сродство, между вымершими и живущими существами одного и того же материка, болѣе чѣмъ всякій другой фактъ, свособно разъяснить исторію появленія и исчезновенія организмовъ съ земной поверхности. Нельзя, безъ глубокаго изумленія, представлять себѣ переворота постигшаго материкъ Америки. Въ прежнія времена онъ, по всей вѣроятности, былъ населенъ огромными чудовищами, теперь же живущія близкія къ прежнимъ породы суть настоящіе пигмеи по срав-

ненію съ предшествовавшими. Если-бы Бюфону были знакомы: гиганскій тихоходъ, броненосцы и погибшія толстокожія, онъ-бы вѣрно не сказалъ, что въ Америкѣ творческая сила никогда не отличалась большимъ могуществомъ; съ болшею основательностью могъ бы онъ только замѣтить, что творческая сила значительно ослабѣла въ новомъ свѣтѣ. Большая часть вымершихъ четвероногихъ, если не всѣ, жили въ недавній періодъ, одновременно съ большинствомъ теперь существующихъ морскихъ раковинъ. Съ тѣхъ поръ не произошло никакихъ важныхъ перемѣнъ въ формѣ страны. Что же, спрашивается, способствовало къ истребленію такого множества видовъ и цѣлыхъ родовъ? Съ перваго раза неодолимо увлекаешься предположеніемъ какой-нибудь великой катастрофы, но для того чтобы такимъ путемъ могли уничтожиться большія и малыя животныя южной Патагоніи, Бразиліи, Перуанскихъ Кордильеръ и сѣверной Америки до Берингова пролива, необходимо принять потрясеніе всей системы земнаго шара. Сверхъ того изслѣдованіе геологіи Ла-Платы и Патагоніи наводитъ на мысль, что все на землѣ подвергается медленнымъ и постепеннымъ перемѣнамъ. Изъ характера окаменѣлостей Европы, Азіи, Австраліи, сѣверной и южной Америки слѣдуетъ, что условія, благоприятствовавшія существованію большихъ четвероно-

гихъ, еще недавно распространялись по всей землѣ, но въ чемъ состоятъ эти условія — этого еще никто не разгадалъ. Врядъ ли можно считать тому причиною переѣну температуры, въ слѣдствіе которой почти въ одно время истреблены обитатели тропической, умѣренной и арктической полосы на обоихъ полушаріяхъ. Г. Лейль положительно установилъ, что большія четвероногія жили въ сѣверной Америкѣ еще послѣ того періода, когда валуны занесены были въ такія широты, гдѣ ледники теперь никогда не встрѣчаются; отсюда можно, посредствомъ умозаключеній, вывести, что и въ южной Америкѣ макрауженіи жили долго послѣ ледянаго періода. Не человѣкъ-ли, послѣ перваго нашествія на южную Америку, уничтожилъ неповоротливыхъ мегатеріевъ и другихъ неполнозубыхъ, какъ увѣряли нѣкоторые? По крайней мѣрѣ причина истребленія маленькаго тутоку въ Бахіи Бланка, многихъ ископаемыхъ мышей и другихъ небольшихъ четвероногихъ въ Бразиліи по всей вѣроятности иная. Никому также въ голову не придетъ, чтобы засуха, даже значительнѣе тѣхъ, которыя производятъ столько опустошеній въ Ла-Платѣ, могла уничтожить всѣхъ особей всѣхъ видовъ отъ южной Патагоніи до Берингова пролива. Что сказать объ исчезновеніи лошади? Неужели не хватило корма на этихъ равнинахъ, наводненныхъ впо-

слѣдствіи тысячами и сотнями тысячъ потомковъ той лошадиной породы, которая водворена была Испанцами? Неужели этотъ позже введенный видъ отнялъ пищу у громаднѣхъ предшествовавшихъ породъ? Можно-ли повѣрить, чтобы рѣчная свинка отбила пищу у токсодона, гуанакко у макраухеніи, маленькія теперь живущія неполнозубыя у своихъ многочисленныхъ гигантскихъ первообразовъ? Конечно, ничто такъ не поражаетъ въ исторіи міра, какъ это повсемѣстное и столько разъ повторявшееся исчезновеніе обитателей земнаго шара.

Разсматривая однако предметъ съ другой точки зрѣнія, мы найдемъ его менѣ запутаннымъ. Мы не всегда имѣемъ въ виду всю глубину нашего невѣжества относительно условій существованія животныхъ; мы забываемъ также о томъ предѣлѣ, который положенъ слишкомъ быстрому распространенію каждаго организма въ естественномъ состояніи. Запасъ пищи, въ среднемъ выводѣ, остается безъ перемѣны, но стремленіе къ размноженію въ каждомъ животномъ увеличивается въ геометрической прогрессіи, и послѣдствія этого порядка вещей никогда не обнаруживались съ такою ясностью, какъ въ послѣдніе изъ протекшихъ вѣковъ, когда европейскія дикія животныя были распространены и въ Америкѣ. Въ естественномъ состояніи каждое животное размножается правильно, но ви-

ды издавна установившіеся должны очевидно быть удерживаемы отъ чрезмѣрнаго размноженія и встрѣчать дѣйствительно въ этомъ отношеніи нѣкоторыя препятствія. Мы, однако, рѣдко въ состояніи указать, для какого нибудь даннаго вида, въ какое именно время года, въ какой періодъ жизни, или чрезъ какіе болѣе продолжительные промежутки времени возникаетъ причина полагающая предѣлы распространенію вида; мы даже не знаемъ — въ чемъ собственно состоитъ эта причина. Это объясняетъ, почему насъ такъ мало удивляетъ то обстоятельство, что нерѣдко изъ двухъ видовъ весьма сходныхъ между собою по своимъ нравамъ одинъ попадается рѣдко, другой въ большемъ числѣ въ одной и той же мѣстности; или, что одинъ изобилуетъ въ данномъ округѣ, другой же, стоя на той же ступени въ экономіи природы, населяетъ сосѣдній округъ, мало отличающійся своими свойствами отъ перваго. На вопросъ: отчего это такъ? мы готовы отвѣтить немедленно, что это зависитъ отъ какой-нибудь легкой разницы въ климатѣ, пищѣ, или количествѣ естественныхъ враговъ, но никогда почти не можемъ мы замѣтить настоящей причины и образа ея дѣйствія! Поэтому то мы и приходимъ къ тому заключенію, что изобиліе или малочисленность даннаго вида опредѣляются вообще причинами намъ неизвѣстными.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы можемъ слѣдить за уничтоженіемъ вида человѣкомъ, въ ограниченной ли мѣстности или всего его въ цѣлости, мы замѣчаемъ, что онъ становится постепенно все рѣже и рѣже и наконецъ исчезаетъ совершенно; но трудно указать на точное различіе *) въ истребленіи вида человѣкомъ или вслѣдствіе размноженія его естественныхъ враговъ. Несомнѣнность того, что рѣдкость вида предшествуетъ его совершенному уничтоженію, всего очевиднѣе въ послѣдовательныхъ третичныхъ пластахъ, какъ это замѣчено многими способными наблюдателями. Иная раковина попадаетъ во множествѣ въ какомъ нибудь третичномъ пластѣ, теперь же встрѣчается весьма рѣдко и даже долго считалась вымершею. И такъ, если вымиранію каждаго вида предшествуетъ рѣдкость, уменьшеніе въ числѣ особей его составляющихъ, если дѣйствительно существуетъ предѣлъ чрезмѣрному распространенію вида на землѣ, предѣлъ, сущность котораго правда намъ не извѣстна, если мы видимъ безъ малѣйшаго удивленія, не умѣя, впрочемъ, указать настоящую тому причину, что въ данной мѣстности одинъ видъ попадаетъ во множествѣ,

*) См. превосходныя замѣчанія объ этомъ предметѣ въ «Principles of Geology» Лейля.

тогда какъ другой, близкій къ первому, встрѣчается рѣдко, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что видъ порѣдѣлъ еще на одну степень, подвигаясь къ періоду своего окончательнаго вымиранія? Явленіе, совершающееся повсюду вокругъ насъ, хотя и плохо объясняемое, можетъ, безъ сомнѣнія нѣсколько расшириться, не возбуждая нашего удивленія. Кто напр., изумится, услышавъ, что мегалониксъ встрѣчался въ прежнія времена рѣже, чѣмъ мегатерій, или, что какая нибудь изъ ископаемыхъ обезьянъ была малочисленнѣе какой нибудь изъ нынѣ живущихъ? Однако же, въ этой сравнительной рѣдкости ясно обнаруживается дѣйствіе обстоятельствъ, менѣе благопріятствовавшихъ ихъ существованію. Если ужъ допускать, что вымиранію вида предшествуетъ его рѣдкнѣе,—если мы не удивляемся сравнительной рѣдкости одного вида по отношенію къ другому, — то прибѣгать при этомъ все таки къ посредству какого-то сверхъ-естественнаго дѣятеля и удивляться, когда видъ окончательно перестаетъ существовать,—мнѣ кажется, тоже, что допускать, что болѣзнь даннаго лица предвѣщаетъ его смерть, нисколько не удивляясь самой болѣзни, а между тѣмъ, когда больной умретъ, начать недоумѣвать и предполагать, что онъ умеръ отъ насилія.

ГЛАВА IX.

Санта Крусъ. — Экспедиція вверхъ по рѣкѣ. — Индѣйцы. — Огромные потоки базальтовой лавы. — Обломки унесенные рѣкой. — Углубленіе долины. — Кондоръ и нравы его. — Кордильеры. — Большія эрратическія (блуждающія) валуны. — Индѣйскіе остатки. — Возвращеніе къ судну. — Фалклендскіе острова. — Дикія лошади, рогатый скотъ, кролики. — Волкообразная лисица. — Добываніе огня съ помощью костей. — Охота за дикими коровами. — Геологія. — Каменные потоки. — Пингвинъ. — Гусь. — Яйца дориды. — Сложныя животныя.

Санта Крусъ, Патагонія и Фалклендскіе острова.

13 апрѣля, 1834. — Бигль бросилъ якорь въ устьи Санта Круса. Рѣка эта протекаетъ приблизительно въ 60 миляхъ къ югу отъ порта С.-Юліана. Въ послѣднее путешествіе свое капитанъ Стоксъ поднимался на тридцать миль вверхъ по рѣкѣ, но вынужденъ былъ вернуться, по недостатку съѣстныхъ припасовъ. За

исключеніемъ того, что было открыто въ то время, врядъ ли было еще что-нибудь извѣстно объ этой большой рѣкѣ. Капитанъ Фицъ Рой рѣшился поэтому прослѣдить ея теченіе, насколько дозволить время. 18 числа выступили три китоловныхъ лодки, снабженныя трехнедѣльною провизіей, а экипажъ состоялъ изъ двадцати пяти человекъ; этого было достаточно, чтобы помѣряться съ цѣлою ратью индѣйцевъ. При сильномъ приливѣ и хорошей погодѣ сдѣлали мы порядочный рейсъ, вскорѣ добыли прѣсной воды, а къ ночи находились внѣ вліянія прилива и отлива.

Рѣка здѣсь принимаетъ тотъ объемъ и видъ, въ которомъ остается она, на всемъ почти пройденномъ нами протяженіи. Въ ширину она имѣла отъ трехсотъ до четырехсотъ ярдовъ, въ глубину на серединѣ, около семнадцати футовъ. Быстрое теченіе, на всемъ своемъ протяженіи отъ четырехъ до шести узловъ въ часъ, есть, быть можетъ, самая замѣчательная черта этой рѣки. Вода въ ней чистаго голубаго цвѣта, съ легкимъ молочнымъ отливомъ, и не такъ прозрачна, какъ это кажется съ перваго раза. Она протекаетъ по руслу изъ голышей и таковъ же составъ берега и окружающихъ долинъ; долина, по которой она извиивается, простирается къ западу по прямой линіи. Ширина долины измѣняется отъ пяти до десяти миль

она ограничена террасами, поднимающимися уступами и громоздящимися во многихъ мѣстахъ, одна надъ другой, до высоты пяти сотъ футовъ, съ замѣчательною соотвѣтственностью по обѣимъ сторонамъ.

19 апреля. — Противъ такого сильнаго теченія, разумѣется, совершенно невозможно было плыть на веслахъ или на парусахъ; поэтому три лодки связаны были вмѣстѣ съ носовой и кормовой сторонъ, въ каждой оставлено по одному челобѣку, а остальные сошли на берегъ тянуть бичеву. Такъ какъ общій порядокъ, заведенный капитаномъ Фицъ Роемъ, очень облегчалъ работу всѣхъ и такъ какъ всѣ тутъ участвовали, то я и опишу принятый нами порядокъ. Вся компанія раздѣлена была на двѣ группы, изъ которыхъ каждая тянула бичеву по очереди въ продолженіе полутора часа. Офицеры каждой лодки жили вмѣстѣ, питаясь одной и той-же пищей и спали въ одной палаткѣ съ своей командой, такъ что каждая лодка была вполнѣ независима отъ другой. Послѣ заката солнца, первое ровное мѣсто, поросшее кустарникомъ, выбираемо было для ночлега. Каждый изъ команды дѣлался по очередно поваромъ. Лодки потомъ привязывались; поваръ раздувалъ огонь, двое другихъ раскидывали палатку; урядникъ выдавалъ припасы изъ лодки, остальные сносили ихъ въ палатки и собирали дрова подъ

огонь. При такомъ порядкѣ, въ продолженіе получаса все было готово для ночлега. Стража изъ двухъ матросовъ и офицера постоянно ходила кругомъ, и ея обязанность состояла въ стереженіи лодокъ, въ поддерживаніи огня и въ охранѣ отъ индѣйцевъ. Всѣ мы по очередно сторожили каждую ночь.

Въ этотъ день мы проѣхали немного, потому что по пути было много островковъ, покрытыхъ колючими кустами, а каналы между ними мелководны.

20 апрѣля. — Мы миновали острова и принялись за дѣло. Въ одинъ день, при всѣхъ нашихъ усиліяхъ, мы подвинулись впередъ въ прямомъ направленіи среднимъ числомъ на 10 миль, а въ дѣломъ можетъ быть, миль на 15 или 20. Выше того мѣста, гдѣ мы спали послѣднюю ночь, страна становится совершенно невѣдомою; отсюда-то и поворотилъ назадъ капитанъ Стоксъ. Мы замѣтили въ отдаленіи густой дымъ и нашли скелетъ лошади, — изъ чего мы заключили, что Индѣйцы находятся по близости. На слѣдующее утро (21) виднѣлись по землѣ слѣды лошадиныхъ копытъ и знаки, оставленные чужаками или длинными пиками. Всѣ подумали, что Индѣйцы высматривали насъ въ продолженіи ночи. Немного спустя мы дошли до одного мѣста, гдѣ по свѣжимъ слѣдамъ людей, дѣтей и лошадей ясно

было видно, что партія переправилась черезъ рѣку.

22 *апрѣля*. — Страна такая-же и крайне любопытна. Полнѣйшее сходство произведеній по всей Патагоніи есть одно изъ самыхъ выдающихся ея свойствъ. Гладкія равнины безплоднаго валуна производятъ тѣ-же хилыя и малорослыя растенія, а въ долинахъ произрастаютъ тѣ-же терновые кустарники. Повсюду встрѣчаются однѣ и тѣ-же птицы и насѣкомыя. Самыя берега рѣки и чистыхъ ручейковъ, впадающихъ въ нее, едва оживлены болѣе яркою зеленью.

Проклятiе безплодія тяготѣетъ надъ страной, и вода, текущая по кремнистому руслу, подвержена тому же проклятiю. Число водяныхъ птицъ здѣсь такъ незначительно именно потому, что въ этой безплодной рѣкѣ ничто не въ состояніи поддержать существованія какого бы то ни было организма. Но какъ ни бѣдна Патагонія во многихъ отношеніяхъ, она однако можетъ похвалиться большимъ количествомъ мелкихъ грызуновъ, *) чѣмъ, можетъ быть, какая либо другая

*) Пустыни Сиріи отличаются, по Вольнею (т. 1. стр. 351), лѣсными кустарниками, многочисленными крысами, газелями и зайцами. Въ Патагоніи гуанако замѣняетъ газель, а агути—зайца.

страна въ свѣтѣ. Множество видовъ мышей отличаются снаружи большими тонкими ушами и весьма нѣжною шерстью. Эти маленькія животныя кишатъ въ заростяхъ среди долинъ, гдѣ имъ по цѣлымъ мѣсяцамъ приходится оставаться безъ капли воды. за исключеніемъ росы. Они, кажется, всѣ хищнаго каннибальскаго нрава, потому что, какъ только мышь попадала въ мою западню, она была пожираема другими. Небольшая и статная лисица, также въ изобиліи водящаяся здѣсь, вѣроятно, обязана своимъ пропитаніемъ этимъ маленькимъ животнымъ. Гуанако здѣсь также какъ будто болѣе дома; стада въ пятьдесятъ или сто головъ встрѣчаются часто, и какъ я уже рассказывалъ, мы видѣли одно, содержавшее по меньшей мѣрѣ, штукъ до пяти сотъ. Пума, въ сопровожденіи кондора и другихъ стервятниковъ, преслѣдуетъ и пожираетъ этихъ животныхъ. Слѣды пумы замѣтны были почти вездѣ по берегамъ рѣки, а остовы многихъ гуанако, съ вывихнутыми шеями и сломанными костями, свидѣтельствовали объ ихъ насильственной смерти.

24 апрѣля. — Какъ это искони бывало съ мореплавателями, при приближеніи къ незнакомой странѣ, мы разсматривали и наблюдали самомажйшій признакъ какой нибудь перемѣны. Пловучій стволъ дерева, или глыба первобытнаго камня встрѣчались нами съ радостью, какъ будто

мы увидѣли лѣсъ, растущій на скатахъ Кордильеровъ. Впрочемъ, вершина тяжелой массы облаковъ, остававшихся постоянно въ одномъ положеніи, была лучшимъ признакомъ и оказалось рѣшительно правдивой предвѣстницей. Мы сначала даже принимали облака за настоящія горы, а не за массу испареній, сгущенныхъ водяными вершинами.

26 апрѣля. — Сегодня мы напали на рѣзкую перемену въ геологическомъ строеніи равнины. Съ самаго начала этой экспедиціи я тщательно изслѣдовалъ рѣчной песокъ, и въ послѣдніе два дня замѣтилъ присутствіе въ немъ рѣдкихъ мелкихъ кремней чрезвычайно губчатого базальта. Они становились постепенно обильнѣе и крупнѣе, но ни одинъ не достигалъ однако величины въ человѣческую голову. Нынче утромъ, однакоже куски того же камня, только болѣе плотнаго, вдругъ стали еще обильнѣе, и черезъ полъ-часа увидѣли мы предъ собою, въ пяти или шести миляхъ, острый уголъ обширной базальтовой платформы. Подошедши къ ея основанію, мы увидѣли, что рѣка струится между свалившимися глыбами. На протяженіи слѣдующихъ двадцати восьми миль теченіе рѣки загромождено этими базальтовыми массами. Выше этого рубежа лежатъ, тоже въ большомъ числѣ, громадныя обломки первобытныхъ породъ, происходящія отъ окружающей формаци. Ни одинъ изъ этихъ обломковъ, сколько нибудь порядочнаго объема,

не былъ унесенъ теченіемъ далѣе трехъ или четырехъ миль отъ ихъ первоначальнаго источника: если мы обратимъ вниманіе на особенную быстроту большой массы воды въ Санта Крусъ, въ которой вовсе не замѣчается извилинъ съ тихимъ теченіемъ, то рѣка эта представитъ намъ прекрасный примѣръ неспособности рѣкъ вообще къ перенесенію обломковъ даже средней величины.

Базальтъ есть лава, разливавшаяся по дну морскому, но изверженія должны были при этомъ совершаться въ огромныхъ размѣрахъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ мы впервые нашли эту формацію, она имѣла 120 ф. въ толщину; выше по теченію рѣки поверхность ея подымается незамѣтно и масса становится толще, такъ что въ сорока миляхъ отъ начала она была толщиною въ 320 ф. Какъ велика толщина ближе къ Кордильерамъ—мнѣ не извѣстно, но платформа здѣсь достигаетъ высоты около 3000 ф, надъ уровнемъ моря: поэтому мы должны искать ея начала въ этой великой горной цѣпи; такого начала достойны потоки, разливавшіеся по нѣсколько наклонному морскому руслу на разстояніи сотни миль. Съ перваго же взгляда на базальтовые утесы на противоположныхъ сторонахъ долины очевидно, что слои ими образованные когда-то были соединены. Какая-же сила вытѣснила цѣлую полосу земли, плотную массу весьма твердаго

камня, средняя толщина которой равна приблизительно 300 ф., а ширина простирается отъ 2 до 4 миль? Хотя рѣка мало способна уносить даже незначительные обломки, но съ теченіемъ времени, постепенно подкапываясь, она можетъ произвести дѣйствіе, о силѣ котораго трудно судить. Въ настоящемъ же случаѣ, независимо отъ недостаточности такого дѣятеля, можно привести основательные доводы въ пользу предположенія, что эта долина прежде занята была морскимъ рукавомъ. Въ этомъ сочиненіи нѣтъ нужды распространяться о доказательствахъ, которыя ведутъ къ высказанному заключенію, оно явствуетъ изъ формы и сущности возвышающихся уступами террасъ по обѣимъ сторонамъ долины, изъ того лада, на который основаніе долины близъ Андъ расширяется въ большую лиманообразную равнину, несущую песчаные холмики, наконецъ изъ того, что въ руслѣ рѣки встрѣчается нѣсколько морскихъ раковинъ. Я бы могъ доказать въ болѣе обширномъ сочиненіи, что Южная Америка нѣкогда была прорѣзана здѣсь проливами, связывавшими Атлантическій и Тихій Океаны, подобно Магелланову. Но вопросъ о томъ: какъ былъ сдвинутъ плотный базальтъ?—остается неразрѣшеннымъ. Въ прежнее время геологи пустили-бы тутъ въ ходъ насильственное дѣйствіе какой нибудь катастрофы, но въ этомъ случаѣ подобное

предположеніе не могло бы быть допущено потому, что тѣ, уступами возвышающіяся равнины, съ нынѣ-живущими раковинами на поверхности, которыя господствуютъ на всемъ протяженіи патагонскаго берега, простираются и по обѣимъ сторонамъ долины Санта Круса. Никакое дѣйствіе наводненій не могло бы такимъ образомъ видоизмѣнить страну, ни въ долинѣ, ни вдоль открытаго берега, и посредствомъ образованія такихъ уступовъ или террасъ сама долина была выдолблена. Хотя извѣстно, что въ узкихъ частяхъ Магелланова пролива быстрота теченія равняется 8 узламъ въ часъ, но мы должны сознаться, что голова кружится при одной мысли о числѣ годовъ, цѣлыхъ столѣтій, которыя должны были пройти для того, чтобы одни теченія, безъ помощи сильныхъ буруновъ могли разѣсть такую громадную и толстую массу плотной базальтовой лавы. Тѣмъ не менѣе надо полагать, что пласты, подмытые водами этого стариннаго пролива, раздробились сначала на огромные обломки, разбросавшіеся по берегу, за тѣмъ стали они распадаться на мелкія глыбы, потомъ въ галешникъ и, наконецъ въ самую мелкую глину, занесенную волнами далеко въ Восточный и Западный Океаны.

Съ переменной въ геологическомъ строеніи равнинъ мѣняется и характеръ мѣстности. Бродя по узкимъ и каменистымъ ущельямъ, я почти

вообразалъ себя перенесеннымъ обратно къ безплоднымъ долинамъ острова Сантъ-Яго. Между базальтовыми утесами нашелъ я нѣсколько невиданныхъ еще мною растений, другія-же призналъ зашедшими съ Огненной земли. Эти скважистые утесы служатъ скудными резервуарами для дождевой воды, а слѣдовательно, на той чертѣ, гдѣ соединяются огненная и осадочная формацин, пробивается нѣсколько небольшихъ ключей (очень рѣдко попадающихся въ Патагоніи); ихъ можно различить изъ дали по рѣзкимъ полосамъ ярко-зеленой травы.

27 *апрѣля*. — Русло рѣки суживается, а отъ этого теченіе становится еще быстрѣе. Она здѣсь протекаетъ около 6 узловъ въ часъ. Вслѣдствіе этого, а также по причинѣ многихъ огромныхъ угловатыхъ обломковъ, тянуть лодки стало и опасно и затруднительно.

Сегодня я застрѣлилъ кондора. Въ немъ было, отъ конца одного крыла до конца другаго восемь съ половиною ф., отъ клюва до хвоста четыре ф. Извѣстно, что эта птица занимаетъ большое географическое пространство, отъ Магелланова пролива, вдоль Кордильеръ, до восьмага градуса сѣверной широты. Утесистый уступъ при устьи Ріо Negro составляетъ ея сѣверную границу на патагонскомъ берегу; сюда она пробралась на разстояніи четырехъ сотъ миль, отъ центральной черты своего рас-

пространенія, проходящей въ Андахъ. Далѣе къ югу, среди стремнинъ порта Дезире, кондоръ встрѣчается тоже довольно часто, но на морской берегъ залѣтаетъ рѣдко. Рядъ утесовъ близъ устья Санта Круса часто посѣщается этими птицами, и въ восьми миляхъ вверхъ по рѣкѣ, гдѣ по краямъ долины образовались крутыя базальтовыя пропасти, кондоръ появляется снова. Изъ этихъ фактовъ кажется слѣдуетъ, что кондоры особенно любятъ отвѣсныя утесы. Въ Чили они большую часть года пребываютъ въ низменныхъ мѣстахъ около береговъ Тихаго океана и ночью садятся по нѣскольку вмѣстѣ на одномъ деревѣ; но въ раннюю лѣтнюю пору они удаляются въ самыя недоступныя части внутри Кольдильеръ, чтобы тамъ высидивать яйца въ покоѣ.

Что же касается до ихъ размноженія, то мнѣ рассказывали поселяне въ Чили, что кондоръ не строитъ никакихъ гнѣздъ, но въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцахъ кладетъ два большихъ бѣлыхъ яйца на голомъ утесѣ. Говорятъ, что молодые кондоры не умѣютъ летать въ продолженіе цѣлаго года; и долго послѣ приобрѣтенія ими этой способности, они продолжаютъ по ночамъ, садиться вмѣстѣ съ родителями своими, а днемъ вмѣстѣ съ ними охотиться. Старыя птицы живутъ, большею частью, парами, но между внутренними базальтовыми утесами Сан-

та Круса я нашелъ мѣсто, куда они собираются цѣлыми десятками. Подойдя вдругъ къ краю одной стремнины, намъ представилось величавое зрѣлище: отъ двадцати до тридцати этихъ большихъ птицъ, тяжело подымавшихся отъ мѣста отдыха своего и улетающихъ вдаль величавыми кругами. По количеству помета на утесахъ было видно, что онѣ давно посѣщаютъ это мѣсто для насѣста и для высиживанія яицъ. Наѣвшись до-сыта падали на нижнихъ равнинахъ, онѣ для пищеваренія, удаляются въ эти любимыя закраины. По этимъ фактамъ, кондоръ подобно галлиного долженъ считаться стайною птицею. Въ этихъ мѣстахъ всѣ кондоры кормятся трупами гуанако, умирающихъ естественною смертию, или, что бываетъ еще чаще, убитыхъ пумой. Судя по тому, что я видѣлъ въ Патагоніи, я полагаю, что вообще они улетають на свою дневную охоту не далеко отъ мѣста своего постоянного ночлега.

Кондоръ часто виднѣется на большой высотѣ, куда подымается онѣ самыми граціозными кругами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они, я увѣренъ, парятъ просто изъ удовольствія, или же, по словамъ чилійскихъ крестьянъ сторожатъ умирающее животное, или пуму, пожирающаго свою добычу. Если кондоры спускаются и потомъ вдругъ всѣ вмѣстѣ подымаются, то чилійцы утверждаютъ, что причиною тому пума,

стерегущей группъ, который выскочилъ, чтобы прогнать разбойниковъ. Кромѣ падали, кондоры часто нападаютъ на молодыхъ козъ и ягнятъ; пастушескія собаки такъ приучены, что когда кондоръ проносится мимо, то онѣ выбѣгаютъ и, глядя вверхъ, громко лаютъ. Чилійцы уничтожаютъ и ловятъ ихъ во множествѣ. Для этого у нихъ въ употребленіи двѣ методы: одна состоитъ въ томъ, что кладутъ падаль на ровномъ мѣстѣ огороженномъ заборами, съ отверстіемъ, и когда кондоры насытятся, то охотники пускаются верхомъ вскачь ко входу и окружаютъ ихъ; дѣло въ томъ, что если этой птицѣ негдѣ разбѣжаться, то она не можетъ сообщить своему тѣлу достаточной силы, чтобы подняться съ земли; или же отмѣчаютъ деревья, на которыхъ кондоры садятся по пяти или шести штукъ, а потомъ ночью взлѣзаютъ на дерево и ловятъ птицъ силками. Сонъ птицъ такъ крепокъ, какъ я самъ въ этомъ убѣдился, что это для охотниковъ вовсе не трудно. Въ Вальпарайсо продали при мнѣ живаго кондора за полъшиллинга, но обыкновенная цѣна — отъ восьми до десяти шиллинговъ. Одинъ видѣнный мною, былъ связанъ веревкой и очень поврежденъ, но едва разрѣзали бичеву стягивавшую его клювъ, какъ онъ, не смотря на окружающую его толпу, съ жадностью кинулся на кусокъ падали. Здѣсь же, въ одномъ саду, содержали отъ двадцати до

тридцати живыхъ кондоровъ. Ихъ кормили только разъ въ недѣлю, и однако здоровье ихъ было довольно удовлетворительно *). Чилийскіе поселяне утверждаютъ, что кондоръ можетъ прожить, безъ пищи и безъ вреда для себя, отъ пяти до шести недѣль; не ручаюсь за справедливость этого, но этотъ жестокий опытъ, по всему вѣроятію, былъ испробованъ.

Хорошо извѣстно, что кондоры, подобно другимъ стервятникамъ, тотчасъ узнаютъ о смерти погибшаго гдѣ нибудь въ околodкѣ животнаго, и слетаются на его трупъ съ непонятною быстротою. Не надо упускать изъ виду, что въ большинствѣ случаевъ птицы эти открываютъ свою добычу и очищаютъ скелетъ его, прежде, чѣмъ мясо успѣло хоть нѣсколько попортиться. Припомнивъ опыты Одюбона надъ слабымъ чутьемъ стервоядныхъ птицъ, я сдѣлалъ слѣдующій опытъ въ названномъ выше саду: кондоры были привязаны веревками, каждый отдѣльно, и посажены рядомъ у стѣны; завернувши кусокъ мяса въ бѣлую бумагу я ходилъ взадъ и впередъ и держалъ его въ рукѣ на разстояніи трехъ ярдовъ, но птицы не обратили на это

*) Я замѣчалъ, что за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, какъ кондоръ издыхаетъ, всѣ мучившія его вши выползаютъ къ наружнымъ перьямъ. Меня увѣряли, что такъ бываетъ всегда.

ни малѣйшаго вниманія. Тогда бросилъ я мясо на землю, на ярдъ отъ одного стараго самца; онъ на минуту посмотрѣлъ на него со вниманіемъ, затѣмъ больше туда даже не глядѣлъ. Я началъ толкать палкою брошенный кусокъ все ближе и ближе, пока онъ не дотронулся до клюва кондора; бумага мгновенно была изорвана съ яростью, и тотчасъ же всѣ птицы, расположенныя въ длинный рядъ стали биться и хлопать крыльями. Обмануть такимъ образомъ собаку совершенно невозможно. Доводы въ пользу и противъ остраго чутья стервятниковъ страннымъ образомъ уравниваются одни другими. Профессоръ Оуэнъ доказалъ, что обонятельные нервы индѣйскаго катарта (*Cathartes aura*) чрезвычайно развиты, и въ тотъ вечеръ, когда записка Оуэна читана была въ «Зоологическомъ обществѣ», одинъ изъ присутствовавшихъ рассказывалъ, что онъ, въ двухъ случаяхъ, видѣлъ, какъ стервоядная птицы въ Вестъ-Индіи собирались на крышѣ дома, въ которомъ непохороненное тѣло начало портится, свѣдѣніе о чемъ едва-ли могло въ этомъ случаѣ быть ими приобрѣтено зрѣніемъ. Съ другой стороны, кромѣ опытовъ Одюбона и моего, г. Бахманъ въ Соединенныхъ Штатахъ дѣлалъ разнообразнѣйшія пробы, показавшіе, что ни индѣйскій катортъ (видъ, вскрытый профессоромъ Оуэномъ), ни галлинаго не нахо-

дятъ своей пищи чутьемъ. Онъ покрывалъ сильно попортившуюся пададь тонкимъ холстомъ и сверху разбросалъ куски мяса; эти послѣдніе были съѣдены стервятниками, но вслѣдъ за тѣмъ они тотчасъ же и успокоились хотъ ихъ клювъ и находился всего на восьмую часть дюйма отъ гнилой массы. Сдѣланъ былъ небольшой разрывъ на холстѣ и пададь тотчасъ была открыта, холстъ замѣнилъ новымъ, по которому снова раскинули мясо, и оно снова съѣдено коршунами, не узнавшими о скрытой массѣ, по которой они ходили. Эти факты, кромѣ г. Бахмана, засвидѣтельствовали своею подписью еще шесть свидѣтелей *).

Часто лежа съ отдыхать среди открытыхъ равнинъ и глядя вверхъ, я видѣлъ стервятниковъ, носящихся въ воздухѣ на большой высотѣ. Когда страна не представляетъ возвышеній то, вообще говоря, всѣмъ намъ, коннымъ или пѣшимъ, рѣдко приходится разсматривать больше, чѣмъ на какія нибудь 15° въ вышину. Въ такомъ случаѣ, если птица летитъ на высотѣ отъ 3000 до 4000 ф. то она всегда находится внѣ поля нашего зрѣнія и не мудрено, что мы тогда не замѣчаемъ ее. Когда охотникъ убиваетъ животное въ уединенной долинь, то очень воз-

*) Loudon's Magazine of Nat. Hist., vol. VII.

можно, что за нимъ во все время слѣдить съ высоты зоркая птица? А способъ, которымъ она спускается, можетъ быть, даетъ знать всѣмъ стервятникамъ въ околodнѣ, что для нихъ есть добыча.

Когда кондоры кружатся стаей надъ какимъ нибудь мѣстомъ, ихъ полетъ очень красивъ. Я ни разу не видѣлъ, чтобы птицы эти хлопали крыльями, кромѣ самаго момента поднятія ихъ съ земли. Близъ Лимы я наблюдалъ за нѣкоторыми около получаса, не сводя глазъ, онѣ налету то описывали большія кривыя линіи, то круги, спускаясь и подымаясь, ни разу не взмахнувъ крыломъ. Когда онѣ проносились близко надо мною, то я по косвенному направленію, внимательно смотрѣлъ на очертанія каждаго изъ большихъ маховыхъ перьевъ крыла, малѣйшее отклоненіе тотчасъ бы уничтожило чистоту ихъ очертанія и они показались бы мнѣ слитыми, но они все время четко рисовались на голубомъ небѣ; головѣ и шеѣ сообщалось частое и, по видимому, сильное движеніе, а распростертыя крылья составляли какъ бы точку опоры, опредѣлявшую движенія шеи, головы и хвоста. Когда птица начинала спускаться, то крылья у нее на минуту складывались, когда же она ихъ снова распускала, съ измѣненнымъ наклономъ, то сила, пріобрѣтенная быстрымъ опусканіемъ,

какъ бы уносила птицу вверхъ, ровнымъ и твердымъ движеніемъ бумажнаго змѣя. При взлетѣ птицы, ея размахъ долженъ быть достаточно быстръ, такъ чтобы дѣйствіе наклонной поверхности тѣла на атмосферу могло уравновѣсить тяжесть ея тѣла. Сила необходимая для поддержанія тѣла, равномерно двигающагося въ горизонтальномъ направленіи среди воздуха, гдѣ такъ мало тренія, не можетъ быть очень велика, а только эта сила и нужна. Надо полагать, что для этого довольно движенія шеи и тѣла кондора. Какъ бы то ни было, все же нельзя безъ удивленія и удовольствія смотрѣть, какъ такая большая птица, по цѣлымъ часамъ и безъ малѣйшаго видимаго усилія, носится и кружится надъ горами и рѣками.

29 апрѣля. — Мы радостно привѣтствовали съ одного возвышенія бѣлыя вершины Кордильеръ, выглядывавшія сквозь темный облачный покровъ. Въ продолженіе немногихъ слѣдующихъ дней мы подвигались впередъ медленно, такъ какъ теченіе рѣки было извиристо и загромождено огромными обломками гранита и разныхъ древнихъ сланцевыхъ породъ. Равнина, окаймляющая долину, достигаетъ здѣсь высоты около 1,100 футовъ надъ уровнемъ рѣки и значительно мѣняетъ свой характеръ. Кругловатые голыши порфира перемѣшаны со многими громадными угловатыми кусками базальта

и первобытнаго камня. Первый изъ этихъ эрратическихъ валуновъ, замѣченный мною, былъ въ 67 миляхъ разстоянія отъ ближайшей горы; другой, измѣренный мною, имѣлъ пять квадратныхъ ярдовъ и подымался на пять футовъ надъ хрящемъ. Его края были до того угловаты, а объемъ такъ великъ, что я сначала принялъ его за утесъ *in situ* и вынулъ компасъ, чтобы наблюдать направленіе его откола. Равнина въ этомъ мѣстѣ не была такъ гладка, какъ у берега, но не обнаруживала никакаихъ признаковъ насильственнаго переворота. При такихъ обстоятельствахъ, я думаю, невозможно иначе объяснить перенесеніе этихъ гигантскихъ каменныхъ массъ на такое разстояніе отъ ихъ первоначальнаго источника, какъ только теорією плавающихъ ледниковъ.

Въ послѣдніе два дня мы нападали на лошадиныя слѣды и встрѣчали много мелкихъ вещей, принадлежащихъ индѣйцамъ, какъ то: куски плаща и пукъ страусовыхъ перьевъ; — но все это повидимому, давно уже находилось на этихъ мѣстахъ. Между тѣмъ мѣстомъ, гдѣ индѣйцы въ послѣдній разъ переправлялись черезъ рѣку, и мѣстностью, гдѣ мы теперь находились страна была совершенно пустынна, хотя разстояніе было очень велико. Сначала это меня удивило въ виду изобилія гуанако; но это объясняется каменистымъ свойствомъ равнинъ, по

которымъ трудно охотиться на неподкованной лошади. Однако въ двухъ мѣстахъ этой весьма уединенной страны я нашелъ небольшія кучи камней, которые, по моему мнѣнію, не могли быть собраны вмѣстѣ случайно. Они были положены на такихъ пунктахъ, которые возвышаются надъ краемъ самаго большаго утеса, и походили, только въ малыхъ размѣрахъ, на камни близъ порта Дезире.

4 мая. — Капитанъ Фицъ Рой рѣшился далѣе не тянуть лодокъ. Рѣка приняла излучистое теченіе и была очень быстра, а видъ страны не искушалъ подвигаться далѣе. Всюду попадались намъ тѣ же произведенія и тотъ-же печальный ландшафтъ. Мы теперь находились въ ста сорока миляхъ отъ Атлантическаго океана и около шестидесяти отъ ближайшаго рукава Тихаго. Въ этой верхней своей части долина разширилась въ обширный бассейнъ, ограниченный съ сѣвера и съ юга базальтовыми платформами, надъ которыми господствовала длинная цѣпь Кордильеръ, увѣнчанныхъ снѣгомъ. Мы съ сожалѣніемъ смотрѣли на эти высокія горы, довольствуясь одними соображеніями объ ихъ природѣ и произведеніяхъ вмѣсто того, чтобы, какъ мы надѣялись, стоять на ихъ вершинахъ. Кромѣ бесполезной траты времени, которой стоила бы намъ попытка подняться выше по рѣкѣ, мы бы ничего не выиграли такъ какъ ужь

нѣсколько дней получали только половинную порцію хлѣба. Хотя разсудительнымъ людямъ достаточно пожалуй и этого, но послѣ тяжелаго дневнаго труда оно нѣсколько скудно: легкій желудокъ и спокойное пищевареніе—отличныя вещи для занятія въ теоріи, но очень непріятны на дѣлѣ.

5-го.—Мы начали свое обратное плаваніе до восхода солнца. Мы неслись внизъ по рѣкѣ съ большою быстротою, около десяти узловъ въ часъ. Въ этотъ одинъ день мы прошли то, что стоило намъ, при плаваніи вверхъ, пяти съ половиною дней тяжкаго труда. 8-го числа мы достигли Бигля, послѣ нашей 21-дневной экспедиціи. Кромѣ меня, каждый имѣлъ причину быть недовольнымъ; мнѣ-же плаваніе это доставило знакомство съ чрезвычайно любопытнымъ разрѣзомъ великой третичной формаціи Патагоніи.

1-го марта 1833 и снова въ мартѣ, 16 числа, 1834, Бигль сталъ на якорь въ проливѣ Беркслей, восточнаго фалькендскаго острова. Этотъ архипелагъ расположенъ почти въ одной широтѣ съ устьемъ Магелланова пролива; онъ занимаетъ пространство въ сто двадцать географическихъ миль въ длину и шестьдесятъ въ ширину, немногимъ больше половины Ирландіи. Франція, Испанія и Англія оспаривали другъ у друга обладаніе этими жалкими островами, оставленными наконецъ безъ населенія. Прави-

тельство Буэносъ Айреса уступило ихъ въ частныя руки, но пользовалось этими островами, какъ поселеніемъ для преступниковъ, также какъ въ старину дѣлала это Испанія. Англія объявивъ свои притязанія, овладѣла архипелагомъ. Англичанинъ, оставленный охранять флагъ, былъ убитъ. Посланъ былъ британскій офицеръ, безъ всякаго однакоже отряда, и когда мы прибыли, то нашли его, среди народонаселенія, котораго большая половина состояла изъ бѣглыхъ и убійць. Мѣсто дѣйствій достойно разыгравшихся на немъ происшествій. Волнистая мѣстность, съ пустыннымъ и жалкимъ видомъ, всюду покрыта торфяными болотами и тощею травой, однообразнаго бураго цвѣта. Тамъ и сямъ вершина сѣраго кварцоваго утеса пробивается сквозъ гладкую поверхность. Всякій слыхаль о климатѣ этихъ странъ, его можно сравнить съ тѣмъ, который господствуетъ на высотѣ одной или двухъ тысячъ футовъ на горахъ сѣвернаго Уэльса; въ первомъ, впрочемъ, менѣе солнечнаго свѣта и мороза, но болѣе вѣтра и дождя *).

*) По отчетамъ, обнаруженнымъ послѣ нашего путешествія и особенно по многимъ интереснымъ письмамъ флота Ея Величества капитана Семилана, выходитъ, что мы преувеличивали вредность климата этихъ острововъ. Но когда подумаю о повсемѣстномъ почти торфяномъ по-

16-го.—Опишу теперь небольшую экскурсію, сдѣланную мною вокругъ одной части этаго острова. Утромъ я отправился съ шестью лошадьми и двумя гаухо: послѣдніе были отмѣнными людьми для этого предпріятія, привыкшими пробиваться собственными средствами. Погода стояла бурная и холодная, съ сильными бурями и градомъ. Мы, однако, подвигались впередъ довольно благополучно, хотя помимо геологическаго интереса, ничего не могло быть скучнѣе нашей поѣздки въ этотъ день. Страна—все таже однообразная болотистая мѣстность, поверхность ея покрыта незначительной, бурой, грубой травой и немногими очень мелкими кустами, поднимающимися изъ упругаго торфянаго грунта. Въ долинахъ, тамъ и сямъ, виднѣются порою не большіе стада дикихъ гусей, и повсюду земля была такъ рыхла, что могла служить пищею попадавшимся намъ бекасамъ. Кромѣ этихъ двухъ видовъ птицъ число всякихъ другихъ было самое незначительное. Въ одномъ мѣстѣ длинный рядъ холмовъ, около двухъ тысячъ футовъ въ вышину, состоявшій изъ кварцоваго камня, затруднилъ намъ нѣсколько переходъ своими шероховатыми и бесплодными гребнями. На южной

кромѣ и о томъ, что здѣсь рѣдко зрѣетъ пшеница, то мнѣ съ трудомъ вѣрится, чтобы лѣтомъ климатъ здѣсь былъ такъ хорошъ и сухъ, какъ это представляли въ послѣднее время.

сторонѣ мы попали на мѣсто, очень благопріятное для дикаго рогатаго скота, однако, встрѣтили немного головъ, потому что въ послѣднее время ихъ много тревожили.

Вечеромъ мы прошли мимо небольшого стада. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, по имени Сантъ-Яго, отогналъ одну жирную корову, и бросилъ шары (боласы), которые хотя и попали ей по ногамъ, но не опутали ихъ. Бросивъ свою шанку для означенія мѣста, гдѣ остались шары, онъ на всемъ скаку развернулъ свое ласо и послѣ довольно трудной травли снова настигъ корову и поймалъ ее за рога. Другой гаучо ушелъ впередъ съ запасными лошадьми, такъ что Сантъ-Яго порядкомъ повозился съ разъяренною скотиною. Онъ старался вывести ее на ровное мѣсто, пользуясь каждый разъ случаемъ, когда она на него бросалась; когда же она упрямо останавливалась, то моя лошадь, приученная къ этому, съ разбѣга наносила ей своею грудью сильные толчки. Но для одного человѣка, справиться съ обезумѣвшимъ отъ страха животнымъ на ровномъ мѣстѣ — дѣло нелегкое и было бы еще труднѣе если-бы лошадь, предоставленная самой себѣ, безъ всадника, не навывкала скоро, для собственной безопасности, не спускать ласо, такъ что, если корова или волъ идетъ впереди, лошадь слѣдуетъ за нимъ тѣмъ же шагомъ; въ противномъ случаѣ, она

стоитъ неподвижно, наклоняясь на одинъ бокъ. Наша лошадь, впрочемъ, была молода, и не стояла тихо, а поддавалась коровѣ, когда она билась. Интересно было смотрѣть, съ какою ловкостью Сантъ-Яго увертывался отъ нея, пока ему удалось наконецъ нанести ей роковой ударъ въ сухую жилу задней ноги; послѣ этого онъ, безъ затрудненія, вонзилъ свой ножъ въ спинной хребетъ и корова повалилась, какъ пораженная молніей. Затѣмъ вырѣзаль онъ достаточное количество кусковъ мяса съ кожей, но безъ костей, и мы отправились къ ночлегу, гдѣ имѣли къ ужину «сагне соп сего», или мясо, изжаренное вмѣстѣ со шкурой. Это лучше обыкновенной баранины, но столько же, на сколько дичина лучше говядины. Большой круглый кусокъ изъ задней части жарится на горячей золѣ, шкурой внизъ и въ формѣ чайнаго блюдечка, такъ что изъ мясной жижи ничего не пропадаетъ. Если бы какой нибудь почтенный альдерманъ поужиналъ съ нами въ тотъ вечеръ, то «сагне соп сего», безъ сомнѣнія, сдѣлалось бы скоро знаменитымъ въ Лондонѣ.

Ночью шелъ дождь, и слѣдующій день (17) былъ очень бурный, съ градомъ и снѣгомъ. Мы вхали поперекъ острова къ той полосѣ, которая соединяетъ Ринконъ дель Торо (большой полуостровъ на юго-западной оконечности) съ

остальной частью острова. Такъ какъ здѣсь бьютъ много коровъ, то и остается несоразмѣрное количество быковъ. Они бродятъ въ одиночку, или по два по три и чрезвычайно дики. Я никогда не видалъ такихъ великолѣпныхъ животныхъ; объемомъ своихъ громадныхъ головъ и шей они похожи на греческія мраморныя изваянія. Капитанъ Селиванъ извѣщаетъ меня, что шкура быка средней величины вѣситъ 47 фунт, между тѣмъ какъ шкура такого вѣса, не просушенная, считается очень тяжелою въ Монте Видео. Молодые быки обыкновенно отбѣгаютъ нѣсколько въ сторону, но старые не трогаются ни на шагъ, развѣ для того, чтобы броситься на человѣка или лошадь; много лошадей погибаетъ такимъ образомъ. Старый быкъ перешелъ черезъ болотистый ручей и остановился противъ насъ на другой сторонѣ; мы напрасно пытались отогнать его и принуждены были сдѣлать большой обходъ. Въ отмѣтку гаухосы рѣшились его оскотить и сдѣлать на будущее время безвреднымъ. Любопытно было смотрѣть, какъ искусство восторжествовало надъ силой. Одно ласо закинуто было на рога, когда онъ бросился къ лошади, другое на заднія ноги: обезсиленное чудовище, тотчасъ растянулось на землѣ. Когда ласо туго затянуть вокругъ роговъ неистоваго животного, то съ перваго раза покажется довольно труд-

нымъ снять его обратно, не убивъ звѣря; и я думаю, что одному человѣку не было-бы тутъ другаго средства. Но съ помощью другаго лица, захватывающаго своимъ ласо заднія ноги скотины, ее скоро смиряютъ; потому что, пока заднія ноги животнаго крѣпко держатъ, оно совершенно безпомощно, и первый человѣкъ можетъ своими руками развязать свое ласо на рогахъ, а потомъ спокойно сѣсть на лошадь; если второй человѣкъ, подавшись хоть не много назадъ, нечаянно ослабитъ узелъ, то ласо соскользаетъ съ ногъ бьющагося животнаго, оно вдругъ подымается, отряхивается и безуспѣшно кидается на своего противника.

Во все время нашей поѣздки мы встрѣтили только одинъ табунъ дикихъ лошадей. Эти животныя, также какъ и рогатый скотъ, введены французами въ 1764 г., и съ тѣхъ поръ оба размножались. Любопытно, что лошади никогда не оставляли восточной части острова, хотя нѣтъ естественной преграды, которая бы имъ мѣшала бродить повсюду, и эта часть острова не заманчивѣе остальной его половины. Спрошенные мною гаухосы подтвердили, правда, фактъ, но ни чѣмъ не могли объяснить его кромѣ того, что лошади сильно привязываются къ мѣстности, съ которою свыклись. Принявъ во вниманіе ихъ небольшое число и отсутствіе хищныхъ животныхъ на островѣ, я особенно любо-

пытствовалъ узнать. — что задерживало ихъ первоначально быстрое размноженіе? Что рано или поздно, на незначительномъ островѣ, какое-нибудь препятствіе къ излишнему размноженію должно возникнуть, — это несомнѣнно; но почему-же размноженіе лошади приостановлено ранѣе размноженія рогатаго скота? Капитанъ Селиванъ много хлопоталъ за меня по поводу этого любопытнаго вопроса. Гаухосы приписывали это явленіе главнѣйше жеребцамъ, постоянно бродящимъ съ мѣста на мѣсто и заставляющимъ кобылъ себѣ сопутствовать, не взирая на то, могутъ-ли слѣдовать за ними жеребята или нѣтъ. Одинъ гаухо рассказывалъ капитану Селивану, что онъ наблюдалъ цѣлый часъ, какъ жеребецъ толкалъ и кусалъ кобылу, до тѣхъ поръ пока не принудилъ ее бросить жеребенка. Капитанъ Селиванъ можетъ подтвердить этотъ интересный фактъ тѣмъ, что онъ не разъ находилъ мертвыхъ жеребитъ, ни разу ни видѣвши однако— мертваго теленка. Кромѣ того, встрѣчаются часто и трупы взрослыхъ лошадей, какъ-будто онѣ болѣе подвержены болѣзнямъ и несчастнымъ случаямъ, чѣмъ рогатый скотъ. Вслѣдствіе мягкости почвы копыта ихъ становятся уродливой длины, а это производитъ хромоту. Преобладающіе цвѣта здѣшнихъ лошадей — рыжій и сѣрый. Всѣ онѣ какъ ручныя, такъ и дикія, очень невелики, хотя, вообще, въ хорошемъ

состояніи; онѣ настолько потеряли своей силы, что ихъ нельзя употреблять при захватываніи ласо дикаго рогатаго скота: вслѣдствіе чего, здѣсь вынуждены много издерживаться на ввозъ свѣжихъ лошадей изъ Ла-Платы. Вѣроятно, когда-нибудь южное полушаріе будетъ имѣть свою породу фальклендскихъ пони, какъ сѣверное имѣетъ свою шотландскую породу.

Рогатый скотъ не выродился, подобно лошадямъ, напротивъ онъ, какъ выше замѣчено, еще, кажется, увеличился въ объемѣ; онъ также гораздо многочисленнѣе лошадей. Капитанъ Селиванъ извѣщаетъ меня, что здѣшнія коровы менѣе разнятся между собою общей формой тѣла и очертаніемъ роговъ, чѣмъ англійскія. Масти же онѣ чрезвычайно различны, и всего удивительнѣе то, что въ разныхъ частяхъ небольшого острова преобладаютъ различные цвѣта. Около горы Осборна, на высотѣ отъ 1,000 до 1,500 ф. надъ моремъ, почти половина стадъ мышинаго или свинцоваго цвѣта, масть, рѣдко попадающаяся въ другихъ частяхъ острова. Близъ порта Плизентъ господствуетъ темнобурый, тогда какъ къ югу отъ пролива Шуазёля (который дѣлитъ островъ почти на двѣ половины) бѣлый скотъ съ черными головами и ногами встрѣчается всего чаще, но по всему острову распространены по немногу пестрыя и черныя животныя. Капитанъ Селиванъ говоритъ,

что разница въ господствующихъ цвѣтахъ до того очевидна, что, когда смотришь на стада близь порта Плизентъ, они издали кажутся черными пятнами, между тѣмъ какъ къ югу отъ пролива Шуазёля они являются бѣлыми пятнами на скатахъ холмовъ. Капитанъ Селиванъ полагаетъ что стада между собою не смѣшиваются; и странно, что скотъ мышинаго цвѣта, хотя живетъ въ гористомъ мѣстѣ, телится мѣсяцемъ ранѣе, чѣмъ скотъ другого цвѣта на изменныхъ мѣстахъ. Интересно видѣть, какъ этотъ скотъ, когда-то ручной, распался на три масти, изъ которыхъ одна которая нибудъ по всей вѣроятности, въ концѣ концовъ возобладаетъ надъ прочими, если только стада будутъ оставлены въ покоѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Кроликъ тоже одно изъ перевезенныхъ сюда животныхъ; онъ здѣсь очень развелся, такъ что изобилуетъ въ большей части острова. Но, подобно лошадямъ, кролики тоже не распространились далѣе извѣстныхъ предѣловъ, потому что они не перешли за центральную цѣпь холмовъ, и даже не добрались бы до ея подошвы, если-бы они, какъ меня завѣряли гаухосы, не были перенесены сюда малыми партіями; я бы никакъ не могъ полагать, чтобы эти животные, родомъ изъ сѣверной Африки, могли существовать въ здѣшнемъ сыромъ климатѣ, лишенномъ солнечнаго свѣта до того, что пше-

ница созрѣваетъ только изрѣдка. Утверждаютъ, что въ Швеціи, гдѣ, по общему мнѣнію, климатъ благопріятнѣе, кроликъ не можетъ жить на открытомъ воздухѣ. Къ тому-же первымъ немногочисленнымъ парамъ приходилось терпѣть отъ существовавшихъ до нихъ враговъ лисицъ и нѣкоторыхъ большихъ истребовъ. Французскіе натуралисты разсматривали черную породу, какъ отдѣльный видъ, называя его *Lepus Magellanicus* *). Они думали, что Магелланъ, говоря объ одномъ животномъ называвшемся «*conejos*» около Магелланова залива, подразумѣваетъ этотъ видъ; но онъ намекаетъ на маленькую водосвинку, которая по нынѣ зовется такъ испанцами. Гаухосы смѣялись надъ мыслью, что черная порода различается отъ сѣрой, и прибавили, что во всякомъ случаѣ она не распространилась больше сѣрой, что ихъ никогда не находятъ отдѣльно; что наконецъ онѣ охотно

*) Lewon's Zoology of the Voyage of the Coquille. tom. I. стр. 168. Всѣ прежніе путешественники, въ особенности Бугенвиль, положительно утверждаютъ, что волкообразная лисица была единственнымъ туземнымъ животнымъ на островѣ. Отличіе кролика, какъ вида, состоитъ въ особенностяхъ мѣха, въ формѣ головы и въ короткости ушей; замѣчу здѣсь, что различіе между ирландскимъ и англійскимъ зайцемъ основывается почти на подобныхъ же признакахъ, только рѣзче обозначенныхъ.

совокупляются между собою и производят пѣ-гихъ потомковъ. У меня теперь есть образчикъ послѣднихъ, и значки на головѣ оказались у него не тѣ, которые внесены французами въ видовое описаніе. Это обстоятельство доказы-ваетъ, какъ осторожны должны быть натура-листы въ различеніи видовъ; даже Кювье, раз-сматривая черепъ одного изъ этихъ кроликовъ, полагалъ, что это, вѣроятно, отдѣльный видъ.

Единственное туземное четвероногое на остро-вѣ *) — большая волкообразная лисица (*Canis antarcticus*), общая восточнымъ и западнымъ Фальклендскимъ островамъ. Я не сомнѣваюсь, что это особенный видъ, свойственный только этому архипелагу, потому что многіе тюленьи промышленники, гаухосы и индѣйцы, посѣ-щавшіе эти острова, утверждаютъ, что нигдѣ въ южной Америкѣ не находятъ этого живот-наго. Молина, вслѣдствіе сходства въ нравахъ, полагалъ, что это животное тоже что его «*Cul-reu*» *), но я видѣлъ обоихъ, и нашелъ, что

*) Я имѣю основаніе предполагать, впрочемъ, что здѣсь есть полевая мышь. Обыкновенныя европейскія крыса и мышь разбрелись далеко отъ жилищъ поселенцевъ. Обы-кновенная свинья тоже водится въ дикомъ состояніи на одномъ островкѣ: она здѣсь чернаго цвѣта, — боровы чрез-вычайно свирѣпы и имѣютъ большіе клыки.

*) «*Cul-reu*» — это *Canis Magellanicus*, перевезенный къ

они вполне различны. Эти волки хорошо известны изъ разсказа Байрона объ ихъ смѣлости и любопытствѣ, и о томъ, какъ матросы принимая ихъ ошибочно за свирѣпыхъ хищниковъ, спасались отъ нихъ. Донынѣ ихъ привычки остаются такими-же. Такъ наприимѣръ одинъ разъ забрались они въ палатку и вытащили немного говядины изъ подъ головы спящаго моряка. Гаухосы часто бьютъ ихъ по вечерамъ, держа на показъ кусокъ мяса въ одной рукѣ, а въ другой ножъ. Ни въ одной части свѣта нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно, на такомъ незначительномъ клочкѣ земли, отдаленной отъ материка, такихъ большихъ первобытныхъ четвероногихъ ему одному свойственныхъ. Численность названнаго вида быстро уменьшается; онъ уже изгнанъ изъ той половины острова, которая находится къ востоку отъ перешейка между бухтою С.-Сальвадора и Берклеевымъ проливомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ правильнаго заселенія острововъ, эта лисица, по всей вѣроятности, поставлена будетъ на ряду съ додо, какъ животное, исчезнувшее съ лица земли.

Ночью (17) мы спали на перешейкѣ у начала Шуазелева пролива, образующаго югозападный

намъ капитаномъ Кингомъ съ береговъ Магелланова пролива. Онъ встрѣчается часто въ Чили.

полуостровъ. Долина была отлично защищена отъ холоднаго вѣтра, но не было хвороста для топки. Гаухосы, отыскиали скоро средство, не мало меня изумившее, къ разведенію огня такого же жаркаго, какъ угольный. Къ этому послужилъ скелеть недавно убитаго бычка, мясо котораго было оглодано стервоядными птицами. Они мнѣ рассказали, что зимою имъ часто случается убивать животное, снявъ ножемъ мясо съ костей, и съ помощью тѣхъ же костей, жарить это мясо.

18-го. Почти весь день лилъ дождь. Ночью мы завернулись въ чапраки, чтобы не промокнуть и не озябнуть; но земля, на которой мы спали, была почти во всѣхъ отношеніяхъ настоящимъ болотомъ и, послѣ нашей дневной поѣздки, мы не могли отыскать сухаго мѣстечка, куда бы присѣсть. Я ужъ замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, какъ странно, что на этихъ островахъ нѣтъ, положительно, ни одного дерева, тогда какъ Огненная земля покрыта большимъ сплошнымъ лѣсомъ. Самый значительный кустъ на островѣ (изъ семейства сложноцвѣтныхъ растеній) величины едва съ нашъ дрокъ. Самое лучшее топливо доставляетъ маленькій зеленый кустарникъ, не больше обыкновеннаго вереска, имѣющій полезное свойство — горѣть, даже въ свѣжемъ состояніи. Удивительно было смотрѣть на гаухосовъ, какъ они среди дождя

и общей сырости съ помощью только трута и тряпки, сразу развели огонь. Подъ травой и кустами отыскали они нѣсколько сухихъ вѣтокъ и растерли ихъ на мелкія части; такую кучку обложили они болѣе толстыми вѣтками, наподобіе птичьяго гнѣзда, въ середину положили тряпку съ огнемъ, и все это сверху покрыли. Обращенное къ вѣтру, гнѣздо мало по малу начинало дымиться и, наконецъ запылало. Я думаю, что съ такими сырыми матеріалами никакая другая метода не имѣла бы успѣха.

19-го. Отвыкнувъ въ послѣднее время ѣздить верхомъ, я каждое утро чувствовалъ себя точно окоченѣлымъ, но изумился, услышавъ отъ гаухосовъ, съ дѣтства почти живущихъ на лошади, что въ подобномъ случаѣ, и они страдаютъ. Сантъ-Яго рассказывалъ мнѣ, что проболѣвъ три мѣсяца, онъ отправился на охоту за дикимъ скотомъ и вслѣдствіе этого бедра у него до того окоченѣли, что онъ два дня долженъ былъ пролежать въ постели. Это доказываетъ, что гаухосы порядочно напрягаютъ свои мускулы при ѣздѣ верхомъ, хотя этого у нихъ и незамѣтно. Охота за дикимъ скотомъ должна быть очень труднымъ дѣломъ въ мѣстности, столь неудобной для ѣзды, какъ здѣшняя, по причинѣ болотистаго грунта. Гаухосы говорятъ, что они часто во всю прыть проѣзжаютъ

такія мѣста, которыя были бы непроходимы при болѣе медленной ѣздѣ; подобно тому, какъ катаются на конькахъ по тонкому льду. Во время охоты партія старается подойти какъ можно ближе къ стаду, но такъ, чтобы не быть замѣченной. Каждый участникъ имѣетъ при себѣ четыре или пять паръ шаровъ (боласовъ); онъ ихъ бросаетъ одинъ за другимъ на нѣсколькихъ животныхъ, которыхъ въ этомъ спутанномъ положеніи и оставляютъ на нѣсколько дней, пока они немного поистощатся отъ голода и барахтанья. Ихъ тогда освобождаютъ и пригоняютъ къ стаду домашнихъ животныхъ, съ умысломъ пригнанныхъ къ этому мѣсту. Достаточно напуганный дикій скотъ, не покидая стада, бываетъ легко загнанъ, если у него хватаетъ еще силы, на мѣсто поселенія.

Погода все стояла такая дурная, что мы рѣшились непременно до ночи воротится къ судамъ. Отъ сильнаго и обильнаго дождя поверхность всей страны сдѣлалась топкою. Лошадь моя падала, я думаю, разъ двѣнадцать и иногда всѣ шесть лошадей барахтались вмѣстѣ въ грязи. Всѣ маленькіе ручьи окружены мягкимъ торфомъ, и лошадямъ очень трудно перескакивать черезъ нихъ, не спотыкаясь. Къ довершенію нашего безутѣшнаго положенія, намъ пришлось переправляться черезъ одну морскую бухту, въ которой вода доходила до хребтовъ

нашихъ лошадей; при этомъ о насъ разбивались мелкія волны, происходившія отъ сильнаго вѣтра, такъ что мы промокли и озябли. Даже желѣзные гаухосы изъявили свою радость, когда мы добрались до поселенія, послѣ нашей небольшой экскурсіи.

Геологическое строеніе этихъ острововъ просто во многихъ отношеніяхъ. Низменность состоитъ изъ сланцеватой глины и песчаника, которые содержатъ ископаемыхъ, весьма близкихъ къ находимымъ въ силурійскихъ формаціяхъ Европы, но не тождественныхъ съ ними; холмы образованы изъ бѣлаго зернистаго кварцоваго камня. Слои послѣдняго часто расположены совершенно симметрично, что сообщаетъ нѣкоторымъ возвышеніямъ чрезвычайно странный видъ. Пернети *) посвятивъ многія страницы описанію холма Развалинъ (Hill of Ruins), слои котораго онъ справедливо сравнилъ съ мѣстами въ амфитеатрѣ. Кварцовая порода должна была обладать значительною мягкостью, если могла подвергнуться такимъ замѣчательнымъ изгибамъ, не распавшись въ куски. Такъ какъ кварцъ нечувствительно переходитъ въ песчаникъ, то довольно вѣроятно, что первый обязанъ своимъ происхожденіемъ песчанику,

*) Pernety, Voyage aux Isles Malannes, стр. 526.

накаленному до такой степени, что сдѣлался вязкимъ, при остываніи же онъ кристаллизовался. Онъ вѣроятно покрылъ лежащія подъ нимъ пласты, будучи именно въ мягкомъ состояніи.

Во многихъ частяхъ острова дно долинъ покрыто мириадами большихъ, отдѣльныхъ угловатыхъ обломковъ кварцоваго камня, образующаго «каменные потоки». Объ нихъ упоминаютъ съ удивленіемъ всѣ путешественники современъ Пернети. Куски эти не истерты водою, — ихъ углы только немного притуплены, имѣютъ съ объемъ отъ одного и двухъ футовъ въ діаметрѣ до десяти и даже въ двадцать разъ болѣе этого. Они не сброшены вмѣстѣ въ неправильныя кучи, а растянуты ровными полосами или большими потоками. Невозможно измѣрить толщины слоя ими образуемаго, но слышно, какъ на нѣсколько футовъ подъ поверхностью струится между камнями вода маленькихъ ручейковъ. Настоящая глубина слоя, вѣроятно велика, ибо иначе, расщелины между низшими обломками давно бы уже наполнились пескомъ. Ширина этихъ каменныхъ полосъ различна, отъ нѣсколькихъ футовъ до мили, но торфяная почва съ каждымъ днемъ захватываетъ болѣе мѣста, образуя даже острова тамъ, гдѣ нѣсколько обломковъ лежатъ близко другъ къ другу. Въ одной долинѣ, къ югу отъ Берк-

леева пролива, которую нѣкоторые, изъ нашей компаніи звали «большою долиною обломковъ», намъ пришлось переходить черезъ непрерывную гряду въ полмили шириною и прыгать съ одного остроконечнаго утеса на другой. Обломки были до того велики, что, застигнутый ливнемъ, я скоро нашель пріютъ подъ однимъ изъ нихъ.

Самая замѣчательная черта этихъ «каменныхъ потоковъ» состоитъ въ незначительности ихъ наклона. На холмистой сторонѣ скатъ ихъ составляетъ иногда съ горизонтомъ уголъ въ десять градусовъ, но въ нѣкоторыхъ ровныхъ, широкихъ долинахъ наклонъ такъ малъ, что его только что можно различить. На такой шероховатой поверхности никакъ нельзя было измѣрить угла, но для простоты, скажу, что покатость не замедляла бы скорости англійской легкой почты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сплошной потокъ этихъ обломковъ простирался вдоль всей долины, такъ что достигалъ до гребня холма. На этихъ гребняхъ громадныя массы, размѣрами превосходившія меньшія зданія, казалось, остановлены были въ своемъ безцѣльномъ стремленіи, такъ что изогнутые подобно сводамъ, слои, нагроможденные одинъ на другой, возвышаются подобно развалинамъ огромнаго, стараго собора. Принимаясь за описаніе явленій хранящихъ на себѣ печать на-

сильственныхъ переворотовъ, невольно переходишь отъ одного уподобленія къ другому. Мы можемъ себѣ представить, что потоки бѣлой лавы текли изъ многихъ частей горъ въ низменность, и когда они отвердѣли, то какимъ нибудь значительнымъ сотрясеніемъ были расколоты на міриады обломковъ. Выраженіе «каменные потоки», немедленно приходящее въ голову всякому, скрываетъ ту же мысль. Намѣстѣ явленіе еще поразительнѣе, находясь въ противоположности съ низкими, круглыми формами сосѣдственныхъ холмовъ.

Весьма любопытнымъ показался мнѣ на самой высокой вершинѣ одного ряда (около 700 ф. надъ моремъ) большой, изогнутый обломокъ, лежавшій на вышуклой сторонѣ своей т. е. хребтомъ внизъ. Не слѣдуетъ ли предположить что онъ былъ взброшенъ на воздухъ и опрокинутъ? Или, можетъ быть вѣроятнѣе, представлять себѣ что первоначально одна часть въ ряду возвышалась надъ тѣмъ пунктомъ, на которомъ теперь помѣщается этотъ памятникъ великаго переворота въ природѣ? Такъ какъ обломки въ долинахъ не круглы и расщелены между ними не выполнены пескомъ, то изъ этого надо вывести, что періодъ переворотовъ начался послѣ повышенія страны надъ водами моря. Въ поперечномъ разрѣзѣ дно въ этихъ долинахъ почти ровное, или возвышается по-

степенно къ обѣимъ сторонамъ. Отсюда кажется, что обломки шли съ верхняго конца долины; но въ дѣйствительности болѣе вѣроятно, что они сброшены внизъ съ ближайшихъ покатостей, а потомъ уже увлечены съ поразительной силою ¹⁾ и вытянулись въ сплошную полосу. Если во время землетрясенія, ²⁾ опрокинувшаго въ 1835 г. Концепцію въ Гали, удивлялись когда небольшія тѣла были подбрасываемы только на нѣсколько дюймовъ отъ земли, то что же сказать о движеніи, заставившемъ глыбы въ нѣсколько тоннъ вѣсомъ, двигаться впередъ какъ песокъ на колеблющейся доскѣ, и располагаться ровною поверхностью? На Андскихъ Кордильерахъ видѣлъ я ясныя слѣды того, что огромныя горы были разбиты на куски, какъ тонкая кора, и пласты лежали на вертикальныхъ ребрахъ; но никогда ни одно явле-

¹⁾ Одинъ обитатель Мендозы, который долженъ быть хорошимъ судьей въ этомъ дѣлѣ, увѣрялъ меня, что въ продолженіи многихъ лѣтъ, которыя онъ провелъ на этихъ островахъ, онъ ни разу не чувствовалъ ни малѣйшаго толчка землетрясенія.

²⁾ «Nous n'avons pas été moins saisis d'étonnement à la vue de l'innombrable quantité de pierres de toutes grandeurs, bouleversées les unes sur les autres, et cependant rangées, comme si elles avaient été amoncelées negligemment pour remplir des ravins. On ne se lassait pas d'admirer les effets prodigieux de la nature.» — Pernety, стр. 526.

ніе, кромѣ этихъ «каменныхъ потоковъ,» не возбуждало во мнѣ такъ сильно мысли о потрясеніи, подобнаго которому мы напрасно будемъ искать въ лѣтописяхъ исторіи. Въ послѣдствіи, наука вѣроятно объяснитъ это явленіе проще, подобно тому, какъ она уже разъяснила бывшій долго загадочнымъ переносъ эрратическихъ валуновъ, раскиданныхъ по равнинамъ Европы.

О фаунѣ этихъ острововъ многого сказать не могу. Я уже прежде описалъ коракору или *Polyborus*. Встрѣчается здѣсь еще нѣсколько ястребовъ, совъ и мелкихъ сухопутныхъ птицъ. Особенно многочисленны водяныя птицы, которыхъ по рассказамъ прежнихъ мореплавателей въ прежнее время было еще болѣе. Однажды я наблюдалъ, какъ бакланъ игралъ съ пойманной имъ рыбой. Восемь разъ сряду птица отпускала свою добычу, снова ныряла за ней, вытаскивая ее каждый разъ снова на поверхность. Въ зоологическихъ садахъ мнѣ случалось видѣть выдръ, обращавшихся съ рыбой, какъ кошка съ мышью: я не знаю другаго примѣра, гдѣ бы природа выказывала такую настойчивую жестокость. Въ другой разъ я забавлялся наблюденіемъ нравовъ пингвина (*Aptenodytes demersa*), отрѣзавъ ему отступленіе къ водѣ. Это была храбрая птица, и, чтобы добраться до моря, она дала правильное сраженіе и обратила меня въ бѣгство. Никакіе тяжелые

удары не могли ее остановить; она крѣпко держалась за каждый завоеванный дюймъ, стоя передо мною прямо и рѣшительно. Встрѣтивъ сопротивленіе, она престранно вертѣла голову изъ стороны въ сторону, будто глаза ея видѣли ясно только передними и нижними частями своими. Птицу эту обыкновенно называютъ осломъ-пингвиномъ, потому что она имѣетъ привычку, находясь на берегу, закидывать голову назадъ и издавать громкій, странный крикъ, очень похожій на ревъ осла; если же она на морѣ и ничѣмъ не встревожена, то издаетъ весьма глубокіе и торжественные звуки, которые въ ночное время бываютъ часто слышны. При нырніи она дѣйствуетъ своими короткими крыльями какъ плавниками, на сушѣ-же—какъ передними ногами. Когда она пробирается, почти что на четырехъ ногахъ, сквозь туссакъ *), или по скату поросшаго травою утеса, то двигается такъ быстро, что ее легко принять за четвероногое. Когда она ловитъ рыбу на морѣ, то она съ такою быстротою выходитъ изъ воды для передышки и такъ мгновенно погружается снова въ воду, что съ перваго взгляда всякій навѣрное подумаетъ, что это забавляется рыба.

На Фальклендскихъ островахъ попадаются

*) Трава *Ductylis cespitosa* изъ семейства злаковъ.

двѣ породы гусей. Нагорный видъ (*Anas Magellanica*) встрѣчается парами и небольшими стадами, по всему острову. Это не перелетныя птицы, онѣ вьютъ гнѣзда на мелкихъ окружающихъ островахъ. Полагаютъ, что это происходитъ отъ опасенія лисицъ; можетъ быть, по той-же причинѣ названныя птицы, будучи очень ручными днемъ, становятся пугливыми и дикими съ вечерними сумерками. Онѣ питаются исключительно растительною пищею. Каменный гусь, называемый такъ потому, что постоянно живетъ на морскомъ берегу (*Anas antarctica*), попадаетъ и здѣсь и на западномъ берегу Америки, до самаго Чили. Въ глубокихъ и уединенныхъ рѣчкахъ Огненной земли часто попадаетъ бѣлоснѣжный гусакъ, неизмѣнно сопровождаемый своей болѣе темной подругой и виднѣющейся часто вмѣстѣ съ нею на какой-нибудь отдаленной утесистой вершинѣ.

На этихъ островахъ водится въ изобиліи еще одна большая, глупая утка или гусь (*Anas brachyptera*), которая иногда вѣситъ до двадцати двухъ фунтовъ. Ее прежде называли скаковою лошадыю, за необыкновенную привычку плескаться и брызгаться на водѣ; теперь-же придаютъ ей болѣе приличное названіе парохода. Крылья этихъ птицъ слишкомъ малы и слабы для летанія, но съ ихъ помощью, отчасти плавая и отчасти хлопая по водѣ, онѣ подвигаются

очень быстро. Это напоминает нѣсколько нашихъ домашнихъ утокъ, когда онѣ спасаются отъ преслѣдующей ихъ собаки; но я почти увѣренъ, что пароходъ дѣйствуетъ крыльями попеременно, а не обоими вмѣстѣ, какъ другія птицы. Эти неповоротливыя, глупыя утки прекурьозно шутятъ и плещатся.

И такъ мы нашли въ Южной Америкѣ трехъ птицъ, употребляющихъ свои крылья не для летанія; пингвину замѣняютъ они плавники, пароходу весла, а страусъ дѣйствуетъ ими какъ парусами. У новозеландскаго Аптерикса, какъ и у вымершаго его гигантскаго прототипа Динорниса, вмѣсто крыльевъ только одни ихъ зачатки. Пароходъ способенъ нырять только на весьма незначительную глубину. Онъ питается одними раковинами, доставая ихъ съ морскихъ водорослей и съ береговыхъ утесовъ послѣ прилива (tidalroce); поэтому клювъ и голова, которыми онъ разбиваетъ свою пищу, довольно тяжелы и крѣпки: мой геологическій молотокъ съ трудомъ раздробилъ его крѣпкую голову, и всѣ наши охотники скоро убѣдились въ необыкновенной живучести этой птицы. Когда онѣ по вечерамъ сходятся вмѣстѣ, то издаютъ такое-же странное смѣшеніе звуковъ, какъ голосатыя лягушки *) подъ тропиками.

*) Bull-frag — лягушка-быкъ (*Rana pipiens* Lin).

Я собралъ на Огненной землѣ и на Фальклендскихъ островахъ много наблюдений надъ низшими морскими животными *), но они не представляютъ общаго интереса. Приведу только рядъ фактовъ, о нѣкоторыхъ зоофитахъ изъ наиболѣе сложнаго по организации отдѣла названнаго класса. Многие роды (*Flustra*, *Eschara*, *Sellaria*, *Crisia* и др.) сходны въ томъ отношеніи, что снабжены странными подвижными органами, (такіе же замѣчаются у *Flustra avicularia*, находямой въ европейскихъ моряхъ), прикрѣпленными къ ихъ клѣточкамъ. Въ большей части

*) Я считалъ яйца большой, бѣлой дориды (этотъ морской слизень имѣлъ въ длину $3\frac{1}{2}$ дюйма), и изумлялся ихъ многочисленности. Яйца (каждое въ $\frac{3}{1000}$ дюйма въ диаметръ) были распределены по 2 и по 5 въ маленькіе сферическіе мѣшечки. Мѣшечки же установлены одинъ за другимъ поперечными рядами. Лента краемъ своимъ примыкала къ утесу въ видѣ овальной спиральной полоски. Одна изъ лентъ, измѣренная мною, имѣла около 20 дюймовъ въ длину и полдюйма въ ширину. Если считать число шариковъ въ $\frac{1}{10}$ дюйма въ ряду и число рядовъ въ подобной-же величинѣ лентѣ, то, по самому умѣренному вычисленію, можно насчитать здѣсь до шести сотъ тысячъ яицъ. Однако-же эта дориды, въ дѣйствительности попадаетъ довольно рѣдко: я неразъ искалъ ее подъ камнями, а нашелъ только семь особей. Самый общепринятый у натуралистовъ ложный выводъ тотъ, что численность какого-нибудь отдѣльнаго рода зависитъ отъ его силы размноженія.

случаевъ органы эти очень похожи на ястребиную голову; но нижняя челюсть раскрывается болѣе, чѣмъ у птичьяго клюва. Голова одарена значительной подвижностью, помощью короткой шейки. У одного изъ осмотренныхъ зоофитовъ головка была неподвижна, но нижняя челюсть свободна: у другаго она была замѣнена треугольной шапочкой, съ красиво-приложенной опускной дверцею, очевидно соотвѣтственной нижней челюсти. У большей части видовъ каждая клѣточка была снабжена одной головой, у другихъ-же — двумя.

Молодые клѣточки на верхушкахъ вѣтвей этихъ морскихъ моховиковъ заключали еще неразвитыхъ полиповъ, но прикрѣпленные къ нимъ головки, не смотря на мелкость были во всѣхъ отношеніяхъ развиты окончательно. Когда полипа вытягивали иголкой изъ клѣточки, то названные органы казалось нисколько отъ этого не страдали. Если отрѣзывали отъ клѣточки одну изъ головокъ, то нижняя челюсть ее сохраняла способность раскрываться и закрываться. Самая странная особенность въ занимающихъ насъ животныхъ заключается можетъ быть въ томъ, что если на одной вѣтви находилось болѣе двухъ рядовъ клѣточекъ, то центральныя изъ нихъ хотя и снабжены головчатыми придатками, но придатки эти весьма мелки, только въ $\frac{1}{4}$ объема наружныхъ. Дви-

женія ихъ различны, смотря по виду; у нѣкоторыхъ же я и вовсе не замѣчалъ движенія; тогда какъ другіе, сильно отогнутыми нижними челюстями, качались назадъ и впередъ, совершая оборотъ въ пять секундъ; были и такіе, которые двигались быстро и отрывочно. Тронутый иголкой, клювъ обыкновенно хваталъ кончикъ такъ крѣпко, что вся вѣтвь приходила въ сотрясеніе.

Эти тѣла не имѣютъ никакого отношенія къ произведенію яицъ или почекъ, ибо они образуются прежде, чѣмъ молодые полипы являются въ клѣточкахъ на оконечностяхъ развивающихся вѣтвей; такъ какъ они двигаются независимо отъ полиповъ и не находятся съ ними въ непосредственной связи, притомъ же имѣютъ различный объемъ на наружныхъ и внутреннихъ рядахъ клѣточекъ, то я не сомнѣваюсь, что они по своему отправленію должны быть скорѣе отнесены къ роговой оси вѣтвей, чѣмъ къ полипамъ въ клѣточкахъ. Мясистый придатокъ на нижней оконечности морскаго пера (описаннаго въ Багіи Бланка) есть также часть всего сложнаго животнаго въ цѣлости, точно такъ же какъ корни дерева составляютъ часть дерева, а не отдѣльнаго листа или цвѣточныхъ почекъ.

У другаго красиваго маленькаго полиппика (Криціи) каждая клѣточка была снабжена длин-

нозубой щетиной, способной быстро двигаться. Каждая изъ этихъ щетинъ также какъ головастые придатки двигались совершенно независимо отъ другихъ; иногда качались они впрочемъ одновременно всѣ по обѣимъ сторонамъ вѣтви, иногда же только на одной сторонѣ; по временамъ двигались въ правильномъ порядкѣ, одна за другою. Всѣ эти явленія показываютъ по видимому, что въ сложныхъ зоофитахъ, составленныхъ изъ тысячи различныхъ полиповъ, совершается такая же передача воли, какъ и въ каждомъ отдѣльномъ животномъ. Нѣчто совершенно подобное замѣчено нами на морскомъ перѣ на берегу Багія Бланка, когда эти сложные животныя укрываются въ песокъ, если ихъ тронуть. Приведу еще примѣръ единовременнаго проявленія, хотя совершенно иного свойства, но также въ зоофитѣ, приближающемся къ Клитіи, слѣдовательно очень просто организованномъ. Я держалъ въ чашкѣ съ соленой водой большой пукъ этихъ существъ, и когда я теръ въ темнотѣ какую-нибудь часть вѣтки, то она издавала зеленый яркій фосфорическій свѣтъ; ничего красивѣе въ этомъ родѣ я кажется и не видывалъ. Самое же замѣчательное притомъ было то обстоятельство, что искры свѣта подвигались вверхъ по вѣткамъ, отъ основанія къ оконечностямъ.

Меня всегда чрезвычайно интересовали изслѣ-

дованія сложныхъ животныхъ. Дѣйствительно, что можетъ быть любопытнѣе организма, имѣющаго видъ растенія, но производящаго яйцо, способное произвольно плавать, выбирать для себя удобное мѣсто и разрастаться потомъ въ вѣтви, изъ коихъ каждая усажена безчисленными отдѣльными животными, часто весьма сложной организациі? Кромѣ того, какъ мы видѣли, вѣтви иногда обладаютъ органами, могущими двигаться независимо отъ полиповъ. Какъ не кажется изумительнымъ это соединеніе самостоятельныхъ особей на одномъ общемъ стволѣ, то же самое представляетъ намъ каждое дерево, ибо почки должны считаться самостоятельными растеніями. Нѣтъ сомнѣнія однакоже, что полипа снабженнаго ртомъ, внутренностями и другими органами, естественнѣе считать самостоятельною особью, чѣмъ древесную почку, по этому то соединеніе раздѣльныхъ особей въ одно общее тѣло насъ поражаетъ болѣе въ кораллинѣ, чѣмъ въ деревѣ. Представленіе о сложномъ животномъ, въ которомъ не довершено обособленіе каждаго облегчится для насъ, если мы вспомнимъ о томъ, что изъ одного существа можетъ произойти 2 отдѣльныя особи, чрезъ разсѣченіе его ножомъ или же помощью естественнаго дѣленія. Мы можемъ разсматривать полиповъ и зоофитовъ или древесныя почки, какъ особи, обособленіе кото-

рыхъ доведено до конца. Дѣйствительно, какъ древесныя почки, такъ, судя по аналогіи, и кораллины, развившіеся изъ почекъ, могутъ считаться болѣе тѣсно связанными между собою, чѣмъ яйца или сѣмяна со своими родителями. Нынѣ, кажется, ужъ установлено, что растенія, размножившіяся помощью почекъ, пользуются одинаковою продолжительностью жизни; всякому притомъ хорошо извѣстно, какія странныя и многочисленныя особенности постоянно передаются почками, черенками и прививками, которыя, при сѣмянномъ размноженіи или вовсе не проявляются, или обнаруживаются только случайнымъ образомъ.

ГЛАВА X

Огненная земля, первое прибытіе. — Бухта Добраго Успѣха. — Уроженцы Огненной земли на кораблѣ. — Свиданіе съ дикарями. — Лѣсные виды. — Мысь Горнъ. — Заводъ Вигвамъ. — Жалкое положеніе дикарей. — Голода. — Людоѣды. — Матереубійство. — Религіозныя чувствованія. — Сильный вѣтеръ. — Каналъ Бигль. — Проливъ Понсонбай. — Постройка вигвамовъ и поселеніе респересовъ. — Раздвоеніе канала Бигля. — Ледники. — Возвращеніе къ судну. — Второе посѣщеніе колоніи на кораблѣ. — Равенство между туземцами.

Огненная земля.

17 декабря, 1832. — Покончивъ рассказъ о Патагоніи и Фальклендскихъ островахъ, я опишу теперь наше первое прибытіе въ Огненную землю. Вскорѣ послѣ полудня мы обогнули мысь Сен-Діега и вѣхали въ знаменитый проливъ Лемера. Мы держались близко къ берегу Огненной земли, а очертанія суровой, негостепріимной земли штатовъ виднѣлись сре-

ди облаковъ. Въ полдень мы бросили якорь въ бухтѣ Добраго Успѣха. При въѣздѣ мы были салютованы приличнымъ для жителей этой дикой страны образомъ. Группа Огнеземлянъ, отчасти скрытая густымъ лѣсомъ, сидѣла на мысѣ, висѣвшимъ надъ моремъ; когда мы проѣхали мимо, люди эти вскочили и съ громкими, зычными криками стали махать своимъ рубищемъ. Они пошли потомъ вслѣдъ за судномъ и мы еще до сумерекъ увидѣли ихъ огонь и снова слышали ихъ дикіе крики. Пристань состоитъ изъ живописнаго воднаго пространства, окаймленнаго съ одной стороны низкими, круглыми горами сланцеватой глины, покрытыми до самой воды густымъ, мрачнымъ лѣсомъ. Съ одного взгляда на этотъ ландшафтъ я могъ замѣтить, что онъ совершенно разнится отъ всего видѣннаго мною до сихъ поръ. Ночью дулъ сильный вѣтеръ, мимо насъ проносились съ горъ сильные шквалы. Плохо-бы было въ это время въ открытомъ морѣ, и мы, какъ и всякій другой, можемъ назвать эту бухту Добрымъ Успѣхомъ.

Утромъ капитанъ отрядилъ партію, чтобы сноситься съ туземцами. Когда мы причалили къ берегу для переговоровъ, одинъ изъ четырехъ присутствовавшихъ дикарей выступилъ, впередъ какъ бы для нашего пріема, при этомъ началъ онъ громко кричать, приглашая насъ

этимъ выйти на берегъ. Дикари казались какъ будто встревоженными, но продолжали толковать и выдѣлывать жесты съ большою скоростью. Мнѣ никогда не случалось видѣть болѣе страннаго и любопытнаго зрѣлища: я не могъ себѣ представить, какъ далеко разстояніе между дикаремъ и образованнымъ человѣкомъ,— оно значительнѣе, чѣмъ между дикимъ и домашнимъ животнымъ, только въ человѣкѣ болѣе способности къ усовершенствованію. Главный переговорщикъ былъ старикъ и казался главою семьи; остальные трое были сильные молодые люди ростомъ футовъ въ шесть. Женщины и дѣти были удалены. Эти Огнеземляне ни сколько не походятъ на людей той хилой и жалкой породы, которые далѣе къ западу; они ближе къ знаменитымъ Патагонцамъ Магелланова пролива. Единственная ихъ одежда состоитъ изъ плаща, сдѣланнаго изъ шкуры гуанако, мѣхомъ вверхъ; этотъ плащъ они слегка набрасываютъ себѣ на плечи, съ грѣхомъ пополамъ прикрывая свою особу. Кожа ихъ грязнаго, мѣдно-краснаго цвѣта.

На головѣ у старика была повязка изъ бѣлыхъ перьевъ, отчасти сдерживавшая его черные, грубые и всклокоченные волосы. Лице его было пересѣчено двумя широкими, поперечными полосами; одна ярко-красная, шла отъ одного уха къ другому, по верхней губѣ; другая,

бѣлая какъ мѣлъ, тянулась надъ первую и параллельно ей, такъ что даже вѣки были окрашены. Двое другихъ украшены были полосами черной пудры, сдѣланной изъ древеснаго угля. Всѣ они очень походили на чертей, являющихся на подмосткахъ въ такихъ театральныхъ пьесахъ, какъ напимѣръ Фрейшюцъ.

Вся фигура ихъ заключала въ себѣ нѣчто презрѣнное, а выраженіе лицъ — было жалкое, изумленное и испуганное. Мы ихъ одарили ярко-красными платками, которыми они немедленно обвязали шеи, а за тѣмъ стали нашими пріятелями. Это выказалось тѣмъ, что старикъ толкалъ насъ въ грудь и издавалъ звуки, похожіе на кудактанье, какъ это дѣлается при кормленіи цыплятъ. Я пошелъ со старикомъ, и онъ не разъ повторилъ свое странное доказательство дружбы, завершивъ его тремя крѣпкими тумаками, которые даны мнѣ были по груди и по спинѣ одновременно. Тогда обнажилъ онъ свою грудь, чтобы я отвѣтилъ на комплиментъ, и когда это было сдѣлано, онъ казался чрезвычайно обрадованнымъ. Языкъ этого народа, сколько мы можемъ судить, едва ли заслуживаетъ названіе членораздѣльнаго. Капитанъ Кукъ сравнивалъ его со звуками при полосканіи горла, но конечно ни одинъ европеецъ не производитъ, при полосканіи своего горла, столько сиплыхъ, гортанныхъ и щелкающихъ звуковъ.

Они отличные мимики: чуть кто изъ насъ кашлялъ, зѣвалъ или дѣлалъ какое нибудь странное движеніе, какъ они тотчасъ подражали. Одинъ изъ нашихъ началъ косить глазами и глядѣть криво; но молодому огнеземлянину (котораго все лицо было выкрашено чернымъ, кромѣ одной бѣлой тесмы поперегъ глазъ) удалось выдѣлать еще болѣе мудреныя гримасы. Они были въ состояніи повторять совершенно правильно каждое слово любого предложенія, съ которымъ мы къ нимъ обращались; и слова эти они даже помнили нѣкоторое время. Мы, европейцы, знаемъ, какъ трудно различать въ отдѣльности звуки иностраннаго языка. Кто изъ насъ, напримѣръ, услѣдитъ за американскимъ Индѣйцемъ въ предложеніи, состоящемъ болѣе, чѣмъ изъ трехъ словъ? Всѣ дикари какъ-будто обладаютъ въ необыкновенной степени этою способностью перениманія. Почти то-же рассказывали мнѣ о той же смѣшной привычкѣ у Кафровъ. Австралійцы также долго славились своею способностью передразнивать, поддѣлывая походку любого человѣка, такъ что его было можно узнать. Какъ объяснить эту особенность? Не есть ли это слѣдствіе безпрестаннаго упражненія чувственной восприимчивости и необыкновеннаго изощренія чувствъ, свойственнаго дикарямъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ людямъ, давно цивилизованнымъ?

Когда наши затянули пѣсню, я думалъ, что огнеземляне попадаютъ ницъ отъ изумленія отъ такимъ-же удивленіемъ смотрѣли они на наши танцы; но одинъ изъ молодыхъ, когда его попросили, не отказался не много повальсировать. Какъ кажется они мало привыкли къ европейцамъ, но знали и боялись нашего огнестрѣльнаго оружія; ничто не могло ихъ заставитьъ взять ружье въ руки. Они просили ножей, называя ихъ испанскимъ словомъ «сичилла». Объясняли это они еще и жестами: они представляли какъ будто у нихъ во рту по куску ворвани и они желаютъ ее отрѣзывать, вмѣсто того чтобы обрывать. *)

До сихъ поръ я еще ничего не сказалъ о Пешересахъ, бывшихъ у насъ на кораблѣ. Во время прежняго своего плаванія на «Приключеніи» и «Биглѣ» съ 1826 по 1830, капитанъ Фицъ Рой захватилъ въ видѣ заложниковъ партію туземцевъ за потерю лодки, которая была украдена къ великой опасности лицъ, занимавшихся

*) Эти дикари очевидно ѣдятъ точно также, какъ наши самоѣды или остяки. Самоѣды, отрѣзавъ длинный кусокъ оленьяго мяса, хватаютъ его за конецъ зубами и отрѣзываютъ у самаго рта. Даже маленькіе дѣти самоѣдскіе такъ наловчились въ этомъ упражненіи, что никогда не задѣваютъ за губы, хотя острый ножъ и проходитъ около самаго рта.

съемкой плана; нѣкоторыхъ изъ этихъ туземцевъ, равно какъ и мальчика, купленнаго за перламутровую пуговицу, онъ взялъ съ собой въ Англiю, рѣшившись воспитывать ихъ и наставлять въ религiи на свой счетъ. Главное побужденiе капитана Фицъ Роя при предпринятiи настоящаго нашего путешествiя состояло именно въ желанiи переселить этихъ туземцевъ опять на родную сторону и прежде, чѣмъ адмиралтейство рѣшило отправить экспедицію, капитанъ Фицъ Рой великодушно нанялъ судно и хотѣлъ самъ свезти ихъ обратно. Туземцевъ сопровождалъ миссiонеръ, Р. Мэтьюсъ (Mattheas), и капитанъ Фицъ Рой обнародовалъ объ нихъ полный, превосходный отчетъ. Первоначально взяты были отсюда двое мужчинъ, изъ которыхъ одинъ умеръ въ Англiи отъ оспы, да мальчикъ и дѣвочка; теперь же у насъ на кораблѣ находились — Йоркъ Минстеръ, Джемми Бэтунъ (котораго имя выражаетъ его покупную цѣну) и Фуэгiя Бэскетъ. Йоркъ Минстръ былъ взрослый, полный, небольшого роста, но сильный мужчина: нрава онъ былъ сдержаннаго, молчаливаго, угрюмаго и чрезвычайно горячаго, если его раздражали; онъ очень крѣпко привязался къ нѣкоторымъ изъ друзей своихъ на кораблѣ; способности его были хороши. Джемми Бэтунъ былъ всеобщимъ любимцемъ, но тоже горячъ; выраженiе его лица сразу обнаруживало его

милый нравъ. Онъ былъ веселъ, часто смѣялся и особенно сочувствовалъ всякому огорченному: когда въ морѣ бывало бурно, я часто страдалъ немного отъ морской болѣзни, и онъ постоянно подходилъ ко мнѣ и говорилъ жалобнымъ голосомъ «бѣдный, бѣдный малый!»; но ему, послѣ его житія на водѣ, смѣшно было слышать о человѣкѣ, страдающемъ морскою болѣзнию, и онъ всегда былъ принужденъ повертываться въ сторону, чтобы скрыть улыбку, а потомъ уже повторялъ свое «бѣдный, бѣдный малый!» Онъ былъ патриотомъ и любилъ восхвалять свое родное племя и свою страну, въ которой, какъ онъ говаривалъ, растетъ «множество деревьевъ»,—остальные-же племена онъ бранилъ и съ гордостью утверждалъ, что въ его землѣ нѣтъ дьявола. Джемми былъ небольшого роста, толстъ и тученъ, но чванился своею наружностью; постоянно носилъ перчатки; подстригалъ щеголевато свои волоса и бывалъ въ отчаяніи, если его тщательно-вычищенные башмаки какъ нибудь запачкаются. Любилъ онъ также разсматривать себя въ зеркалѣ; одинъ веселый, индѣйскій мальчикъ изъ Рио Негро, находившійся нѣсколько мѣсяцевъ у насъ на кораблѣ, вскорѣ это подмѣтилъ и часто надъ нимъ посмѣивался: Джемми, всегда ревновавшій къ мальчику за вниманіе которое ему оказывали, очень этого не долюбивалъ, и обыкновенно

презрительно покачивалъ головою и говорилъ: «жаворонокъ ты этакой». Особенно же меня удивляли тѣ добрыя качества, которыми онъ былъ одаренъ, принадлежа къ одной породѣ съ тѣми жалкими и униженными существами, которыхъ мы впервые здѣсь встрѣтили и съ которыми онъ, безъ сомнѣнія имѣлъ много общаго въ характерѣ. Наконецъ, Фуэгія Баскетъ была милая, скромная, сдержанная молодая дѣвушка, лице ея имѣло по большей части пріятное выраженіе, рѣдко угрюмое, она очень скоро выучивалась всему, особенно языкамъ. Такъ напримѣръ, будучи оставлена на короткое время на берегу въ Рио-де Жанейро и Монте-Видео, она запомнила тотчасъ нѣсколько португальскихъ и испанскихъ фразъ; способности ея доказываются и познаніями ея въ англійскомъ языкѣ. Горкъ Минстеръ былъ очень ревнивъ ко всякой любезности, ей оказываемой; ясно было, что онъ рѣшился жениться на ней, какъ только они будутъ поселены на берегу.

Хотя всѣ трое говорили и понимали порядочно по-англійски, все-таки трудно было добиться отъ нихъ хорошихъ свѣдѣній, касательно обычаевъ ихъ земляковъ: это происходило отчасти отъ того, что они очевидно съ трудомъ понимали самыя простыя вещи. Всякій, имѣвшій дѣло съ очень маленькими дѣтьми, знаетъ, до чего трудно отъ нихъ получить отвѣтъ даже на такой

простой вопросъ, какъ — бѣла ли или черна какая нибудь вещь; понятіе о бѣломъ и черномъ какъ будто мѣняются безпрестанно въ ихъ умѣ. Въ такомъ же положеніи были наши огнеземляне *) и оттого, вообще, невозможно было убѣдиться, посредствомъ перекрестныхъ вопросовъ, правильно-ли понято нами то, что они рассказывали. Зрѣніе у нихъ было чрезвычайно остро: известно, что матросы, отъ долгаго упражненія, въ состояніи различать отдаленные предметы лучше жителя твердой земли; но Іоркъ и Джемми превосходили въ этомъ отношеніи всякаго матроса: нѣсколько разъ указывали они на чрезвычайно отдаленные предметы, и общее сомнѣніе всегда оправдывалось телескопомъ. Они хорошо сознавали свою силу; и Джемми бывало, когда онъ не былъ въ ладу съ дежурнымъ офицеромъ, говорилъ «мой видитъ корабль, мой не скажетъ.»

Любопытно было наблюдать, когда мы вышли на берегъ, поведеніе дикарей въ отношеніи къ Джемми Бэтунъ: они немедленно замѣтили разницу между имъ и нами и много объ этомъ межъ собой толковали. Старикъ обратился къ

*) У Дарвина постоянно употребляется выраженіе Fuegion — огнеземлянинъ, но такъ какъ эти островитяне составляютъ особое племя Пешересовъ, то мы дальше будемъ употреблять и это слово.

Джемми съ рѣчью, которою, кажется, приглашалъ его остаться съ ними; но Джемми очень плохо понималъ ихъ языкъ, да притомъ же и совершенно устыдился своихъ соотечественниковъ. Когда къ нимъ вышелъ Гюркъ Минстеръ, они его приняли точно также и сказали, что ему слѣдуетъ выбриться; хоть у него на лицѣ едва-ли было двадцать волосковъ, тогда какъ у всѣхъ насъ были небритыя бороды. Они разсматривали цвѣтъ его кожи, сравнивая ее съ нашею. Когда одинъ изъ насъ обнажилъ свою руку, они выразили самое живое изумленіе къ ея бѣлизнѣ, точь въ точь орангъ-утангъ въ зоологическомъ саду. Намъ казалось, что они приняли за женщинъ въ нашей партіи двухъ или трехъ офицеровъ, которые были ниже ростомъ и красивѣе, хотя и украшены большими бородами. Самый длинный изъ Пешересовъ видимо очень радовался, когда была замѣчена его величина. Поставленный спиной къ спинѣ съ самымъ высокимъ изъ лодочной команды, онъ всячески старался стать какъ нибуть по-выше и подняться на цыпочкахъ. Онъ раскрывалъ свой ротъ, чтобы показать свои зубы, и поворачивалъ лице, чтобы показать себя въ профиль; все это дѣлалось съ необыкновеннымъ самодовольствомъ, и я смѣло утверждаю, что онъ считалъ себя первымъ красавцемъ Огненной земли. Когда прошло наше первое

изумленіе, то насъ поражала лишь смѣшная сторона этого страннаго смѣшенія переимчивости и удивленія, которое дикари обнаруживали каждую минуту.

На слѣдующій день я попытался проникнуть во внутрь страны. Огненную землю можно представлять себѣ гористою странною, потонувшею частью въ морѣ, такъ что глубокіе проливы и бухты занимаютъ мѣста долинъ. Скаты горъ, кромѣ открытаго западнаго берега, заросли отъ самой воды и до вершукъ большимъ лѣсомъ. Деревья поднимаются на высоту 1000 и 1500 футовъ; за ними слѣдуетъ торфяная полоса съ мелкими альпійскими растеніями, уступающими далѣе свое мѣсто линіи вѣчнаго снѣга, лежащей, по словамъ капитана Кингъ, въ Магеллановомъ проливѣ на высотѣ отъ 3000 до 4000 футовъ. Очень рѣдко можно найти хоть одинъ акръ ровной земли въ этой странѣ. Я припоминаю только одинъ небольшой, плоскій клочекъ близъ порта Фампина и другой, такой же величины близъ Гѣри Рудъ. На этихъ мѣстахъ, какъ и на другихъ, поверхность покрыта толстымъ слоемъ болотистаго торфа. Даже въ лѣсу почва завалена массой медленно гнѣющихъ растительныхъ веществъ, которыя пропитаны водою и проваливаются подъ ногою.

Отказавшись отъ надежды проложить себѣ дорогу черезъ лѣсъ, я пошелъ вдоль по теченію

одного горнаго потока. Сначала я едва могъ пробираться впередъ, по причинѣ водопадовъ и множества поваленныхъ деревьевъ; но скоро русло потока стало свободнѣе, потому что волны расчистили берега. Въ продолженіи часа я медленно подвигался вдоль изрытыхъ и утесистыхъ береговъ и былъ щедро вознагражденъ великолѣпіемъ мѣстности. Мрачная глубина оврага вполне соответствовала повсюду замѣтнымъ слѣдамъ насильственныхъ переворотовъ. Повсюду лежали неправильныя глыбы камня и кучи опрокинутыхъ деревьевъ; другія, хотя еще держались, но ужъ изсохли до сердцевины и готовы были упасть. Эта перепутанная масса погибшихъ и полныхъ жизни растеній напомнила мнѣ тропическіе лѣса. — Но между ними была существенная разница, ибо въ этихъ тихихъ пустыняхъ господствуетъ скорѣе духъ смерти, чѣмъ жизни. Я слѣдовалъ по теченію, пока не дошелъ до одного мѣста, гдѣ большой обвалъ проложилъ прямую дорогу по скату горы. По этой дорогѣ я поднялся на значительную высоту, откуда мнѣ представился хорошій видъ на окружающіе лѣса. Всѣ деревья принадлежатъ къ одному виду-березовидному буку — (*Fagus betuloides*); ибо число другихъ сортовъ буковъ и Винтерей *) чрезвычайно незначительно. Наз-

*) *Winteraea aromatica* — Murr. — Дерево изъ семейства магноліевыхъ. Кора его считается цѣлебною.

ванный букъ сохраняетъ свои листья круглый годъ; но листья его какого-то особеннаго, буровато-зеленаго цвѣта, съ оттѣнкомъ желтаго. Весь ландшафтъ, отливая этимъ цвѣтомъ имѣетъ мрачный, пасмурный видъ; тѣмъ болѣе что и солнечные лучи рѣдко его оживляютъ.

20 декабря. — Одну сторону пристани образуетъ возвышенность въ 1500 футовъ, названная капитаномъ Фицъ-Роемъ по имени сэра Дж. Бенкса, въ воспоминаніе его несчастной экскурсіи, стоившей жизни двоимъ изъ сопровождавшихъ его лицъ и едва непогубившей также доктора Солондера. Снѣжная вьюга, бывшая причиной ихъ гибели, случилась въ серединѣ января, соотвѣтствующаго нашему іюлю, и подъ одной широтой съ Доргамомъ. Мнѣ очень хотѣлось добраться до вершины этой горы, чтобы набрать альпійскихъ растений; потому что въ нижней части очень мало какихъ бы то ни было цвѣтовъ. Мы пошли по теченію того же истока, по которому я слѣдовалъ вчера, пока могли его различить, за тѣмъ мы были принуждены пробираться на удачу между деревьями. Последнія, вслѣдствія возвышенія мѣста и сильныхъ вѣтровъ, были низки, объемисты и искривлены. Наконецъ мы достигли мѣста, казавшагося издали красивымъ зеленымъ торфянымъ ковромъ, но оно, къ нашему прискорбію, оказалось плотной массой неболь-

шихъ буковыхъ деревьевъ, отъ четырехъ до пяти футовъ въ вышину. Они стояли такъ близко другъ къ другу, какъ буксы, составляющіе садовую изгородь, и намъ пришлось пробираться впередъ по гладкой, но обманчивой поверхности. Потрудившись еще не много, мы добрались до торфа, и за тѣмъ до бесплоднаго шифернаго утеса. Этотъ холмъ былъ соединенъ посредствомъ отрога съ другимъ, отстоявшимъ на нѣсколько миль и болѣе высокимъ, такъ что на немъ виднѣлись снѣжныя полосы. Такъ какъ еще не было поздно, то я рѣшился пойти туда и набрать по дорогѣ растений. Это было-бы вовсе не легко, если-бы тропинка не была пряма и хорошо протоптана гуанаками, которыя, какъ овцы, постоянно ходятъ по одной и той-же дорогѣ. Достигнувъ холма, мы нашли, что это самый высокій въ ближайшей окрестности, и воды текли съ него въ море по двумъ противоположнымъ направленьямъ. Далеко кругомъ можно было оглядѣть мѣстность: къ сѣверу простиралось топкое болото, къ югу-же намъ представлялось дикое, великолѣпное зрѣлище, вполне приличное Огненной землѣ. Нельзя не признать какого-то таинственнаго величія въ этомъ ряду горъ, съ глубокими, промежуточными долинами, покрытыми густой, мрачной массой лѣса. Въ этомъ климатѣ, гдѣ одинъ вѣтеръ смѣняетъ другой,

гдѣ постоянно дѣйствуютъ дожди, градъ и мокрый снѣгъ, самый воздухъ кажется темнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Въ Магеллановомъ проливѣ, если смотрѣть прямо къ югу отъ порта Фамина на отдаленные узкіе проливы между горами, то они являются такими мрачными, что кажется будто ведутъ они за предѣлы этого міра.

21-го декабря. Бигль отплылъ въ путь, и на слѣдующій день, при легкомъ и благопріятномъ восточномъ вѣтрѣ, мы обошли Барневельты, прошли мимо мыса Обмана съ его каменистыми пиками, и къ тремъ часамъ обогнули волнуемый непоудою мысъ Горнъ. Вечеръ былъ тихъ и ясенъ и мы наслаждались пріятнымъ видомъ окружающихъ острововъ. Мысъ Горнъ, однако, требовалъ своей дани и передъ ночью угостилъ насъ порывами вѣтра. Мы пошли далѣе и на другой день снова пристали къ берегу, тогда съ корабельнаго носа представился намъ этотъ знаменитый мысъ въ своемъ настоящемъ видѣ— одѣтый туманомъ и обуреваемый кругомъ вѣтромъ и волнами. Большія черныя тучи клубились по небу, и шквалы съ дождемъ и съ градомъ пронеслись мимо насъ съ такою силою, что капитанъ рѣшился войти въ бухту Вигманъ. Это — уютная, маленькая пристань, невдалекѣ отъ мыса Горна; здѣсь, въ тихой водѣ, мы стали на якорѣ въ ночь на рождество Христово.

Только время отъ времени сильный порывъ вѣтра со стороны горъ, отъ котораго судно дрожало на якоряхъ, напоминалъ намъ о бушевавшей кругомъ насъ бурѣ.

25-го декабря. — По близости отъ бухты возвышается на 1,700 футовъ остроконечный холмъ, называемый пикомъ Катера. Окружающіе острова всё состоятъ изъ коническихъ массъ діорита, перемѣшанныхъ кое-гдѣ съ менѣе правильными холмами затвердѣлой и измѣненной сланцеватой глины. Эта часть Огненной земли можетъ быть рассматриваема какъ окраина затопленной цѣпи горъ, на которыя мы уже указали мелькомъ. Бухта получила свое названіе «Вигвамъ» отъ нѣсколькихъ жилищъ Пешересовъ; но каждый изъ сосѣднихъ заливовъ можетъ быть названъ этимъ-же именемъ съ одинаковою основательностью. Туземцы, питающіеся единственно слизнякомъ, вынуждены постоянно мѣнять свое мѣстопробываніе; но время отъ времени они возвращаются къ старымъ мѣстамъ, какъ это видно по кучамъ старыхъ раковинъ, которыя изрѣдко бывають, приблизительно въ нѣсколько тоннъ вѣсомъ. Эти груды легко различить на большемъ разстояніи по яркозеленому цвѣту извѣстныхъ растеній, неизмѣнно на нихъ растущихъ. Здѣсь попадается, между прочимъ, дикій сельдерей и цынготная трава, два очень полезныхъ растенія, употребленіе которыхъ туземцамъ неизвѣстно.

Вигвамъ Пешересовъ, объемомъ и размѣрами, похожъ на копну сѣна. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сучьевъ, воткнутыхъ въ землю и очень плохо прикрытыхъ съ одной стороны нѣсколькими клоками травы и тростника. Все это можно устроить меньше, чѣмъ въ часъ, да пользуются то подобнымъ жильемъ только нѣсколько дней. Въ Гѣри-Роодѣ я видѣлъ жилье, въ которомъ спалъ одинъ изъ этихъ нагихъ людей; могу сказать положительно, что оно было не лучше заячьего логовища. Этотъ дикарь, очевидно, жилъ особнякомъ, и Йоркъ Минстеръ, говорилъ, что онъ «очень дурной человѣкъ» и что онъ, вѣрно что нибудь укралъ. На западномъ берегу, впрочемъ, вигвамы лучше, потому что покрыты тюленьими шкурами. Здѣсь мы были задержаны на нѣсколько дней дурной погодой. Климатъ, дѣйствительно крайне плохой: лѣтнее солнцестояніе уже прошло, а снѣгъ все таки ежедневно выпадалъ на холмахъ, въ долинахъ же шелъ дождь, сопровождаемый также мокрымъ снѣгомъ. Термометръ обыкновенно стоялъ на 45° ($5\frac{7}{9}^{\circ}$ R), но ночью спускался до 38° (около 2.4° R) или 40° (около $2,6^{\circ}$ R). Глядя на постоянныя непогоды и тучи, никогда не разгоняемыя солнечнымъ лучемъ, климатъ этотъ можетъ показаться еще хуже, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

Приближаясь однажды къ берегу близъ острова Уняльстока, мы проходили мимо лодки съ

шестью Пешересами. Это были самыя низкія и жалкія твари, которыхъ я когда-либо видалъ. На восточномъ берегу туземцы, какъ я сказалъ, прикрыты плащемъ изъ гуанаки, на западномъ — они имѣютъ тюленьи шкуры. У центральныхъ племенъ, мужчины обыкновенно носятъ выдровую шкуру, или какой-нибудь маленькій лоскутокъ, величиной съ карманный платокъ, едва достаточный для прикрытія спины до поясицы. Этотъ лоскутъ привязанъ черезъ грудь веревками и, смотря потому, откуда вѣтеръ дуетъ, предвигается изъ стороны въ сторону. Эти же Пешересы въ лодкѣ были совершенно наги, въ томъ же видѣ была даже одна взрослая женщина. Шелъ сильный дождь, и по ея тѣлу струилась дождевая вода, вмѣстѣ съ морскими брызгами. Въ другой, не очень отдаленной пристани, женщина, кормившая грудью новорожденнаго ребенка, подошла однажды къ судну и оставалось на мѣстѣ единственно изъ любопытства, а между тѣмъ мокрый снѣгъ, падая таялъ на ея голой груди и на тѣлѣ ея голаго малютки! Эти бѣдняки были какими-то недоростками; ихъ безобразныя лица измараны бѣлой краской, кожа засалена и грязна, волосы всклокочены, голоса нестройны, а движенія необузданны. При видѣ такихъ людей едва можно вѣрить, что это наши ближніе и живутъ въ одномъ мѣстѣ съ нами. Нерѣдко спрашиваютъ, чѣмъ

наслаждаются нѣкоторые изъ низшихъ животныхъ; не естественнѣе-ли поставить тотъ же вопросъ относительно этихъ варваровъ! Ночью, эти люди, скучившись по пяти или по шести, голые и едва прикрытые отъ дождя и вѣтра этого бурливаго климата, спятъ на сырой землѣ, свернувшись, подобно животнымъ. Во время отлива, какъ въ зимнее, такъ и въ лѣтнее время, днемъ или ночью имъ необходимо вставать, чтобы набрать раковинъ по утесамъ; женщины же ныряютъ, чтобы доставать морскихъ яицъ, или сидятъ терпѣливо въ лодкахъ, вытаскивая маленькихъ рыбокъ на волосяной удочкѣ, съ проводой, но безъ всякаго крючка. Если убить тюлень, или открыть плавающій трупъ гниющаго кита, то это уже праздникъ; къ этой жалкой пищѣ присоединяется еще немного безвкусныхъ ягодъ и грибовъ.

Огнеземляне часто страдаютъ отъ голода: я слышалъ любопытный рассказъ г. Ло, тюленьяго промышленника, близко знакомаго съ туземцами этой страны, о приключеніяхъ жившихъ на западномъ берегу 150 человекъ, которые были необыкновенно тощи и чрезвычайно бѣдствовали. Продолжительный вѣтеръ препятствовалъ женщинамъ собирать раковины съ прибрежныхъ утесовъ, и имъ нельзя было даже выйти на лодкахъ за тюленями. Однажды утромъ большая часть этихъ людей пустилась въ путь,

и остальные Индѣйцы объяснили г. Ло, что это они предприняли четырехдневное путешествіе, чтобы поискать нищи: по возвращеніи ихъ Ло вышелъ къ нимъ на встрѣчу и нашелъ ихъ крайне изнуренными; каждый изъ нихъ тащилъ большой квадратный кусокъ китовьяго сала, съ отверстіемъ по серединѣ, сквозь которое они продѣвали свои головы, какъ это дѣлаютъ гаухосы съ своими понхо или плащами. Какъ только сало было внесено въ вигвамъ, старикъ отрѣзалъ отъ него тонкіе ломтики и, бормоча надъ ними, въ минуту поджарилъ ихъ, а за тѣмъ роздалъ истомленной партіи, которая въ это время хранила глубокое молчаніе. Ло полагаетъ, что, если китъ выброшенъ на берегъ, то туземцы зарываютъ въ песокъ большіе куски китовины, на случай голода; одинъ туземный мальчикъ, бывшій у него на кораблѣ, однажды нашелъ, подобнымъ образомъ сбереженный запасъ. Когда племена воюютъ между собою, то они становятся людоедами. Изъ согласнаго, хотя совершенно независимаго показанія мальчика, взятаго г. Ло и Джемми Бѣттона выходитъ, что понуждаемые зимою голодомъ, они убиваютъ и пожираютъ своихъ старыхъ женщинъ, прежде собакъ: на вопросъ Ло, почему они такъ поступаютъ — мальчикъ отвѣчалъ, что «собаки ловятъ выдръ, а старухи нѣтъ». По словамъ этого мальчика способъ умерщвленія ихъ

заключается въ томъ, что ихъ держать надъ дымомъ до удушенія; онъ шутя подражалъ ихъ воплямъ и часто говаривалъ, что мясо ихъ считается самымъ вкуснымъ. Какъ ни ужасна такая смерть отъ руки ихъ друзей и родственниковъ, но еще мучительнѣе долженъ быть страхъ бѣдныхъ старухъ, когда начинаетъ подступать голодъ; намъ говорили, что онѣ тогда часто убѣгають въ горы, но что ихъ преслѣдуютъ мужчины и приводятъ на бойню у собственнаго ихъ очага!

Капитанъ Фицъ Рой никогда не могъ убѣдиться — вѣрятъ-ли Пешересы въ будущую жизнь. Иногда они зарываютъ своихъ покойниковъ въ пещерахъ, иногда въ горныхъ лѣсахъ; намъ неизвѣстно, какіе они при этомъ совершаютъ обряды. Джемми Бѣттонъ не хотѣлъ ѣсть сухопутныхъ птицъ, потому что «онѣ ѣдятъ мертвыхъ людей!» дикари эти даже неохотно вспоминаютъ о своихъ умершихъ друзьяхъ. Мы не имѣемъ никакого основанія полагать, что они совершаютъ какое-нибудь богослуженіе, хотя, быть-можетъ, бормотаніе старика передъ раздачею гнилаго китова сала голодной партіи, и есть что-нибудь въ этомъ родѣ. Каждая семья или племя имѣетъ своего колдуна или знахаря, котораго обязанность мы никогда не могли ясно опредѣлить. Джемми вѣрилъ въ сны, хотя не вѣрилъ, какъ я сказалъ, въ дья-

вола: я не думаю, чтобы наши Пешересы были суевѣрнѣе нѣкоторыхъ изъ матросовъ; ибо старый штурманъ твердо былъ убѣжденъ, что рядъ сильныхъ бурь, встрѣтившихъ насъ по ту сторону мыса Горна, приключился отъ присутствія на кораблѣ—Пешересовъ. Кое какой намекъ на религіозное чувство слышалъ я отъ Іорка Минстеръ, который видя г. Байно, застрѣлившаго нѣсколько очень молодыхъ утятъ для научныхъ цѣлей, воскликнулъ самымъ торжественнымъ голосомъ «О, г. Байно, много дождя, снѣга и бури,» разумѣя, очевидно, послѣдующую кару за уничтоженіе человѣческой пищи. Онъ рассказывалъ также съ большимъ жаромъ, что его братъ, возвращаясь однажды, чтобы подобрать мертвыхъ птицъ, оставленныхъ имъ на берегу, увидѣлъ нѣсколько перьевъ, носимыхъ вѣтромъ. Тогда братъ его сказалъ (Іоркъ подрожалъ здѣсь его голосу) «что это такое?» и, проползши впередъ, онъ посмотрѣлъ со скалы и увидѣлъ «дикаго человѣка,» общипывавшаго его птицъ; онъ подползъ еще ближе, швырнулъ внизъ большой камень и убилъ его. Іоркъ прибавилъ, что, долгое время спустя, бушевали бури и выпадало много дождя и снѣга. Сколько мы могли понять, онъ, кажется, смотрѣлъ на самыя стихіи, какъ на мстительныхъ дѣятелей: это, между прочимъ, ясно показываетъ, какъ естественно народу нѣсколько болѣе цивилизо-

ванному, олицетворить силы природы. Что такое собственно означало выражение «дикие люди» — для меня всегда было загадочно: изъ того, что сказалъ Йоркъ, когда мы наткнулись на мѣсто, похожее на заячье логовище, на которомъ наканунѣ спалъ человѣкъ, я склоненъ былъ заключить, что это — воры, удалившіеся отъ своего племени; но другія темныя рѣчи заставляютъ меня сомнѣваться въ этомъ: я иногда думалъ, что самое вѣроятное объясненіе то, что это сумасшедшіе. Общаго правительства, или главы эти племена не имѣютъ. Каждое окружено другими ему враждебными племенами, говорящими на различныхъ нарѣчіяхъ и отдѣленными другъ отъ друга только пустынною полосою земли, или нейтральною территоріей: средства къ существованію составляютъ, кажется, главную причину ихъ взаимной вражды. Страна ихъ состоитъ изъ беспорядочной массы дикихъ утесовъ, высокихъ холмовъ и бесполезныхъ лѣсовъ, постоянно окутанныхъ туманомъ и обуреваемыхъ вѣтрами.

Обитаемыми могутъ считаться одни только прибрежные камни. Въ постоянныхъ поискахъ за пищею, дикари эти вынуждены безпрестанно переходить съ мѣста на мѣсто, а берегъ до того крутъ, что они могутъ объѣзжать его лишь на своихъ жалкихъ лодкахъ. Имъ чужды наслажденія семейнаго очага, а семейная привязанность

извѣстна имъ еще менѣе, ибо мужъ относится къ женѣ, какъ грубый хозяинъ къ рабочему рабу. Что можетъ быть ужаснѣе того, чему былъ свидѣтелемъ Байронъ на западномъ берегу: онъ видѣлъ несчастную мать подымавшую окровавленнаго и умирающаго ребенка своего, котораго безчеловѣчный отецъ швырнулъ о камни за то, что онъ уронилъ корзину съ морскими яйцами! Да и сама страна представляетъ тамъ мало простора для упражненія высшихъ духовныхъ способностей человѣка: какая здѣсь пища воображенію, какая работа соображеніямъ и выводамъ разсудка? Чтобы снять раковину съ утеса, не требуется даже хитрости, этой низшей способности духовной. Ловкость здѣшнихъ туземцевъ можно уподобить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ инстинкту животныхъ, потому что она не развивается опытностью: самое замысловатое ихъ произведеніе, лодка, при всей своей недостаточности, осталась въ продолженіе послѣднихъ двухсотъ пятидесяти лѣтъ такою-же, какою впервые узналъ ее Дрэнъ.

Смотря на этихъ дикарей, спрашиваешь себя — откуда они? Какая переменна могла заставить цѣлое племя людей — покинуть удобныя сѣверныя страны, спуститься внизъ по кордильерамъ или американскому хребту, изобрѣсти и построить лодки, неупотребляемыя обитателями Чили, Перу и Бразиліи, а за тѣмъ поселиться

въ самой негостепріимной странѣ въ мірѣ? Хотя подобныя разсужденія съ перваго раза и овладѣваютъ умомъ, но мы можемъ быть увѣрены, что они отчасти ошибочны. Нѣтъ никакого основанія полагать, что Пешересы уменьшаются въ числѣ; поэтому мы должны допустить, что они наслаждаются на столько достаточной долей довольства, какого-бы рода оно ни было, что имѣютъ причину цѣнить и свою жизнь. Привычка, это всемогущая и наслѣдственная сила природы, принаровила Пешереса къ климату и произведеніемъ его жалкой родины.

Задержанные на шесть дней въ бухтѣ Вигвамъ крайне-дурной погодой, мы вышли въ море 30-го декабря. Капитанъ Фицъ-Рой хотѣлъ пристать къ западному берегу, чтобы высадить Йорка и Фуэгію на ихъ родную сторону. На морѣ насъ постоянно преслѣдовала вьюга, течение тоже было противъ насъ: мы дрейфовали до $57^{\circ}23'$ на югъ. 11 января, 1833 г., поднявъ всѣ паруса, мы были за нѣсколько миль отъ большой горы Йорка Минстера (названный такимъ образомъ капитаномъ Куномъ и давшей свое имя старшему Пешересу), но сильной шквалъ заставилъ насъ убавить парусовъ и пуститься опять въ море. Бурунъ страшно бился о берегъ и брызги взлетали надъ скалой, имѣвшей около 200 ф. въ вышину. 12-го буря усилилась а мы не знали навѣрное

гдѣ мы: неприятно было слышать безпрестанно повторяемые слова: «смотри хорошенько за вѣтромъ». 13-го бура неистовствовала съ полною яростью: кругомъ ничего не было видно, кромѣ безчисленныхъ брызговъ, носившихся въ воздухѣ. Видъ моря былъ зловѣщій, оно походило на печальную волнующуюся равнину съ полосами нагроможденнаго снѣга: а между тѣмъ, пока корабль выбивался изъ сплъ, альбатросъ, распустивъ крылья, плавалъ ровно по вѣтру. Около полудня поднялась надъ нами огромная волна, она наполнила одну изъ китоловныхъ лодокъ, которую принуждены были немедленно отрѣзать. Бѣдный Бигль задрожалъ отъ толчка и нѣсколько минутъ не слушался руля; вскорѣ однако добрый корабль оправился и пошелъ опять съ вѣтромъ. Если бы за первую волною послѣдовала вторая, участь наша была бы рѣшена скоро и навсегда. Двадцать четыре дня мы тщетно силились достигнуть западнаго берега; матросы были изнурены отъ усталости, нѣсколько сутокъ сряду у нихъ не было ни одной сухой вещи, которую-бы можно было надѣть. Капитанъ Фицъ-Рой отказался отъ намѣренія добратся до западной стороны съ открытаго берега. Вечеромъ мы зашли за ложный мысъ Горна, и бросили якорь на 47 туазовъ, искры сверкнули изъ браншпиля, когда по немъ спустилась цѣпь. Какъ отрадна была эта спо-

койная ночь, послѣ оглушавшаго насъ тажъ долго шума враждующихъ стихій.

. 15 января 1833. — Бигль сталъ на якорѣ въ Гѣри-Рудѣ. Капитанъ Фицъ-Рой рѣшился, по желанію Пешересовъ, высадить ихъ въ проливѣ Понсонбай, и потому снаряжены были четыре лодки, чтобы провезти ихъ черезъ каналъ Бигль. Каналъ этотъ, открытый капитаномъ Фицъ-Роемъ во время его послѣдняго путешествія, чрезвычайно характеристиченъ для географіи не только этой, но и всякой другой страны: его можно сравнить съ долиною Лакнесса въ Шотландіи, съ ея цѣпью озеръ и вдающимися въ него заливами. Онъ простирается въ длину на 120 миль, средняя ширина его, мало измѣняется и равна приблизительно двумъ милямъ, въ большей своей части онъ до того прямъ, что исчезаетъ изъ виду вмѣстѣ съ линіями горъ, его ограничивающими лишь въ слѣдствіе удаленія. Онъ проходитъ по южной части Огненной земли отъ востока къ западу, а на серединѣ къ нему примыкаетъ съ юга подъ прямымъ угломъ извилистый каналъ, названный проливомъ Понсонбай. Здѣсь живетъ племя и семья Джемми Беттуна.

19. Три китоловныхъ лодки и яликъ съ партіей въ 28 человѣкъ, отправились подъ командою капитана Фицъ-Роя. Послѣ полудня вошли мы въ восточное устье канала и немного спустя нашли уют-

ный заливцеъ, защищенный окружающими островами. Здѣсь мы раскинули свои палатки и разложили огни. Ничего привлекательнѣе этого зрѣлища нельзя было себѣ представить. Чистая вода маленькой пристани, висящія подѣ скалистымъ берегомъ вѣтви деревьевъ, лодки стоящія на якорѣ, палатки, поддерживаемыя скрещенными веслами, дымъ извивающійся надъ лѣсной долиной — все это представляло картину покоя и уединенія. На слѣдующій день (20-й) нашъ маленькій флотъ двинулся впередъ и мы дошли до болѣе населеннаго мѣста. Врядъ ли кому изъ этихъ туземцевъ приходилось встрѣчать бѣлыхъ людей; дѣйствительно, ничто не можетъ сравниться съ ихъ изумленіемъ при появленіи четырехъ лодокъ. На каждой возвышенности засвѣтились огни (отсюда названіе Огненной земли — *Tierra del Fuego*), какъ для привлеченія нашего вниманія, такъ и для распространенія этой новости далеко кругомъ. Нѣкоторые изъ дикарей бѣжали вдоль берега цѣлыя мили. Я никогда не забуду одной дикой и странной группы: внезапно четыре или пять человекъ появились на краю нависшей скалы; они были совершенно голы и ихъ длинные волосы ниспадали на лице; въ рукахъ держали они грубые палки и, прыгая на мѣстѣ, они вертели ими надъ головами издавая самыя страшныя восклицанія.

Около обѣденнаго времени мы вышли на берегъ къ партіи пещересовъ. Сначала они были къ намъ не слишкомъ дружелюбны; пока капитанъ не выступилъ впередъ, они всѣ держали свои пращи въ рукахъ. Однако мы скоро успокоили ихъ пустыми подарками, въ родѣ красныхъ тесемокъ, которыя мы обвязали вокругъ ихъ головъ. Имъ нравились наши сухари, но когда одинъ изъ дикарей прикоснулся пальцемъ къ лежавшему предо мною куску говядины, изъ тѣхъ, что сохраняются въ оловянныхъ ящикахъ, и нашель его мягкимъ и холоднымъ, то обнаружилъ такое отвращеніе, больше котораго не могъ бы выразить и я по поводу гнилой ворвани. Джемми рѣшительно устыдился за своихъ соотечественниковъ и утверждалъ, что его племя совершенно не таково; но въ этомъ онъ былъ совершенно неправъ. Этихъ дикарей было также легко обрадовать, какъ трудно удовлетворить. Молодые и старые, взрослые и дѣти безпрестанно твердили слово «яммершунэръ», что означаетъ «дай мнѣ». Указывая почти на каждый предметъ, одинъ за другимъ, даже на пуговицы нашихъ сюртуковъ и произнося при этомъ свое любимое слово на всевозможныя голоса, они напослѣдокъ стали употреблять его въ неопредѣленномъ смыслѣ и повторяли бессмысленно «яммершунэръ». Если они яммершунэрничали о

какойнибудь вещи очень настойчиво, то съ естественною хитростью указывали при этомъ на своихъ молодыхъ женъ или маленькихъ дѣтей, какъ бы говоря: «если вы мнѣ не дадите этого, то навѣрное дадите имъ».

Ночью мы напрасно искали ненаселенную бухту и наконецъ были принуждены остановиться недалеко отъ партіи туземцевъ. Пока ихъ было мало, они держали себя мирно; на утро же, когда къ нимъ присоединились другіе, они обнаруживали признаки непріязненности, и мы думали, что дѣло дойдетъ до стычки. Европейцу чрезвычайно неудобно имѣть дѣло съ подобными дикарями, нисколько не подозрѣвающими свойствъ огнестрѣльнаго оружія. Поэтому то именно европеецъ съ своимъ ружьемъ кажется дикарю гораздо ниже человекъ, вооруженнаго лукомъ и стрѣлой, копьемъ или даже пращею. И не легко убѣдить ихъ въ нашемъ превосходствѣ, не произведя роковаго удара. Подобно хищнымъ животнымъ, они, кажется, не обращаютъ вниманія на число; каждый изъ нихъ, если на него напасть, не бѣжитъ, а старается разможжить противнику голову камнемъ, точно тигръ, который въ подобныхъ обстоятельствахъ пытается растерзать врага. Капитану Фицъ-Рою какъ то разъ, вслѣдствіе важныхъ причинъ, очень нужно было пугнуть небольшую партію дика-

рей, сначала размахнулся на нихъ тесакомъ, на что они только расхохотались; тогда онъ два раза выстрѣлилъ изъ своего пистолета мимо одного туземца. Послѣдній оба раза казался изумленнымъ и быстро, но тщательно, потеръ себѣ голову; затѣмъ онъ вытаращилъ на нѣкоторое время глаза и пробормоталъ что-то своимъ товарищамъ, но кажется и не помышлялъ о бѣгствѣ. Намъ трудно поставить себя въ положеніе этихъ дикарей и понять ихъ поступки. Напримѣръ тому дикарю, мимо котораго капитанъ стрѣлялъ, никогда не представлялась возможность такого звука, какъ громъ ружейнаго выстрѣла надъ его ухомъ. Онъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ на минуту не зналъ — былъ ли это звукъ или ударъ, а потому очень естественно схватился за голову. Подобнымъ образомъ, увидѣвъ слѣдъ, пробитый пулей, дикарь не скоро пойметъ, какъ это сдѣлалось; для него, можетъ быть, совершенно непостижимъ тотъ фактъ, что отъ быстроты движенія тѣло становится невидимымъ. Тѣмъ болѣе неимовѣрная сила пули, проникающей въ твердое вещество, не разрывая его, можетъ показаться дикарю совершеннымъ недостаткомъ силы. Я дѣйствительно полагаю, что многіе дикари, находящіеся на той же низкой степени развитія, на которой находятся жители Огненной Земли, могли

видѣть предметы, пробитые ружьемъ и даже маленькихъ животныхъ, убитыхъ имъ, ни мало не представляя себѣ смертоносной силы этого оружія.

20-го. — Проведя спокойно ночь на нейтральной, кажется, территоріи между племенемъ Джемми и видѣннымъ нами вчера народцемъ, мы весело пустились далѣе. Мнѣ кажется, что эти длинныя пограничныя межи или нейтральныя полосы всего яснѣе доказываютъ взаимную вражду племенъ. Хотя Джемми Беттуну извѣстна была сила нашего отряда, но онъ сначала не желалъ выйти на берегъ среди враждебнаго сосѣдняго племени. Онъ часто намъ рассказывалъ, что «когда листъ покраснѣетъ», дикіе люди Энсъ (Oens), переходятъ черезъ горы съ восточнаго берега Огненной Земли и нападаютъ на жителей этой части страны. Чрезвычайно любопытно было наблюдать за нимъ во время этихъ рассказовъ; глаза его сверкали а лицо принимало новое дикое выраженіе. По мѣрѣ того, какъ мы двигались по каналу Биглю, мѣстность пріобрѣтала особенный, величавый характеръ; эффектъ былъ впрочемъ очень ослабленъ низменностью точки зрѣнія съ судна, а также и тѣмъ, что приходилось смотрѣть вдоль долины, теряя такимъ образомъ красивый видъ на ряды вершинъ. Горы подымались здѣсь на

3000 футовъ и заканчивались острыми и зубчатыми вершинами. Онѣ возвышались непрерывно отъ самой воды и были покрыты на всемъ протяженіи темнымъ лѣсомъ до высоты 1400—1500 футовъ. Любопытно было смотрѣть, насколько хваталъ глазъ, какъ ровна и горизонтальна была линія предѣла низкой растительности: она очень походила на линію высшихъ приливовъ на морскомъ берегу.

Ночью мы стали на якорь близъ соединенія пролива Понсонбая съ каналомъ Биглемъ. Небольшое семейство пещересовъ, жившее въ бухтѣ, встрѣтило насъ спокойной и мирно, и скоро присоединилось къ нашей партіи, расположившись вокругъ пылавшаго огня. Мы были хорошо укутаны, но хотя мы сидѣли близко къ огню, намъ было далеко не тепло; а между тѣмъ голые дикари, сидѣвшіе поодаль, къ великому нашему изумленію были облиты потомъ. Впрочемъ они казались вполне довольными и подтягивали хорошему пѣнію матросовъ; было забавно что они постоянно немного отставали.

Впродолженіе ночи новость о нашемъ прибытіи распространилась, и рано утромъ (23-го) прибыла свѣжая партія изъ племени Джемми Текеника. Многие изъ нихъ бѣжали до того скоро, что кровь шла у нихъ носомъ, и они говорили съ такою быстротою, что ротъ ихъ покрывался пѣной; голое тѣло ихъ испачкан-

ное черною, бѣлою *) и красною краскою, придавало имъ большое сходство съ бѣснующимися, только что кончившими драку. Мы двинулись по проливу Понсонбай къ мѣсту, гдѣ бѣдный Джемми думалъ найти свою мать и родню. Онъ уже зналъ, что его отецъ умеръ; но такъ какъ онъ «имѣлъ по этому поводу сонъ въ головѣ», то, кажется, и не былъ очень опечаленъ, утѣшая себя очень естественнымъ соображеніемъ,—«Мой этому не поможетъ». Онъ не могъ развѣдать никакихъ подробностей касательно смерти своего отца, такъ какъ его знакомые не хотѣли объ этомъ говорить.

*) Это вещество въ сухомъ видѣ довольно плотно и относительно малаго вѣса. Профессоръ Эренбергъ изслѣдовалъ его. Онъ утверждаетъ (Königl. Akad. der Wissen. Berlin, 1845), что оно составлено изъ инфузорій и заключаетъ въ себѣ 14 многожелудниковъ и четырехъ фитолитарей. По словамъ этого ученаго, всѣ онѣ живутъ въ прѣсной водѣ. Это прекрасный примѣръ результатовъ, получаемыхъ черезъ микроскопическія изслѣдованія профессора Эренберга; ибо Джемми Беттунъ говорилъ мнѣ, что вещество, о которомъ идетъ рѣчь, постоянно собирается со дна горныхъ ручьевъ. Кромѣ того это важный фактъ относительно географическаго распредѣленія инфузорій, занимающихъ, какъ извѣстно, большія пространства: всѣ виды въ этомъ веществѣ суть старья, знакомыя формы, хотя и нанесены съ южной оконечности Огненной Земли.

Джемми находился теперь въ мѣстности, хорошо ему извѣстной, и велъ лодки къ тихой, красивой бухтѣ, называемой Уллайя окруженной островками, изъ которыхъ каждый, равно какъ и вообще всякій здѣшній пунктъ, имѣлъ свое туземное названіе. Здѣсь мы нашли семейство изъ племени Джемми, впрочемъ незнакомое ему; мы подружились съ нимъ, и они вечеромъ отправили байзаръ, чтобы увѣдомить мать и братьевъ Джемми. Бухта была ограничена нѣсколькими акрами хорошей покатою землей, непокрытой (какъ въ другихъ мѣстахъ) ни торфомъ, ни лѣсными деревьями. Капитанъ Фицъ-Рой первоначально намѣревался, какъ сказано прежде, доставить Торха Миметера и Фуэгію къ ихъ племени на западномъ берегу; но когда они выразили желаніе остаться здѣсь, такъ какъ мѣсто было особенно благопріятно, то капитанъ Фицъ-Рой рѣшился поселить на немъ всю партію, съ миссіонеромъ Матьюсомъ. Пять дней было употреблено на постройку для нихъ трехъ большихъ вигвамовъ, на выгрузку ихъ имущества, на распашку и засѣяніе двухъ садовъ.

На слѣдующее утро послѣ нашего прибытія (24-го) пещересы начали собираться толпами, и къ намъ пріѣхала мать и братья Джемми. Онъ узналъ громкій голосъ одного изъ своихъ братьевъ на удивительно далекомъ разстояніи.

Встрѣча была менѣе интересна, чѣмъ между лошадыю, возвратившейся съ поля битвы и ея товарищами, по конюшнѣ. При этомъ не было никакихъ доказательствъ привязанности; они просто поглядѣли пристально другъ на друга нѣсколько времени, и мать тотчасъ же пошла присмотрѣть за своей лодкой. Мы однако слышали отъ Торна, что мать была безутѣшна при потерѣ Джемми и всюду его искала, полагая, что его гдѣ нибудь оставили. Женщины принимали живое участіе въ Фуэгии и оказывали ей большое расположеніе. Мы уже замѣтили, что Джемми почти забылъ свой языкъ, и я думаю, что врядъ ли найдется другое человѣческое существо съ такимъ небольшимъ запасомъ словъ, такъ какъ онъ былъ еще очень слабъ въ англійскомъ языкѣ. Смѣшно и жалко было слышать, какъ онъ обращался къ своему дикому брату на англійскомъ языкѣ, и затѣмъ спрашивалъ у него по испански: «posabe?» — понялъ ли?

Остальные три дня, во время которыхъ копались сады и строились вигвамы, прошли мирно. Число туземцевъ простиралось до ста двадцати. Женщины много работали, а мужчины шатались пѣлый день безъ дѣла и все разсматривали насъ. Они просили всего, что попадалось имъ на глаза, и крали все, что могли. Имъ нравились наши танцы и пѣнье;

особенно же интересовало ихъ то, что мы мылись въ сосѣдномъ ручьѣ; на все прочее они не обращали большаго вниманія, даже на наши лодки. Изъ всѣхъ предметовъ, замѣченныхъ Торномъ во время отсутствія его изъ родины, болѣе всего удивилъ его страусъ близъ Мальдонадо: задыхаясь отъ восторга, онъ прибѣжалъ тогда къ г. Байно, съ которымъ вышелъ погулять: «О, г. Байно, птица точно лошадь!» Какъ ни изумляла туземцевъ наша бѣлая кожа, но, по разсказу г. Лау, одинъ негръ поварь на тюленебойномъ суднѣ повергъ ихъ еще въ большее изумленіе; бѣдный малый былъ окруженъ такой толпой и возбуждалъ такіе крики что никогда болѣе не выходилъ на берегъ. Все шло такъ мирно, что мы съ нѣсколькими офицерами подолгу гуляли по окрестнымъ холмамъ и лѣсамъ. Но 27-го числа, внезапно исчезли всѣ женщины и дѣти. Это встревожило насъ, такъ какъ ни Торнъ, ни Джемми не могли объяснить намъ причину этого удаленія. Нѣкоторые думали, что они были напуганы нами, потому что наканунѣ вечеромъ мы чистили ружья и стрѣляли; другіе, что это произошло вслѣдствіе обиды, нанесенной одному старому дикарю, который на совѣтъ — держаться подалѣе, хладнокровно плюнулъ въ лицо часовому и потомъ посредствомъ жестовъ надъ спящимъ пещересомъ, разъяснилъ, какъ говорятъ,

весьма отчетливо, что ему бы хотѣлось зарѣзать и съѣсть нашего брата. Капитанъ Фицъ-Рой, для избѣжанія всякаго столкновенія, которое бы могло сдѣлаться роковымъ для многихъ пещересовъ, счелъ за лучшее переночевать въ бухтѣ, отстоящей отсюда на нѣсколько миль. Матьюсъ, съ своей обычной спокойной твердостью (замѣчательной въ человѣкѣ, повидимому, не обладавшемъ большой энергій характера), рѣшился остаться съ нашими пещересами, не обнаруживавшими за себя никакихъ опасеній. И такъ, мы оставили ихъ — провести первую опасную ночь.

Вернувшись къ нимъ утромъ (28-го), мы были обрадованы, найдя все спокойнымъ и мужчинъ занятыхъ на лодкахъ прокалываніемъ рыбы. Капитанъ Фицъ-Рой рѣшилъ отправить яликъ и одну китоловную лодку обратно къ кораблю, на двухъ же остальныхъ — одну принималъ подъ свою собственную команду (причемъ онъ очень обязательно предложилъ мнѣ сопровождать его), другую ввѣрилъ г. Гаммонду — обозрѣть западную часть канала Бигля, а затѣмъ посѣтить поселеніе еще разъ на возвратномъ пути. День къ нашему изумленію былъ невыносимо жаркій, такъ что наша кожа загорѣла: при этой чудной погодѣ видъ съ середины канала Бигля былъ очень замѣчательнъ. Ничто не преграждало вида на этотъ длинный

каналъ, терявшійся въ отдаленіи на обѣ стороны среди горъ окаймлявшихъ его. Мнѣніе, что это рукавъ моря, было подтверждено еще тѣмъ, что въ разныхъ мѣстахъ на немъ взбрызгивали громадные киты *). Разъ я видѣлъ двухъ такихъ чудовищъ, вѣроятно самца и самку, медленно плававшихъ одинъ за другимъ весьма близко отъ берега, надъ которымъ буковые деревья простирали свои вѣтви.

Мы шли впередъ, пока не стемнѣло, и тогда раскинули свои шатры въ тихомъ заливѣ. Тутъ мы нашли роскошное ложе изъ сухаго и рыхлаго хряща, который уступалъ тяжести тѣла. Торфяной грунтъ сыръ; камень неровенъ и жестокъ, песокъ попадаетъ въ пищу, когда ее варятъ и ѣдятъ по корабельнымъ обычаямъ; но лежа въ нашихъ мѣшкообразныхъ одѣялахъ на толстомъ слоѣ гладкаго хряща, мы провели покойную ночь.

Мнѣ пришлось стоять на сторожѣ до часу. Есть что то торжественное въ этихъ сценахъ. Никогда сознание того, въ какомъ отдаленномъ

*) Однажды, далеко отъ восточнаго берега Огненной Земли, мы увидѣли замѣчательное зрѣлище: нѣсколько китовъ выскакивали вверхъ изъ воды до самыхъ хвостовыхъ плавниковъ. При паденіи въ сторону они подымали брызги, а звукъ, раздававшійся при этомъ былъ похожъ на отдаленный залпъ.

углу міра находишься, не является въ умѣ такъ ясно. Все способствуетъ этому: тишина ночи прерывается только тяжелымъ дыханіемъ моряковъ подъ палатками, да иногда крикомъ ночной птицы. Случайный вой собаки, слышимый въ отдаленіи, напоминаетъ, что это страна дикарей.

29 января. Рано утромъ мы добрались до того мѣста, гдѣ каналъ Бигль раздѣляется на два рукава и вошли въ сѣверный. Видъ мѣстности становится еще величественнѣе. Высокія горы на сѣверной сторонѣ образуютъ гранитную ось или хребетъ страны и круто подымаются до высоты отъ трехъ до четырехъ тысячъ футовъ; одна изъ вершинъ ихъ выше шести тысячъ футовъ. Онѣ одѣты широкимъ покровомъ вѣчнаго снѣга, а многочисленные водопады, струясь въ чашцѣ лѣсовъ, изливаются внизу въ узкій каналъ. Во многихъ частяхъ великолѣпные ледники простираются по горѣ до самой воды. Едва ли возможно вообразить себѣ чтонибудь прелестнѣе берилловаго голубаго цвѣта этихъ ледниковъ, особенно въ противоположность съ мертвенной бѣлизной верхняго снѣжнаго слоя. Обломки, падавшіе съ ледниковъ въ воду, уплывали далѣе, и каналъ, усѣянный этими ледяными горами на разстояніи мили, представлялъ миниатюрное подобіе полярнаго океана. Когда въ обѣденное время лодки были пододви-

нуты къ берегу, намъ представилась въ полу-мили отъ насъ вертикальная ледяная скала, которою мы долго любовались, желая, чтобы свалились еще нѣкоторые обломки. Наконецъ съ оглушительнымъ шумомъ спустилась внизъ масса, и мы завидѣли тотчасъ гладкое очертаніе волны, подвигавшейся на насъ. Моряки побѣжали съ возможною скоростью къ лодкамъ, которымъ грозила явная опасность быть разбитыми въ щепки. Одинъ изъ матросовъ ухватился за носовыя части лодки въ то время, когда ихъ настигъ волнующійся бурунь. Матросъ этотъ былъ сбитъ съ ногъ, но не ушибенъ; лодки же, хотя и были три раза подняты вверхъ, также не потерпѣли ущерба. Для насъ это было большимъ счастьемъ, потому что мы находились во ста миляхъ отъ корабля и могли бы остаться безъ съѣстныхъ припасовъ и огнестрѣльнаго оружія. Я прежде замѣтилъ, что нѣкоторые большіе обломки утеса на берегу были недавно сдвинуты съ мѣста; но я не понималъ причины этого, пока не увидѣлъ этой волны. Одну сторону бухты образуетъ откосъ изъ слюдянаго сланца; верхній конецъ его—ледяная скала въ сорокъ футовъ вышины; другую сторону ея составляетъ—мысъ, возвышающійся на 50 футовъ и состоящій изъ громадныхъ, круглыхъ глыбъ гранита и слюдянаго сланца, на которыхъ произрастали старыя деревья. Этотъ

мысль была очевидно морской, образовавшийся в томъ періодѣ, когда ледникъ имѣлъ большіе размѣры.

Когда мы достигли западнаго устья этой сѣверной вѣтви канала Бигля, намъ пришлось проходить мимо многихъ неизвѣстныхъ пустынныхъ острововъ, при очень дурной погодѣ. Туземцы не попадались намъ. Берегъ почти вездѣ былъ такъ крутъ, что намъ неоднократно приходилось грести нѣсколько миль, пока мы находили достаточно мѣста для постановки нашихъ двухъ палатокъ; одну ночь мы спали на большихъ круглыхъ валунахъ, между которыми накопились гніющія водоросли; когда начался приливъ, мы были принуждены снова подыматься и перенести далѣе свои мѣшкообразныя одѣяла. Самый отдаленный западный пунктъ, до котораго мы достигли, Стюартовы острова, находились на разстояніи около 150 миль отъ нашего корабля. Мы возвратились въ каналъ Бигль южнымъ рукавомъ и безъ приключеній добрались до пролива Понсонбай.

6 февраля. Мы прибыли въ Уллая (Woollya). Матьюсъ такъ дурно отзывался о поведеніи пещересовъ, что капитанъ Фицъ Рой рѣшился взять его обратно на Бигль; впоследствии онъ былъ оставленъ въ Новой Зеландіи, гдѣ братъ его былъ миссіонеромъ. Со времени на-

шего отъѣзда съ появленіемъ новыхъ партій туземцевъ началась правильная система грабежа. Торкъ и Джемми потеряли много вещей, Матьюсъ — почти все, чего не успѣлъ зарыть въ землю. Туземцы, кажется, рвали на части и дѣлили между собою каждый предметъ. Матьюсъ описывалъ чрезвычайно тревожное состояніе, въ которомъ онъ постоянно находился; днемъ и ночью онъ былъ окруженъ туземцами, старавшимися утомить его, производя безпрестанный шумъ надъ его головой. Однажды старикъ, котораго Матьюсъ просилъ выйти изъ своего вигвама, вышелъ, но немедленно вернулся съ большимъ камнемъ въ рукѣ; въ другой разъ пришла цѣлая партія, вооруженная камнями и кольями, и нѣкоторые изъ молодыхъ, въ томъ числѣ братъ Джемми, кричали, чтобы Матьюсъ встрѣтилъ ихъ съ подарками. Другая партія знаками обнаруживала, что хотятъ раздѣть его до нога и выдернуть всѣ волосы изъ его лица и тѣла. Я думаю, мы прибыли во время, чтобы спасти его жизнь. Родственники Джемми были до того тщеславны и глупы, что показывали чужимъ свою добычу и рассказывали о способѣ, которымъ овладѣли ею. Невесело было оставлять нашихъ трехъ пещересовъ среди ихъ дикихъ земляковъ; но хорошо было и то, что они не имѣли личныхъ опасеній. Торкъ, сильный

рѣшительный мужчина, былъ увѣренъ, что заживетъ, какъ слѣдуетъ, съ своей женой, Фуэгіей. Бѣдный Джемми былъ, повидимому, почти неутѣшенъ и былъ бы, я думаю, радъ возвратиться съ нами. Собственный его братъ укралъ у него много вещей; «чтожь это будеть!» замѣчалъ онъ и бранилъ своихъ соотечественниковъ: «всѣ они дурные люди, по sabe (ничего не знаютъ)», и, хотя прежде ни разу не бранился, но теперь называлъ ихъ: «чортовы дураки». Наши три пещереса, побывавшіе только три года съ цивилизованными людьми, пожелали бы, я увѣренъ, остаться при своихъ новыхъ привычкахъ; но это, очевидно, было невозможно. Больше чѣмъ сомнительно, принесло ли имъ путешествіе какую нибудь пользу.

Вечеромъ, взявъ съ собою Матьюса, мы пошли обратно къ кораблю, но не каналомъ Биглемъ, а вдоль южнаго берега. Лодки были тяжело нагружены, море бурно, и переѣздъ нашъ былъ довольно опасенъ. Седьмого числа вечеромъ мы находились на «Бигль» послѣ двадцатидневнаго отсутствія, впродолженіе котораго проплыли триста миль въ открытыхъ лодкахъ. 11-го капитанъ Фицъ Рой одинъ посѣтилъ пещересовъ: — они поживали хорошо и лишились еще лишь очень немногихъ вещей.

Въ послѣдній день февраля слѣдующаго года (1834) «Бигль» бросилъ якорь въ прекрасной

маленькой бухтѣ, у восточнаго входа въ каналъ Бигль. Капитанъ Фицъ Рой рѣшился на смѣлую и, какъ оказалось, успѣшную поѣздку — лавировать противъ западныхъ вѣтровъ по тому же пути, по которому мы слѣдовали въ лодкахъ къ поселенію на Улайа. Мы встрѣчали мало туземцевъ до пролива Понсонбай, и только неподалеку оттуда насъ стали провожать десять или двѣнадцать лодокъ. Туземцы нисколько не понимали причины нашего лавирования и вмѣсто того, чтобы подходить къ намъ во время каждаго галса, тщетно старались не отставать отъ насъ въ нашихъ зигзагахъ. Я замѣтилъ, что мнѣ было гораздо пріятнѣе наблюдать этихъ дикарей при сознаніи рѣшительнаго превосходства нашихъ силъ надъ ними. На лодкѣ мнѣ надоѣлъ самый звукъ ихъ голосовъ, — такъ они намъ докучали. Первое и послѣднее слово было «яммершунэръ». Когда мы входили въ какуюнибудь маленькую, покойную бухту и, осмотрѣвшись кругомъ, думали провести добрую ночь, ненавистное слово «яммершунэръ» рѣзко звучало откуданибудь изъ темнаго угла, и затѣмъ небольшіе сигнальные дымки взвивались, чтобы оповѣстить всѣхъ и каждаго далеко въ окружности о нашемъ прибытіи. Покидая какоенибудь мѣсто, мы говорили другъ другу «слава Богу, наконецъ мы избавились отъ этихъ тварей», и, вдругъ еще разъ

слабый отголосокъ зычнаго крика, слышнаго на огромномъ разстояніи, доносился до нашего слуха и мы снова ясно различали «яммешунэръ». Теперь же, чѣмъ болѣе было пещересовъ, тѣмъ намъ было веселѣе, и дѣйствительно, дѣло было очень забавное. Обѣ стороны смѣялись, дивовалились, глазѣли другъ на друга; намъ жалко было смотрѣть, какъ они отдавали хорошую рыбу и морскихъ раковъ за тряпки и т. п.; они же пользовались случаемъ, что нашлись дураки, которые мѣняютъ такіа блестящія украшенія на ѣду. Потѣшно было видѣть непритворную улыбку удовольствія, съ которою одна молодая женщина съ вычерненнымъ лицомъ обвязывала вокругъ своей головы посредствомъ тростника нѣсколько красныхъ обрывковъ. Ея мужъ, пользовавшійся весьма обыкновенной здѣсь привилегіей имѣть двухъ женъ, сталъ ревновать свою молодую жену за оказанное ей вниманіе и началъ увѣщевать своихъ нагихъ красавицъ, но онѣ прогнали его.

Нѣкоторые изъ пещересовъ ясно доказывали, что хорошо понимаютъ мѣну. Одному изъ нихъ я далъ большой гвоздь (очень цѣнный подарокъ), не требуя ничего взамѣнъ; но онъ немедленно вытащилъ двухъ рыбъ и передалъ ихъ мнѣ на концѣ своего копья. Если какой либо подарокъ, предназначенный для одной лодки, падалъ около другой, его всегда отдавали то-

му, кому онъ былъ предназначенъ. Мальчикъ изъ Огненной Земли, бывшій на кораблѣ г. Лау, обнаружилъ, приходя въ сильнѣйшее раздраженіе, что вполнѣ понималъ дѣлаемый ему упрекъ въ воровствѣ, въ чемъ онъ дѣйствительно былъ повиненъ. Мы на этотъ разъ, какъ и прежде, чрезвычайно удивлялись незначительному или, лучше сказать совершенному невниманію дикарей ко многимъ вещамъ, употребленіе которыхъ для нихъ было очевидно. Такія пустяки, какъ красный лоскутокъ или голубя четки, отсутствіе у насъ женщинъ, наша забота о чистотѣ — возбуждали ихъ изумленіе въ гораздо большей степени, чѣмъ такой большой и сложный предметъ, какъ нашъ корабль. Бугенвиль хорошо замѣтилъ относительно этихъ племенъ, что они относятся къ лучшимъ произведеніямъ человѣческаго искусства, какъ къ законамъ и явленіямъ природы. (*ils traitent les chef-d'oeuvres de l'industrie humaine, comme ils traitent les loix de la nature et ses phénomènes*).

5-го марта мы стали на якоръ въ бухтѣ у Уллайа, но не нашли здѣсь ни души. Насъ это обезпокоило, такъ какъ туземцы пролива Понсонбай объясняли намъ знаками, что здѣсь происходила битва; впоследствии мы слышали, что страшные Энсы произвели здѣсь высадку. Скоро мы увидѣли приближавшуюся лодку съ

маленькимъ развивающимся флагомъ; въ ней сидѣлъ мужчина, смывавшій краску съ лица. Это былъ бѣдный Джемми, нынѣ тощій, угрюмый дикарь, съ длинными беспорядочными волосами, нагой, за исключеніемъ лоскутьевъ, покрывавшихъ его грудь. Мы его узнали, когда онъ былъ уже близко отъ насъ, потому что онъ стыдился себя самаго и оборачивался спиной къ кораблю. Мы его оставили дороднымъ, тучнымъ, чистымъ и хорошо одѣтымъ; никогда не видалъ я такой разительной и горестной перемѣны. Впрочемъ какъ только его одѣли, и когда первое смущеніе его прошло, дѣло приняло другой оборотъ. Онъ обѣдалъ съ капитаномъ Фицъ Роемъ и велъ себя за обѣдомъ также порядочно, какъ и прежде. Онъ рассказывалъ намъ, что у него «слишкомъ много» (значитъ, довольно) пищи, что онъ не страдаетъ отъ холода, что его знакомые—народъ хорошій и что онъ не желаетъ возвратиться въ Англію. Вечеромъ мы открыли причину этой важной перемѣны въ чувствованіяхъ Джемми, когда прибыла его молодая и красивая жена. Съ своей обычной добротой онъ подарилъ двумъ лучшимъ друзьямъ своимъ двѣ выдровыя шкуры, а для капитана сдѣлалъ собственными руками нѣсколько гарпуновъ и стрѣлъ. Говорилъ онъ, что самъ для себя построилъ лодку и хвасталъ, что въ состояніи говорить немного на своемъ родномъ языкѣ. Но

чрезвычайно странно то, что онъ, кажется, научилъ свое племя нѣсколько по англійски; одинъ старикъ добровольно докладывалъ о прибытіи «жены Джемми Бѣтуна». Джемми лишился всего своего имущества. Онъ рассказывалъ, что Торкъ Минстеръ построилъ большую лодку и съ своею женою Фуэгіею *) нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отправился на свою родимую сторону, совершивъ при разставаньи крайне низкій поступокъ: онъ уговорилъ Джемми и его мать отправиться вмѣстѣ съ нимъ и на дорогѣ ночью оставилъ ихъ, утащивъ съ собою всѣ ихъ вещи.

Джемми пошелъ спать на берегъ а утромъ вернулся и оставался на кораблѣ, пока судно не подняло якорь, что напугало его жену, продолжавшую неистово кричать пока онъ не сѣлъ въ свою лодку. Онъ возвращался, надѣленный значительнымъ имуществомъ.

*) Капитанъ Селванъ, который, послѣ своего путешествія на «Биглѣ», занимался съемкой Фольклендскихъ острововъ, слышалъ отъ одного матроса (въ 1842 г.), что въ западной части Магелланова пролива его изумила туземная женщина, пришедшая на корабль и говорившая немного по англійски. Безъ сомнѣнія, это была Фуэгія Баскетъ. Она жила (меня смущаетъ, что это выраженіе, повидимому, имѣетъ двойной смыслъ) нѣсколько дней на кораблѣ.

Каждый изъ бывшихъ на корабль душевно жалѣлъ, что приходится пожать ему руку въ послѣдній разъ. Я теперь не сомнѣваюсь, что онъ будетъ столь же счастливъ, а, можетъ быть, еще счастливѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы никогда не покидалъ своей страны. Всякій долженъ искренно надѣяться, что исполнится благородная надежда капитана Фицъ Роя—быть вознагражденнымъ за великодушныя жертвы въ пользу этихъ пещересовъ хотя тѣмъ, что какой нибудь претерпѣвшій крушеніе мореходецъ найдетъ защиту у потомковъ Джемми Бѣттунa и его племени. Добравшись до берега, Джемми зажегъ сигнальный огонь, и извивавшійся дымъ говорилъ намъ послѣднее и долгое прощаніе, когда корабль нашъ готовился къ отплытію въ открытое море.

Совершенное равенство между пещересами одного и того же племени должно надолго отдалить отъ нихъ цивилизацію. Какъ тѣ животныя, которыхъ инстинктъ побуждаетъ жить обществами и повиноваться главѣ, способнѣе другихъ къ усовершенствованію, такъ и человѣческіе племена. Будемъ ли мы на это смотрѣть, какъ на причину, или какъ на слѣдствіе, но несомнѣнно, что наиболѣе цивилизованные народы имѣютъ наиболѣе искусственное правленіе. Такъ обитатели Отаити, управлявшіеся при открытіи острова наследственными коро-

лями, достигли гораздо высшей степени развитія, чѣмъ другая вѣтвь того же народа, новозеландцы, которые, не смотря на необходимость обратить вниманіе на земледѣліе, были республиканцы въ полномъ смыслѣ. Пока на Огненной Землѣ не возвысится какой нибудь глава съ достаточной властью, чтобы упрочить за собою какое либо прибрѣтенное имущество, какъ напр. ручныхъ животныхъ, до тѣхъ поръ врядъ ли возвысится политическое состояніе страны. Въ настоящее время, даже кусокъ холста, данный кому нибудь, разрывается на куски и дѣлится такъ, что ни одинъ не становится богаче другого. Съ другой стороны трудно понять, какимъ образомъ можетъ возвыситься глава, пока не существуетъ какой нибудь собственности, посредствомъ которой онъ бы могъ проявлять свое превосходство и увеличивать свое могущество.

Я думаю, въ этой крайней части южной Америки человѣкъ стоитъ на низшей степени развитія, чѣмъ въ какой либо другой части земнаго шара. Южноморскіе островитяне двухъ племенъ, обитающихъ въ Тихомъ океанѣ, сравнительно образованы. Эскимосы въ своихъ подземныхъ лачугахъ пользуются нѣкоторыми удобствами жизни и въ своихъ байдарахъ, искусно снаряженныхъ, обнаруживаютъ много ловкости. Жалки нѣкоторыя племена южной

Африки, бродящія въ поискахъ за кореньями и кое какъ укрывающіяся на своихъ дикихъ и безводныхъ равнинахъ. Австралиецъ простою своей домашней утвари наиболѣе подходитъ къ пещересу; но онъ все же можетъ похвалиться передъ нимъ своимъ бумерангомъ *), своими копьями и дротиками, своимъ умѣньемъ лазить по деревьямъ, слѣдить звѣря и охотиться. Хотя австралиецъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ушелъ дальше пещереса, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ сколько нибудь выше его по своей смысленности и способностямъ: изъ того, что я самъ наблюдалъ у пещересовъ, бывшихъ съ нами на кораблѣ, и изъ того, что читалъ объ австралійцахъ, я даже склоненъ придти къ совершенно противоположному заключенію.

*) Бумерангъ—метательное орудіе, въ видѣ кривой сабли. Оно пускается такъ, что перевортывается въ воздухѣ.

ГЛАВА XI.

Магеллановъ проливъ. — Портъ Фаминъ. — Восхождение на гору Тарнъ. — Лѣса. — Съѣдобный грибъ. — Фауна. — Большая водоросль. — Прощаніе съ Огненной Землей. — Климатъ. — Плодовая деревья и произведенія южныхъ береговъ. — Высота снѣговой линіи на Кордильерахъ. — Спускъ ледниковъ къ морю. — Образованіе ледяныхъ горъ. — Перенесеніе валуновъ. — Климатъ и произведенія антарктическихъ острововъ. — Сохраненіе труповъ въ мерзломъ состояніи. — Общій обзоръ.

Магеллановъ проливъ. — Климатъ южныхъ береговъ.

Въ концѣ мая 1834 г. мы вторично вошли въ восточное устье Магелланова пролива. По обѣимъ сторонамъ этой части пролива страна состоитъ изъ равнинъ, почти совершенно гладкихъ, какъ въ Патагоніи. Мысъ Негро, выдающійся во второй узкій протокъ почти при самомъ его началѣ, можетъ считаться пунктомъ, отъ котораго страна начинается представлять

особенности, свойственныя собственно Огненной Землѣ. На восточномъ берегу — къ югу отъ пролива, неровная и лѣсистая мѣстность также составляетъ уже переходъ между этими двумя странами, вообще почти во всѣхъ отношеніяхъ другъ другу противоположными. — Удивительно въ самомъ дѣлѣ, какая поразительная разница въ ландшафтахъ на разстояніи какихъ нибудь двадцати миль. Если взять для сравненія пункты, еще нѣсколько болѣе отдаленные, какъ напримѣръ отъ порта Фаминъ до залива Грегори (около 60 миль), то разница окажется еще рѣзче. Въ первой изъ названныхъ мѣстностей мы видимъ закругленные горы, покрытыя непроходимыми лѣсами, которые постоянно напоены влагою дождей, приносимыхъ безпрестанными бурями; мысъ Грегори, напротивъ того, представляетъ рядъ сухихъ и бесплодныхъ равнинъ, надъ которыми сіяетъ вѣчно безоблачное синее небо. — Бурныя и стремительныя атмосферическія *)

*) Югозападные вѣтры вообще очень сухи. Января 29 мы стояли на якорѣ у мыса Грегори. Дулъ очень крѣпкій вѣтеръ WS; небо было чисто, мѣстами изрѣдка набѣгали облака; температура воздуха 57°, точка росы 36°, разность 21°. Января 15, въ Портъ-Санъ-Хуліанъ: утромъ легкій вѣтеръ, обильный дождь; затѣмъ сильный шквалъ съ дождемъ, перешедшій въ крѣпкій, бурный вѣтеръ, нагнавшій большія тучи. Когда прояснилось, задулъ сильный SSW. Температура показывала 60°, точка росы 42°, разность 18°.

теченія, хотя, повидимому, не имѣютъ ни какихъ предѣловъ или преградъ, но очевидно слѣдуютъ тому же направленію, кака и рѣчные потоки въ своемъ руслѣ.

Въ первый нашъ пріѣздъ (въ январѣ) мы видѣли на мысѣ Грегори нѣсколько образчиковъ знаменитаго, такъ называемаго, исполнскаго племени патагонцевъ, которые приняли насъ очень радушно. Они кажутся выше, чѣмъ въ дѣйствительности, вѣроятно вслѣдствіе мощности своихъ фигуръ, окутанныхъ широкими плащами изъ гуанаковыхъ шкуръ, а также по причинѣ длинныхъ волосъ, которые развѣваются по вѣтру. Средній ростъ ихъ около шести футовъ: изъ мужчинъ многіе выше этого, и лишь немногіе ниже; а женщины всѣ также высоки; говоря вообще, это племя конечно самое крупное, какое только мнѣ удавалось видѣть. Чертами лица они поразительно напоминаютъ сѣверныхъ индѣйцевъ, которыхъ я видѣлъ въ войнѣ Розаса; но патагонцы суровѣе и мужественнѣе тѣхъ: всѣ они раскрашиваютъ себѣ лица красной и черной краской, а у одного все тѣло было испещрено бѣлыми кругами и точками, какъ у жителей Огненной Земли.— Капитанъ Фицъ Рой предложилъ взять къ себѣ на корабль троихъ изъ нихъ по желанію, и они такъ охотно приняли это предложеніе, что, кажется, готовы были переѣхать на корабль всѣ.

Мы насилу отогнали ихъ отъ лодки, и, когда привезли наконецъ своихъ трехъ великановъ на корабль, капитанъ тотчасъ посадилъ ихъ съ собою обѣдать: они вели себя впрочемъ какъ настоящіе джентльмены, т е. употребляли за столомъ ножи, вилки и ложки: больше всего имъ пришелся по вкусу сахаръ. Это племя имѣетъ такъ много сношеній съ моряками и китоловами, что большая часть мужчинъ говоритъ немного по англійски и по испански; словомъ, они ужь немного цивилизованы и соразмѣрно съ этимъ деморализованы.

На слѣдующее утро большая партія нашихъ вышла на берегъ, чтобы пріобрѣсти мѣную шкуры и страусовы перья; такъ какъ въ огнестрѣльномъ оружіи туземцамъ было отказано, то они всего больше накинудись на табакъ, даже больше чѣмъ на топоры и иные инструменты. Все населеніе тольдосъ, мужчины, женщины и дѣти, расположились на берегу. Это была интересная сцена, и невозможно было не полюбить этихъ, такъ называемыхъ, велпкановъ,— до того они были добродушны и довѣрчивы: они просили насъ приходить опять. Какъ кажется, они желали бы, чтобы у нихъ жили европейцы, и одна, какъ видно, значительная въ ихъ племени старуха, Марія, очень упрашивала г. Лоу, оставить у нихъ хоть одного матроса.

Большую часть года они проводятъ здѣсь; но лѣтомъ охотятся по долинамъ вдоль подошвы Кордильеровъ; иногда они доходятъ даже до Ріо Негро, на 750 миль на сѣверъ. Они снабжены въ достаточномъ количествѣ лошадьми, которыхъ у каждаго, по словамъ г. Лоу, бываетъ по шести или семи, и всѣ женщины, даже дѣти, имѣютъ по собственной лошади. Во времена Сарменто (1580) у этихъ индѣйцевъ были луки и стрѣлы, теперъ уже давно вышедшіе изъ употребленія; лошадей у нихъ было тогда мало. Это очень любопытный фактъ, доказывающій неимоვნно быстрое размноженіе лошадей въ Южной Америкѣ. Лошадь впервые была высажена въ Буэносъ-Айресъ въ 1537, и когда колонія на время была покинута, лошадь одичала *); въ 1580, только сорокъ три года спустя, ихъ находятъ уже у Магелланова пролива. Г. Лоу сообщилъ мнѣ, что сосѣднее племя пѣшихъ индѣйцевъ нынѣ обращается въ конныхъ: племя, живущее у залива Грегори, уступаетъ имъ своихъ отсталыхъ лошадей, а зимой они отряжаютъ по нѣскольکو человекъ изъ самыхъ ловкихъ для поимки дикихъ лошадей.

1-го іюня. — Мы стали на якорь въ красивой

*) Rengger, Natur. der Säugethiere von Paraguay. S. 334.

бухтѣ порта Фаминъ. Было начало зимы, и зрѣлище представлялось самое унылое; тускляя деревья, осыпанныя снѣгомъ, едва виднѣлись сквозь сырую, туманную атмосферу. Мы однако были настолько счастливы, что дождались двухъ ясныхъ дней. Въ одинъ изъ нихъ отдаленная гора Сармиенто, возвышающаяся на 6,800 фут., представляла очень красивый видъ. Меня часто удивляло въ мѣстностяхъ Огненной Земли то обстоятельство, что горы, въ дѣйствительности высокія, не казались высокими. Я полагаю, что это зависитъ отъ причины, которая сразу не придетъ въ голову, именно, оттого, что вся горная масса, отъ вершины до самой подошвы, постоянно на виду. Помню, что одну гору я видѣлъ сначала съ канала Бигля, откуда всю ее, съ верху до основанія, можно было разглядѣть сразу, и потомъ съ пролива Понсонбая, откуда она виднѣлась изъ за нѣсколькихъ рядовъ возвышенностей; любопытно было наблюдать въ послѣднемъ случаѣ, что по мѣрѣ того, какъ каждый новый рядъ холмовъ давалъ новое понятіе о разстояніи,—гора подымалась все выше и выше.

Не доѣзжая порта Фаминъ, мы увидѣли двухъ людей, бѣжавшихъ вдоль берега и окликавшихъ корабль. Послана была къ нимъ лодка. Оказалось, что это два матроса, убѣжавшіе съ тюленебойнаго судна и приставшіе къ патагон-

памъ. Индѣйцы приняли ихъ съ своимъ обычнымъ безкорыстнымъ гостепріимствомъ. Матросы разошлись съ ними случайно и шли теперь къ порту Фаминъ, въ надеждѣ застать какой нибудь корабль. Могу сказать, что это были отчаянныя бродяги, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень жалкіе бѣдняки. Нѣсколько дней питались они ракушками и ягодами, а ихъ изодранное платье прогорѣло отъ огня, около котораго они спали. День и ночь безъ всякаго пріюта, они были подвержены недавнимъ непрерывнымъ бурямъ съ дождемъ и мокрымъ снѣгомъ, и все таки были довольно здоровы.

Во время нашей остановки въ портѣ Фаминъ пешересы два раза являлись и надоѣдали намъ. Такъ какъ мы расположились на берегу со множествомъ всякихъ инструментовъ, платья и людей, то необходимо было отогнать дикарей, выстрѣливъ на первый разъ изъ нѣсколькихъ большихъ ружей, когда они были еще далеко. Чрезвычайно смѣшно было наблюдать въ зрительную трубку, какъ индѣйцы каждый разъ, какъ выстрѣлъ ударялъ по водѣ, хватали камни и, какъ бы въ отвѣтъ, отважно кидали ихъ по направленію къ кораблю, отстоявшему отъ нихъ на полторы мили. Потомъ мы отправили туда лодку съ наставленіемъ дать мимо ихъ нѣсколько выстрѣловъ изъ мушкетовъ. Пешересы спрятались за деревья и на каждый

залпъ изъ мушкета пускали свои стрѣлы, которыя однако не достигали лодки. Нашъ офицеръ, указывая на нихъ, разсмѣялся; это окончательно взбѣсило пещересовъ, и они въ безсильной ярости потрясали своими пращами. Наконецъ видя, что пули прорѣзываютъ деревья, они побѣжали прочь и оставили насъ въ покоѣ. Во время первой нашей стоянки здѣсь, пещересы много надоѣдали намъ и, чтобы отвадить ихъ, ночью была спущена ракета надъ ихъ вигвамами: это отлично подѣйствовало, и одинъ офицеръ рассказывалъ мнѣ, что сначала у нихъ поднялись неистовые крики, лай собакъ, а вслѣдъ за тѣмъ, минуты черезъ двѣ, водворилось глубочайшее безмолвіе. На другое утро не оказалось въ окрестности ни одного пещереса.

Однажды утромъ, когда Бигль былъ здѣсь въ февралѣ мѣсяцѣ, я всталъ въ четыре часа, и отправился на гору Таркъ, которая въ вышину имѣетъ до 2,600 футовъ и составляетъ самую высокую точку въ этой мѣстности. Мы на лодкѣ отправились къ подошвѣ горы (къ сожалѣнію, мы попали не на самый удобный для этого пунктъ) и затѣмъ принялись восходить. Лѣсъ начинается съ того мѣста, до котораго подымается приливъ, и, въ продолженіе первыхъ двухъ часовъ я потерялъ надежду когда нибудь достигнуть вершины. Лѣсъ былъ до того густъ, что необходимо было безпрестанно прибѣгать къ компасу, потому

что, хотя мѣстность гористая, но никакихъ береговыхъ признаковъ невозможно было разсмотрѣть. Въ глубокихъ оврагахъ все до того было мертвенно, что наводило глубокое уныніе. Вокругъ бушевала буря, но въ этихъ углубленіяхъ ни одно дуновеніе вѣтра не шевелило листьевъ самыхъ высокихъ деревьевъ. Всюду было до того мрачно, холодно и сыро, что не прозябали даже ни грибы, ни мхи, ни папоротники. По долинамъ едва возможно было пробираться; — онѣ были совершенно загромождены большими гніющими стволами, разбросанными по всѣмъ направленіямъ. При переходѣ черезъ эти естественные мосты мы часто по колѣна проваливались въ гнилое дерево; въ другой разъ, пробуя опереться о твердое дерево, мы съ изумленіемъ находили массу ветхаго вещества, готоваго развалиться при малѣйшемъ прикосновеніи. Наконецъ, мы дошли до малорослыхъ альпійскихъ деревьевъ и вскорѣ добрались до голаго гребня, откуда уже достигли самой вершины. Здѣсь открылся намъ видъ, характеризующій Огненную Землю; неправильныя цѣпи утесовъ, испещренныхъ снѣговыми пятнами, глубокія, желтовато-зеленыя долины и морскіе заливы, изрѣзывали страну въ разныхъ направленіяхъ. Сильный вѣтеръ былъ пронзительно-холоденъ, воздухъ — нѣсколько туманенъ, такъ что мы недолго оставались на вершинѣ горы.

Спускъ нашъ далеко не былъ такъ затруднителенъ, какъ подъемъ: ибо тяжесть тѣла пробивала намъ дорогу, а оступались и падали мы въ должномъ направленіи.

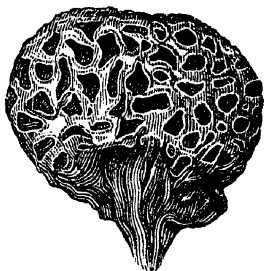
Я уже упоминалъ о мрачномъ и печальномъ характерѣ вѣчнозеленыхъ лѣсовъ *), въ которыхъ растутъ только два или три вида деревьевъ. Надъ поясомъ лѣсовъ начинаются низкорослыя альпійскія растенія, которыя растутъ на торфяной почвѣ и сами способствуютъ ея образованію; онѣ особенно замѣчательны близкимъ родствомъ своимъ съ тѣми, которыя растутъ на горахъ Европы, хотя ихъ раздѣляютъ многія тысячи миль. Центральная часть Огненной Земли, гдѣ встрѣчается сланцевато-глинистая формація, очень благопріятна росту деревьевъ; на крайнемъ поморьѣ почва гранитная, болѣе тощая; притомъ и мѣстность от-

*) Капитанъ Фицъ-Рой сообщаетъ мнѣ, что въ апрѣлѣ (соотвѣтственно нашему октябрю) листья деревьевъ, растущихъ близъ основанія горъ, мѣняютъ свой цвѣтъ, но этого не бываетъ съ тѣми, которыя находятся въ болѣе высокихъ предѣлахъ. И, помнится, читалъ нѣкоторыя наблюденія, показывающія, что въ Англійи листья опадаютъ въ теплую и ясную осень ранѣе, чѣмъ въ позднюю и холодную. Перемѣна цвѣта, происходящая позднѣе въ болѣе высокихъ и поэтому болѣе холодныхъ поясахъ, вѣроятно зависитъ отъ того же общаго закона прозябанія. Деревья Огненной Земли ни въ какое время года не теряютъ совершенно своихъ листьевъ.

крыта сильнымъ вѣтрамъ; поэтому деревья не достигаютъ тамъ большаго объема. Близъ порта Фаминъ мнѣ попадались самыя крупныя деревья: одинъ измѣренный мною экземпляръ винтеріи имѣлъ въ окружности четыре фута шесть дюймовъ, а изъ буковъ многіе имѣли до тринадцати футовъ. Капитанъ Кингъ упоминаетъ о буковомъ деревѣ, имѣвшемъ семь футовъ въ діаметрѣ, на разстояніи семнадцати футовъ отъ корня.

Здѣсь есть одно растительное произведеніе, заслуживающее особеннаго вниманія потому, что служитъ отличною пищей пещересамъ.

Это шаровидный ярко-желтый грибъ, растущій во множествѣ на буковыхъ деревьяхъ. Когда онъ молодъ, то бываетъ упругъ и пухлъ съ гладкою поверхностью: въ зрѣломъ состояніи онъ съезживается, становится жестче, и вся поверхность

его покрывается глубокими ямочками или ячейками, какъ это представлено на приложенномъ рисункѣ. Этотъ грибъ принадлежитъ къ новому, любопытному роду *); я нашелъ еще

*) Онъ описанъ по моимъ образчикамъ съ замѣтками I. M. Беркли, въ *Linnean Transactions* (vol. XIX, стр. 37), подъ названіемъ «*Cyttaria Darwinii*» Чилийскій видъ — *C. Rerteroi*. Это родъ близокъ къ *Bulgaria*.

видъ на другомъ видѣ бука въ Чили, а докторъ Гукеръ сообщаетъ мнѣ, что недавно открылъ третій видъ этого гриба на третьемъ видѣ бука въ Ванъ - Дименовой землѣ. Удивительная связь, между чужездными грибами и деревьями, на которыхъ они растутъ, въ такихъ отдаленныхъ другъ отъ друга частяхъ міра! Въ Огненной Землѣ грибъ въ жесткомъ и сплѣомъ состояніи собирается во множествѣ женщинами и дѣтьми и съѣдается сырымъ. Онъ имѣетъ слизистый, слегка сладковатый вкусъ, и слабый запахъ, напоминающій шампиньонъ. Туземцы не употребляютъ никакой растительной пищи, кромѣ этого гриба и нѣкоторыхъ ягодъ, преимущественно плодовъ низкорослой толокнянки *). Въ Новой Зеландіи, до введенія картофеля, потребляли во множествѣ корни папоротника; теперь же я думаю, Огненная Земля единственная страна въ свѣтѣ, гдѣ споровое растеніе составляетъ существенную часть пропитанія жителей.

Фауна Огненной Земли очень бѣдна, какъ и надо ожидать отъ свойствъ ея климата и растительности. Изъ млекопитающихъ, кромѣ ки-

*) *Arbutus*, мелкій кустъ изъ семейства вересковыхъ. Настоящая толокнянка, *arctostaphylos Uva ursi*, водится и въ Петербургской губерніи.

товъ и тюленей, здѣсь водится еще одна летучая мышь (*Reithrodon chinchilloides*), двѣ настоящія мыши, ктеномисъ, родственнѣй или тождественнѣй съ тукутуко, двѣ лисицы (*Canis Magellanicus* и *C. Azarae*), морская выдра, гуанако и олень. Большинство этихъ животныхъ живетъ лишь въ болѣе сухихъ восточныхъ частяхъ страны, а олень никогда не встрѣчается къ югу отъ Магелланова пролива. Судя по одинаковому строенію скалъ, состоящихъ по обѣимъ сторонамъ пролива, а также на нѣкоторыхъ промежуточныхъ островахъ, есть причины предполагать, что земля была изъ мягкаго песчаника, хряща и глины, нѣкогда соединена, такъ что было возможно переселеніе въ Огненную Землю такихъ нѣжныхъ и беззащитныхъ животныхъ, какъ тукутуко и *Reithrodon*. Одинаковое строеніе скалъ, правда, еще не есть окончательное доказательство соединенія ихъ, потому что такія скалы вообще образуются черезъ пересѣченіе осадныхъ склоновъ, которые накопились близъ существовавшихъ тогда береговъ еще до поднятія страны. Тѣмъ не менѣе все таки замѣчательно, что изъ двухъ большихъ острововъ, отдѣленныхъ отъ Огненной Земли Биглевымъ каналомъ, на одномъ— скалы состоятъ изъ веществъ, которыя можно назвать аллювіальными наслоеніями и которыя соотвѣтствуютъ точно такимъ же слоямъ, нахо-

дящимся на противоположащемъ берегу канала, тогда какъ другой островъ окаймленъ исключительно древними кристаллическими породами; на первомъ изъ этихъ острововъ, Наваринѣ, встрѣчаются лисицы и гуанако; на послѣднемъ же, т. е. на островѣ Гостъ (Hoste), хотя во всѣхъ отношеніяхъ сходномъ съ нимъ и отдѣленномъ отъ него лишь маленькимъ каналомъ, шириною около полъ-мили, не водится ни одного изъ этихъ животныхъ, въ чемъ положительно завѣрялъ меня Джемми Беттонъ.

Въ мрачныхъ лѣсахъ водится мало птицъ: по временамъ раздается жалобный крикъ бѣло-головой хохлатой мухоловки (*Myiobius albiceps*), прячущейся по вершинамъ самыхъ высокихъ деревьевъ; еще рѣже слышенъ громкій странный возгласъ чернаго дятла, съ красивымъ хохолкомъ на головѣ. Маленькій королекъ (*Scytalopus Magellanicus*) робко попрыгиваетъ по беспорядочнымъ кучамъ свалившихся и гнющихъ стволовъ. Но самая обыкновенная здѣсь птица — пищуха (*Oxyurus tinianeri*). Ее можно встрѣтить въ буковыхъ лѣсахъ повсемѣстно, и въ высшихъ горныхъ предѣлахъ, и внизу, въ самыхъ мрачныхъ, сырыхъ, и непроходимыхъ оврагахъ. Безъ сомнѣнія, эта крошечная птичка кажется многочисленнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе своей привычки — слѣдовать, какъ бы изъ любопытства, за каждымъ

лицомъ, посѣщающимъ эти безмолвные лѣса; издавая безпрестанно рѣзкое чириканье, она порхаетъ съ дерева на дерево, на нѣсколько фут. впереди передъ докучливымъ посѣтителемъ. Въ противоположность настоящей пищухѣ (*Certhia familiaris*), которая ищетъ скромныхъ и уединенныхъ мѣстъ, она постоянно на виду; настоящая пищуха обыкновенно бѣгаетъ и взбирается по стволамъ деревьевъ; эта-же, точно наша синичка, рѣзво и прилежно скачетъ кругомъ и осматриваетъ каждую вѣточку, каждый прутикъ, въ поискахъ за насѣкомыми. Въ болѣе открытыхъ мѣстахъ попадаются три или четыре вида зябликовъ, дроздъ, скворецъ (*Scterus*), два опетіоринха, нѣсколько ястребовъ и совы.

Отсутствіе какого-бы то ни было представителя цѣлаго класса пресмыкающихся есть отличительный признакъ какъ здѣшней фауны, такъ и фауны Малупискихъ острововъ. Это сужденіе я основываю не только на моихъ собственныхъ наблюденіяхъ; я слышалъ тоже самое отъ испанскихъ обитателей послѣдней мѣстности, а относительно Огненной Земли довольствуюсь свидѣтельствомъ Джемми Бѣтона. На берегахъ Санта-Крусъ, подъ 50° ш., я видѣлъ лягушку; очень можетъ быть, что этихъ животныхъ, равно какъ и ящерицъ, можно найти и еще южнѣе, вплоть до Магелланова пролива, гдѣ страна удерживаетъ еще

патагонскій характеръ; но въ сырой и холодной Огненной Землѣ нѣтъ ни одного пресмыкающагося. Относительно нѣкоторыхъ отрядовъ, какъ напримѣръ ящерицъ, можно было напередъ сказать, что тамошній климатъ для нихъ неблагоприятенъ; но касательно лягушекъ этого нельзя было рѣшить заранѣе.

Жуки попадаютъ въ очень небольшомъ числѣ: я долго не могъ повѣрить, чтобы страна, столь же обширная какъ Шотландія, покрытая растительностью и представляющая столько разнообразныхъ мѣстностей, могла быть въ такой степени бѣдна жуками. Немногіе жуки, найденные мною, принадлежали къ альпійскимъ породамъ (*Harpalidae* и *Heteromidae*), живущимъ подъ камнями. Травоядныхъ хризомелидовъ, такъ рѣзко характеризующихъ тропическій поясъ, здѣсь почти вовсе нѣтъ*).

*) За исключеніемъ одного альпійскаго вида *Naltica*, и одной Маласомы. Г. Унтергаузъ сообщаетъ мнѣ, что здѣсь восемь или девять видовъ семейства *Harpalidae*, отличающихся большею частію чрезвычайно характерными формами; четыре или пять видовъ разносуставчатыхъ; шесть или семь хоботоносцевъ; и по одному виду каждаго изъ слѣдующихъ семействъ: *Staphylinidae*, *Elatерidae*, *Cobrioidae*, *Melolonthidae*. Изъ другихъ отрядовъ здѣсь еще менѣе видовъ. Во всѣхъ отрядахъ малочисленность особей еще замѣтнѣе, нежели малочисленность видовъ. Изъ жесткокрылыхъ большая часть тщательно описана г. Унтергаузомъ въ *Annals of Nat. History*.

Также очень мало встрѣчалъ я мухъ, бабочекъ и пчелъ, а сверчковъ или прямокрылыхъ со-всѣмъ не видѣлъ. Въ лужахъ находилъ очень не-много водяныхъ жуковъ и ни одной прѣсноводной раковины: правда янтарка составляетъ какъ будто исключеніе, но здѣсь ее можно считать сухо-путною раковиною, потому что она живетъ въ сырой травѣ, далеко отъ воды. Сухопутныя раковины я находилъ только такъ-же гдѣ и жу-ковъ, т. е. въ горахъ, подъ камнями.

Я уже упоминалъ о совершенной противо-положности какъ климата, такъ и общаго вида Огненной Земли и Патагоніи; мѣстная энтомо-логія еще рѣче выражаетъ это различіе. Не думаю, чтобы былъ хоть одинъ видъ насѣко-мыхъ, общій обѣимъ странамъ; да и въ об-щемъ характерѣ насѣкомыхъ разница огром-ная.

Если мы обратимся отъ суши къ морю, то найдемъ, что послѣднее населено живыми су-ществами въ такомъ же избыткѣ, въ какомъ первая лишена ихъ. Во всѣхъ частяхъ міра утесистый и защищенный берегъ вмѣщаетъ, въ данномъ пространствѣ, можетъ быть, боль-шее количество животныхъ особей, чѣмъ вся-кая другая мѣстность. Есть одно морское растеніе, заслуживающее по своей важности самаго подробнаго отчета. Это макроцистъ

(*Macrocystis pyrifera*). Растение это произрастает на всякой скаль, начиная отъ низшаго уровня отлива до значительной глубины, какъ на открытомъ морскомъ берегу, такъ и въ каналахъ. *) Во время плаванія судовъ Адвенчюра и Бигля, мы не встрѣтили, я думаю, ни одного утеса, близкаго къ поверхности, который не былъ бы опутанъ этою длинною, плавучей водорослю. Услуга, оказываемая ею судамъ, плавающимъ близъ этой бурной страны, очевидна; и дѣйствительно, эта водоросль не разъ спасала суда отъ крушенія. Меня всего болѣе поражаетъ, что это растение возрастаетъ и процвѣтаетъ среди сильныхъ буруновъ Западнаго океана, которымъ не можетъ долго противиться никакой утесъ, какъ бы онъ крѣпокъ ни былъ. Стебель этой водоросли круглый,

*) Его географическое распространение замѣчательно обширно; его находятъ повсюду, отъ крайнихъ южныхъ островковъ близъ мыса Горна, къ сѣверу, вдоль восточнаго берега (согласно показаніямъ г. Стокса) до 43° широты, а по западному берегу, по словамъ д-ра Гукера, оно распространяется до Ріо-Санъ-Франциско въ Калифорніи, быть можетъ даже до Камчатки. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ ширину оно распространено на огромное протяженіе, а такъ какъ кап. Кукъ безъ сомнѣнія хорошо знакомый съ этимъ видомъ, встрѣчалъ его у Кергуленевой Земли, то оказывается, что оно занимаетъ до 140° долготы.

слизистый и гладкій, и въ діаметрѣ рѣдко имѣетъ одинъ дюймъ. Нѣсколько такихъ стеблей, соединенныхъ вмѣстѣ, настолько крѣпки, что выдерживаютъ тяжесть большихъ каменныхъ глыбъ, къ которымъ они прикрѣпляются въ каналахъ, внутри материковъ; а между тѣмъ многіе изъ этихъ камней были такъ тяжелы, что одинъ человекъ едва могъ ихъ втащить въ лодку. Капитанъ Кукъ въ своемъ второмъ путешествіи говоритъ, что въ Кергуэленовой Землѣ эта водоросль растетъ на глубинѣ болѣе 24 туазовъ (туазъ — 6 футовъ, нѣсколько менѣе сажени), а такъ какъ она растетъ не вертикально, а образуетъ съ дномъ моря очень острый уголъ и кромѣ того большая часть ея растягивается еще на многія туазы по морской поверхности, то я съ полнымъ правомъ могу сказать, что нѣкоторыя изъ нихъ вырастаютъ длиною въ 60 сажень, и болѣе. Я не думаю, чтобы стебель какого либо другаго растенія достигалъ 360 футовъ длины, какъ нашелъ капитанъ Кукъ у этой водоросли. Кромѣ того капитанъ Фицъ Рой находилъ корни макроциста прикрѣпленными *)

*) Voyages of the Adventure and Beogl, vol. I, p. 363. Повидимому, водоросли растутъ неимоверно быстро. Г. Стефенсонъ нашелъ (Wilsokc Voyage round Scotland, vol. II, p. 228), что утесъ, обнажающійся только при весеннихъ

на глубинѣ, сорока пяти сажень. Зарости или пласты этой водоросли, хотя не очень широкіе, образуютъ превосходныя естественныя плавучія плотины. Въ открытой пристани любопытно наблюдать, какъ огромныя морскія волны, проходя чрезъ эти раскинутые стебли, мало по малу понижаются и постепенно переходятъ въ гладкую поверхность. Число живыхъ тварей всѣхъ отрядовъ, существованіе которыхъ непосредственно зависитъ отъ макроциста, неизмѣримо велико. Можно-бы написать большой томъ объ обитателяхъ хоть одного изъ этихъ пластовъ водорослей. Почти всѣ листья, за исключеніемъ плавающихъ на поверхности, до того облѣплены кораллинами, что получаютъ совершенно бѣлый цвѣтъ. Здѣсь встрѣчаются изящнѣйшія постройки, изъ которыхъ нѣкоторыя населены простыми гидроподобными полипами, другія — болѣе сложными организмами и красивѣйшими асцидіями. Къ листьямъ прикрѣпляются также разнообразныя блюдцевидныя, раковины, курганчики (*Trochi*), голые моллюски и нѣкоторыя двустворчатые. На всѣхъ частяхъ

отливахъ и до чиста отмытый въ ноябрѣ, черезъ шесть мѣсяцевъ, т. е. въ мач слѣдующаго года густо обросъ фукусами, изъ которыхъ одинъ видъ, *Fucus digitalus*, выросъ уже на 2 фута, а *F. esculentus* на шесть футовъ въ длину.

растения встрѣчаются безчисленное множество ракообразныхъ. Если встряхнуть корни, то изъ нихъ посыплется цѣлая куча мелкой рыбы, раковинъ, каракатицъ, всевозможныхъ морскихъ крабовъ, морскихъ яицъ, морскихъ звѣздъ, красивыхъ голотурій, планарій и ползающихъ nereidовыхъ разнообразнѣйшаго вида. Каждый разъ какъ я брался за вѣтку макроциста — а я дѣлалъ это нерѣдко, — мнѣ попадались въ ней животныя съ какимъ нибудь новымъ интереснымъ устройствомъ. На островѣ Чилоэ, гдѣ макроцистъ растетъ не очень хорошо, во все нѣтъ многихъ раковинъ, кораллинъ и ракообразныхъ; остается лишь нѣсколько флустровыхъ (Flustraceae) и нѣкоторыя сложныя асцидіи; послѣднія однако отличаются отъ асцидій Огненной Земли: такимъ образомъ мы видимъ, что географическое распространеніе водоросли несравненно обширнѣе распространенія животныхъ, которыя на ней живутъ. Эти громадные водяные лѣса южнаго полушарія можно сравнить только съ материковыми лѣсами тропическихъ странъ. Но если гдѣ нибудь истребить настоящій лѣсъ, то не думаю, чтобы вмѣстѣ съ нимъ погибло такое множество разнообразнѣйшихъ животныхъ, какъ здѣсь, отъ истребленія макроциста. Между листьями этого растения живетъ множество рыбъ различныхъ видовъ и притомъ такихъ, которыя нигдѣ

гдѣ кромѣ этой водоросли не найдуть себѣ ни пищи, ни крови; съ уничтоженіемъ ихъ погибнуть также всѣ бакланы и другія рыболовныя птицы; потомъ выдры, тюлени и морскія свиньи, а наконецъ и дикіе пещересы; жалкіе хозяева этой жалкой страны, должны будутъ удвоить потребление человѣческаго мяса, и вслѣдствіе этого вскорѣ убавятся въ числѣ и, быть можетъ, вовсе исчезнуть съ лица земли.

8-го *іюня*.—Мы снялись съ якоря рано утромъ и оставили портъ Фаминъ. Капитанъ Фицъ-Рой рѣшился выйти изъ Магелланова пролива черезъ недавно открытый каналъ Магдалины. Нашъ путь лежалъ прямо къ югу по тому мрачному проходу, о которомъ я упоминалъ выше, говоря, что онъ какъ бы ведетъ въ другой и притомъ худшій міръ. Вѣтеръ былъ благопріятный, но воздухъ былъ очень сгущенъ, такъ что мы пропускали много интересныхъ видовъ. Темныя, разорванныя облака быстро неслись черезъ горы, окутывая ихъ съ вершины почти до основанія. То, что намъ удавалось рязглядѣть мелькомъ сквозь эту туманную массу, было чрезвычайно интересно: зубчатые верхи, снѣжные конусы, голубые ледники, рѣзкія очертанія, рисовавшіяся на блѣдномъ небѣ—все это виднѣлось на разныхъ разстояніяхъ и на различныхъ высотахъ. — Среди такой мѣстности мы стали на якорѣ у мыса Торнъ, близъ горы Сарміенто,

скрывавшейся въ то время за облаками. У подошвы высокихъ и почти вертикальныхъ береговъ нашей маленькой бухты стоялъ покинутый вигвамъ, и это одно только напоминало намъ что и въ эти пустынные страны когда-то забирался человѣкъ; но трудно себѣ представить мѣстность, въ которой онъ могъ бы играть болѣе жалкую роль. Неодушевленные проявленія силъ природы — утесы, льды, снѣгъ, вѣтеръ и вода, борясь между собою, но соединяясь въ борьбѣ противъ человѣка, царствуютъ здѣсь безгранично.

9-го *іюня*. — Утромъ мы съ радостью увидѣли, что туманный покровъ постепенно подымается надъ Сарміенто и разоблачаетъ ее передъ нами. Гора эта — одна изъ высочайшихъ въ Огненной Землѣ, — возвышается на 6,800 ф. При основаніи, почти на восьмую часть всей своей высоты, она покрыта мрачными лѣсами, за которыми до вершины простирается уже сплошная масса снѣга. Эта громада никогда не таяющихъ снѣговъ, которымъ суждено, кажется, лежать здѣсь пока будетъ стоять міръ, представляетъ зрѣлище великолѣпное и величавое. Очертанія горы удивительно ясны и опредѣленны. Благодаря обилію свѣта, отражающагося отъ бѣлой и сверкающей поверхности, ни одна часть ея не оттѣнена, и можно было различить только тѣ линіи, которыя пересѣкаютъ небо: вслѣдствіе этого вся

масса выступаетъ чрезвычайно рельефно. Многіе ледники, извиваясь, спускаются отъ верхнихъ снѣговыхъ пространствъ къ самому морю: ихъ можно бы сравнить съ большими замерзшими ніагарами; и, быть можетъ, эти водопады сняго льда не менѣе красивы, чѣмъ движущіеся водяные каскады. Ночью мы достигли западной части канала, но вода была такъ глубока, что некуда было бросить якорь. Поэтому мы были принуждены лавировать и держаться подальше отъ береговъ въ узкомъ морскомъ рукавѣ, въ продолженіе безконечной, четырнадцати-часовой и совершенно темной ночи.

10-го іюня. — Утромъ мы кое какъ пробрались въ открытый Тихій океанъ. Западный берегъ повсюду состоитъ изъ низкихъ, округленныхъ и совершенно обнаженныхъ холмовъ изъ гранита и гринштейна. Сэръ Дж. Нарборо назвалъ одну часть Южнымъ Запустѣніемъ (South Desolation), потому что, какъ онъ говоритъ, «мѣста эти наводятъ уныніе.» Это совершенно справедливо. Вокругъ главныхъ острововъ разбросано множество подводныхъ скалъ и утесовъ, о которые непрерывно разбиваются громадные волны открытаго океана. Мы прошли между В. и З. Фуріями; а немного сѣвернѣе этого мѣста море до того изрыто бурунами, что носятъ названіе Млечнаго Пути. Одинъ видъ такого поморья на цѣлую недѣ-

лю можетъ нагнать на обитателя твердой земли тоскливую мысль о кораблекрушеніяхъ, опасностяхъ и гибели. Таковъ былъ для насъ послѣдній видъ Огненной Земли, послѣ чего мы съ нею окончательно распростились.

Приступая къ разсужденію о климатѣ южныхъ частей континента по отношенію его къ мѣстнымъ произведеніямъ, — о линіи снѣговъ, о чрезвычайно низкомъ положеніи ледниковъ и о поясѣ постояннаго замерзанія на Антарктическихъ островахъ, — предупреждаю всякаго, не слишкомъ интересующагося этими любопытными вопросами, что слѣдующія страницы можно пропустить или прочесть только конечные выводы. Впрочемъ я помѣщаю здѣсь только извлеченіе, а за подробностями отсылаю къ 13-й главѣ перваго изданія этого сочиненія и приложеніямъ къ нему.

О климатѣ и произведеніяхъ Огненной Земли и югозападнаго берега. — Въ слѣдующей таблицѣ представлена средняя температура Огненной Земли, Фальклендскихъ острововъ и, для сравненія, Дублина:

	Широта.	Лѣтняя температура.	Зимняя температура.	Средняя годовая.
Огненная Земля.	53° 38' Ю.	50°	33° . 08'	41° . 54'
Фалкленд. ост.	51° 30' Ю.	51°	—	—
Дублинъ . . .	53° 21' С.	59° . 54'	39° . 2'	49° . 37'

Отсюда мы видимъ, что центральная часть

Огненной Земли зимою значительно холоднѣе Дублина, а лѣтомъ даже на цѣлыхъ $9\frac{1}{2}^{\circ}$. По словамъ фонъ-Буха, въ Зальтенфюрдѣ въ Норвегіи средняя температура въ іюлѣ (не самомъ жаркомъ мѣсяцѣ года) равняется $57^{\circ}.8'$, а это мѣсто на цѣлыхъ 13° ближе къ полюсу чѣмъ портъ Фаминъ *). Какъ ни суровъ кажется намъ этотъ климатъ, но въ немъ роскошно процвѣтають вѣчнозеленныя деревья. Подъ 55° ю. ш. встрѣчаются колибри, пьющія медъ изъ цвѣтовъ, и попугаи, питающіеся сѣменами винтеріи. Я уже говорилъ, въ какомъ изобиліи море населено здѣсь живыми существами. Слѣдуетъ прибавить, что, по словамъ г. Сауэрби, здѣшнія раковины (Patellae, Fissurellae, хитоны и барнакли) гораздо крупнѣе и крѣпче сложены, чѣмъ соотвѣтственные имъ виды сѣвернаго полушарія. Большой свитокъ (Voluta) изобилуетъ въ южной части Огненной Земли и на Фальклендскихъ

*) Относительно Огненной Земли результаты заимствованы изъ наблюдений капитана Кинга (Geographical Journal, 1830), а также изъ сдѣланныхъ на Биглѣ. Выводъ средней температуры Фальклендскихъ острововъ обязательно сообщилъ мнѣ капитанъ Селиванъ (выводъ этотъ сдѣланъ изъ тщательныхъ наблюдений, произведенныхъ въ полночь и 8 ч. утра и въ полдень и въ 8 ч. вечера въ теченіе трехъ самыхъ жаркихъ мѣсяцевъ, т. е., декабря, января и февраля. Температура Дублина взята у Бартонна).

островахъ. Въ Багіа-Бланка, подъ 39° ю. ш., изъ раковинъ чаще всего встрѣчаются три вида оливы (одинъ очень крупный), одинъ или два свитка (*Voluta*) и одинъ буравчикъ (теревра). Всѣ они принадлежатъ къ самымъ характернымъ тропическимъ формамъ. Сомнительно, чтобы на южныхъ берегахъ Европы существовалъ хотя одинъ изъ мелкихъ видовъ оливы, а изъ остальныхъ двухъ родовъ положительно нѣтъ ни одного вида. Еслибы геологъ нашелъ подъ 39° ш., на берегахъ Португаліи, слой раковинъ, въ которомъ встрѣтилось бы множество экземпляровъ трехъ видовъ оливы, а также волюту и вертебру, то вѣроятно заключилъ бы, что въ періодъ ихъ существованія климатъ этой страны былъ тропическій; но, судя по Южной Америкѣ, мы видимъ, что такой выводъ можетъ быть ошибоченъ.

Однообразный, сырой и вѣтряный климатъ Огненной Земли простирается, съ небольшимъ лишь возвышеніемъ теплоты, на многіе градусы вдоль западнаго берега Южно-Американскаго материка. Лѣса, на 600 миль къ сѣверу отъ мыса Горна имѣютъ совершенно одинаковый видъ. Какъ доказательство однообразности климата даже еще на 300 или 400 миль далѣе къ сѣверу, укажу что на островѣ Чилоэ (широта котораго соотвѣтствуетъ широтѣ сѣверныхъ частей Испаніи) персиковое дерево

рѣдко приносятъ плодъ, между тѣмъ какъ земляника и яблоки родятся превосходно. Даже снопы ячменя и пшеницы часто приносятъ въ дома для сушки и дозрѣванія. Въ Вальдивіи (40° ш., широта Мадрида) зрѣютъ, правда, виноградъ и фиги, но это рѣдкость. Иногда поспѣваютъ и оливки, но померанецъ никогда не вызрѣваетъ. Извѣстно, что въ соотвѣтствующихъ широтахъ Европы эти плоды вполне вызрѣваютъ даже и на американскомъ континентѣ въ Рио-Негро, подъ одною почти параллелью съ Вальдивіей, разводятся бататы, а виноградъ, фиги, оливки, апельсины, арбузы и дыни (musk melon) родятся въ изобиліи. Хотя сырой и однообразный климатъ острова Чилоэ и береговъ Америки къ сѣверу и югу отъ него очень неблагоприятенъ для нашихъ плодовъ, но туземные лѣса съ 45° до 38° ш., почти соперничаютъ въ богатствѣ растительности съ лѣсами жаркихъ тропическихъ странъ. Стройныя деревья многихъ родовъ, съ гладкой и сильно разцвѣченной корой, обременены чужеродными однодольными растеніями; папоротники очень крупны, изящны и многочисленны, а деревянистыя травы и злаки опутываютъ деревья въ одну сплошную массу на 30 или 40 футовъ отъ земли. Пальмовыя деревья растутъ подъ 37° ш. Древовидный злакъ, весьма похожій на бамбукъ, встрѣчается подъ 40° ; а другой, близ-

кій видъ, очень высокій, но растущій не вертикально, процвѣтаетъ даже подъ 45° ю. ш.

Однообразный климатъ, очевидно зависящій отъ большей площади моря въ сравненіи съ сушей, распространень, какъ кажется, по большей половинѣ южнаго полушарія; и вслѣдствіе этого растительность носитъ полутропическій характеръ. Древоидные папоротники превосходно растутъ на Ванъ-Дименовой Землѣ (45° ш.); одинъ измѣренный мною стволъ имѣлъ въ окружности не менѣе шести футовъ. Форстеръ нашелъ древоидный папоротникъ въ Новой-Зеландіи подъ 46°, гдѣ на деревьяхъ чужездно растутъ орхидныя. На Фальклендскихъ островахъ, по словамъ доктора Диффенбаха*), папоротники обладаютъ такими толстыми и высокими стволами, что ихъ можно бы почти назвать папоротниковыми деревьями; и какъ на этихъ островахъ, такъ и далѣе къ югу, даже подъ 55° ш., на Маккверійскихъ островахъ водятся во множествѣ попугаи.

*) Я думаю, что на Кордильерахъ центрального Чили снѣжная линія, смотря по лѣту, мѣняетъ свою высоту. Меня увѣрили, что во время одного очень длиннаго и сухаго лѣта, весь снѣгъ стаялъ на Акункагуа, хотя эта гора достигаетъ страшной высоты 23,000 футовъ. Вѣроятно, большая часть снѣга на такихъ значительныхъ высотахъ скорѣе испаряется, чѣмъ таетъ.

О высотѣ снѣжной линіи и о низкомъ положеніи ледниковъ въ Южной Америкѣ. — За подробнымъ указаніемъ источниковъ слѣдующей таблицы прошу обратиться къ первому изданію:

Широта.	Высота снѣжной линіи въ футахъ.	Наблюдатель.
Экваторіальній поясъ; } средній результатъ } . . .	15,748	Гумбольдтъ.
Боливія отъ 16° до 18° ю. ш.	17,000	Пентлендъ.
Центр. Чили 33° ю. ш. отъ 14,500 до 15,000		Джиллиси и авторъ
Ост. Чилоэ, отъ 41° до 43° ю. ш.	6,000	Офицеръ на Биглѣ и авторъ.
Огн. Земля, 54° ю. ш. отъ 3,500 до 4,000		Кингъ.

Такъ какъ высота плоскости вѣчнаго снѣга опредѣляется, повидимому, скорѣе наибольшею теплотою лѣта, нежели средней температурой года, то мы не должны удивляться пониженію этой плоскости до 3,500 или 4,000 футовъ надъ уровнемъ моря у Магелланова пролива, гдѣ лѣто такъ прохладно; хотя впрочемъ въ Норвегіи мы должны подняться до 67° или даже до 70° с. ш. т. е. на 14° ближе къ полюсу, чтобы на такомъ низкомъ уровнѣ найти вѣчный снѣгъ. Но гораздо удивительнѣе разница въ высотѣ снѣговой линіи на Кордильерахъ, по ту сторону Чилоэ, (высшая точка колеблется между 5,600 и 7,500 фут.) и на Кордильерахъ центрального Чили *) (т. е. всего на раз-

*) См. нѣмецкій переводъ этого дневника; а объ остальныхъ фактахъ — приложение г. Брауна къ путешествію Флайндерса.

стояніи 9° ш.) разница эта доходитъ почти до 9,000 футовъ. Страна къ югу отъ Чилоэ вплоть до Консепсіона (37° ш.) покрыта сплошнымъ густымъ лѣсомъ, пропитаннымъ влажностью. Небо облачно, и мы видѣли, какъ плохо поспѣваютъ здѣсь плоды южной Европы. Въ центральномъ Чили, напротивъ того, немного сѣвернѣе Консепсіона, небо всегда ясно, въ продолженіе семи лѣтнихъ мѣсяцевъ не бываетъ дождя, и южно-европейскіе плоды растутъ отлично; разводили даже сахарный тростникъ *). Вѣроятно линія вѣчныхъ снѣговъ подвергается упомянутому замѣчательному уклоненію въ 9,000 ф., (уклоненіе, которому нѣтъ подобнаго ни въ какой другой части свѣта) недалеко отъ широты Консепсіона, гдѣ страна уже не покрыта лѣсами; въ южной Америкѣ лѣса означаютъ дождливый климатъ, а дождь указываетъ на туманное небо и незначительный лѣтній зной. Спускъ ледниковъ къ морю (предположивъ напередъ, что въ верхнихъ предѣлахъ накопляется достаточное количество снѣга), я думаю, зависитъ главнымъ образомъ отъ низкаго положенія линіи вѣчныхъ снѣговъ

*) Miers's Chile, vol. I, p. 415. Говорятъ, что сахарный тростникъ росъ въ Инченіо, подъ 32° ш., въ количествѣ недостаточномъ для того, чтобы сдѣлать обработку его выгодною. Въ долину Килота, къ югу отъ Инченіо, я видѣлъ нѣсколько большихъ финиковыхъ пальмъ.

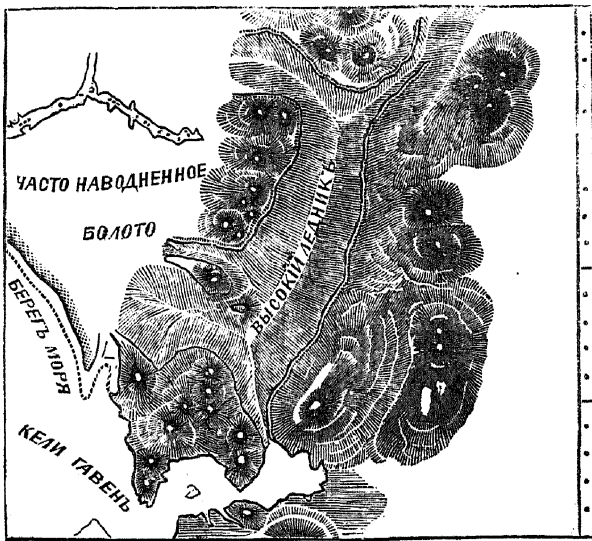
на крутыхъ горахъ близъ поморья. Такъ какъ въ Огненной Землѣ снѣжная линія очень низка, то, конечно, можно было напередъ ожидать, что многіе едники будутъ доходить до самаго моря. Тѣмъ не менѣе я былъ очень изумленъ, когда въ первый разъ увидѣлъ подъ широтою Комберленда горную цѣпь, высотой не больше отъ 3,000 до 4,000 футовъ, въ которой каждая долина была наполнена ледяными потоками, спускавшимися къ морю. Почти каждый морской рукавъ, проникающій до внутренней, болѣе высокой, цѣпи, не только въ Огненной Землѣ, но на 650 миль сѣвернѣе по берегу, заканчивается «страшными и изумительными ледниками», по выраженію одного изъ офицеровъ, посланныхъ для осмотра. Огромныя массы льда часто падаютъ съ этихъ ледяныхъ скалъ, и среди уединенныхъ каналовъ раздается тогда трескъ и гулъ, подобный залпу съ военнаго корабля. Эти паденія, какъ замѣчено въ послѣдней главѣ, производятъ большія волны, бьющія о прилежащіе берега. Извѣстно, что землетрясенія бывають причиною того, что съ приморскихъ утесовъ отпадаютъ огромныя земляныя массы. Каково же должно быть дѣйствіе сильнаго подземнаго удара (которые здѣсь нерѣдко случаются*)

*) Brekeley's and Cummin's Faithful Narration of the Loss of the Wager. Землетрясеніе случилось 25 августа 1741.

на такое тѣло, какъ ледникъ, уже находящійся въ движеніи и изборозженный трещинами! Легко повѣрить, что тогда вода сразу будетъ вытѣснена изъ глубочайшаго канала и потомъ, возвращаясь на свое мѣсто, съ поразительной силой будетъ крутить громадныя глыбы камней, какъ соломенки. Въ проливѣ Эйръ, на одной широтѣ съ Парижемъ, находятся огромныя ледники, между тѣмъ какъ самая высокая изъ ближайшихъ горъ возвышается лишь на 6,200 ф. Въ этомъ проливѣ однажды видѣли одновременно до 50 ледниковъ, плывшихъ къ океану, и одинъ изъ нихъ имѣлъ въ вышину по меньшей мѣрѣ 168 ф. Нѣкоторые изъ ледниковъ несли на себѣ довольно объемистыя обломки гранита и другихъ горныхъ породъ, отличныхъ отъ сланцеватой глины окружающихъ горъ. — Отдаленнѣйшій отъ полюса ледникъ, видѣнный нами во время плаванія Бигля и Адвенчюра, находился подъ $46^{\circ} 50'$ ш., въ заливѣ Пеньясъ. Въ длину онъ простирается на 15 миль, имѣетъ въ одномъ мѣстѣ 7 миль въ ширину и спускается до самаго морскаго берега. Но даже нѣсколько миль сѣвернѣе этого ледника, въ Лагуна-С.-Рафаэль, испанскіе мисіонеры *) встрѣтили «многія ледныя горы, изъ которыхъ однѣ велики, другія малы, а нѣ-

*) Agüeros Desc. Hist. de Chiloe, p. 227.

которыя средняго объема», въ узкомъ морскомъ рукавѣ, 22-го числа мѣсяца, соотвѣтствующаго

46° 40'

— 50'

47° 00'

нашему июню, и подъ такую широтой, которая соотвѣтствуетъ широтѣ Женевскаго озера!

Въ Европѣ самый южный ледникъ, спускающійся къ морю, встрѣчается, по словамъ фонъ-Буха, на норвежскомъ поморьѣ, подъ 67° ш. Это приходится на 20° широты или всего на 1,230 миль ближе къ полюсу, чѣмъ Лагуна С. Рафаэль. Положеніе ледниковъ въ этомъ мѣстѣ и въ заливѣ Пеньясь представляетъ явленіе еще болѣе удивительное, если вспомнимъ, что они спускаются по морскому берегу на разстояніе 7½° ш. или 450 миль отъ пристани, гдѣ са-

мыя обыкновенныя раковины—оливы, волюта и серебра; на разстояніи менѣе 9° отъ того мѣста, гдѣ растутъ пальмы; въ $4\frac{1}{2}^{\circ}$ отъ страны, гдѣ ягуаръ и пума бродятъ по долинамъ,—и менѣе, чѣмъ на $2\frac{1}{2}^{\circ}$ отъ древовидныхъ злаковъ. А если взять въ томъ-же полушаріи, къ западу, то менѣе чѣмъ на 2° оттуда растутъ чужездныя орхидныя, а древовидные папоротники отстоятъ всего только на 1 градусъ!

Эти факты имѣютъ высокій геологическій интересъ по отношенію къ климату сѣвернаго полушарія въ періодъ перенесенія валуновъ. Нечего и говорить, что тотъ простой фактъ, что плавуція ледяныя горы уносятъ на себѣ обломки скалъ, наглядно объясняетъ происхожденіе и положеніе гигантскихъ валуновъ на восточной части Огненной Земли, на высокихъ равнинахъ Санта-Круса и на островѣ Чилоэ. Въ Огненной Землѣ большая часть валуновъ лежитъ на линіяхъ бывшихъ морскихъ каналовъ или протоковъ, нынѣ превратившихся въ сухія долины вслѣдствіе возвышенія почвы. Они соединены съ большими ненаслоившимися массами глины и песку, которыя содержатъ кромѣ того круглыя и угловатыя обломки разной величины*), происшедшіе отъ неоднократнаго

*) Geological transactions, vol. VI, стр. 415.

взрытія морскаго дна пристававшими ледниками и веществами, занесенными на этихъ ледникахъ. Немногіе изъ геологовъ сомнѣваются теперь, что эрратическіе валуны, лежащіе близъ высокихъ горъ, были сдвинуты самими ледниками, а отдаленные отъ горъ и зарытые въ подводныхъ осадкахъ перенесены сюда или на ледяныхъ горахъ, или примерзли къ береговому льду. Связь между странствованіемъ валуновъ и присутвіемъ льда въ какой-либо формѣ доказывается поразительнымъ образомъ ихъ географическими распредѣленіями на земной поверхности. Въ Южной Америкѣ ихъ не находятъ далѣе 48° ш, считая отъ южнаго полюса; въ Сѣверной Америкѣ граница ихъ странствованія простирается, кажется, до 53¹/₂° сѣверной широты; но въ Европѣ не болѣе, чѣмъ на 40° ш.

Съ другой стороны, они никогда не встрѣчаются въ тропическихъ частяхъ Америки, Азіи и Африки, равно какъ и на мысѣ Доброй Надежды и въ Австраліи *).

*) Объ этомъ предметѣ я помѣстилъ подробности (впервые, кажется, обнародованныя) въ первомъ изданіи и въ приложеніяхъ къ нему. Я доказалъ, что мнимыя исключенія изъ правила, что въ жаркихъ странахъ отсутствуютъ эрратическіе валуны, выведены изъ ошибочныхъ наблюденій; нѣкоторыя изъ выраженныхъ мною мнѣній подтверждены впоследствии разными писателями.

О климатъ и произведеніяхъ антарктическихъ острововъ. Принимая во вниманіе чрезвычайную силу растительности на Огненной Землѣ и по морскому побережью сѣвернѣе, состояніе острововъ къ югу и къ юго-западу отъ Америки становится поистинѣ изумительнымъ. Сандвичевы острова, на одной широтѣ съ сѣвѣрною частью Шотландіи, найдены Кукомъ въ самый жаркій мѣсяць года, «покрытыми на нѣсколько сажень глубины вѣчнымъ снѣгомъ, такъ что растительности здѣсь, кажется вовсе нѣтъ».

Георгія, островъ въ 96 миль длины и 10 ширины, на широтѣ Йоркшайра, «въ самой серединѣ лѣта сплошь покрытъ мерзлымъ снѣгомъ.» Тамъ только и растеть мохъ, кое какіе злаки, да дикій черноголовникъ (*Sanguisorba*). Изъ сухопутныхъ птицъ тамъ водится только одна (*Anthus correndera*), тогда какъ въ Исландіи, которая на 10^0 ближе къ полюсу, водится, по словамъ Макензи, 15 сухопутныхъ птицъ. На южныхъ Шетлендскихъ островахъ, лежащихъ на одной широтѣ съ южною половиною Норвегіи, растеть нѣсколько лишайниковъ, мохъ и очень мало травы; а лейтенантъ Кендаль *) нашолъ, что бухта, гдѣ онъ стоялъ на якорѣ, начала мерзнуть въ такое время, которое

*) *Geographical Journal*, 1830 стр. 65 66.

соотвѣтствуетъ нашему 8-му сентября. Почва здѣсь состоитъ изъ перемежающихся слоевъ льда и вулканическаго пепла, и на незначительной глубинѣ подъ поверхностью, должно быть, постоянно заморожена, потому что лейтенантъ Кендалъ нашелъ въ ней давно похороненное тѣло иностраннаго моряка, у котораго вполнѣ сохранилось и мясо, и черты лица. Замѣчательно, что на двухъ большихъ континентахъ сѣвернаго полушарія (за исключеніемъ только гористой части Европы) поясъ вѣчно-мерзлой подпочвы находится въ низкихъ широтахъ, а именно въ Сѣверной Америкѣ подъ 56° ш., на глубинѣ 3 футовъ отъ поверхности*), а въ Сибири подъ 62° , на глубинѣ 12 или 15 футовъ, что очевидно происходитъ отъ противоположности условій Сѣвернаго и Южнаго полушарій. На сѣверныхъ материкахъ зимняя стужа зависитъ отъ излученія обширной поверхности страны къ ясному небу, а также отъ отсутствія умѣряющихъ теплотворныхъ морскихъ теченій; съ другой стороны, тамошнее короткое лѣто очень жарко. На южномъ океанѣ зима не столь халодная, но за то и лѣто гораздо менѣе жарко, потому что облачное небо препятствуетъ нагрѣванію океана, который, самъ

*) Richadson's Append. to Back's Exped. и Гумбольдта Fragm. Asiat., t. II, стр. 386.

по себѣ, плохо удерживаетъ тепло; оттого такъ низка и средняя температура года, регулирующая поясъ постоянно-мерзлой подпочвы. Очевидно, что обильная растительность, требующая не столько жара, сколько защиты отъ сильнаго холода, ближе подходитъ къ поясу постоянного замерзанія подъ однообразнымъ климатомъ южнаго полушарія, чѣмъ подъ крайними условіями климата сѣверныхъ материковъ.

Чрезвычайно интересенъ случай находенія совершенно сохранившагося тѣла моряка въ мерзлой почвѣ южныхъ Шетлендскихъ острововъ (отъ 62° до 63° ю. ш.), при нѣсколько низшей широтѣ, чѣмъ та, при которой (64° с. ш.) Палласъ нашелъ замороженнаго носорога въ Сибири. Хотя, какъ я старался доказать въ одной изъ предыдущихъ главъ, ошибочно предполагать, чтобы большія четвероногія требовали для своего поддержанія роскошной растительности, но все-таки важно встрѣтить на южныхъ Шетлендскихъ островахъ мерзлую подпочву въ 360 миляхъ отъ лѣсистыхъ острововъ, окружающихъ мысъ Горнъ, гдѣ, принимая во вниманіе только обиліе растительности, могло бы прокормиться многое множество четвероногихъ.

Полное сохраненіе труповъ сибирскихъ слоновъ и носороговъ, дѣйствительно, одинъ изъ самыхъ удивительныхъ фактовъ въ геологіи; но независимо отъ мнимой трудности пропитанія

ихъ въ этихъ странахъ, все это обстоятельство, по моему мнѣнію, совсѣмъ не такъ необъяснимо, какъ обыкновенно представляли. Равнины Сибири, какъ и Пампасовъ, повидимому, образовались подъ морской водою, въ которую рѣки заносили тѣла многихъ животныхъ; отъ большей части сохранились только скелеты, но отъ другихъ полный трупъ. Известно также, что въ мелкихъ моряхъ на сѣверномъ берегу Америки дно замерзаетъ и таетъ весною, даже позже нежели поверхность земли *); сверхъ того, на большихъ глубинахъ, гдѣ дно морское не замерзаетъ, глина въ нѣсколькихъ футахъ подъ верхнимъ слоемъ можетъ даже лѣтомъ сохранять температуру ниже 0°, какъ это бываетъ и въ материковой почвѣ, на глубинѣ немногихъ футовъ. На болѣе значительныхъ глубинахъ температура ила и воды вѣроятно, недостаточно низка, чтобы предохранить мясо отъ уничтоженія; поэтому отъ труповъ, занесенныхъ въ глубокія мѣста близъ сѣверныхъ береговъ, должны были уцѣлѣть только скелеты: дѣйствительно, въ крайнихъ сѣверныхъ частяхъ Сибири кости встрѣчаются въ безчисленномъ множествѣ, такъ что, гово-

*) Гг. Диръ и Симпсонъ въ *Geographical Journal*, vol. VIII стр. 218 и 220,

рять, изъ нихъ образовались даже острова *); эти острова лежатъ на цѣлыхъ десять градусовъ широты сѣвернѣе того мѣста, гдѣ Палласъ нашелъ замороженнаго носорога. Съ другой стороны, трупъ, приплывшій въ мелководныя части сѣвернаго моря, можетъ сохраняться на неопредѣленное время, если иль затянетъ его, достаточно скоро и если слой будетъ довольно толстъ, чтобы препятствовать теплой лѣтней водѣ проникнуть туда; когда-же морское дно подыметъ и станетъ сушею, то слой долженъ быть настолько толстъ, чтобы лѣтній воздухъ и солнце не могли его прогрѣть и попортить лежащій подъ нимъ трупъ.

Краткое повтореніе.—Перечислю вкратцѣ главные факты, касающіеся климата, дѣйствія льда и органическихъ произведеній южнаго полушарія, перенося мѣсто дѣйствія, для наглядности соображенія, въ соответственные широты Европы, съ которой мы вообще знакомы гораздо болѣе. Такимъ образомъ, близъ Лисабона самыя обыкновенныя морскія раковины, а именно, три вида оливы, одинъ свитокъ (*Voluta*) и одинъ буравчикъ (*Terebra*), имѣютъ тропическій характеръ. Въ южныхъ департаментахъ Франціи почва одѣта великолѣпными лѣсами,

*) Кювье (*Ossements Fossiles*, t. I, p. 151), изъ путешествія Биллинса.

перемѣшанными съ деревянистыми травами, а деревья опутаны чужеядными растеніями. На Пиренеяхъ водятся пума и ягуаръ. При широтѣ Монблана, но на островѣ, столь же отдаленномъ отъ него къ западу, какъ центральная Сѣверная Америка, отъ соотвѣтствующаго пункта въ новомъ свѣтѣ древовидные папоротники и чужеядныя орхидныя процвѣтаютъ въ густыхъ лѣсахъ. Даже на такомъ дальнемъ сѣверѣ, какова центральная Данія, можно встрѣтить колибри, порхающую надъ нѣжными цвѣтами, и тутъ же, въ вѣчно-зеленыхъ лѣсахъ, водятся попугаи; подъ тою же широтой въ морѣ мы найдемъ свитка (*Voluta*) и различныя раковины крупнаго объема и крѣпкаго строенія. Но тѣмъ не менѣе на нѣкоторыхъ островахъ, удаленныхъ только на 360 миль къ сѣверу отъ нашего новаго воображаемаго мыса Горна, въ Даніи, можетъ сохраниться въ постоянно мерзломъ видѣ трупъ, похороненный въ землѣ или занесенный въ мелкое море и прикрывшійся иломъ. Если какой нибудь отважный мореплаватель попытается проникнуть къ сѣверу отъ этихъ острововъ, то подвергнется тысячѣ опасностей среди гигантскихъ ледяныхъ горъ: на нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ видитъ огромныя каменныя глыбы, занесенныя далеко отъ ихъ первоначальнаго мѣстоположенія. Другой большой островъ, лежащій на одной широтѣ съ южной Шотлан-

діей, но вдвое далѣе на западъ, «почти весь покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ», и каждая его бухта заканчивается ледяными скалами, откуда ежегодно срываются огромныя массы; этотъ островъ производитъ лишь мохъ, немного травы, черноголовникъ, а населеніе его ограничивается луговыми жаворонками (на сушѣ). Отъ нашего новаго мыса Горна въ Даніи тянется прямо на югъ горная цѣпь, вышиною едва равняющаяся половинѣ высоты Альповъ, и на западной ея сторонѣ каждая глубокая морская бухта или фьордъ заканчивается страшнымъ, крутымъ ледникомъ. Эти удивленные морскіе каналы нерѣдко оглашаются трескомъ ледяныхъ обваловъ, а вдоль береговъ ихъ стремительно бьются и катаются огромные морскіе валы. Громадныя ледяныя горы, иногда равняющіяся вышиною высочайшимъ соборнымъ храмамъ и иногда несущія на себѣ «изрядные каменные утесы», забрасываются на сосѣдніе островки; а по временамъ жестокія землетрясенія разрушаютъ нѣкоторыя изъ этихъ ледяныхъ громадъ, и страшныя массы ихъ обломковъ летятъ въ глубину водъ. — Наконецъ какіе нибудь миссіонеры, пытаясь пробраться по длинному морскому рукаву, замѣчаютъ, что невысокія окружающія горы низвергаютъ прямо къ уровню моря свои обширные ледяные потоки, а далѣе путь за-

громомъ безчисленнымъ множествомъ пловучихъ ледяныхъ горъ, большихъ и малыхъ. И все это случается 22-го іюня, въ мѣстности, соотвѣтствующей положенію Женевскаго озера *)!

*) Въ прежнемъ изданіи и приложеніяхъ къ нему я изложилъ нѣсколько фактовъ относительно перенесенія эратическихъ камней и ледниковъ въ Южномъ океанѣ. Недавно этотъ предметъ былъ превосходно разработанъ г. Гейсомъ (Hayes, Boston Journal, vol. IV, p. 426). Но автору, повидимому, неизвѣстенъ описанный мною (Geographical Journal, vol. IX, p. 528) примѣръ гигантскаго валуна, засѣвшаго во льду на Южномъ океанѣ, я думаю, никакъ неменьше, какъ во 100 миляхъ разстоянія отъ всякой суши, а, можетъ быть, и того больше.—Въ приложеніи я подробно обсуждалъ предположеніе (въ то время бывшее еще очень сомнительнымъ), что ледяныя горы, пристающія къ берегамъ, долбятъ и полируютъ утесы, подобно глетчерамъ. Теперь мнѣніе это уже общепринято, и я полагаю, что оно должно быть справедливо даже относительно Юры. — Докторъ Ричардсонъ увѣрялъ меня, что въ Сѣверной Америкѣ ледяныя горы подвигаютъ впередъ хрящъ и песокъ, оставляя подводныя плоскія скалы совершенно голыми: кажется, нѣтъ уже сомнѣнія въ томъ, что всѣ подобныя слои полируются и царапаются въ направленіи, соотвѣтствующемъ преобладающему теченію. — Послѣ составленія приложеній, я видѣлъ въ Сѣверномъ Уэльсѣ (Lond. Philos. Magaz. vol. XXI, p. 180) примѣръ соединеннаго дѣйствія глетчеровъ и пловучихъ ледяныхъ горъ.

ГЛАВА XII.

Вальпарайсо. — Экскурсія къ подошвѣ Андовъ. — Строеніе страны. — Восхожденіе на Колокольную горѹ Килота. — Разбросанныя массы грюнштейна. — Обширныя долины. — Рудники. — Положеніе рудокоповъ. — Санъ-Яго. — Горячіе источники Каукуэнесъ. — Золотыя розсыпи. — Мельницы. — Просверленные камни. — Нравы пумы. — Птицы: турко и тапаколо. — Колибри.

Центральное Чили.

23 *юля*. — Поздно вечеромъ Бигль бросилъ якорь въ заливѣ Вальпарайсо, главнымъ приморскомъ городѣ Чили. — Съ наступленіемъ утра все показалось намъ восхитительнымъ. Послѣ пребыванія въ Огненной Землѣ климатъ Вальпарайсо приводилъ насъ въ восторгъ: — воздухъ такой сухой, небо ясное, синее, солнце такое яркое, что вся природа какъ будто искрилась жизнью. Видъ изнутри залива очень красивъ. Городъ стоитъ у самой подошвы цѣпи

довольно крутыхъ холмовъ вышиною около 1600 футовъ. — Вслѣдствіе такого положенія городъ состоитъ изъ одной длинной, много разъ пересѣкающейся улицы, идущей вдоль морскаго берега, и каждый разъ какъ по дорогѣ встрѣчается оврагъ, дома располагаются и гроздятся по обомъ его наклоннымъ бокамъ. Округленные холмы лишь отчасти одѣты растительностью, притомъ довольно тощю, и изрыты безчисленнымъ множествомъ ложбинъ и ущелій, которыя обнаруживаютъ замѣчательно яркую красную почву. Вслѣдствіе этого, а также по причинѣ низкихъ выбѣленныхъ домовъ съ кирпичными кровлями, видъ этотъ напомнилъ мнѣ Санта-Крусъ на Тенерифѣ. Въ сѣверовосточномъ направленіи довольно ясно виднѣются Анды: но эти горы кажутся гораздо величественнѣе, если на нихъ смотрѣть съ сосѣднихъ холмовъ: оттуда легче судить о пространствѣ, отдѣляющимъ отъ нихъ. Особенно великолѣпенъ вулканъ Аконкагуа. Эта громадная, неправильная, коническая масса, возвышается значительно выше Чимборасо, ибо, по измѣреніямъ, произведенными нашими офицерами, она имѣетъ не менѣе 23,000 ф. вышты. Впрочемъ, видъ отсюда на Кордильеры оцзанъ большею частью своей красоты свойствамъ атмосферы, чрезъ которую на нихъ смотришь. Когда солнце за-

катывалось въ Тихій океанъ, было восхитительно наблюдать, какъ отчетливо выяснялись ихъ зубчатыя очертанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ разнообразны и нѣжны были ихъ оттѣнки.

По особому счастливому случаю я нашелъ здѣсь г. Ричарда Корфильда, стараго школьнаго товарища и друга, котораго гостепріимству и добротѣ я чрезвычайно обязанъ тѣмъ, что очень пріятно провелъ время стоянки Бигля въ Чили. Непосредственныя окрестности Вальпарайсо не очень занимательны для натуралиста. Впродолженіе длиннаго лѣта вѣтеръ дуетъ постоянно съ юга и все мимо берега, такъ что никогда не бываетъ дождя; однако въ три зимнихъ мѣсяца дождя бываетъ довольно. Растительность поэтому очень скудна: исключая глубокихъ долинъ здѣсь вовсе нѣтъ деревьевъ, а только немного травы, да нѣсколько низкихъ кустарниковъ разбросаны по наименѣе крутымъ скаламъ утесовъ. Если подумать о томъ, что, на разстояніи 350 миль къ югу эта сторона Андъ совершенно покрыта сплошнымъ непроходимымъ лѣсомъ, то контрастъ кажется весьма замѣчательнымъ. Я неоднократно совершалъ отдаленныя прогулки, собирая предметы естественной исторіи. Для прогулки эта страна очень пріятна. Встрѣчается много очень красивыхъ цвѣтовъ, и, какъ вообще въ сухихъ климатахъ, травы и кусты имѣютъ

сильный и особенный запахъ, такъ что даже платье, когда пробираешься по нимъ, проникается этимъ запахомъ. Я не могъ привыкнуть къ тому, что день за днемъ была все такая же чудная, ясная погода. Какъ удивительно дѣйствуетъ климатъ на расположеніе духа! Какъ противоположны ощущенія, возбуждаемыя видомъ темныхъ горъ, одѣтыхъ тучами, и горъ окруженныхъ легкимъ голубымъ туманомъ свѣтлаго дня! Первый видъ на нѣкоторое время можетъ казаться величественнымъ; но второй располагаетъ къ веселю и счастію.

14-го августа. — Я отправился на экскурсію верхомъ, съ намѣреніемъ произвести геологическое изслѣдованіе нижнихъ предѣловъ Андскихъ горъ, которыя однѣ, въ это время года, не завалены зимнимъ снѣгомъ. Въ первый день мы ѣхали все къ сѣверу вдоль морскаго берега. Когда стемнѣло, мы достигли гасіенды (фермы, усадьбы) Квинтеро, помѣстья принадлежавшаго прежде лорду Кочрену. Цѣль моей поѣздки сюда состояла въ томъ, чтобы осмотрѣть большіе слои раковинъ, возвышающіеся на нѣсколько ярдовъ надъ уровнемъ моря; ихъ обжигаютъ для полученія извести. Здѣсь доказательства поднятія всего побережья слишкомъ очевидны: на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ лежатъ въ большемъ количествѣ старыя раковины, а нѣкоторыя я нашелъ на вы-

сотъ 1300 футовъ. Эти раковины лежатъ или свободно на поверхности, или зарыты въ красновато-черной растительной землѣ. Я весьма удивился, найдя подъ микроскопомъ, что эта растительная земля въ дѣйствительности морская тина, наполненная крошечными частичками органическихъ тѣлъ.

15-го. — Мы возвращались по направленію къ долинѣ Килота. Мѣстность была необыкновенно пріятна; поэты назвали бы ее идиллическою: зеленныя открытыя лужайки, перерѣзанныя небольшими долинами и ручейками, да хижины, (вообразимъ, что онѣ пастушескія), раскиданныя по скатамъ холмовъ. Мы были принуждены перейти черезъ вершину Чиликау-кены. У подошвы ея растетъ много красивыхъ вѣчнозеленыхъ древесныхъ породъ, но только въ оврагахъ близъ текучей воды. Кто вздумалъ бы судить о странѣ по однѣмъ окрестностямъ Вальпарайсо, тому покажется просто невѣроятно, что въ Чили есть такія живописныя мѣста. Когда мы достигли вершины Сіерры, долина Килота очутилась у самыхъ ногъ нашихъ. Видъ представлялъ замѣчательный образчикъ искусственной роскоши. Долина очень широка и совершенно ровная, такъ что ее легко орошать по всѣмъ направленіямъ. Небольшіе четверугольные садики, наполненные померанцовыми и оливковыми

деревьями и густою растительностію. По сторонамъ возвышаются тяжелыя, бесплодныя горы, что придаетъ пестрѣющей и разукрашенной долиинѣ еще болѣе веселый видъ. Тотъ, кто назвалъ «Вальпарайсо» «долиною рая», думалъ, конечно, о Килотѣ. Переправившись черезъ гору, мы прибыли въ гасиенду Санъ-Исидоро, расположенную у самой подошвы Колокольной горы (Bell Mountain).

Чили, какъ видно на картахъ, есть узкая полоса земли, просгираящаяся между Кордильерами и Тихимъ океаномъ; эта полоса сама по себѣ перерѣзана еще многими горными цѣпями, изъ которыхъ задняя идетъ параллельно главному хребту. Между этими выдающимися оврагами и главнымъ хребтомъ Кордильеръ простирается далеко на югъ рядъ плоскодонныхъ долинъ, обыкновенно соединяющихся между собою узкими ущельями; здѣсь-то и расположены главные города, какъ Санъ-Фелиппе, Санъ-Яго, Санъ-Фернандо. Эти бассейны или равнины, съ поперечными плоскими долинами (какъ Килотская), связывающими ихъ съ поморьемъ, по моему мнѣнію суть ничто иное какъ дно древнихъ протоковъ и глубокихъ бухтъ, подобныхъ тѣмъ, которыя въ настоящее время повсюду пересѣкаютъ берега Огненной Земли и западный берегъ. Въ прежнія времена Чили, должно быть, походила на эту страну очертаніями

своей суши и водъ. Иногда это сходство обнаруживалось очень рѣзко, когда горизонтальный слой тумана покрывалъ, точно мантию, всѣ низкія части мѣстности: бѣлый паръ, извиваясь по оврагамъ, прелестно представлялъ маленькіе проливы и бухты; тамъ и сямъ выглядывавшій уединенный холмикъ показывалъ, что нѣкогда онъ былъ островкомъ. Противоположность этихъ плоскихъ долинъ и бассейновъ съ прихотливыми очертаніями горъ придавалъ мѣстности характеръ, казавшійся мнѣ совершенно новымъ и очень интереснымъ.

Вслѣдствіе естественнаго склона этихъ равнинъ къ морю, онѣ легко орошаются и потому чрезвычайно плодоносны. Безъ этой операціи страна едва ли производила бы что нибудь, такъ какъ во все лѣто на небѣ не видать облаковъ. Горы и холмы изрѣдка покрыты кустарниками и низкими деревьями, а кромѣ этого растительность очень скудна. Каждый владѣющій участкомъ земли въ долинѣ имѣетъ сверхъ того участокъ въ холмистой части, гдѣ многочисленныя полудикія стада скота какъ-то умудряются отыскивать себѣ кормъ. Одинъ разъ въ годъ происходитъ здѣсь большое *rodeo*, т. е. весь скотъ сгоняется внизъ, гдѣ его считаютъ, мѣтятъ и отдѣляютъ нѣкоторое количество для откорма на орошаемыхъ поляхъ. Здѣсь сѣютъ преимущественно пшеницу, а также большое

количество маиса; впрочемъ простой народъ питается главнымъ образомъ какою-то особой породой бобовъ. Фруктовые сады производятъ въ изобиліи персики, фиги и виноградъ. При такихъ преимуществахъ жители страны могли бы жить гораздо лучше, чѣмъ теперь.

16-го. — Управляющій гасіендою былъ такъ добръ, что далъ мнѣ проводника и свѣжихъ лошадей, и утромъ мы отправились, съ намѣреніемъ взобраться на Кампану или Колоколь-гору, имѣющую 6400 ф. высоты. Дорога была очень скверная, но строеніе почвы и видъ мѣстности съ избыткомъ вознаграждали за труды. Вечеромъ мы добрались до ключа, называемаго Agua del Guanaco (т. е. водопой гуанако), расположеннаго на большой высотѣ. Должно быть, это названіе уже очень старо, потому что много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ гуанако водились близъ этого ручья. Во время восхожденія я замѣтилъ, что на сѣверномъ склонѣ растутъ только кустарники, между тѣмъ какъ на южной покатости выросъ бамбукъ футовъ въ 15 вышины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были пальмы, и я съ изумленіемъ увидѣлъ одну пальму на высотѣ по меньшей мѣрѣ 4500 ф. Здѣшнія пальмы, сравнительно съ другими видами этого красиваго семейства, довольно безобразны. Стволъ ихъ чрезмѣрно объемистъ и очень странной формы, и именно по срединѣ

толще, чѣмъ у основанія и у вершины. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Чили ихъ чрезвычайно много, и ими дорожатъ по причинѣ какой-то патоки, выдѣлываемой изъ ихъ сока. Въ одномъ помѣстьѣ близъ Петорки ихъ пробовали счесть, но отстали, насчитавъ нѣсколько сотъ тысячъ. Ежегодно раннею весною, въ августѣ, срубаютъ множество этихъ деревьевъ, и поваливъ на землю стволъ срѣзываютъ листовенный шатеръ. Сокъ тотчасъ же начинаетъ течь съ верхняго конца и течетъ непрерывно въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ: необходимо однако срѣзывать каждое утро тонкую пластинку съ этого конца, чтобы освѣжать поверхность. Хорошее дерево даетъ до девяноста галлоновъ, — и все это выходитъ изъ сосудовъ ствола, повидимому, совершенно сухаго. Говорятъ, что сокъ течетъ гораздо скорѣе въ тѣ дни, когда солнце сильно грѣетъ; утверждаютъ также, что необходимо при срубкѣ дерева наблюдать, чтобы оно падало по скату холма вершиною вверху; ибо, если оно упадетъ концомъ внизъ по скату, то соку потечетъ очень мало, хотя можно бы предположить, что въ этомъ случаѣ сила тяжести будетъ помогать, а не препятствовать вытеканию. Сокъ сгущается кипяченіемъ и получаетъ названіе патоки, которую очень напоминаетъ вкусомъ.

Мы разсѣдлали своихъ лошадей близъ ручья и приготовились переночевать. Вечеръ былъ ясный и воздухъ до того чистъ, что мачты кораблей, стоявшихъ на якорѣ въ гавани Вальпарайсо и отдаленныхъ отъ насъ по крайней мѣрѣ на 26 географ. миль, отчетливо рисовались на горизонтѣ въ видѣ мелкихъ черныхъ черточекъ. Парусное судно, огибавшее мысъ, казалось блестящимъ бѣлымъ пятномъ. Ансонъ въ своемъ путешествіи выражаетъ удивленіе, что корабли его были замѣчены съ берега на очень большомъ разстояніи; но онъ не принимаетъ въ расчетъ ни возвышенности берега, ни удивительной прозрачности воздуха.

Закатъ солнца былъ великолѣпный; въ долинахъ уже стемнѣло, тогда какъ снѣжные вершины Андовъ еще удерживали красный отблескъ. Когда настала ночь мы изжарили въ маленькой бамбуковой роцѣ чарки (charqui, куски сушеной говядины), напились мате и ощутили полнѣйшее удовольствіе. Такая жизнь подъ открытымъ небомъ имѣетъ что-то невыразимо привлекательное. Вечеръ былъ тихъ и ясенъ; по временамъ только слышался рѣзкій крикъ горной бискачи да слабый возгласъ козодоя. Но вообще очень немногія птицы или даже насѣкомыя посѣщаютъ эти сухія растрескавшіяся горы.

17-го августа. — Утромъ мы лазили вверхъ по глыбамъ грюнштейна на вершину горы.

Этотъ утесъ, какъ здѣсь часто случается, былъ очень растресканъ и раздробленъ на громадныя, угловатыя глыбы. Я замѣтилъ однако одно любопытное обстоятельство, именно, что многія поверхности представляли разныя степени свѣжести — нѣкоторыя казались изломанными только вчера, между тѣмъ какъ на другихъ начинали уже расти лишай, а на иныхъ росли уже съ давнихъ поръ. Я былъ до того убѣжденъ, что все это произошло отъ частыхъ землетрясеній, что спѣшилъ пройти какъ можно скорѣе мимо каждой наклонной груды камней. Такъ какъ въ фактахъ этого рода легко можно обмануться, то я и самъ сомнѣвался въ правильности своего заключенія, пока не поднялся на гору Веллингтонъ въ Ванъ—Дименовой Землѣ: тамъ не бываетъ землетрясеній, тѣмъ не менѣе оказалось, что и тамъ вершина горы состоитъ изъ точно такихъ-же обломковъ и точно также растрескалась, но казалось, находилась въ такомъ положеніи пѣлую тысячу лѣтъ.

Мы провели день на вершинѣ, и я цѣлый день не переставалъ наслаждаться. Чили, окаймленное Андами и Тихимъ океаномъ, было видно какъ на картѣ. Видъ мѣстности и самъ по себѣ доставлялъ не малое удовольствіе, но кромѣ того оно увеличивалось тѣми соображеніями, которыя невольно возникали при одномъ видѣ горной цѣпи Кампаны съ другими, меньшими,

параллельными ей, а также широкой долины Килоты, прямо ихъ пресѣкающей. Кто останется равнодушнѣмъ при мысли о той силѣ, которая воздвигла эти горы и о томъ безконечномъ множествѣ лѣтъ, которое потребно, чтобы пробить, сдвинуть и выровнять такія массы? Хорошо вспомнить при этомъ громадныя хрящеватые и осадочныя слои Патагоніи, которые, будучи нагромождены на Кордильеры, увеличили-бы высоту ихъ на многія тысячи футовъ. Когда я былъ въ Патагоніи, я удивлялся, какъ можетъ горная цѣпь отдѣлится отъ себя такія массы, не уничтожившись совершенно. Но здѣсь чудо является въ другой формѣ и приходится сомнѣваться только въ томъ, можетъ ли всемогущее время сокрушить и измельчить горы и превратить въ песокъ и тину такія гигантскія горы какъ Кордильеры.

Видъ Андъ былъ не таковъ, какъ я ожидалъ. Низшая снѣжная линія шла, конечно, горизонтально, а ровный гребень горной цѣпи шелъ, казалось, совершенно параллельно съ ней. Только черезъ длинныя промежутки выдавались группы строконечныхъ верхушекъ или одинокій конусъ, указывавшій мѣсто, гдѣ существовалъ, или существуетъ, вулканъ. Поэтому цѣпь походила на большую плотную стѣну, кое гдѣ увѣнчанную башнями и служащую странѣ надежной оградой.

Холмы почти повсюду изрыты, вслѣдствіе попытокъ открыть золотыя россыпи: здѣсь господствуетъ такая страсть къ отыскиванію металловъ, что едва-ли въ Чили осталось хоть одно мѣсто, нетронутое щупомъ рудокопа. Я провелъ вечеръ, какъ обыкновенно, бесѣдуя вокругъ огня съ моими двумя спутниками. Чилийскіе гуазы, соотвѣтствующіе гаухосамъ Пампасовъ, представляютъ однако людей совсѣмъ другаго покроя. Изъ этихъ двухъ странъ Чили болѣе цивилизовано, вслѣдствіе чего здѣшніе жители много потеряли своей индивидуальности. Общественная іерархія здѣсь сильнѣе обозначена. Гуазо никакъ не согласится считать каждаго человѣка равнымъ себѣ и я чрезвычайно изумился, замѣтивъ, что мои спутники не охотно ѣдятъ со мною. Такое сознаніе неравенства есть необходимое послѣдствіе существованія денежной аристократіи. Говорятъ, что нѣкоторые изъ большихъ землевладѣльцевъ получаютъ отъ пяти до десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода: такое неравенство состояній, я думаю, не встрѣчается ни въ одной изъ скотоводныхъ странъ къ востоку отъ Андъ. Здѣсь путешественникъ не находитъ того широкаго гостепріимства, которое отказывается отъ платы, но вмѣстѣ съ тѣмъ предлагается такъ радушно и просто, что нисколько не совѣстно пользо-

ваться имъ. Почти каждый хозяинъ дома въ Чили пуститъ васъ къ себѣ переночевать, но поутру всегда ожидаетъ за это какой-нибудь бездѣлицы; даже богатый человѣкъ не погнушается взять два или три шиллинга. Гаухо, хоть голово-рѣзъ, но джентльменъ; гуазо въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ надежнѣе его, но въ то же время это существо вульгарное и пошлое. Тотъ и другой, хотя часто дѣлаютъ одно и то же, но рѣзко различаются въ своихъ привычкахъ и одеждѣ; и особенности каждаго изъ нихъ распростра-няются на все населеніе ихъ странъ. Гаухо составляетъ какъ-бы часть своей лошади; онъ неразлученъ съ ней и ничего не дѣлаетъ иначе какъ верхомъ. Гуазо можно нанимать поденно на полевые работы. Первый питается исключительно животною пищею, второй почти одною растительною. Мы здѣсь не видимъ ни бѣлыхъ сапогъ, ни широкихъ шароваръ и красной чили (куртки),—живописнаго костюма Пампасовъ. Здѣсь обыкновенные штаны засовываются за вязаные черные съ зеленымъ штиблеты. Панчо, впрочемъ, въ употребленіи и здѣсь. Главную гордость гуазо составляютъ его шпоры, безобразно большія. Я вымѣрилъ одну, имѣвшую шесть дюймовъ въ діаметрѣ колесца, а въ самомъ колесцѣ я насчиталъ до тридцати зубчиковъ. Стремена такихъ же размѣровъ: они состоятъ изъ обтесаннаго, квадратнаго.

выдолбленнаго куска дерева и вѣсятъ три или четыре фунта. Гуазо, быть можетъ, искуснѣе гаухо въ обращеніи съ арканомъ, но, вслѣдствіе иныхъ условій мѣстности, вовсе не знаетъ употребленія шаровъ (bolas).

18 го августа. — Мы спустились съ горы и прошли нѣсколько небольшихъ красивыхъ мѣстностей съ ручейками и прекрасными деревьями. Переночевавъ опять въ той же гасіендѣ, мы въ слѣдующіе два дня ѣхали вверхъ по долинѣ и миновали городъ Килоту, болѣе похожій на собраніе игрушечныхъ садиковъ, чѣмъ на городъ. Фруктовые сады удивительно красивы и представляютъ сплошную массу персиковыхъ цвѣтовъ. Я видѣлъ также въ одномъ или двухъ мѣстахъ финиковую пальму: это очень стройное дерево, и я полагаю, что группа такихъ растений въ родныхъ азіатскихъ или африканскихъ пустыняхъ должна быть великолѣпна на видъ. Проѣхали мы также Сан-Фелиппе, красивый, разбросанный городокъ, въ родѣ Килоты. Эта часть долины расширяется въ одну изъ тѣхъ обширныхъ бухтъ или равнинъ, достигающихъ до самой подошвы Кордильеръ, которыя, какъ я описывалъ выше, составляютъ такую замѣчательную особенность чилійскаго пейзажа. Вечеромъ мы достигли рудниковъ Яхуэль расположенныхъ въ оврагѣ по скату главнаго хребта. Я пробылъ здѣсь

пять дней. Мой хозяинъ, управляющій рудниками, былъ человекъ сметливый, но нѣсколько невѣжественный корнуэльскій рудокопъ. Онъ женился на испанкѣ и ненамѣренъ возвращаться на родину; но его благоговѣніе къ корнуэльскимъ рудникамъ осталось безпредѣльно и донынѣ. Между многими другими вопросами онъ задалъ мнѣ слѣдующій: «Вотъ теперь Джоржъ Рексъ (Rex) померъ, сколько-же осталось въ живыхъ отъ семейства Рексовъ?» Этотъ Рексъ вѣроятно приходится съ родни великому писателю Finis, сочинившему всѣ книги!

Рудники здѣсь мѣдные, и вся руда отправляется моремъ въ Суанси для плавленія. Поэтому рудокопни имѣютъ необыкновенно спокойный видъ, сравнительно съ англійскими: здѣсь ни дымъ, ни печи, ни паровыя машины не смущаютъ уединенія и тишины окружающихъ горъ.

Чилійское правительство или, лучше сказать, старый испанскій законъ, всячески поощряетъ отыскиваніе рудниковъ. Нашедшій руду можетъ разработывать ее, на чьей-бы то нибыло землѣ, заплативъ за это только 5 шиллинговъ; но даже прежде чѣмъ заплатить, онъ еще имѣетъ право даже въ чужомъ саду дѣлать опыты въ продолженіи двадцати дней.

Теперь стало извѣстно, что чилійскій способъ обработки рудниковъ самый дешевый. Мой хозяинъ говорилъ, что два главныхъ улучше-

нія, введенныхъ иностранцами, состоятъ, во первыхъ въ томъ, что посредствомъ предварительнаго пережиганія стали выдѣлять сѣру изъ мѣднаго колчедана, составляющаго самую обыкновенную руду въ Корнуэльсѣ; прежде здѣсь колчеданъ обыкновенно бросали, чему не мало дивились и ужасались англійскіе рудокопы; во вторыхъ, научились промывать и толочь окалины изъ старыхъ печей, что составляетъ огромное количество металла. Я дѣйствительно видѣлъ грузъ такого шлака, который везли на мулахъ къ берегу для переправки въ Англию. Но гораздо любопытнѣе первый случай. Чилійскіе рудокопы были до того убѣждены, что въ мѣдномъ колчеданѣ нѣтъ мѣди, что смѣялись надъ невѣжествомъ англичанъ (смѣявшихся надъ ними въ свою очередь),—и самыя богатая жилы продавали за нѣсколько долларовъ. Чрезвычайно странно, что въ странѣ, гдѣ многіе годы занимаются разработкой руды въ большихъ размѣрахъ, не могли догадаться употребить такое простое средство для вытѣсненія сѣры передъ плавкою, какъ легкое пережиганіе руды. По части механическаго устройства также введены нѣкоторыя улучшенія; но и до нынѣ еще въ нѣкоторыхъ рудникахъ выкачиваютъ воду людьми, которые просто черпаютъ ее руками и выносятъ изъ шахтъ въ кожаныхъ мѣшкахъ!

Работникамъ приходится очень тяжело. Имъ предоставлено очень немного времени для ѣды; зиму и лѣто они начинаютъ работать съ разсвѣтомъ и кончаютъ, когда уже стемнѣетъ. Имъ платятъ по фунту стерлинговъ въ мѣсяцъ на готовыхъ харчахъ: къ завтраку они получаютъ 16 фигъ и два небольшихъ хлѣбца; къ обѣду вареные бобы, къ ужину — толченныя и жаренныя зерна пшеницы. Имъ едва-ли случается поѣсть мясо, такъ какъ, получая 12 ф. ст. въ годъ, имъ нужно одѣваться и содержать свои семейства. Рудокопы, работающіе въ самомъ рудникѣ, получаютъ въ мѣсяцъ по 25 шиллинговъ, и имъ даютъ немного чарки (сушеннаго мяса). Но эти люди выходятъ на свѣтъ Божій изъ своихъ холодныхъ жилищъ только разъ въ двѣ или три недѣли.

Во время моего пребыванія здѣсь я вполне наслаждался, бродя по этимъ громаднымъ горамъ. Строеніе почвы какъ можно было ожидать, чрезвычайно занимательно. Разшатанные и отвердѣвшіе утесы, прорѣзанные безчисленными пластами гринштейна, доказываютъ, что тутъ произошли нѣкогда значительные перевороты. Мѣстность во многомъ напоминала окрестности килотской Колокольной горы: сухія, бесплодныя возвышенія, изрѣдка покрытыя скуднымъ кустарникомъ. Кактусовъ, или лучше сказать опунцій, здѣсь встрѣчается очень много.

Одинъ изъ нихъ, шаровидной формы, я вымѣрилъ и нашелъ, что онъ имѣеть до 6 футовъ и 4 дюймовъ въ окружности вмѣстѣ съ колючками. Высота обыкновеннаго цилиндрическаго и вѣтвистаго вида — отъ 12 до 15 футовъ, а окружность (вмѣстѣ съ иглами) отъ трехъ до четырехъ футовъ.

Сильный снѣгъ, выпавшій въ горахъ, воспрепятствовалъ мнѣ дѣлать какія-либо занимательныя экскурси за послѣднiе два дня. Я пробовалъ пробраться къ одному озеру, принимаемому жителями по какой-то неизъяснимой причинѣ, за морской рукавъ. Во время сильной засухи было предложено провести отъ него каналы для доставленiя воды, но патеры по зрѣломъ обсужденiи объявили, что это слишкомъ опасно, такъ какъ вся страна можетъ быть затоплена, если, какъ полагаютъ, озеро дѣйствительно соединено съ Тихимъ океаномъ. Мы достигли значительной высоты, но, завязнувъ въ снѣжныхъ буграхъ, не могли добраться до чудеснаго озера и не безъ труда вернулись назадъ. Я думалъ, что мы потеряемъ лошадей, потому что не было возможности угадать глубину сугробовъ, и управляемые нами животныя подвигались впередъ прыжками. Темное небо показывало, что собирается новая снѣжная буря, и потому мы были очень рады, когда выбрались изъ горъ. Когда мы достигли подош-

вы, наверху уже началась вьюга, и счастье для насъ, что это не случилось тремя часами ранѣе.

26-го августа. — Мы оставили Яхуэль и снова переправились черезъ бассейнъ С. Фелиппе. День былъ настоящій чилійскій, ослѣпительно яркій съ совершенно чистымъ воздухомъ. Пухлый и однообразный покровъ свѣжаго выпавшаго снѣга придавалъ вулкану Аконкагуа и всему горному хребту необыкновенно красивый видъ. Мы пустились въ путь по направленію къ Санъ Яго, столицѣ Чили. Переправившись черезъ Серро дель Тальгуэнъ, мы ночевали въ маленькомъ ранчо. Хозяинъ, говоря о состояніи Чили сравнительно съ другими странами, отзывался о своемъ отечествѣ весьма скромно. «Кто смотритъ двумя глазами, кто хоть однимъ; — а Чили, я полагаю, вовсе ни на что не смотреть.»

27-го августа. — Перейдя много низкихъ холмовъ, мы спускались въ небольшую, замкнутую равнину Гюитронъ. Въ бассейнахъ, возвышающихся подобно этому, на тысячу или на двѣ тысячъ футовъ надъ моремъ, растутъ въ значительномъ количествѣ два вида окаціи, съ скудно-развитыми формами и всегда сидящія одна отъ другой на нѣкоторомъ разстояніи. Эти деревья никогда не встрѣчаются близъ морскаго берега и составляютъ еще одну характерную черту этихъ бассейновъ. Мы перепра-

вились через низкій кряжъ, отдѣляющій Гюитронъ отъ большой равнины, на которой стоитъ Санъ-Яго. Видъ отсюда былъ поразителенъ: совершенно ровная поверхность, мѣстами покрытая заростями окацій, — городъ вдали, упирающійся горизонтально въ основаніе Андъ, снѣжные верхи которыхъ освѣщаетъ вечернее солнце. При первомъ взглядѣ на этотъ видъ, совершенно ясно, что равнина представляетъ дно прежняго озера. Выбравшись на ровную дорогу, мы пустили лошадей въ галопъ и пріѣхали въ городъ засвѣтло.

Я оставался въ Санъ Яго цѣлую недѣлю и провелъ время очень пріятно. Утромъ я ѣздилъ въ разныя мѣста по равнинѣ, а вечеромъ обѣдалъ съ нѣкоторыми англійскими купцами, которыхъ гостепіимство здѣсь хорошо извѣстно. Постояннымъ источникомъ удовольствія было восхожденіе на небольшое утесистое возвышеніе (С. Люція), выступающее среди города. Видъ, дѣйствительно, очень замѣчателенъ и, какъ я уже говорилъ, какой-то совершенно особенный. Мнѣ говорили, что тотъ-же характеръ свойственъ городамъ большаго мексиканскаго плоскогорія. О самомъ городѣ нечего сказать особеннаго: онъ не такъ красивъ и не такъ великъ, какъ Буэносъ Айресъ, но построенъ по тому же образцу. Я прибылъ сюда объѣздомъ съ сѣвера и потому рѣшился вернуться

въ Вальпарайсо, сдѣлавъ еще большій крюкъ къ югу отъ прямой дороги.

5-го сентября. — Около полудня мы доѣхали до одного изъ висячихъ кожаныхъ мостовъ, переброшеннаго черезъ Майну, большую шумную рѣку, протекающую въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ Санъ-Яго. Эти мосты—преплохая выдумка. Настилка, слѣдующая изгибу висячихъ канатовъ, состоитъ изъ связокъ тростника, положенныхъ близко одна отъ другой. Однако въ ней множество дыръ, и притомъ она страшно качалась, даже отъ тяжести одного человѣка съ лошадью. Вечеромъ мы добрались до уютной фермы, гдѣ было много хорошенькихъ сеньоритъ. Онѣ пришли въ неописанный ужасъ, когда я изъ любопытства зашелъ въ одну изъ ихъ церквей. Онѣ спрашивали меня: «отчего вы не перейдете въ христіанскую вѣру, вѣдь наша вѣра истинная?» Я увѣрялъ ихъ, что я тоже нѣкоторымъ образомъ христіанинъ; но объ этомъ онѣ слышать не хотѣли, ссылаясь на мои собственные слова. «Развѣ ваши священники, даже епископы, не живутъ въ бракѣ?» Ихъ особенно поражала нелѣпость, чтобы епископъ былъ женатъ, и сами не знали — потѣшаться ли надъ подобной глупостью или только ужасаться ей.

6-го. — Мы подвигались прямо на югъ и ночевали въ Ранкагуа. Дорога шла по гладкой,

но узкой равнинѣ, ограниченной, съ одной стороны высокими холмами, а съ другой Кордильерами. На слѣдующій день мы обогнули долину Рио-Качапуаль, гдѣ находятся горячія воды Каукенесъ, издавна славящіяся своими цѣлебными свойствами. Въ менѣе посѣщаемыхъ мѣстахъ висячіе мосты обыкновенно снимаются на зиму, когда рѣки мелководны. Тоже было и въ этой долинѣ, и потому мы вынуждены были переправиться черезъ ручей верхомъ. Это довольно непріятно, потому что пѣнистая, хоть неглубокая вода бѣжитъ такъ быстро по слою большихъ круглыхъ камней, что голова положительно идетъ кругомъ и даже трудно услѣдить, двигается ли лошадь впередъ или стоитъ на мѣстѣ. Лѣтомъ, когда таетъ снѣгъ, рѣки совершенно непроходимы; быстрота и ярость ихъ тогда необыкновенно сильны, какъ ясно видно по знакамъ оставляемымъ ими. Мы добрались до горячихъ водъ вечеромъ и пробыли тамъ пять дней, такъ какъ въ послѣдніе два дня насъ задерживалъ сильный дождь. Постройки состоятъ изъ четвероугольника жалкихъ хижинъ, изъ которыхъ каждая вмѣщаетъ въ себѣ по одному столику и по лавкѣ. Онѣ лежатъ въ узкой, глубокой долинѣ, какъ разъ внѣ центральныхъ Кордильеръ. Это мирное, уединенное мѣстечко не лишено въ своемъ родѣ дикой прелести.

Минеральные ключи Каукенеса текутъ по

неровной мѣстности, состоящей изъ слоистой горной породы, изобличающей дѣйствию огня. Значительное количество газа постоянно выдѣляется изъ отверстій вмѣстѣ съ водою. Хотя ключи отдалены другъ отъ друга только на нѣсколько ярдовъ, температура очень различна; это, кажется, происходитъ отъ неравномѣрной примѣси холодной воды, потому что наименѣе теплые ключи почти не имѣютъ минеральнаго вкуса. Послѣ великаго землетрясенія 1822 г. источники какъ будто высохли и не вытекали почти цѣлый годъ. На нихъ также сильно подѣйствовало землетрясеніе 1835 г., когда температура ихъ внезапно понизилась съ 118° на 92° *). Очень вѣроятно, что минеральныя воды, поднимающіяся изъ глубокихъ внутренностей земли, всегда болѣе подвергаются вліянію подземныхъ потрясеній, чѣмъ тѣ, которыя лежатъ ближе къ поверхности. Смотритель за ваннами увѣрялъ меня, что лѣтомъ вода всегда бываетъ горячѣе и обильнѣе, чѣмъ зимою. Перваго я могъ ожидать, вслѣдствіе меньшей примѣси холодной воды въ сухое время года; но послѣднее показаніе очень странно и противорѣчиво. Періодическая прибыль воды лѣтомъ, когда совсѣмъ не бываетъ дождя, можетъ быть объяснена, я думаю, единственно

*) Caldeleugh, въ Philosophu Transact. за 1836.

таяніемъ снѣга; но горы, покрытыя въ это время снѣгомъ, удалены отъ ключей на три или четыре мили. Я не имѣю никакого основанія сомнѣваться въ правдивости моего рассказчика, живущаго на этомъ мѣстѣ многіе годы и вѣроятно хорошо знакомаго съ этимъ обстоятельствомъ; если оно справедливо, то чрезвычайно любопытно, потому что тогда мы должны предположить, что снѣговая вода, протекая черезъ губчатые слои къ области подземнаго жара, снова выбрасывается на поверхность по трещинамъ расшатанныхъ и раздробленныхъ камней Каукенеса; правильность же явленія какъ будто указываетъ на то, что въ этомъ мѣстѣ разгоряченные утесы находятся на очень незначительной глубинѣ.

Однажды я поѣхалъ по долинѣ къ самому отдаленному изъ населенныхъ пунктовъ. Немного выше этого мѣста Качануаль раздѣляется на два глубокихъ, крутыхъ оврага, примыкающихъ непосредственно къ главному хребту. Я вскарабкался на остроконечную гору, вѣроятно, болѣе 6,000 фут. вышины. Здѣсь, какъ и вездѣ, представлялась чрезвычайно интересная картина. Черезъ одинъ изъ этихъ овраговъ Пинчейра пробрался въ Чили и опустошилъ окрестную страну. Это тотъ самый разбойникъ, который нападалъ на эстансію у Ріо Негро, какъ я описывалъ выше. Этотъ ренегатъ полу-испан-

скаго происхожденія собралъ большую шайку индѣйцевъ и засѣлъ въ пампасахъ на берегу какой-то рѣки, такъ что ни одинъ изъ высланныхъ противъ него отрядовъ не могъ отыскать его. Изъ этого пункта онъ обыкновенно, дѣлалъ вылазки и, переправляясь черезъ Кордильеры по неизвѣданнымъ доселѣ проходамъ, нападалъ на фермы и угонялъ скотъ къ своему постоянному логовищу. Пинчейра былъ отличный наѣздникъ и всѣ его сотоварищи безпрекословно повиновались ему, потому что онъ непременно застрѣлъ-бы собственноручно каждаго, кто поколебался бы слѣдовать за нимъ. Противъ этого-то человѣка и другихъ кочующихъ индѣйскихъ племенъ генераль Розасъ велъ истребительную войну.

13-го сентября. — Мы оставили каукенескія воды и, выбравшись на большую дорогу, ночевали у Ріо Кларо. Отсюда мы поѣхали къ С. Фернандо. Последній замкнутый бассейнъ, встрѣчающійся на пути къ этому городу, расширяется въ обширную равнину, которая простирается такъ далеко къ югу, что снѣжныя вершины болѣе отдаленныхъ Андъ виднѣются какъ бы надъ горизонтомъ моря. С. Фернандо отстоитъ на сорокъ миль отъ Санъ Яго, и далѣе на югъ я уже не ѣздилъ, а прямо отсюда повернулъ на западъ къ морю. Мы ночевали у золотыхъ россыпей яквилъ, разрабатываемыхъ

Никсономъ, американскимъ уроженцемъ, которому я премного обязанъ за четырехдневное пребываніе въ его домѣ. На слѣдующее утро мы отправились на пріиски, лежавшіе въ разстояніи нѣсколькихъ миль, близъ вершины высокаго холма. По дорогѣ мы мелькомъ видѣли озеро Тагватагва, знаменитое своими плавающими островами, которые описаны г. Геємъ *). Они образовались изъ стволовъ различныхъ высохшихъ растеній, спутанныхъ вмѣстѣ, а на поверхности ихъ пускаютъ корни и живутъ другія растенія. Форма ихъ обыкновенно круглая, а толщина отъ 4 до 6 футовъ, при чемъ большая часть погружена въ воду; когда дуетъ вѣтеръ, они передвигаются съ одного конца озера на другой, перенося часто случайныхъ пассажировъ, т. е. коровъ и лошадей.

Когда мы прибыли на пріиски, я былъ пораженъ блѣдностью и изнуреннымъ видомъ многихъ рабочихъ и освѣдомился у г. Никсона объ ихъ положеніи. Рудникъ имѣетъ въ глубину 450 фут., и каждому работнику приходится выносить за разъ на верхъ около 200 фунтовъ камня. Съ этой тяжестью работники должны

*) *Annales des Sciences Naturelles*, Mars, 1833. Г. Гей, ревностный и способный натуралистъ, занимался въ то время изученіемъ каждой отросли естественной исторіи на всемъ пространствѣ чилийскаго государства.

взбираться по зарубкамъ, нарѣзаннымъ въ два ряда на древесныхъ стволахъ, которые расположены зигзагомъ вверхъ по мачтѣ. Даже безбородые юноши 18 и 20 лѣтъ и съ мускулами еще плохо развитыми (они всѣ нагѣ и кромѣ исподняго платья ничего на себѣ не имѣютъ) поднимаются съ этой значительной ношей почти изъ той же глубины. Крѣпкій мужчина, не привычный къ этой работѣ, восходя по этой лѣстницѣ обливается потомъ отъ одной тяжести собственнаго тѣла. При такой тяжкой работѣ они питаются исключительно бобами и хлѣбомъ. Они предпочли бы даже одинъ хлѣбъ, но хозяева, находя, что съ одного хлѣба они не будутъ въ состояніи такъ тяжело работать, обращаются съ ними какъ съ лошадьми, и насильно заставляютъ ѣсть бобы. Плата ихъ здѣсь нѣсколько больше, чѣмъ на рудникахъ въ Яхуэлѣ, — именно, отъ 24 до 28 шиллинговъ въ мѣсяцъ. Они оставляютъ рудокопни только разъ въ три недѣли и пробываютъ въ своихъ семействахъ дня два. Одно изъ правилъ этой рудокопни очень сурово, но чрезвычайно выгодно для хозяина. Единственный способъ красть золото, — это прятать куски руды и уносить, когда представится случай. Если управляющій найдетъ такой скрытый комокъ, то его полная стоимость вычитается изъ жалованья всѣхъ работниковъ; та-

кимъ образомъ они вынуждены наблюдать другъ за другомъ или воровать не иначе какъ сообща.

Когда руда доставлена на мельницу, ее мелятъ въ мельчайшій неосязаемый порошокъ; процессъ промыванія удаляетъ всѣ болѣе легкія вещества, а амальгамация окончательно скрѣпляетъ золотую пыль. По описанію, промывка золота кажется очень простымъ дѣломъ; просто весело глядѣть, какъ точное примѣненіе водяной струи къ удѣльному вѣсу золота облегчаетъ отдѣленіе толченыхъ земляныхъ веществъ отъ металла. Илъ, проходящій черезъ мельницу, стекаетъ въ ямы, гдѣ отстаивается; время до времени его вынимаютъ оттуда и складываютъ въ одну общую кучу. Тогда начинается обширный химическій процессъ: на поверхности выкристаллизовываются различныя соли, и вся масса твердѣетъ. На годъ или на два ее оставляютъ лежать, потомъ снова промываютъ, и тогда извлекаютъ изъ нея золото; этотъ процессъ можно повторять разъ шесть или семь; но съ каждымъ разомъ количество золота становится меньше, а промежутки между работами, по мнѣнію туземцевъ, для народненія золота, увеличиваются. Нѣтъ сомнѣнія, что упомянутое химическое дѣйствіе каждый разъ выдѣляетъ золото изъ какого нибудь соединенія. Если бы открытъ способъ для достиженія того же

до первой переработки на мельницѣ, то продуктъ золотой руды, конечно, сдѣлался бы несравненно драгоценнѣе. Интересно видѣть, какъ затерянные, разбросанные частички золота никогда не портятся и не лишаясь цѣнности, собираются въ порядочную массу. Недавно нѣсколько рудокоповъ, не имѣвшихъ работы, получили позволеніе сгрести землю вокругъ дома и мельницы: собранную землю они промыли и добыли такимъ путемъ золота на 30 долларовъ. Точно тоже совершается и въ природѣ. Горы понижаются и стираются съ лица земли, а съ ними и содержащіяся въ нихъ металлическія жилы. Самые твердые камни мало по малу превращаются въ мельчайшій порошокъ, простые металлы окисляются, и все это уносится прочь; но золото, платина и немногіе другіе металлы почти не разрушимы и, вслѣдствіе своей тяжести, упавая внизъ, остаются на мѣстѣ. Послѣ того, какъ цѣлыя горы прошли сквозь эту естественную дробящую мельницу и промылись рукой природы, осадокъ становится рудоноснымъ и человекъ находитъ для себя выгоднымъ довершить работу отдѣленія металловъ.

Какъ ни тяжело кажется положеніе здѣшнихъ рудокоповъ, но народъ охотно поступаетъ на рудники, потому что положеніе рабочихъ земледѣльцевъ гораздо хуже. Имъ платятъ меньше и кормятъ исключительно бобами. Такая бѣдность

главнымъ образомъ происходитъ отъ той отчасти феодальной системы, на основаніи которой здѣсь воздѣлываютъ землю; землевладелецъ даетъ крестьянину небольшой клочекъ земли, на которомъ предоставляетъ ему строиться и пахать, и за это крестьянинъ (или его наемщикъ) на всю жизнь обязанъ на него работать безъ всякаго вознагражденія. Пока не выростетъ сынъ крестьянина, который своей работой могъ бы уплачивать за него земледѣльцу, до тѣхъ поръ некому заботиться объ его собственной нивѣ, развѣ въ какіе-нибудь случайные дни. Оттого здѣсь такъ часто крайняя бѣдность встрѣчается среди трудящихся классовъ. Здѣсь въ окрестностяхъ находится нѣсколько индѣйскихъ развалинъ, и я видѣлъ одинъ изъ просверленныхъ камней, о которыхъ Молина говоритъ, что они во многихъ мѣстахъ попадаются здѣсь въ значительныхъ количествахъ. Они имѣютъ форму круглую, сплюсненную, отъ 5 до 6 дюймовъ въ діаметрѣ, съ отверстіемъ, проходящимъ ровно по серединѣ. Всѣ полагаютъ, что они служили оконечникомъ для дубинъ, хотя, судя по формѣ, они нисколько, кажется, не приспособлены къ такому употребленію. Борчель *) рассказываетъ, что нѣкоторыя изъ племенъ южной Америки откапываютъ корни

*) Burchell's travels, vol. II, p. 45.

при помощи палки, съ одного конца заостренной; а сила и тяжесть этой палки увеличиваются отъ круглаго камня съ просверленнымъ въ немъ отверстіемъ, куда твердо вправленъ другой конецъ. Вѣроятно, чилійскіе индѣйцы прежде употребляли такое же грубое земледѣльческое орудіе.

Однажды зашелъ къ намъ одинъ нѣмецкій собиратель предметовъ натуральной исторіи, по фамиліи Ренусъ, а вслѣдъ за нимъ явился старый испанскій адвокатъ. Мнѣ передали происходившій между ними разговоръ, и это меня очень позабавило. Ренусъ говоритъ такъ хорошо по-испански, что старый адвокатъ принялъ его за чилійца. Намекая на меня, Ренусъ спросилъ его, что онъ думаетъ объ англійскомъ королѣ, посылающемъ въ ихъ страну ученаго для собиранія ящерицъ и жуковъ и для раздробленія камешковъ. Старый джентльменъ нѣсколько времени серьезно подумалъ и потомъ сказалъ: «Это не къ добру»,—*haу un gato encerrado aquí* (т. е. тутъ какая нибудь кошка спрятана). Гдѣ же найдется такой богатый человекъ, чтобы вправду посылалъ людей для сбора такой дряни? Мнѣ это не нравится: еслибы кто изъ насъ отправился для этого въ Англію, то неужели англійскій король не погналъ бы его вонъ?» — Къ этому слѣдуетъ прибавить, что старый адвокатъ, уже по самой своей профессіи, принадлежитъ къ наиболѣе образо-

ванными и просвѣщенными классами! Самъ Ренусъ года два или три тому назадъ вздумалъ оставить въ одномъ домѣ въ С. Фернандо нѣсколько гусеницъ, поручивъ горничной кормить ихъ, чтобы онѣ могли превратиться въ бабочекъ. Все это разнеслось по городу, и патеры и губернаторъ, поразсудивъ между собой; рѣшили, что это, должно быть, какая-нибудь ересь. Вслѣдствіе этого Ренусъ по возвращеніи своемъ былъ арестованъ.

19-го сентября. — Мы оставили Явиль и поѣхали по плоской долинь, образовавшейся на подобіе Килотской и по которой протекаетъ Ріо Тиндеридика. Въ немногихъ миляхъ къ югу отъ Санъ-Яго климатъ гораздо сырѣе: поэтому здѣсь встрѣчается много прекрасныхъ естественныхъ пастбищъ, не орошаемыхъ искусственно. — (20-го). Мы подвигались по долинь, которая расширяется въ большую равнину, простирающуюся отъ моря до горъ, идущихъ на западъ отъ Ранкагвы. Вскорѣ исчезли всякія деревья и кустарники, такъ что жителямъ очевидно приходится также плохо относительно топлива, какъ и обитателямъ Пампасовъ. Я никогда не слыхалъ объ этихъ равнинахъ и потому былъ очень изумленъ, встрѣтивъ такую мѣстность въ Чили. Равнины эти принадлежатъ къ одному изъ многихъ рядовъ различныхъ возвышеній и ихъ пересекаютъ

широкія плоскодонныя долины; оба эти обстоятельства показываютъ, какъ и въ Патагоніи, дѣйствіе моря на медленно поднимающуюся страну. Въ крутыхъ скалахъ, ограничивающихъ эти долины, находится нѣсколько большихъ пещеръ, образованныхъ первоначально безъ сомнѣнія волнами: одна изъ нихъ знаменита подъ именемъ *Cueva del Obispo*, и была нѣкогда освящена. Въ этотъ день я очень заболѣлъ и до конца октября не могъ оправиться.

22-го сентября.—Мы все ѣхали по зеленымъ равнинамъ, лишеннымъ деревьевъ. На слѣдующій день мы прибыли въ одинъ домъ близъ Наведада, на морскомъ берегу, гдѣ богатый помѣщикъ далъ намъ помѣщеніе. Я пробылъ здѣсь два дня и, хотя былъ очень нездоровъ, но мнѣ удалось собрать нѣсколько морскихъ раковинъ изъ третичной формаціи.

24-го. — Нашъ путь былъ теперь направленъ къ Вальпарайсо, куда я добрался съ большимъ трудомъ 27-го, и долженъ былъ пролежать въ постели до конца октября. Во все это время я гостилъ въ домѣ г. Корфильда, котораго доброту въ отношеніи меня я не умѣю и описать.

Прибавлю еще нѣсколько наблюденій о нѣкоторыхъ животныхъ и птицахъ Чили. Пума или южно-американскій левъ встрѣчается довольно часто. Это животное имѣетъ широкое географическое распространеніе, начиная отъ

экваторіальныхъ лѣсовъ черезъ патагонскія пустыни и кончая сырыми и холодными широтами 53° до 54° Огненной земли. Я видѣлъ его слѣды на Кордильерахъ центральнаго Чили, на высотѣ по крайней мѣрѣ 10,000 ф. Въ Ла-Платѣ пума пожираетъ преимущественно дичь, страусовъ, бискачу и другихъ маленькихъ четвероногихъ; на лошадей или скотъ здѣсь рѣдко нападаетъ онъ, и еще рѣже на людей. Въ Чили однако онъ истребляетъ много молодыхъ лошадей и рогатаго скота, что происходитъ, вѣроятно отъ недостатка другихъ четвероногихъ: я слышалъ также, что онъ умертвилъ двухъ мужчинъ и одну женщину. Утверждаютъ, что пума убиваетъ свою добычу, вскакивая ей на плечи и одною лапою задирая голову, пока не затрепчатъ позвонки: я видалъ въ Патагоніи скелеты гуанако съ шеями, вывихнутыми этимъ способомъ.

Наѣвшись до сыта, пума прикрываетъ трупъ нѣсколькими большими кустами (валежникомъ) и ложится сторожить его. Эта привычка служитъ причиною тому, что его часто открываютъ, такъ какъ кондоры, носясь въ воздухѣ, время отъ времени спускаются, чтобы поживиться трапезой, но, прогоняемые имъ, сразу взлетаютъ вверхъ. Чилийскій гуазо знаетъ тогда, что тутъ левъ сторожить свою добычу; дѣлается распоряженіе, и люди съ собаками отправляются на охо-

ту. Сэръ Ф. Гэдъ говоритъ, что одинъ гаухо въ пампасахъ, завидѣвъ нѣсколько кондоровъ, летающихъ въ воздухѣ, закричалъ: «Левъ!» мнѣ впрочемъ ни разу не удалось встрѣтить чело-вѣка, который умѣлъ бы такъ тонко распо-знавать примѣты. Извѣстно также, что если пума разъ попался на караулѣ у трупа, и под-вергся преслѣдованію, то оставляетъ эту при-вычку и, насытившись, удаляется прочь. Пуму легко убить. На открытомъ мѣстѣ его сначала опутываютъ шарами, потомъ накидываютъ ар-канъ и волочатъ по землѣ, пока не издохнетъ. Въ Тандилѣ (къ югу отъ Ла-Платы) мнѣ гово-рили, что въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ ихъ истребили такимъ образомъ цѣлую сотню. Въ Чили ихъ, обыкновенно, загоняютъ въ кусты или между деревьями и здѣсь или стрѣляютъ, или затравливаютъ до смерти собаками. Упот-ребляемая для этой охотѣ собаки принадлежатъ къ особенной породѣ, называемой леонероса-ми: это животныя слабыя, легкія, похожія на длинноногихъ таксъ, но одаренныя особеннымъ инстинктомъ для этой охоты. Говорятъ, что пума очень хитеръ: во время преслѣдованія онъ часто возвращается по прежнему слѣду и, дѣлая внезапный скачекъ въ сторону ждетъ, чтобы со-баки пробѣжали мимо. Это животное очень мол-чаливое, не испускающее крика даже тогда, ко-гда ранено, а только изрѣдка во время течки.

Изъ птицъ здѣсь, кажется, всего замѣчательнѣе два вида изъ рода *Pteroptochos* (*megarodius* и *albicollis* Китлица). Первая, которую чилийцы называютъ «el turco,» величиною съ сѣраго дрозда, съ которымъ она даже нѣсколько сходна; но ноги его длиннѣе, хвостъ короче, а клювъ крѣпче; цвѣтъ ея красновато-коричневый. Турко встрѣчается довольно часто. Онъ живетъ на землѣ, прячась въ лѣсныхъ заростяхъ, раскиданныхъ по сухимъ и бесплоднымъ холмамъ. Иногда можно видѣть, какъ она поспѣшно перебѣгаетъ изъ подъ одного куста къ другому, вертикально поднимая хвостъ и быстро сѣменя ходулеобразными ногами. Не нужно много воображенія, чтобы предположить, что птица совѣстится показаться, потому что очень смѣшна на видъ. При первомъ взглядѣ на нее такъ и хочется сказать; «скверно набитое чучело ускользнуло изъ какого нибудь музеума и ожило!» Безъ большаго труда ее и не заставишь взлетѣть, а на ходу она безпрестанно подпрыгиваетъ. Разнообразные громкіе крики, издаваемые ею среди скрывающихся ея кустовъ, такъ же странны, какъ и наружность. Говорятъ, что она строитъ себѣ гнѣздо въ глубокой пещерѣ подъ землею. Я анатомировалъ много штукъ: чрезвычайно мускулистый зобъ содержалъ жуковъ, растительныя волокна и кремни. Вслѣдствіе этихъ свойствъ ея, длинныхъ

голеней, шероховатыхъ ногъ, перепончатой оболочки у ноздрей, короткихъ и дугообразно согнутыхъ крыльевъ, птица эта, кажется, служитъ въ нѣкоторомъ отношеніи переходомъ отъ дроздовъ къ куринымъ.

Второй видъ (*P. albicollis*) сходенъ съ первымъ по общему своему виду. Зовутъ его та-расоло, т. е. «прикрой задъ», и надо сознаться, что такой совѣтъ вполне пригоденъ для пернатой безстыдницы, потому что она держитъ хвостъ болѣе чѣмъ прямо, т. е. пригибаетъ его назадъ къ головѣ. Она попадаетъ очень часто, водится по канавамъ вдоль изгородей и въ кустахъ, разбросанныхъ на бесплодныхъ хребтахъ, гдѣ едва ли просуществовала бы другая птица. Въ способѣ питанія, въ быстромъ перескакиваніи изъ куста въ кустъ, въ стремленіи къ уединенію, въ неохотѣ летать и въ устройствѣ гнѣзда, она имѣетъ близкое сходство съ турко, но ея наружность не такъ смѣшна. Тапаколо очень смысленъ: испуганный вѣтъ нибудь, онъ остается безъ движенія внутри куста и затѣмъ, спустя несколько времени, старается ловко перебраться на противоположную сторону. Эта птица также очень дѣятельна и безпрестанно шумитъ: крики ея разнообразны и крайне странны: одни походятъ на воркованіе голубей, другіе — на журчаніе воды, а иныхъ просто и не опишешь. Поселяне

говорять, что она мѣняетъ свой крикъ пять разъ въ году; — я полагаю, что это происходитъ сообразно съ какими нибудь переменами во временахъ года *).

Водятся здѣсь также два рода колибри: *Frochilus forficatus* попадаетъ на пространствѣ 2500 миль по западному берегу, отъ жаркихъ сухихъ окрестностей Лимы до лѣсовъ Огненной Земли, гдѣ его можно видѣть летающимъ даже во время снѣжныхъ вьюговъ. На лѣсистомъ островѣ Чилоэ, имѣющемъ чрезвычайно влажный климатъ, эта маленькая птичка, прыгающая изъ стороны въ сторону среди сырыхъ тѣвѣвъ, болѣе распространена, чѣмъ какой нибудь другой родъ. Я вскрывалъ желудки многихъ экземпляровъ, застрѣленныхъ въ различныхъ частяхъ континента, и во всѣхъ находилъ столько же остатковъ насѣкомыхъ, какъ въ желудкѣ пищухи. Когда этотъ видъ переселяется на югъ, то его замѣняетъ здѣсь другой, прилетающій съ сѣвера. Этотъ другой

*) Замѣчательно, что Молина описывая подробно всѣхъ птицъ и животныхъ Чили, ни разу не упоминаетъ объ этомъ родѣ, виды котораго такъ часты здѣсь и такъ замѣчательны своими нравами. Не былъ ли онъ въ недоумѣннн, куда отнести ихъ, и вслѣдствіе этого не полагалъ ли, что молчаніе самый лучший исходъ? Вотъ еще примѣръ частыхъ пропусковъ со стороны писателей, даже въ тѣхъ предметахъ, гдѣ всего менѣе можно ожидать этого.

видъ (*trochilus gigas*) довольно большая птица для такого нѣжнаго семейства, какъ то къ которому она принадлежитъ; когда она летаетъ, то видъ ея страненъ. Подобно другимъ птицамъ того же рода, она перемѣщается съ быстротою, напоминающею сирфуса (*Syrphus*) между мухами и сфинкса (*sphinx*) между ночными бабочками; но порхая надъ цвѣткомъ, она хлопаетъ крыльями медленно и сильно, совершенно отлично отъ того трепетнаго движенія, которое свойственно большей части видовъ, издающихъ жужжаніе. Я никогда не видалъ другой птицы, у которой сила крыльевъ казалась бы (какъ у бабочки) такъ значительна, въ сравненіи съ вѣсомъ тѣла. Держась у цвѣтка, она безпрестанно то распускаетъ хвостъ, то сжимаетъ его какъ вѣеръ, и въ это время тѣло ея стоитъ въ воздухѣ почти вертикально. Это, повидимому, служитъ поддержкой и подпорой птицѣ въ промежутокъ между медленными движеніями ея крыльевъ. Хотя она перелетаетъ за пищею съ цвѣтка на цвѣтокъ, но желудокъ ея обыкновенно содержитъ множество остатковъ насѣкомыхъ, которыя, какъ я подозреваю, ей болѣе по вкусу, нежели медъ. Крикъ этого вида, какъ и вообще всего семейства, чрезвычайно пронзительный.

ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано.			Должно быть.
Стр. 12 строк. 9 сверху			Aplitia	Aplysia
» 84 » 10 »			pupleria	pulperia
» 116 » 12 »			Cathartis	Cathartes
» 228 » 7 »			negricollis.	negricollis
